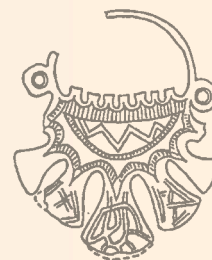
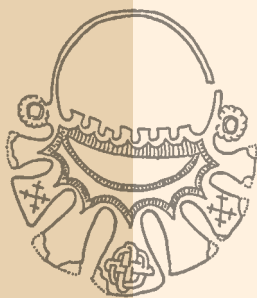
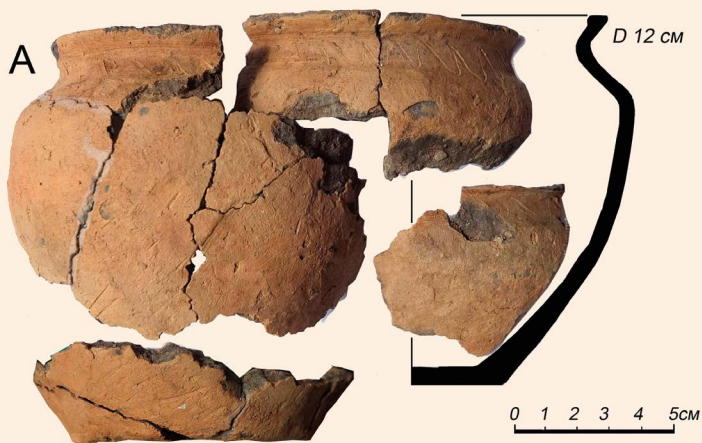
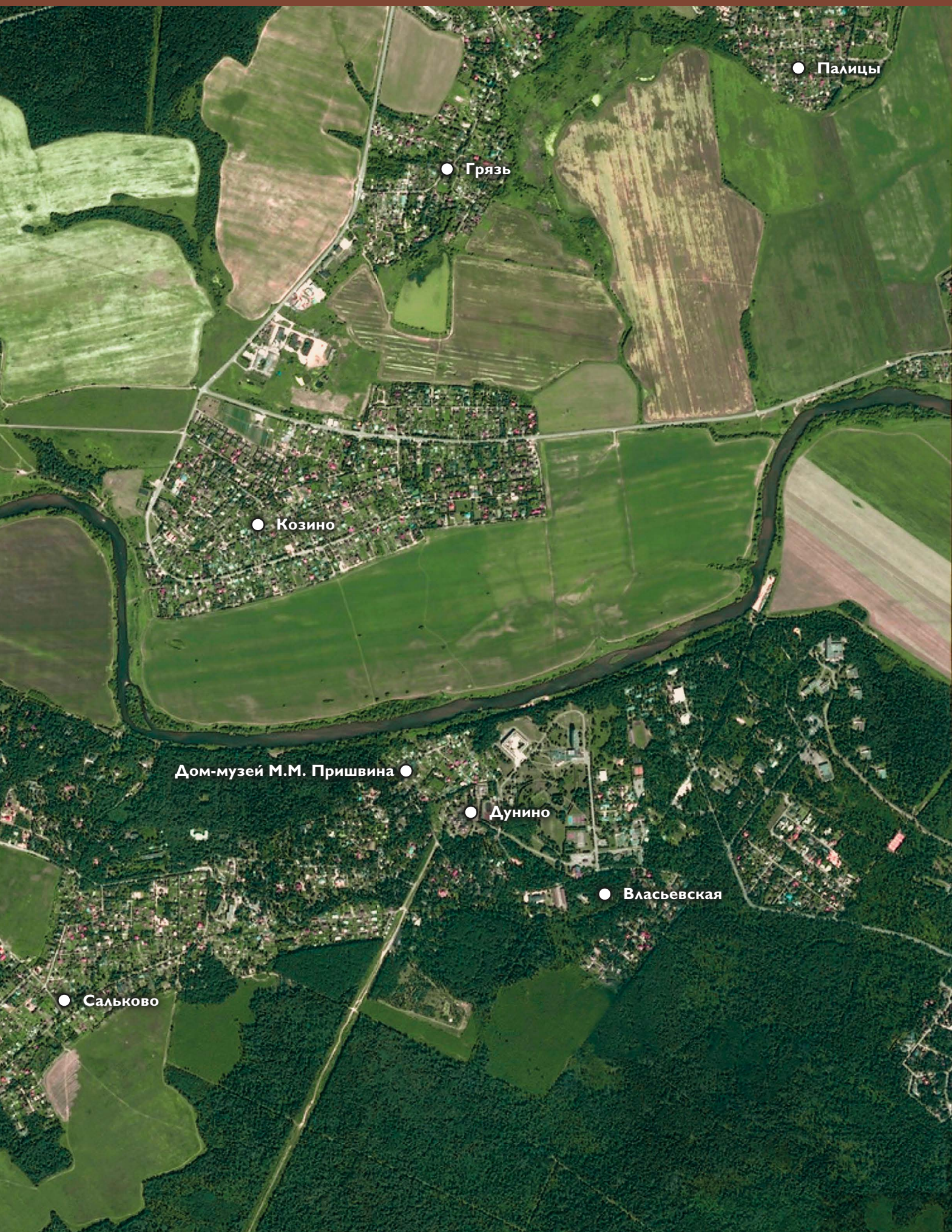

С.З. Чернов

Власьевская звенигородская деревня XIII–XVI веков

Современный вид окрестностей средневековой деревни Власьевской (Россия)
на космоснике от июля 2021 г.

Институт археологии РАН

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
Московское областное отделение

Звенигородский вектор

С.З. Чернов

Власьевская
звенигородская деревня
XIII–XVI веков

Москва

Звенигород

2022

УДК 902/904

ББК 63.4

Ч-49

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Рецензенты: д.и.н. Н. А. Кренке, к.и.н. В. А. Буров, Институт археологии РАН

Ч-49 Чернов Сергей Заремович

Власьевская, звенигородская деревня XIII–XVI веков / авт.-сост. С. З. Чернов; отв. ред. Л. А. Беляев – М. – Звенигород : Всероссийская общественная организация «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (Московское областное отделение), 2022. – 176 с., ил., сх., таб.

ISBN 978-5-6048428-0-5

Книга посвящена исследованию небольшого средневекового селения Власьевское, следы которого сохранились к югу от музея М.М. Пришвина в д. Дунино и известны в археологической литературе как селище Дунино-6. Селище принадлежит к типу ранних русских деревень, которые во второй половине XIII в. стали строить вдали от рек на водоразделах. В XIV в. деревня относилась к княжескому селу Козино, а в XV в. перешла к Саввино-Сторожевскому монастырю. Раскопками изучены следы крестьянского двора, построенного в период княжения Юрия Дмитриевича Звенигородского (1389–1434). Раскопки могильника свидетельствуют о воцерковлении сельского населения и особенностях менталитета той поры. Антропологическое исследование показало, что предки некоторых погребенных имели финские корни и принадлежали к дославянскому населению края.

Для историков, археологов, этнологов, широкого круга читателей.

УДК 902/904

ББК 63.4

Издание осуществлено при поддержке Министерства культуры Московской области

В работе над изданием участвовала Рабочая группа ТРК «Звенигородский вектор»

Перепечатка книги или ее фрагментов в любой форме и любыми способами, электронными и механическими, включая фотокопирование, сканирование, запись на электронные носители и иными обрабатывающими информацию системами и средствами только с письменного разрешения составителя сборника.

ISBN 978-5-6048428-0-5

© Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Московское областное отделение, 2022

© Федеральное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук

© С. З. Чернов, составление, текст, иллюстрации, 2022

© М.Л. Уранова – макет, художественное оформление, верстка, 2022

Введение. Звенигородское Монтайю

Настоящее издание посвящено археологическому памятнику, который располагается вблизи подмосковного Звенигорода, в окрестностях деревни Дунино и Дома-музея Михаила Пришвина. Это следы небольшого средневекового селения Власьевское, возникшего в XIII веке и оставленного жителями в XVI веке. В 2011–2012 годах селище и могильник, которые сохранились на месте этого селения, были углубленно исследованы археологически. Введение в научный оборот данных раскопок представляется важным для продвижения вперед наших знаний о раннемосковском обществе и его культуре. Кроме того, эти данные, быть может, помогут выработке таких подходов к сохранению памятников истории и культуры Звенигородского края, которые бы отвечали современным научным требованиям.

Но перед вами, уважаемый читатель, не только отчет об археологических исследованиях. Найденные предметы, следы средневековой крестьянской усадьбы, а также погребения ее жителей рассказывают об особенностях средневековой жизни и о представлениях людей того времени. Открывая материальный и духовный мир людей, живших в эпоху расцвета Звенигородского удельного княжества, читатель найдет пищу для размышления и о прошлом и о настоящем.

Это исследование в чем-то сродни трудам европейских медиевистов по микроистории. На память приходит знаменитая книга представителя третьего поколения французской школы «Анналов» Эммануэля ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)», опубликованная в 1975 году и переведенная на русский язык в 2001 году¹. Монтайю, затерянное в северных отрогах Пиреней, и Власьевское, возникшее близ берегов Москвы-реки, в чем-то похожи. В обоих случаях предметом исследования являются небольшие сообщества людей, приверженных определенным культурным традициям, с помощью которых они находят силы обустроиться на этой земле. В обоих случаях это попытка целостного взгляда на живую социальную реальность прошлого посредством получения новых сведений о материальной жизни и менталитете населения. Но есть

и отличия. В случае Монтайю поразительное по глубине описание средневековой жизни построено почти исключительно на письменных свидетельствах – следственном деле инквизиции. В случае Власьевского – описание строится по большей части на археологических данных.

Итак, в путь, пока мы еще склонны сосредоточить свою мысль на «делах давно минувших дней» и понимании прошлого России.

Исследования, результаты которых опубликованы в этой книге, были начаты еще в середине 1990-х годов, когда Дунинский и Поречьевский археологические комплексы, расположенные вблизи Дома-музея Михаила Пришвина в Дунино, оказались в зоне осуществления губительных проектов коттеджного строительства (рис. 3). В 1997 году в ходе археологических и историко-ландшафтных изысканий для проектирования зон охраны этих памятников к югу от д. Дунино было обнаружено Шестое Дунинское селище (Дунино-6) (рис. 2).

В 2000-е годы, несмотря на закрепление проекта зон охраны усадьбы Поречье в генеральном плане Звенигорода, Поречьевский археологический комплекс древнерусского времени был застроен (рис. 4). Та же участь могла постигнуть и Дунинское городище с прилегающими к нему поселениями железного века, которые сохранились в уникальной ландшафтной котловине московского нагорья. Однако сотрудники Дунинского музея и местные жители создали Фонд спасения памятника федерального значения «Дунинского археологического комплекса VII в. до н.э. – V в. н.э.» и отстояли Дунинский археологический комплекс (рис. 3).

В 2011 году угроза застройки нависла и над селищем Дунино-6. Однако Фонд спасения добился решения Хлюпинского лесничества о передаче участка леса у кладбища д. Дунино Русской православной церкви в аренду на 49 лет для строительства деревянного храма во имя Св. Ксении Блаженной и дома причта.

Именно тогда Московской областной средневековой экспедиции Сектора археологии Москвы Института археологии РАН был заказан цикл исследований по постановке памятника археологии на охрану. В ходе этих работ не только были точно установлены границы селища, но и обнаружен синхронный ему грунтовый могильник Дунино.

До сей поры археологи находили могильники XIV–XVI веков лишь рядом с храмами

¹ Le Roy Ladurie, Emmanuel. Montailhou, village occitan de 1294 à 1324. Paris: Les Editions Gallimard, 1982; *Ле Руа Ладюри, Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)* / Перевод с французского В.А.Бабинцева и Я. Ю. Старцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. — 544 с.

Рис. 1. Западная часть Волго-Окского междуречья в IX–XI в. Схема расположения памятников археологии. I – открытые поселения с лепной и раннекруговой керамикой; II – центры торгово-ремесленной деятельности с дружинными древностями; III – курганные могильники с ингумациями XI в.; IV – курганные могильники с кремациями; V – клады куфических монет IX–X в. и западноевропейских монет X–XI вв.; VI – местонахождения; VII – волок на водно-волоковых путях. Желтым цветом выделен исследуемый район к востоку от Звенигорода.

Памятники Конаковского (1–4) и Кимрского (5–6) районов Тверской области: 1 – курганный могильник Глиники (погребение с дирхедами 823, 908–997 гг. в курганах 8, 15, 17, 31 и денариями 1038–1057 гг. в курганах 10, 22); 2 – курганный могильник Заборье (погребение с денарием 1027–1054 гг. в кургане 22); 3 – курганный могильник Загорье (погребение с дирхедами 914–943 гг. в кургане 24 и денариями 1027–1086 гг. в курганах 15, 18); 4 – курганный могильник Устье (погребение с дирхедами 914–943 гг. в кургане 3 и денариями 1027–1068 гг. в курганах 7 и 13); 5 – курганный могильник Пекуново-2 (погребения с дирхедами 914–985 гг. из курганов 12, 40, 51, подражаниями дирхедам из кургана 32 и денариями пер. пол. X в., 983–1076 гг. из курганов 5, 6, 11, 18, 19, 21, 26, 43, 63, 66 и курганов 1, 4, 8, 15 нумерации 1972 г.); 5а – Пекуновское селище (40% лепной керамики, золотостеклянные бусы); 6 – курганный могильник Плешково (погребения с дирхедами 917–997 гг. из курганов I–2, I–26, I–29 и денариями 947–1090 гг. из курганов I–7, II–2, II–3, I–2, I–10, I–12, I–16, I–17, I–20).

Памятники Переславского района Ярославской области: 7 – Александрова гора, городище (2-й слой X–XI вв. – монеты 858, 960 гг.); 7б – селище 1 у с. Городище (посад города Клещина). Поселение X–XI вв. площадью 13 га (50% лепной керамики, кресты с эмалью, пломбы, фрагмент подвески со знаком князя Владимира Святославича или Ярослава Мудрого) (Н.А. Макаров. Исследования 2014–2015 гг.); 8 – курганный могильник Городище-5 (237 курганов, в том числе XI в.); 9 – селище Слуда-1 и 5; 10 – могильник Городище-7 (627 курганов: 123 кремации и 504 ингумации, в том числе XI в.); 11 – курганный могильник Городище-1 (202 кургана, в том числе с денариями 936–961, 978–1016 и 1057–1058 гг.); 12 – Криушино, поселения 1, 2, селища 1, 2; 13 – Криушино, курганный могильник 5 (100 курганов, в том числе погребения с денариями); 14 – Борисоглебская слобода, селище, 15 – Вельково, селище 1 (Ботик); 16 – Вельково, курганный могильник 1 (412 курганов: 243 кремации, 168 ингумаций, в том числе XI в.); 17 – Вельково, селище 2; 18 – Вельково, курганный могильник 2; 19 – Соломидино, поселение 1; 20 – Брембола, курганный могильник Княжьи Могилы (ингумации с денариями 915–970-х гг. и монетой Константина Багрянородного 912–939 гг., кремация с подвеской из монеты Оттона I); 21 – Брембола, курганный могильник Круглицы (97 курганов: 53 кремации, 44 ингумации, в том числе погребение с дирхедами 905 – 915 гг.).

Памятники запада Московской области: 22 – курганный могильник Елизарово (Шаховской район) (погребение с денариями 1020–1086 гг. в кургане 26); 23 – селище Лама-1 («Старый Волок» – первоначальный Волоколамск); 24 – местонахождение украшений XI в. на посаде г. Можайска; 25, 26 – селище и курганный могильник Шейки (Истринский район) (погребения с денариями 1024–1086 гг. в курганах 36, 72, 76).

Памятники Одинцовского района Московской области: 27 – селище Хотяжи-1 (левобережное) дирхеми 906–907 и 939–940 гг. из раскопа 2009 г. Н.А. Кренке; 28 – селище Хотяжи-2 (правобережное) (денарий 1059–1071 гг., подражание дирхему 914–943 гг.); 29 – курганный могильник Хотяжи (Мышкино) (кремации и ингумации); 30 – селище Саввинская слобода-2 (жилище 3 кон. IX–X вв. (радиоуглеродная дата ок. 775–963 гг.) с салтовским перстнем, бочонковидной весовой гирькой, привеской из клыка медведя; 31 – селище Поречье-2; 32 – селище Жуковское.

Памятники г. Москвы: 33 – находки дирхемов 753–775, 790, 806–808 гг. на городище Кунцевское; 34 – находки дирхемов 862 и 866 гг. на месте храма Христа Спасителя; 35 – находка обломка дирхеда у Симонова монастыря; 36 – селище Даниловское-1 (в Свято-Даниловом монастыре); 37 – селище Даниловское-2 (в Даниловской слободе).

Памятники Московской области: 38 – большой Беседский курган; 39 – селище Беседы (Ленинский район); 40 – селище на территории Николо-Угрешского монастыря (г. Дзержинский); 41 – селище Акатово-2 (Балашихинский район); 42 – Коренево (Раменский район), клад дирхемов IX–X вв. 43 – селище Заозерье-2 (Раменский район), находка брактеата дирхеда.

Памятники Подольского района Московской области: 44 – селище Добрятино-1; 45 – селище Жданово-1; 46 – селище Стрелково-1; 47 – курганный могильник Стрелково (из 13 курганов один с кремацией); 48 – селище Стрелково-2; 49 – селище Покров-5; 50 – курганный могильник Покров; 51 – поселение на городище Щербинском; 52 – селище Макарово-1; 53 – селище Новое Сьяново-3.

Памятники Московской области: 54 – курганный могильник Давыдово на р. Отре (Раменский район) (денарий 1068–1090 гг. в насыпи 7-метрового кургана); 55 – селище Северское (Коломенский район); 56 – селище Болшево-3 (г. Королев); 56а – дирхем 862/863 г., найденный на поле д. Бурково в 2014 г.

Памятник Александровского района Владимирской области: 57 – городище «Золотая чаша» у д. Ям близ ледяной Ждан-горы.

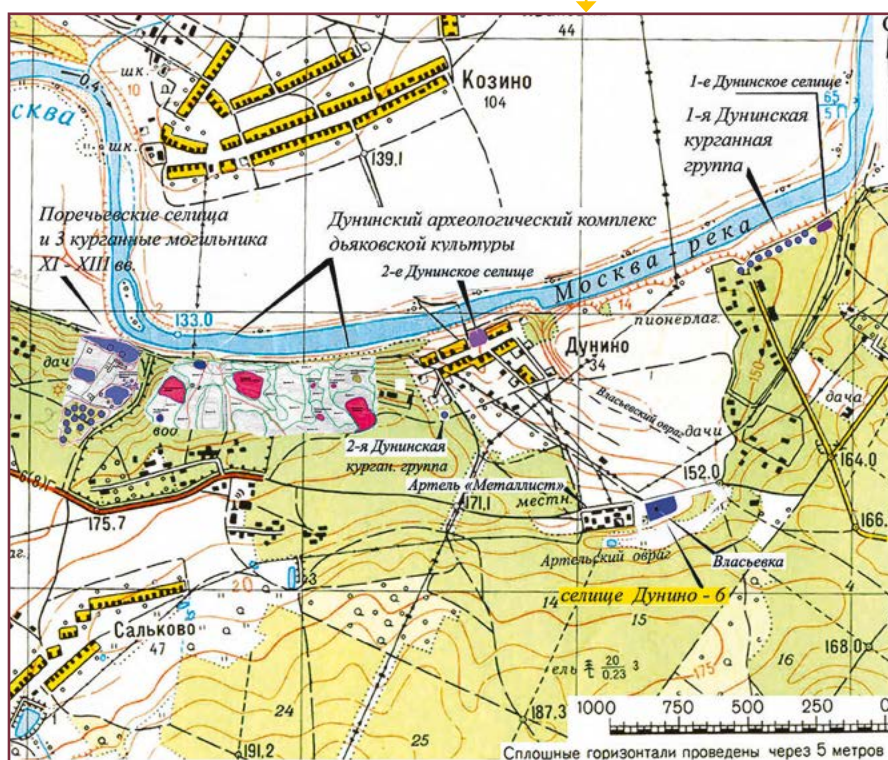
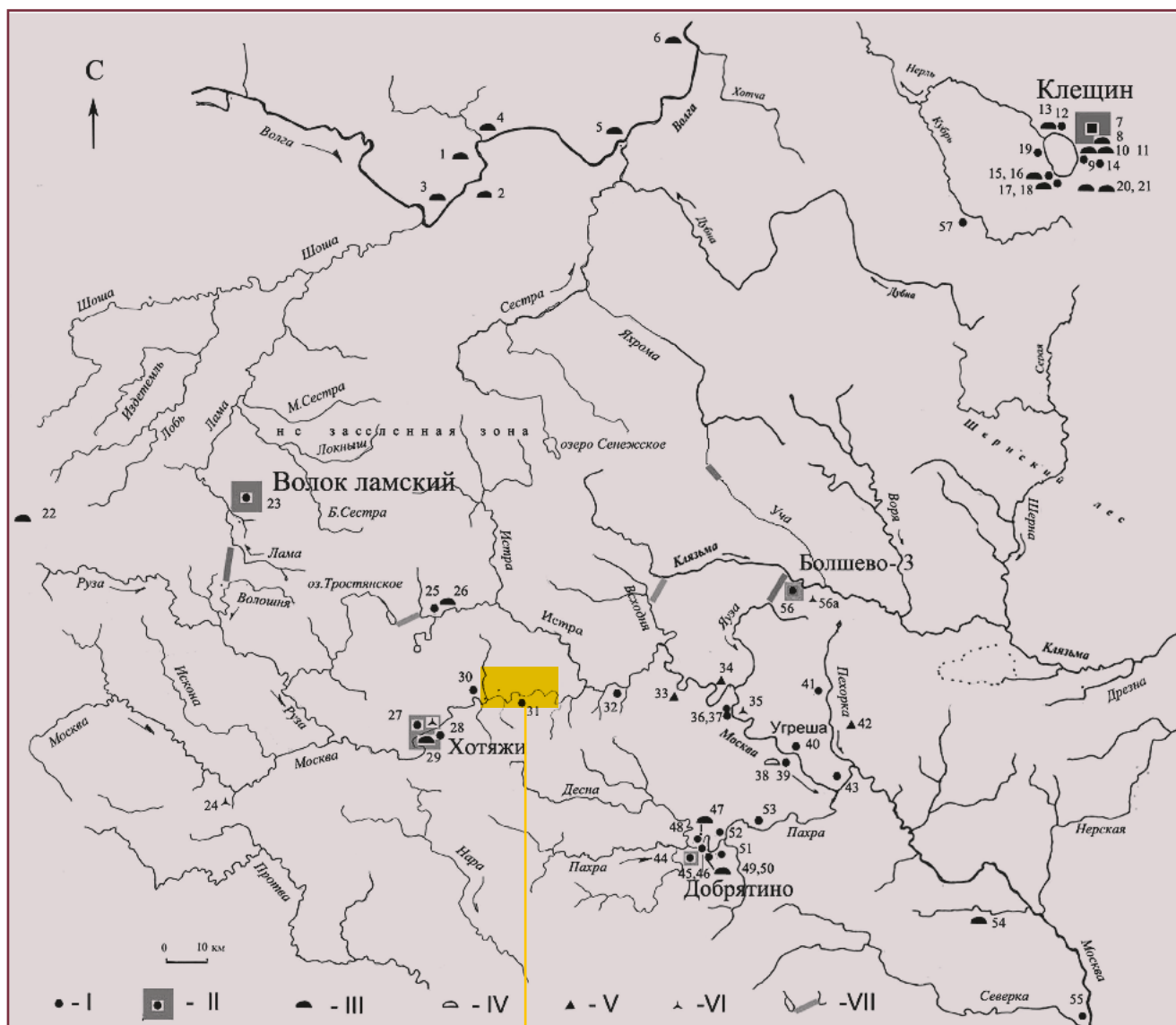

Рис. 2. Схема расположения памятников археологии в районе д. Дунино: Дунинского археологического комплекса раннего железного века, Поречьевского археологического комплекса X-XIII вв., селища и курганного могильника Дунино-1 и Дунино-2, селища Дунино-6 (Власьевское)

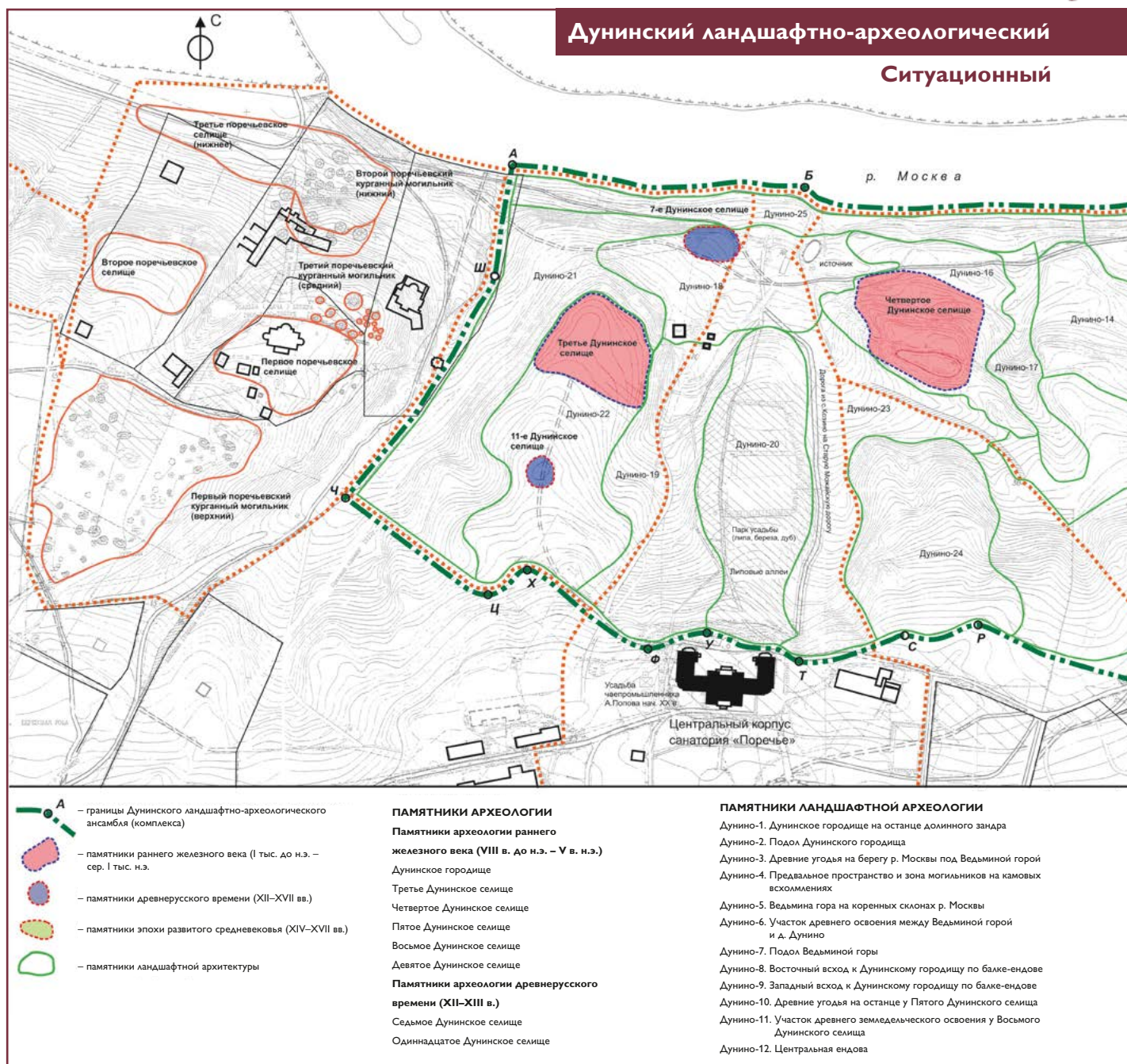

Рис. 3. Дунинский ландшафтно-археологический ансамбль (комплекс).

– сохранившимися или давно утраченными². Чаще всего они опознавались по древним белокаменным и валунным надгробиям на старинных кладбищах. Нередко надгробия и могильные холмики открывались под дерном на полянах, оставшихся на месте исчезнувших сел, или просто в лесу. Но так или иначе, сведения о соответствующем храме можно было отыскать в актах или писцовых книгах. Эта закономерность подтверждается на примере могильников Звенигородской округи XIV–XVI

веков, выявленных и изученных в монографии А.В. Алексеева³.

Деревня Власьевская никогда не имела статус села, и сведений о храме на этом месте в источниках не отыскано. Поэтому подобный ранее не известный археологам тип памятника привлек наше внимание и на его территории были развернуты раскопки.

Завершающим этапом исследований стали раскопки 2012 года на селище Дунино-6 в зоне намеченного строительства деревянного храма во имя Св. Ксении Блаженной. Эти работы привели к открытию средневековой усадьбы.

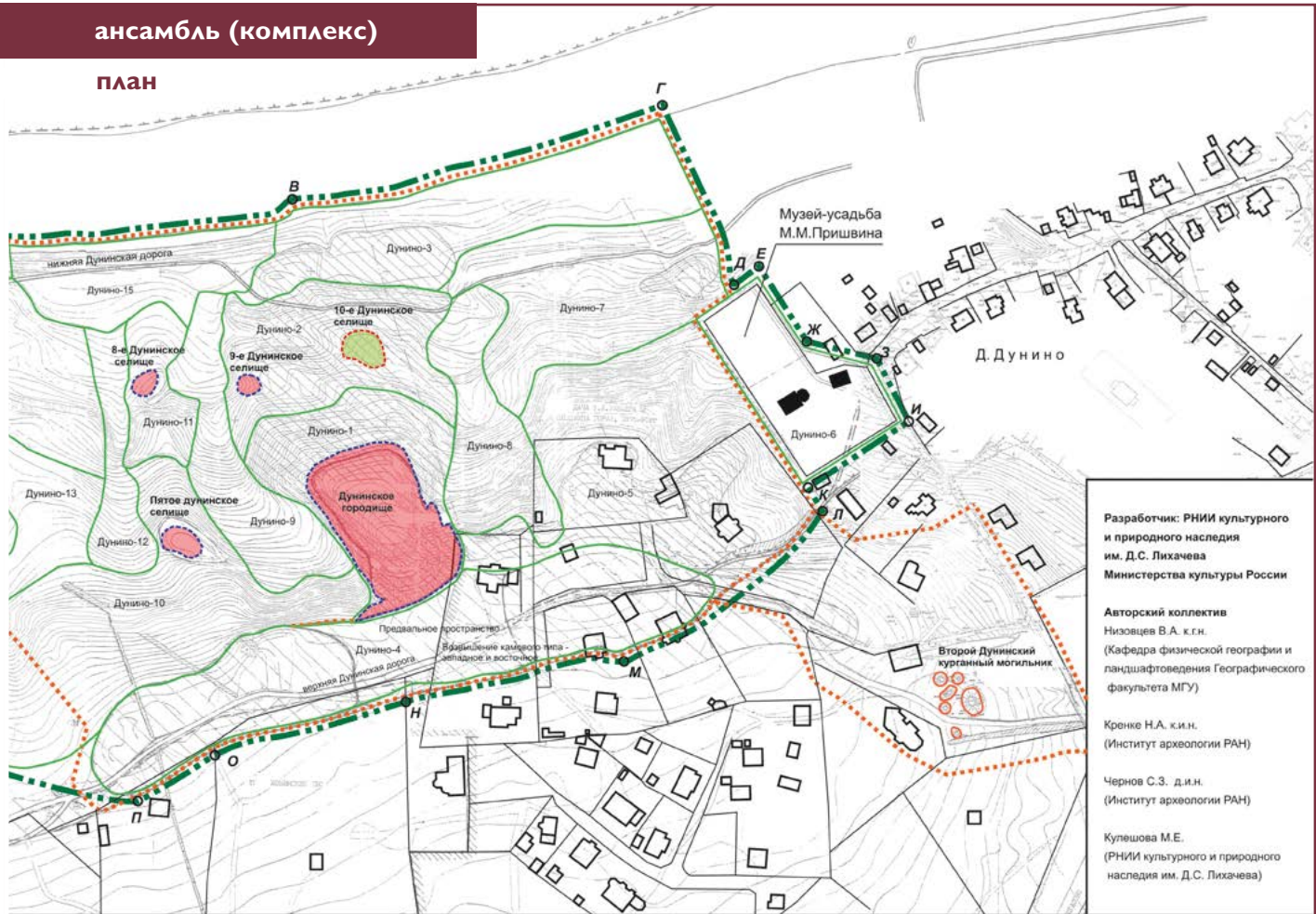
² Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на Северо-Востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 73–97.

³ Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород, 2017.

ансамбль (комплекс)

план

- Дунино-13. Участок древнего освоения
Дунино-14. Центральный участок древнего сельскохозяйственного освоения на оползневых террасах
Дунино-15. Древний луг-выпас на террасе и бечевнике
Дунино-16. Четвертое Дунино селище на заидере и оползневых
Дунино-17. Восточный всход на Четвертое Дунино селище по балке-ендове
Дунино-18. Древнее угодье на берегу р. Москвы между Третьим и Четвертым Дунино селищами
Дунино-19. Всход к Третьему Дунино селищу по балке
Дунино-20. Участок древнего освоения на мысовой террасе
Дунино-21. Западные рубежи Третьего Дунино селища
Дунино-22. Участок древнего освоения у Третьего Дунино селища
Дунино-23. Южный рубеж Четвертого Дунино селища
Дунино-24. Участки древнего освоения к югу от Четвертого Дунино селища
Дунино-25. Участок древнейшего освоения берега р. Москвы

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЛАНИРОВКИ

Дорога из с. Козино на Старую Можайскую дорогу
Верхняя Дунино дорога
Нижняя Дунино дорога

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ВНЕ ГРАНИЦ КОМПЛЕКСА

Второй Дунино курганный могильник

0 20 100 м

Историко-культурный опорный план (РНИИ культурного и природного наследия. 2006 г.)

Сегодня селище и могильник на месте деревни Власьевская сохраняются в его ландшафтной среде как одно из памятных мест в окрестностях Дома-музея М.М. Пришвина. В будущем оно может стать элементом в системе Звенигородского музея-заповедника. Можно надеяться, что настоящее издание будет этому способствовать.

Подготавливая к публикации результаты описанных выше исследований, я и мои коллеги преследовали определенные цели. О них также необходимо сказать.

Изучение Звенигородского края во всем богатстве археологических памятников и исторических ландшафтов, расположенных на его территории, открывает широкие возможности для понимания раннемосковской культуры. На то существует

целый ряд причин. Прежде всего необходимо напомнить, что ландшафты Москворечья явились местом рождения древнего Московского княжества. Это особенно ощущается в районе Звенигорода – ведь памятники археологии и исторические ландшафты сохранились здесь несравненно лучше, чем на территории Москвы, где они были исследованы ранее коллективом авторов Сектора археологии Москвы Института археологии РАН⁴.

Освоение человеком Москворечья в каменном, бронзовом, железном веках и средневековье недавно стало предметом книги Н.А. Кренке. В этой работе применен диахронный подход, что

4 Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1–3. М.: Наука, 2004, 2005.

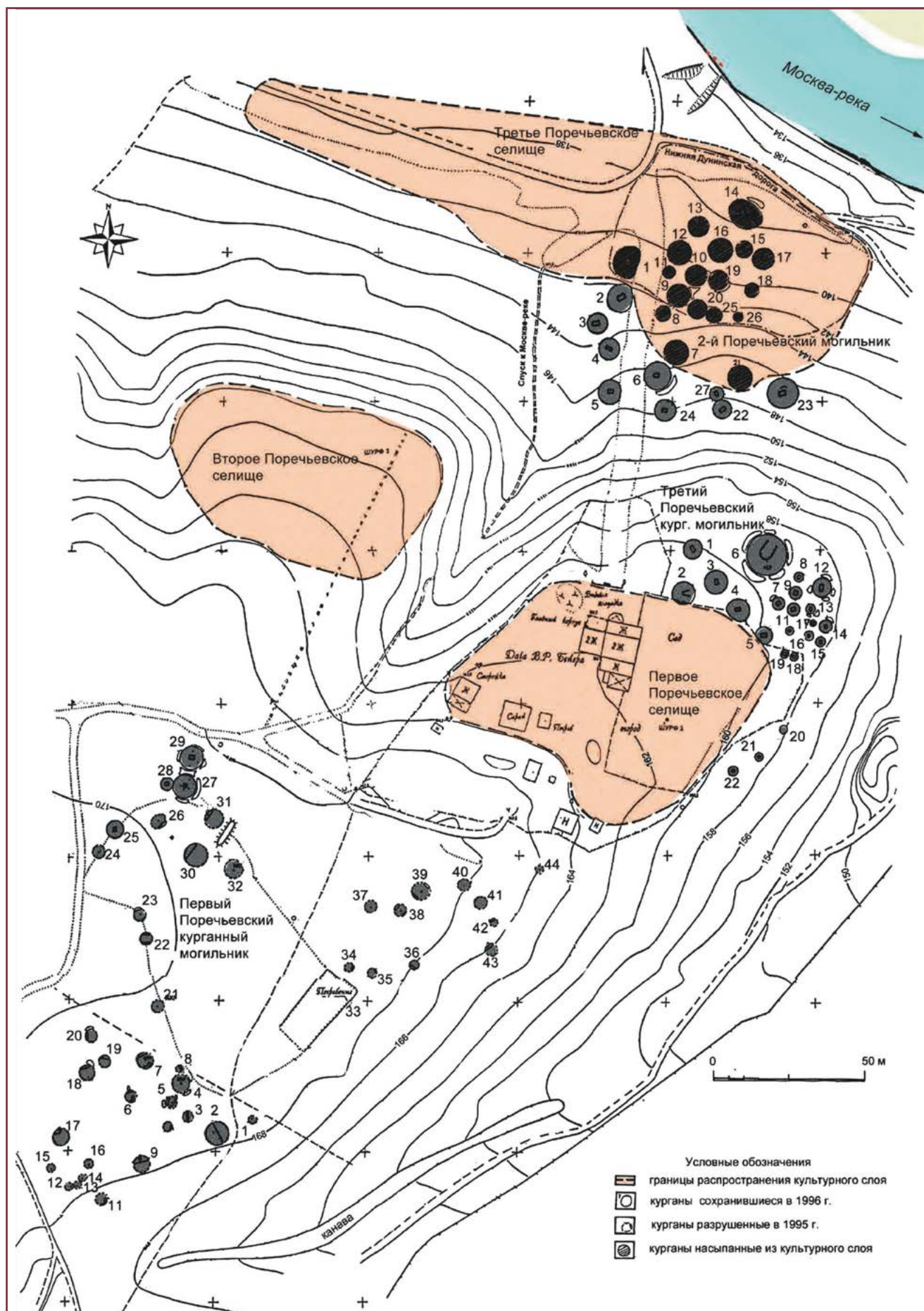

Рис. 4. Поречьевский археологический комплекс X – первой трети XIII в. по данным исследований 1997 г. (С.З. Чернов)

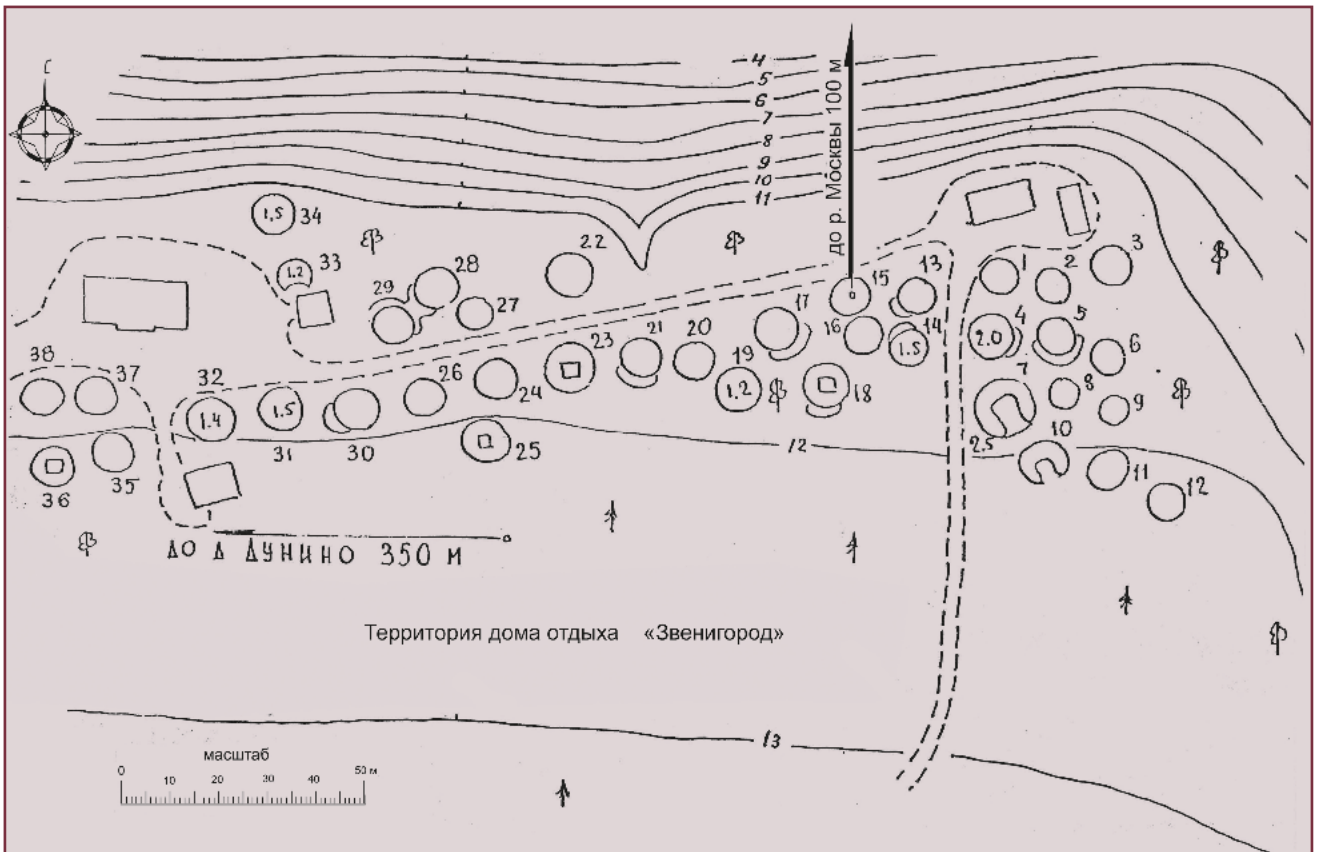

Рис. 5. Первая Дунинская курганная группа. План 1978 г. (Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7358)

позволяет описать сменявшие друг друга стратегии освоения ландшафтов⁵. Как свидетельствуют найденные археологами ранние поселения с лепной керамикой и арабскими дирхемами, славяне начали осваивать среднее течение Москвы-реки в X веке или несколько ранее. Вятичи продвинулись сюда с юга, от Угры и других притоков Оки⁶. Кривичи, заселившие в этот период верхнее течение Волги, распространились до верховьев Рузы, Истры и долины Клязьмы⁷ (рис. 1). Одно из ранних славянских поселений на Москве-реке возникло в километре к западу от д. Дунино, в том месте, где река выходит к высокому коренному берегу. В археологической литературе оно известно как Третье Поречьевское селище. Селище расположено

на низкой первой террасе у подножья холма (на «наволоке»). Подобное расположение типично для поселений X–XI веков, которые были связаны с водными путями (рис. 4).

XII столетие и первая треть XIII века стали временем расцвета древнерусских поселений, в том числе на звенигородском участке долины р. Москвы⁸. В Поречье на возвышенностях возникло два новых поселения, а общее число курганов, сохранившихся близ них, достигло к середине XIII века ста двадцати двух (рис. 4). Второе крупное поселение славян-вятичей (селище Дунино-1) возникло в 0,8 км к востоку от д. Дунино. Соответствующий курганный могильник Первый Дунинский (известен также как «Иславские курганы») насчитывал более 50 насыпей, из которых до наших дней сохранилось 30 (рис. 5, 6). В 150 м от Дома-музея Пришвина сохранилась еще одна небольшая курганная группа в 6 насыпей, которой соответствовало поселение, существовавшее на месте д. Дунино (рис. 7). Около середины XIII века эти поселения запустели.

Новый подъем Звенигородского края наступил в XIV веке, когда здесь сложилась сеть

5 Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019.

6 Заидов О.Н., Кренке Н.А., Лазукин А.В. Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москве-реке (к проблеме славянской колонизации Подмоскovie) // Российская археология. 2018. № 4. С 130–148.

7 Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 и особенности древнерусской колонизации севера Московского края в XI веке // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М.: «Памятники исторической мысли», 2009. С. 546–572.

8 Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. С. 83–111.

Рис. 6. Первая Дунинская курганная группа конца XI – первой трети XIII в. по данным обследования 1997 г. А – вид с севера, от берега р. Москвы. Курганная группа расположена слева от центрального корпуса пансионата Министерства финансов РФ, который просматривается в центре кадра. 12.04.1997 г.; Б – вид на курганы – вид на восток от входа в главный корпус пансионата. 12.04.1997 г. В – Семилопастные височные кольца с орнаментом из раскопок Л.А. Евтюховой 1924 г. в Первой Дунинской курганной группе (1, 2) и из раскопок А. Черткова в Верхогрязьевском курганном могильнике (3) (Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // Российская археология. 1992. № 4. С. 70, 74)

Рис. 7. Вторая Дунинская курганная группа. План 1997 г.

(С.З. Чернов. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры Усадьбы Поречье. М., 1997. Рис. 86)

волостных центров, сел и деревень и образовался самостоятельный удел, традиционно передаваемый второму по старшинству князю Московского дома. В годы правления второго сына Дмитрия Донского, Юрия Дмитриевича Звенигородского (1389–1434), Звенигород превращается в крупный город, здесь был возведен Успенский собор – один из наиболее совершенных памятников раннемосковской архитектуры. В урочище Сторожка ученик Сергия Радонежского Савва Сторожевский по просьбе князя основал Саввино-Сторожевский монастырь.

Таким образом, Власьевское – не только замкнутый мир одного поселения, но часть Звенигородского края в эпоху Юрия Звенигородского с его хозяйственными, социальными структурами и связями.

И это не единственный историко-культурный контекст, в котором следует рассматривать интересующее нас селение. Власьевское – яркий пример первых русских деревень. Это селище, сохранившееся в живописном сосновом лесу на вершине холма-гивы, принадлежит к типу ранних деревень, которые во второй половине XIII века стали строить вдали от рек на водоразделах⁹. Судя по находке семилопастного височного кольца, насельники деревни в этнокультурном плане наследовали традиции вятичей Москворечья. В XIV веке деревня относилось к княжескому селу

⁹ Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С.112–133.

Козинскому, в XV веке перешла к Саввино-Сто-рожевскому монастырю, а в 1470–1472 годах вер-нулась в состав княжеского домена. Раскопками изучены следы крестьянского двора, построен-ного в период княжения Юрия Дмитриевича Звенигородского (1389–1434) и существовавшего в годы династической войны вплоть до середины XV века. Наряду с земледелием жители двора за-нимались пошивом из меха и торговлей (найлены монеты начала XV века и монетные весы), чему способствовала пролежавшая здесь дорога из Мос-квы в Можайск, Смоленск и Великое княжество Литовское.

Помимо «селения живых» во Власьевском было изучено «селение мертвых». Раскопки этого могильника дали интереснейшие свидетельства

по теме раннемосковского некрополя, которая активно разрабатывается историками, археоло-гами, искусствоведами¹⁰. В связи с этим в предла-гаемом вниманию читателя издании исследуется удивительная традиция – оставлять незастроен-ным пространство к востоку от кладбища. Об этой традиции не сохранилось письменных свиде-тельств, однако археологические данные позволя-ют говорить о ней все более уверенно.

10 Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белока-менные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.:МОДУС-ГРАФФИТИ, 1996. – 567 с. Авдеев А.Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV – вторая треть XVIII). Вопросы генезиса, бытования и источников-ведения. М., 2015.

Благодарности

Исследования селища Дунино-6 стали воз-можны благодаря слаженной работе большой группы специалистов и помощи Дома-музея Ми-хаила Пришвина в Дунино. В 2011 году шурфовка селища была проведена Николаем Николаевичем Потаповым, а топографический план памятника снят Владимиром Владимировичем Петровым. 15.06.2011 г. руководитель одинцовского поиско-вого отряда «Китеж» Андрей Кузнецов, обследуя расположенные в центре возвышенности тран-шеи 1941 года, зафиксировал необычные могилы. Место находки было осмотрено организатора-ми поисковых работ – сотрудницей Дома-музея М.М. Пришвина в Дунино схимомонахиней Вар-варой (Вилисовой), настоятелем храма Успения на Городке в Звенигороде архимандритом Ие-ронимом и заместителем директора по научной работе Звенигородского историко-архитектурно-го и художественного музея Дмитрием Алексан-дровичем Седовым. Тогда же научный сотрудник Института археологии РАН Алексей Викторович Алексеев интерпретировал могилы как средневе-ковый некрополь.

Последовавшие затем раскопки могильника были сопряжены с долгой и кропотливой рабо-той, которая заслуживает особой благодарности. Николай Николаевич Потапов вел фиксацию, а Максим Анатольевич Малышкин расчищал по-гребения. Участие в раскопках принял также Вла-димир Сергеевич Курмановский.

Развернувшиеся в 2012 году раскопки на месте строительства храма Ксении Блаженной прохо-дили в два этапа. В начале в ходе разборки верх-него слоя научный сотрудник Отдела нумизмати-ки ГИМ Иван Владимирович Волков организовал тщательный просмотр слоя с помощью металло-детекторов, что позволило обнаружить редкие

монеты удельного времени¹¹. На втором этапе я вел фиксацию заполнения сооружений при уча-стии сотрудников ИА РАН Екатерины Юрьевны Лебедевой и Ольги Николаевны Глазуновой. За-чистки и проверку отложений металлодетектора-ми вели мои сыновья Сергей и Алексей Черновы.

Аналитический блок включал, помимо напи-сания археологического отчета, ряд специаль-ных исследований. Ключевым стало антрополо-гическое описание погребений могильника. Его провела кандидат биологических наук, научный сотрудник Музея антропологии МГУ Наталья Николаевна Гончарова, которой я необыкновен-но признателен. Радиоуглеродный анализ был проведен в лаборатории киевского Института ги-гиены и медицинской экологии имени А. Н. Мар-зеева АМН Украины и затем проанализирован доктором географических наук, ведущим науч-ным сотрудником Отдела географии и эволюции почв Института географии РАН Александром Леонтьевичем Александровским. Микроэлемент-ный анализ костной ткани выполнила Елена Ива-новна Александровская, анализ нумизматическо-го материала – Иван Владимирович Волков.

В заключение следует сказать, что древнее Власьевское было сохранено как памятник архе-ологии в его природной среде благодаря усили-ям сотрудницы Дома-музея Михаила Пришвина в Дунино схимомонахини Варвары (Вилисовой) и Татьяны Олеговны Экономовой. Им и Евгению Валерьевичу Соседову, который осуществлял юридическое сопровождение этой работы, я при-ношу искреннюю благодарность.

11 В работах участвовали Т.С. Дьячков, Д.В. Овчинников, М.С. Захаров, С.Д. Мельников, А.И. Орлов.

Глава I

Деревня Власьевская и село Козино в структуре земельных владений городских станов Звенигорода История изучения памятников археологии

Предваряя изложение результатов археологических исследований Власьевского, следует обратиться к свидетельствам письменных источников, которые дают представление о месте этого поселения в структуре Звенигородского удельного княжества (рис. 1). Подобное обращение стало возможным благодаря тому, что в 1996–1997 г. в ходе разработки проекта зон охраны усадьбы «Поречье» были собраны картографические материалы XVII–XX вв., проведены опросы старожильского населения и составлен каталог микротопонимов¹. Эти материалы дают возможность локализовать несохранившиеся до наших дней поселения Козинской вотчины Саввино-Сторожевского монастыря, в которую входила д. Власьевская. ***

Звенигородский удел был выделен великим московским князем Иваном Даниловичем Калитой своему второму сыну Ивану Ивановичу Красному в 1339 г.² Этот ранний Звенигородский удел просуществовал 13 лет. В 1353 г. в связи со смертью от эпидемии чумы старшего брата Ивана Ивановича – великого князя Симеона Гордого (26 апреля 1353 г.) – удельный звенигородский князь стал великим московским и владимирским князем. Второй раз (после самого Ивана Калиты) в истории Московского княжества удельный князь начинал править в Москве. В московскую Думу вошли думцы князя Звенигородского – в частности Хвост Босоволков. Это вызвало серьезный раскол во властной верхушке Московского княжества, выразившийся в убийстве Хвоста и временном отъезде Вельяминовых в Рязань.

Во время составления духовной грамоты вел. кн. Ивана Ивановича Красного (6 января – 13 ноября 1358 г.)³ Звенигород уже являлся городом, к которому «тянула» округа («Звенигород со всѣми волостми и с мыт(о)мъ и съ селыи с бортью, и съ

оброчники и с пошлинами»⁴). Сравнение со списками волостей, содержащимися в более ранних духовных Ивана Калиты (1336, 1339) и более поздней духовной Дмитрия Донского (1389), позволяет утверждать, что под этими волостями подразумевались лежавшие к северу от Звенигорода Скирманово, Тросна, Негуча, а также слободы Замошская и Юрьева. Эта территория с прилегающими к ней с запада и юга шестью волостями, включая Рузу, была вновь выделена в удел второму сыну Ивана Красного и брату Дмитрия Ивановича – Ивану. Среди звенигородских сел впервые упоминается «село Выславское»⁵, которое отождествляют с позднейшим Воиславским (ныне Иславское).

К моменту кончины Ивана Красного (13 ноября 1359 г.) старшему из его детей исполнилось 9 лет. После смерти отрока Ивана Ивановича (23 октября 1364 г.) земли Звенигорода вновь влились в состав земель старшего Калитовича, каковым на тот момент был 14-летний Дмитрий Иванович. Эта ситуация сохранялась на протяжении его княжения, то есть до 19 мая 1389 г.

Положение начало меняться после 1389 г., когда в соответствии с духовной грамотой Дмитрия Донского Звенигородский удел был восстановлен и дан второму по старшинству сыну Дмитрия Ивановича – знаменитому в анналах русской истории Юрию Дмитриевичу, которому тогда было 15 лет. На этот раз удельное княжество, которое включило и заволжский Галич, превратилось в крупное субгосударственное образование и просуществовало 44 года (до кончины Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 г.).

Это был период расцвета Звенигородского удела. В годы правления великого московского князя Василия Дмитриевича (1389–1425) влияние и авторитет Юрия Звенигородского был очень высок. По мере того как великий князь Василий Дмитриевич, кардинально изменивший состав своей думы, все далее отходил от наследия Дмитрия Донского, Юрий Дмитриевич расходился со старшим братом по многим вопросам, связанным с политикой государства. Так, Юрий Звенигородский,

1 Каталог микротопонимов публикуется в приложении I.

2 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. №№ 1, 2 (далее: ДДГ).

3 Кучкин В.А. Духовная грамота Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. 5. М.: Индрик, 2004. С. 240.

4 ДДГ. № 4. С. 15.

5 Там же.

который в 1400 г. женился на Анастасии, дочери Смоленского князя Юрия Святославича⁶, противился позиции Василия Дмитриевича, смирившегося с захватом Смоленска Витовтом⁷.

Юрий Звенигородский продолжил и церковную политику своего отца – он покровительствовал Троице-Сергиеву монастырю. На его средства был выстроен каменный Троицкий собор над обретенными 5 июля 1423 г. мощами Сергия Радонежского⁸. Ученик Сергия Радонежского Савва основал по просьбе князя подгородный монастырь в урочище Сторожа. Именно с этим духовным и культурным кругом связана работа в Звенигороде Андрея Рублева.

Хотя о Звенигородском уделе имеется обстоятельное исследование⁹, мы до сих пор не имеем ясного представления о составе его городских станов и структуре землевладения в долине Москвы-реки от Звенигорода до устья р. Истры (рис. 8)¹⁰. Некоторый свет на этот вопрос бросает духовная грамота Юрия Звенигородского, написанная в 1433 г. По этому завещанию Звенигородский удел был поделен между двумя старшими сыновьями великого князя. Василию Юрьевичу, получившему впоследствии прозвище Косой, были переданы сам Звенигород, северные волости Тросна и Негуча, а также располагавшиеся на юге волости Оужож, Плесь и Дмитриева слободка. Из отдельно оговоренных звенигородских сел Василию перешло Андреевское (к северо-западу от города), а его брату Дмитрию – Михайловское (выше города по течению Москвы-реки) и нелокализованное пока Микифоровское¹¹. Городские

станы Звенигорода (за вычетом последних двух сел), скорее всего, полностью принадлежали Василию Юрьевичу.

Ниже города по течению Москвы-реки, судя по актам, располагалось три крупных княжеских села, к которым «тянули» обширные земельные владения: Козинское, Воиславское (ныне Иславское) и Вяземское (ныне Успенское) (рис.11).

Владения села Козинского в XV веке

В период, освещенный наиболее ранними сохранившимися поземельными документами, исследуемый район входил в Городской стан Звенигородского удельного княжества. Восточная граница Городского стана и самого Звенигородского удела описана в разъезжей грамоте, составленной около 16 июня 1504 г. по указу великого князя Ивана III князем Василием Ивановичем Голениным в связи с передачей Звенигородского удела князю Юрию Ивановичу. Граница пролегла от верховьев речки Нахабинки (правый приток р. Москвы) по покрытому лесами водоразделу Нахабинки и Вяземки и выводила к р. Москве между селом «*Воиславским*» (нынешним Иславскими) и устьем р. Вяземки (рис. 8). На Звенигородской стороне границы располагались земли «*Тоболиных деревень*» и земля «*Введенского монастыря*». Последний был локализован в работе Г.И. Фивейского к востоку от с. Введенского-Першина на лесной поляне «Ведень»¹². Эта поляна расположена между с. Введенское-Першино и деревнями Сальково и Чигасово.

Близ Москвы-реки граница выводила «*к дорозе Звенигородской, что лежит от Городища к Звенигороду*»¹³. «Городище» связывают с Успенским городищем, расположенным к югу от современного с. Успенское¹⁴. На правом берегу р. Москвы ниже впадения Вяземки грамота 1504 г. упоминает село Вяземск, которое идентифицируется с селищем, выявленным на территории современного села Успенское¹⁵. Данное известие представляет большой интерес, поскольку является первым упоминанием правобережной дороги из Москвы в Звенигород и Можайск, которая пролегает по исследуемому району.

Наиболее раннее известие, отражающее поселения на исследуемой территории, содержится в

6 Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1859. С. 72.

7 Детальный разбор политической истории 1389–1425 гг. и причин династической войны предложен в книге: Шаров-Делоне С.А. Дети Дмитрия Донского (в печати).

8 В главе «О обретении мощей святого отца Сергия» III Пахомиевской редакции «Жития Сергия Радонежского» говорится, что решение об открытии мощей было принято после явления Сергия Радонежского «властелину», бывшему ранее наместником князя Владимира Андреевича в Радонеже. О времени, когда произошло явление, сказано так: «Сему бывшу явлению по преставлении святого тридесатном лѣтом минувшим» (Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 418). Следовательно, явление произошло после 25 сентября 1422 г. (25 сентября 1392 + 30 = 1422), а именно 5 июля 1423 г. Благодарю С.А. Шарова-Делоне, указавшего на эту хронологическую веху.

9 Юшко А.А. Звенигород Московский и удел звенигородских князей. М.: ИА РАН, 2005.

10 От устья Истры начинались Московские городские станы (Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1504 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука, 2005. Цветная карта).

11 ДДГ. № 28. С. 71, 72.

12 Фивейский Г.И. Летопись Спасо-Преображенской церкви Звенигородского уезда, что в селе Введенском Першино тож, с древних времен до Литвы // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1879. № 8. С. 56–66, № 9, С. 68–108.

13 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л. 1950. С. 381.

14 Успенская А.В. Успенское городище // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1957. Вып. 68.

15 Юшко А.А. Формирование удела звенигородских князей в XIV–XV вв. // Российская археология. 1994. № 4. С.121.

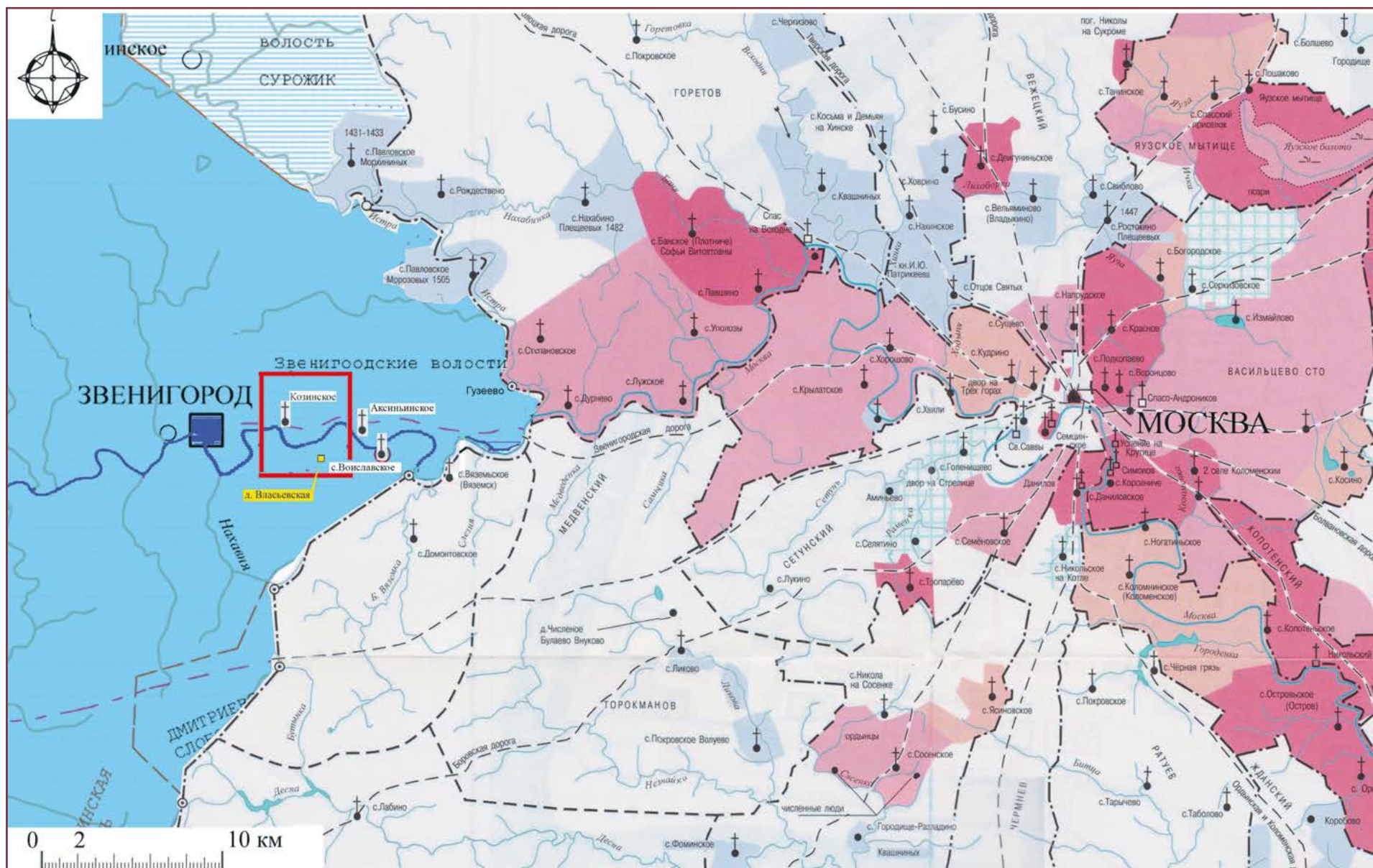

Рис. 8. Звенигородский удел и Московские городские станы в XV веке. Район сеа Козинского обозначен контуром. Синим цветом показаны земли Звенигородского удела, красным – домиальные владения великих московских князей; бурым цветом – домиальные земли Серпуховского удела

Рис. 9. «Топографическая карта Московской губернии, составленная с топографической съемки, произведенной в 1852 и 1853 годах и гравированная в Военно-топографическом депо. 1860 г.: Масштаб в английском дюйме 2 версты или в $\frac{1}{84\,000}$ долю настоящей величины» (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 21387)

17

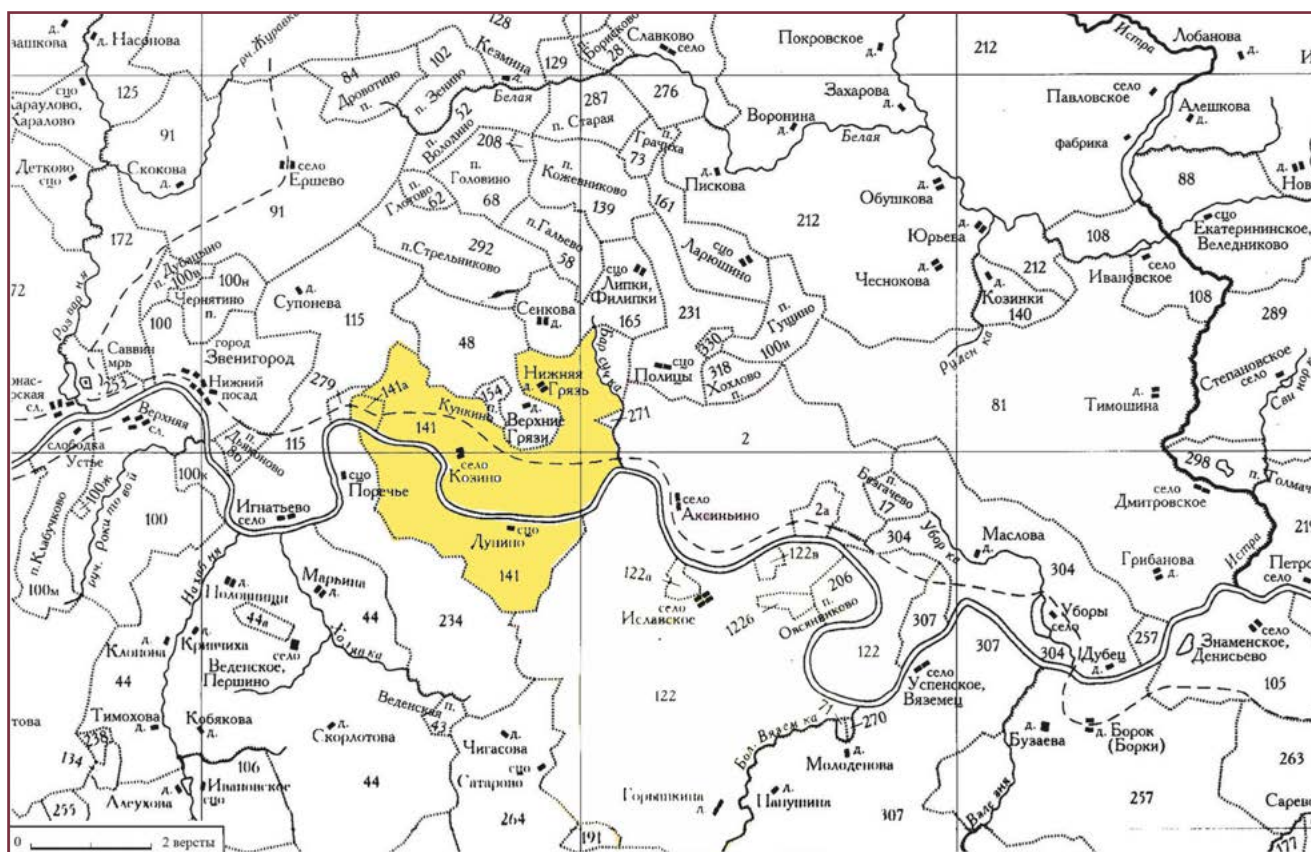

Рис. 11. Схема расположения земельных дач Генерального межевания Звенигородского уезда (восточная часть Городского стана). Земельные дачи: 2 – Аксиньино, село, владение Коллегии экономии, ранее Саввина монастыря, межевал 26 июня 1767 г. Языков; 81 – Дмитровское, село, владение Коллегии экономии, ранее Синодального ведомства, межевал 25 августа 1767 г. Языков; 122 – Иславское; 141 – Козино – село городского стана, владение Петра Михайловича Салтыкова, межевал 28 октября 1766 г. Языков (опубликовано: Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. М., 2004. Карты уездов. 7. Звенигородский уезд; Описания землевладений. Т. 1. М.: Издательский дом «Московия», 2004. С. 227, 232, 236 237)

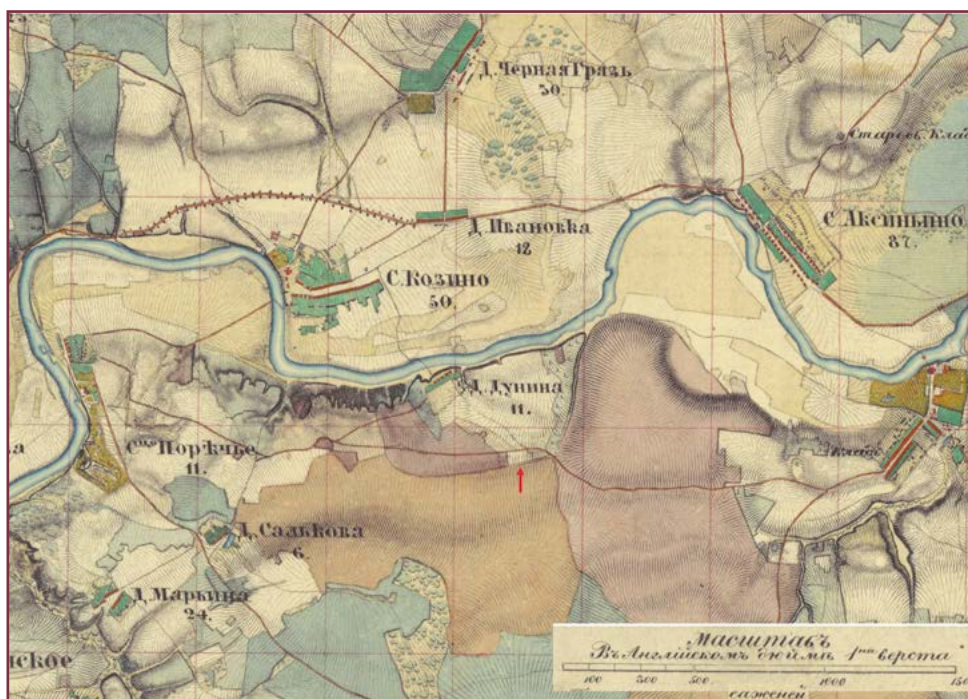

Рис. 12. Военная съемка Московской губернии. 1 верста (500 сажень) в дюйме. Вычерчено в 1852 г. на основе съемки 1838 г. 135 листов (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1, ч.3. Ед. хр. 3657. Ч. 1-2). Ряд VII. Лист 8. Район земельной дачи села Козина и прилегающие территории. Место деревни Власьевской показано красной стрелкой

данной тарханной и несудимой грамоте звенигородского князя Юрия Дмитриевича, датируемой 1402–1403 гг., по которой новосозданному Саввину Сторожевскому монастырю были переданы княжеские земли в районе Звенигорода. Монастырю жаловалось село Белгино (на месте нынешней Саввинской слободы) ¹⁶ *“с Козинским и с серебром, что на людех, а серебра на них тридцать рублей с четвертью, и с животиною”* ¹⁷ (текст см. в приложении к главе). Село Козинское сохранилось до наших дней на левом берегу р. Москвы к северо-западу от д. Дунино (рис. 11, 12).

Около 1470–1472 гг. князь угличский и звенигородский Андрей Васильевич выменял земли села Козинское у монастыря, передав ему взамен село Локотенское. Меновая грамота, закреплявшая эту земельную операцию, содержит перечень Козинских земель в период, когда им владел Саввино-Сторожевский монастырь. Приведем полностью соответствующий текст документа, так как он дает почти исчерпывающий список селений, сформировавшихся на протяжении XIV и первых трех четвертей XV века:

«Се яз, князь Ондрей Васильевич, менял есмь землями с сторожевским игуменом с Евсеем и со всею братиею. Выменил есмь у них земли монастырские село Козинское да с ним селище Дудинское, да село Порецкое, да деревню Демехово, да деревню Власьевскую, да селище Колово, да селище Ромашково, да селище Хрупкино, да селище Хрестцово, да три селища Власьевские: Ивашково, да Григорево, да Якушево, да Ивашевские селища: Офонасьевское, да Яковле, да Михненково, да Шолухино, да деревню Порютино, да деревню Зпорскую (Згарскою – в списке кн. 76), да в Раменьи селище Федорово, да селище Офремово, да селище Старые, да селище Скоморохово, да луг под Козином, да селище Детково. А выменил есмь те земли и с лесы, и с полями, и со всем с тем, что к тем землям потягло истарины, куда топор, и коса, и соха ходила» ¹⁸.

Итак, в Козинскую вотчину Саввино-Сторожевского монастыря входило село и 22 селения, среди которых имелось одно село (Порецкое), четыре деревни (Демехово, Власьевская, Порютина, Зпорское), 16 селищ, то есть заброшенных деревень, а также одно поселение, тип которого в документе не указан, и «луг под Козиным».

Как можно предполагать, большая часть этих поселений располагалась в пределах земельной дачи села Козино, которая была отмежевана в 1767 г. в ходе Генерального межевания (рис. 11, 13).

На территории села Козино, в его западной части, выявлено крупное поселение, содержащее

напластования XIV–XVI вв. и идентифицируемое с селом Козинским. Некрополь села Козино был исследован в ходе охранных раскопок 2008 г. ¹⁹. Село Порецкое идентифицируется с селцом Поречье, археологические следы которого обнаружены в усадьбе Поречье ²⁰. Из *“селищ”* до нашего времени сохранилось лишь Дудинское – это деревня Дунино на правом берегу р. Москвы, на территории которого выявлено Второе Дуниинское селище ²¹. Таким образом, даже те локализации, которые удастся сделать на основании сопоставления с перечнем сохранившихся селений, показывают, что в 1470–1472 годы в Козинскую вотчину входил обширный массив земель на обоих берегах р. Москвы в пределах позднейших земельных дач села Козино (с его правобережной Дуниинской частью) и селца Поречье (рис. 15).

Дополнительные данные о селениях Козинской вотчины содержатся в разъездной грамоте 1537 г., сохранившейся в архиве Московской митрополии в комплексе документов по митрополичьей Аксиньинской вотчине, лежавшей смежно с Козиным ниже по течению Москвы-реки (рис. 15, №№ 10–12). В грамоте сообщается, что *“по великого князя слову Ивана Васильевича всеа Руси, звенигородские писцы Иван Дмитриевич Бобров, да Захария Андреевич Постник Сатин, да Колтыря Раков учинили между митрополичьей земле селца Оксиньинского да пустоши и деревням, пустоши Осеевской, да деревне Горкам, да деревне Завражье, с поместною землею з Домниною Михайловы жены Елизарьевича да сына ее Семена их селца Козино и деревень, деревни Дешина, деревни Канинской Перегудове”* ²². Таким образом, к 1537 г. дворцовые Козинские владения звенигородского князя Юрия Ивановича поступили в поместную раздачу.

Земли упомянутых в грамоте деревень – Дешина и Канинская Перегудова – непосредственно граничили с Аксиньинскими землями (рис. 15, №№ 10–12). Их расположение устанавливается на основании текста отвода:

“А межа им учинена полюбовно от Москвы от реки речкою Басучею вверх до старой дороги до

¹⁶ Юшко А.А., Чернов С.З. Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.) // Советская археология. 1980. № 2. С. 117–121.

¹⁷ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 53. С. 79, 80.

¹⁸ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 58а. с. 91.

¹⁹ Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Разуваев Ю.Д. Итоги работ на археологическом комплексе в с. Козино // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. С. 136, 137. Евтеев А.А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. с. 433–440.

²⁰ Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье и прилегающих к ней территорий. г. Звенигород. Московская область. М., 1997 г. (Центр новых технологий). Т. 3. Раздел 5.2; рис. 96–97а.

²¹ Там же. Раздел 4.5; рис. 101.

²² АФЗиХ. Ч.1. М., 1951. С. 37.

Рис. 13. План «Козино, село Городского стана, владение Петра Михайловича Салтыкова, межевал 28 октября 1766 г. ярославского пехотного полка капитан Александр Языков» (РГАДА. Ф.1354. Оп. 252. К-9к). Пашина 546д 405с, лес 320д 133с, селение 57д 602с, сенной покос 74д 1618с, неудобий 109д 329с, всего 1107д 687с, душ в селе 290, в сельце Дунино 36, в деревне Нижняя Грязь 118. Смежные земли: А – В сельцо Липки и Филипки и деревня Нсенково коллежского советника Ивана Федотовича Буравкова. В – С сельцо Полицы отписной вотчины да капитанши Марьи Чурсиной общего череполосного владения. С – Д село Аксиньино с пустошми бывшего владения Савина Сторожевского монастыря. Д – Е Московского уезда Вяземского стана село Иславское с пустошми владения флота лейтенанта Михаила Апраксина. Е – Ф сельцо Поречье с пустошми владения гвардии отставного прапорщика Ивана Лихарева. Ф – Г пустошь Соколята бывшего владения Савина Сторожевского монастыря, отдаваемая из оброку от государственной коллегии Экономии. Г – Н села Козина церковная земля. Н – И пустошь Соколята бывшего владения Савина Сторожевского монастыря, отдаваемая из оброку от государственной коллегии Экономии. И – К село Игнатьево и деревня Супонево с пустошми бывшего владения Савина Сторожевского монастыря. К – Л – полпустоши Логов, принадлежащая к селу Павловскому владения графа Сергея Павловича Язужинского. Л – М пустошь Романково принадлежащая к деревне Верхняя Грязь владения тайного советника Петра Михайловича Салтыкова и полковника Ивана Никитовича Зотова, общего череполосного владения. М – Н пустошь Кункино звенигородских рассыльщиков. Н – А деревня Верхняя Грязь владения тайного советника Петра Михайловича Салтыкова и полковника Ивана Никитовича Зотова

броду, что против за речкою земля Хорупинской пустоши, да от речки Басучи направо старою дорогою зарослою прямо леском по ямам да к осеку старому Осеевской пустоши, да подле осек старою межой по ямам, да с межи с угла пашни Осеевской пустоши тою ж старою дорогою зарослою по покосом и по ямам лесом прямо, да через дорогу прямо, что ездят из великого князя села из Воиславского к Ершеву, да тем же леском старою дорогою по покосом и по ямам до поместной земли Казарина Петелина сына Губцева до межи его села Политцкого, направо земля и лес и покосы митрополита села Оксиньиньского, да пустоши // Осеевской, да деревни Горок, да деревни Завражья, а налево земля поместная Домнина Михайловы жены Елизарьевича да ее сына Семена сельца Козина и деревень, деревни Дешина да деревни Канинской Перегудовы”.

Козинско-Аксиньинская граница была зафиксирована на Геометрическом специальном плане села Козина 1766 г.²³ (рис. 13). Тогда она пролегла от впадения речки Басучи в Москву-реку (800 м к западу от церкви с. Аксиньино) в северном направлении вверх по течению речки вплоть до земель села Палицы. Таким образом, ее начальная (устье р. Басучи) и конечная (угол земельной дачи с. Палицы) точки с 1537 г. не изменились. Местоположение деревни Дешино устанавливается в районе поля Дешино, локализованном на основании опросов, проведенных в 1996 г. в с. Козино, к востоку от д. Ивановка и к северу от дороги на Аксиньино. Судя по всему, земли деревни Канинской Перегудовы располагались севернее земель Дешино, между нынешней д. Грязь и верховьями речки Басучи. Грамота 1537 г. позволяет указать примерное расположение “Хорупинской пустоши”, в которой нужно видеть “селище Хрупкино” грамоты 1470–1472 гг. Хорупинская пустошь примыкала с юго-запада к месту впадения реч. Басучи в р. Москву (рис. 15).

Следует отметить, что ни Дешина, ни Канинская Перегудова не упоминались в перечне селений грамоты 1470–1472 гг. Либо они возникли между 1472–1537 г., либо перечень 1470–1472 гг. является неполным.

Для локализации упомянутых в 1470–1472 гг. и 1537 г. селений были использованы три группы данных: планы генерального межевания по Козину (рис. 13) и Поречью, Уставные грамоты на крестьянские наделы и планы к ним 1861–1862 гг., а также данные устной микротопонимической традиции, собранные в ходе опросов старожилов с. Козино, д. Дунино и д. Сальково, которые были проведены сотрудницей МАЭ О.Н. Глазуновой в декабре 1996 г. (см. каталог в прил. 1). Сопоставление этих данных позволяет локализовать ряд селений (см. табл. 1).

В 1844 г. земельная дача с. Козино была размежевана на 19 участков (рис. 14). Планы этих участков содержат топонимы, отражающие давно исчезнувшие поселения (см. реконструкцию размежевания на рис. 14). В архивах сохранились два варианта плана на 7-й участок, который включал земли на обоих берегах Москвы-реки. Титул этого плана содержит упоминания десяти пустошей, которые вошли в этот участок. Среди них упоминается “Харупина” пустошь, местоположение которой уже было указано, а также пустошь “Власова”, которая имеет ту же топооснову, что и деревня Власьевская и три селища Власьевские, упоминаемые в грамоте 1470–1472 гг.

К сожалению, пустошь Власова на плане не показана. На помощь приходят данные устной традиции. В д. Дунино была сделана запись о двух объектах с этим названием. Власьевкой называют овраг, впадающий в пойму р. Москвы к востоку от д. Дунино (прил. 1, № 68), а также поле, расположенное в 1 км к юго-востоку от деревни, за Артельским оврагом, в лесу (прил. 1, № 70). В XIX в. овраг Власьевка располагался в пределах 9-го участка, а поле Власьевка – в пределах 1-го участка Козинской дачи (рис. 14). Что касается пустоши Власьевки 1844 г., то, поскольку она входила в 7-й участок,

23 РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. К-9к. См. также Геометрический специальный план земельной дачи 7 участка села Козина 1844 г. (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д.1071. Л.8).

Таблица 1. Поселения, относившиеся к селу Козино по меновой грамоте 1470–1472 гг. и их локализация по данным источников XVI–XX вв.

Меновая грамота 1470 - 1472 гг.	Разъезжая грамота 1537 г.	Планы 1760-х гг. и 1844 г.	Планы и Уставные грамоты 1861 -1862 гг.	Микротопонимы по устной традиции начала XX в. (№№ см. в приложении 1).
село Козинское		с. Козино	С. Козино	с. Козино
селище Дудинское		д. Дунино	д. Дунино	д. Дунино
село Поречкое		слц. Поречье	слц. Поречье	дом отдыха Поречье
деревню Демехово				
деревню Власьевскую				поляна Власьевка перед Артельским оврагом на месте селища Дунино-6
селище Колово				
селище Ромашково				
селище Хрупкино	Хорупинская пустошь – к юго-западу от впадения р. Басучи в р. Москву	Харупина – в 7-м участке, правый берег р. Басучи		
селище Хрестцово				
три селища Власьевские: Ивашково, да Григореново, да Якушево		Власова (7-й участок)		овраг Власьевка (№ 68) поле Власьевка за Артельским оврагом (№ 70)
Ивашевские селища: Офонасьевское, да Яковле, да Михненково		д. Ивановка	д. Ивановка	д. Ивановка
Шолухино				
деревню Порютино				
деревню Зпорскую (Згарскою – в списке кн. 76),				
в Раменьи селище Федорово				
Селище Офремово				
селище Старые			пуст. Старая и Харина (Уставная грамота 1862 г.)	
селище Скоморохово				
луг под Козином				луг к югу от Козина
селище Детково				
		Девапина		
		Клочкова		
		Сахалонкина		Сахалин – участок берега Москвы-реки к западу от с. Козина, в направлении Мозжинки (№ 85)
		Степанкина		
		Тагенева		
		Вы..н луг	Выдринск луг (план 1861 г.)	переправа «под Выдрой» (№ 38) и остров на Москве-реке (№ 39)
		Курилов		Курилов луг – к востоку от д. Дунина (№ 72)
		Сопигина		
	д. Дешино – на границе с с. Аксиньином			поле Дешино к востоку от д. Ивановки (№ 91)
	д. Канинская Перегудова – на границе с с. Аксиньином			

ее, вероятнее всего, нужно помещать в южной части Дунинского поля.

Таким образом, в XIX – начале XX в. имелось три топонима «Власьевка». Один из них (овраг) был связан с участком коренного берега р. Москвы между Дуниным и лесом Борок (9-й участок), второй (пустошь Власова) располагался южнее, в южной части Дунинского поля, и третий (поле в лесу, ныне заросшее) находился за Артельским оврагом, к югу от него (рис. 2).

Дополнительные топонимические данные были получены в 2012 г., когда свидетельства старожилов были уточнены Н.Н. Залогиним, живущим в Дунино с 1950-х гг. В районе колодца на Артельском овраге располагались две поляны «Власьевки»: одна (на ней в 1997 г. было выявлено селище) – перед оврагом, а другая – за оврагом. «За колодцем-то ведь тоже посадка, – вспоминал И.Е. Руненков, – где горело-то...поле было тоже, где прожектора стояли... Я еще помню, когда маленький

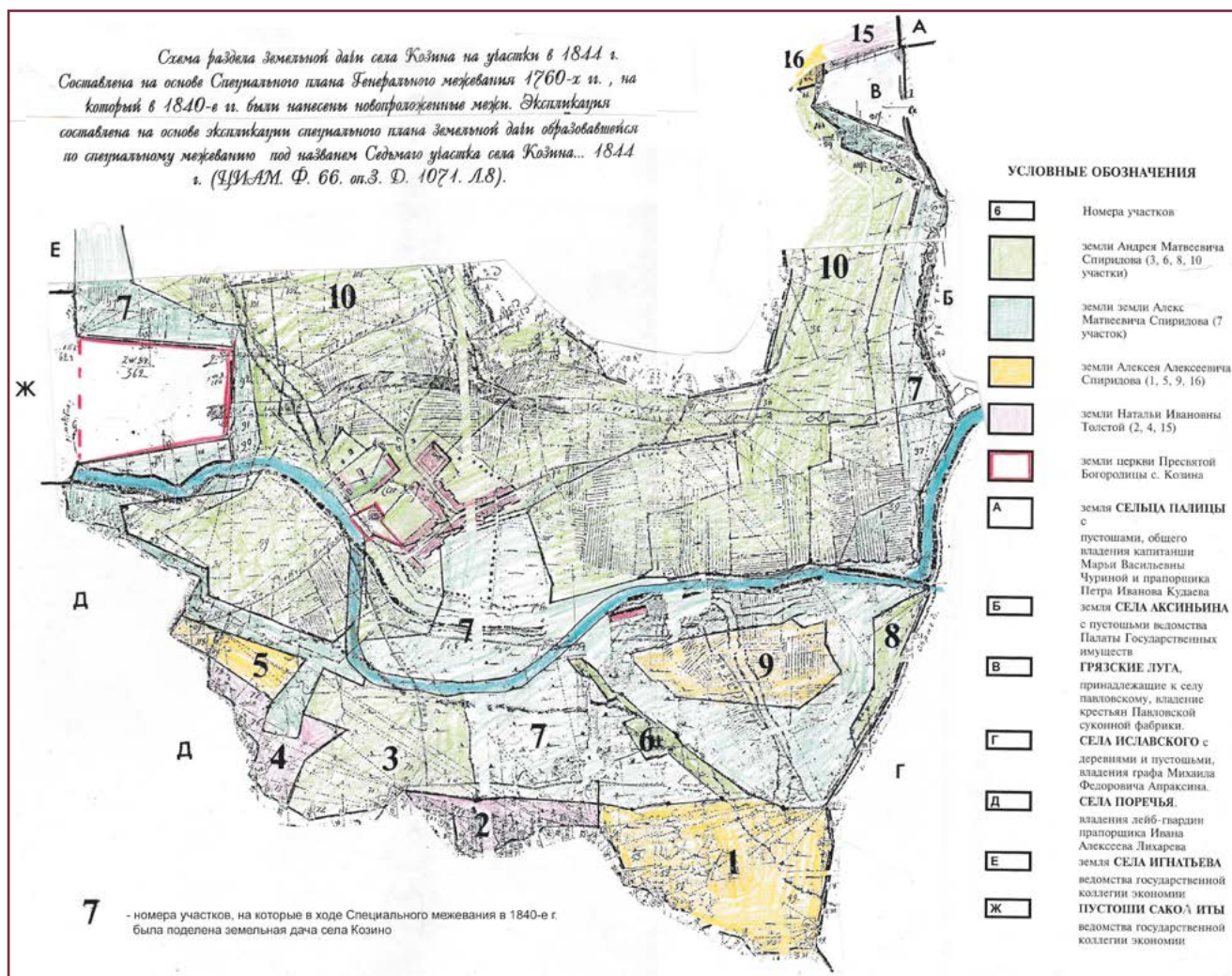

Рис. 14. Схема раздела земельной дачи села Козино на участки в 1844 г. Составлена на основе Специального плана Генерального межевания 1760-х гг., на который в 1840-е годы были нанесены новопроложенные межи. Экспликация составлена на основе экспликации специального плана земельной дачи, образовавшейся по специальному межеванию под названием Седьмого участка села Козина 1844 г. (ЦИАМ. Ф. 66. Оп.3, Д. 1074. Л. 8)

был, отец лен сеял там, в углу». Н.Н. Залогин уточнил на основании рассказов местных жителей, что «в 41-м году прожектор ставили за оврагом, за артелью «Металлист». На этом (прожекторном) месте действительно рос молодой саженный соснячок, который горел в 1972 году. Слышал, что овраг за артелью назывался Власьевским»²⁴.

Исследователи устной микротопонимической традиции нередко фиксируют группы топонимов с единой топоосновой. Так, при опросах села Дерюжина Сергиево-Посадского района была сделана запись о «Подтарбеевских полосах» (участок поля), располагавшихся к северу от села.

²⁴ Магнитофонные записи от Ивана Егоровича и Зинаиды Тимофеевны Руненковых, 1924 и 1926 гг. рождения, сделаны О.Н. Глазуновой (Чернов С.З. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье. 1997 г. Т. 3. С. 35–39). Сообщение научного сотрудника Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова Николая Николаевича Залогина 29.07.2012 г.

Происхождение этого микротопонима связано с тем, что до начала XVII в. в километре от «полос» в северном направлении располагалось село Тарбеево на берегу одноименного озера²⁵. По той же модели можно объяснить и появление названия оврага Власьевского, поскольку несколько веков назад путь из Дунино к д. Власьевская мог пролегать вдоль этого оврага.

Возможно, столь значительная зона распространения родственных топонимов обусловлена тем, что в XV–XVI столетиях в этом районе располагалось несколько поселений, носивших такое название. Центром группы топонимов можно признать поляну Власьево на северном берегу Артельского оврага, на которой обнаружено селище Дунино-6. По всей видимости, именно с этим селищем мы должны связывать *деревню Власьевская*. Селища же Власьевские могли находиться как в центре Дунинского поля (позднейший 9-й участок

²⁵ Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русско-го средневекового ландшафта. М., 1987. С. 44, 45.

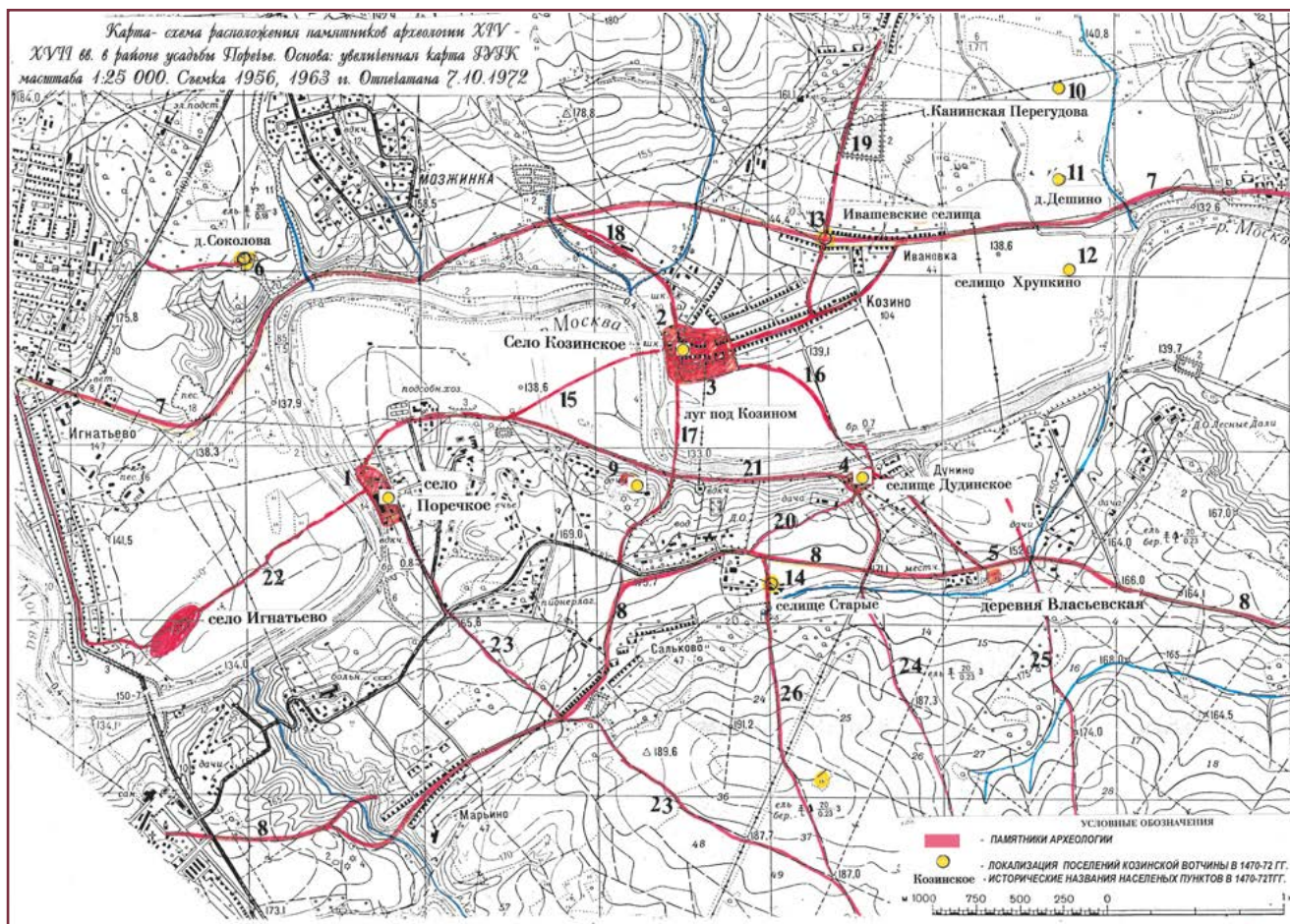

Рис. 15. Схема расположения памятников археологии XIV–XVI вв. на землях Козинской вотчины и локализация поселений, упоминаемых в Меновной грамоте кн. Андрея Васильевича игумену Саввино-Сторожевского монастыря 1470–1472 гг. Основа: карта ГУГК масштаб 1:25 000. Съёмка 1956, 1963 гг. Отпечатано 7.10.1972. Экспликация №№: 1 – селище на территории дома отдыха «Поречье»; 2 – грунтовый могильник в с. Козино; 3 – селище в с. Козино; 4 – Второе Дунинское селище (в д. Дунино); 5 – Шестое Дунинское селище (у артели «Металлист»); 6 – Третье Можайское селище; 7 – Старая Звенигородская дорога (левобережная); 8 – Старая Можайская дорога (правобережная); 9 – Третье Поречьевское селище; 10–14 – зоны археологического исследования на месте поселений Козинской вотчины, локализованных приблизительно; 15 – дорога из Козино в Поречье; 16 – дорога из Козино в Дунино; 17 – дорога из Козино на Старую Можайскую дорогу; 18 – дорога из Козино на Старую Звенигородскую дорогу; 19 – дорога из Козино в д. Грязи; 20 – Верхняя Дунинская дорога; 21 – Нижняя Дунинская дорога; 22 – дорога из Поречья в Игнатьево; 23 – дорога из Поречья в Чигасово; 24 – дорога из Дунино в Чигасово; 25 – дорога из Власьевской в Чигасово; 26 – дорога из селища Старые в Чигасово

земельной дачи с. Козино), так и к югу от Артельского оврага.

Проводя микротопонимические исследования в районе древнего погоста Жабны Деревской пятины Новгородской земли, В.А. Буров обратил внимание на группу родственных топонимов «Михалкино». Так именовались поле у деревни, поле у болота Долгий мост и болото. Исследователь предположил, что эти топонимы маркируют владения средневековой деревни Михалково²⁶.

В случае с деревней Власьевская мы имеем свидетельства о трех селищах Власьевских, которые несомненно были связаны с деревней и образовывали единый хозяйственный организм.

Обнаружение селища Дунино-6, которое

датируется XIII–XVI вв., позволяет установить тип археологических памятников, который соответствует «селищам» 1470–1472 гг. Это небольшие поселения площадью 2–5 тыс. кв. м, расположенные на удалении от р. Москвы, на возвышенных участках.

Менее уверенно локализуются *Ивашевские селища*. Вероятнее всего, их следует искать в районе д. Ивановка, расположенной на трассе Старой Звенигородской дороги к северо-востоку от Козино.

Селище «Старые» идентифицируется с пустошами Старой и Хариной, в которых в 1861 г. крестьянам с. Козино был выделен надел в 76 десятин. В Уставной грамоте помещика А.А. Спиридонова, в которой содержатся эти данные, указано, что пустоши располагались во 2-м участке Козинской

26 Буров В.А. «А погост Жабна пуст...». М., 1994. С.29–33.

земельной дачи. Участок этот локализуется между Сальковским полем, Старой Можайской дорогой и верховьем Артельского оврага (рис. 14, прил. 1, № 62). В настоящее время здесь размещаются поселок санатория «Поречье», лесной массив и луг Антоновка, застроенный дачами Минфина. Археологическое обследование могло бы проверить справедливость такой локализации (рис. 15, № 14).

Козинские земли в XVI–XVIII вв.

Обрисовав состав селений Козинской вотчины на 1470–1472 гг., следует сказать об истории этого села в XVII–XVIII вв. В смутное время в начале XVII в. села Козино и Поречье, стоявшие вблизи дорог из Звенигорода на Москву, подверглись опустошению. Вновь военные действия в этом районе развернулись в 1618 г. во время нашествия на Москву войск польского королевича Владислава. 9 сентября из Москвы по Звенигородской дороге в целях разведки были посланы «подъезици 4 человека, для проводывания про королевича, про гетмана, да про литовских людей, и по возвращении, 10 сентября «в расспросе сказали: приехали они к селу Козину вечером, в другом часу ночи, и слышали, что в селе Козине говорят литовские люди, и их подъезициков слышали и стреляли те литовские люди, из села Козина, из пищалей дважды, а чаять, что те литовские люди стоят в селе Козине на заставе и молотят хлеб, а сколько стоит того не ведают, а слышали они от крестьянина села Михайловского, что большие литовские люди стоят в селе Колобакине, за Звенигородом, вест в 15²⁷».

Во второй четверти XVII в. расположенная вблизи от Москвы дворцовая вотчина – села Козино и Поречье – по частям была передана виднейшим представителям боярской думы царя Михаила Федоровича. В 1624 г. село Поречье было выделено из вотчины и передано боярину Дмитрию Михайловичу Пожарскому – освободителю Москвы от поляков, который в те годы руководил Разбойным приказом (1624–1628 гг.), а с 1628 г. был назначен воеводой в Новгород, затем участвовал в Смоленской войне и переговорах с Польшей. После смерти Дмитрия Михайловича 20 апреля 1642 г. село досталось его старшему сыну Петру, который пережил отца на пять лет и скончался в 1647 г.

Козино оставалось дворцовым селом до 1642 г. В селе существовала церковь во имя святого **Николая Чудотворца**. Первое известие о ней содержится в приходной окладной книге Патриаршего Казенного Приказа за 7136 (1628) г.: «*церковь Николы чудотворца в государеве дворцовом селе Козине, дани 3 алтына с деньгою, в корм и в Московской проезд гривна, в 30 день, на нынешний 136 год, деньги взято*»²⁸.

«Генваря в 11 день, святейший патриарх Филарет Никитич, отправившись 7138 (1630) г. генваря в 11 день, из Москвы, на богомолье, в Саввин монастырь и пройде с Аксиньино, шол мимо села Козина». Духовенство встречало святейшего патриарха – это было 15 января, и святейший иерарх, выслушав молебен, «пожаловал села Козина Никольскому попу Герасиму на молебен гривну»²⁹.

В 1642 г. село Козино было пожаловано боярину Борису Михайловичу Салтыкову «за московское осадное сиденье королевичева приходу». Передача Козино Салтыковым была вызвана, видимо, тем, что отцу Бориса Михайловича, Михаилу Михайловичу Салтыкову, принадлежало соседнее Ершово. При этом владельцем в Козино была построена новая церковь во имя Введения Пресвятыя Богородицы. По смерти Б.М. Салтыкова в 1662 г. Козино досталось его брату Петру Михайловичу. В отказной книге при этом была сделана следующая запись: «*в селе Козине церковь Введения Пресвятыя Богородицы, да в пределах Николая чудотворца, до Параскевы, нарицаемая Пятницы, а в церкви и в приделах Божие милосердие – образы, и ризы, и книги, и колоколы и всякое церковное строение вотчинниково; при церкви во дворе поп Семен Иванов, во дворе дьячек Данила Иванов, во дворе пономарь Тимофей Исаев*»³⁰.

В 1678 г. в селе Козино находилось «3 двора боярских, людей в них 15 человек, 2 двора дворянских, в них людей 4 человека, 35 дворов крестьянских, людей в них 158 человек и 8 дворов бобыльских, в них 20 человек, некоторые из крестьян и бобылей имели прозвища: Суций, Бакила, Воробей, Федюченок, Крошивин и Окунь» (Переписн. кн. 11838, л. 415).

В приходной книге Патриаршего Казенного Приказа за 7186 (1678) г. под статьей Николаевской церкви, что в селе Козино, сделана пометка: «*веле-но писать церковь Введения Пресвятыя Богородицы; да в пределе Николая чудотворца в вотчине Петра Михайловича Салтыкова в селе Козине; дани 22 алтына, 2 деньги, заезда гривна*» (Патр. Прик., Кн. 91, Л. 439). В том же порядке она церковь писалась в приходных книгах того же Казенного Приказа, под Звенигородскою десятиною, до 1740 г. с обозначением дани с 1715 г. – рубль, 2 алтына, 2 деньга (Патр. Прик. Кн. 252, Л. 188, и Кн. 411).

После Петра Михайловича Салтыкова село Козино досталось в 1691 г. его детям Алексею и Петру, с их племянниками Василием и Алексеем Федоровыми Салтыковыми. В 1705 г. это село было во владении у Алексея Петровича Салтыкова; в селе находились: двор вотчинников, двор скотный, двор конюшенный, двор «прикащика» и 44 двора крестьянских. В 1769 г. оно принадлежало Алексею Петровичу Салтыкову – внуку Петра Михайловича.

27 Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах Московской епархии. Вып. 2. М., 1882. С. 20.

28 Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах Московской епархии. Вып. 2. М., 1882. С. 20..

29 Там же. С. 20.

30 Там же. С. 21.

Следует отметить, что в конце XVII в. в состав владений Салтыковых входила и территория нынешнего Мозжинского леса. Это видно из Плана Звенигорода А. Свиязева 1684 г. На нем условным знаком показано “село Козино”. К западу от него, за оврагом показан лес, на территории которого имеется условное обозначение деревни, помеченное “деревня Соко(лова)”. Вся эта территория отмечена как “земля боярина Петра Михайловича Салтыкова”. В 1760-е годы территория Мозжинского

леса именовалась пустошью “Соколита” и находилась в ведении Коллегии экономии (рис. 14. Ж).

Село Поречье по описанию 1678 г. находилось в вотчине боярина и воеводы кн. Юрия Алексеевича Долгорукова, который нанес поражение войску Степана Разина в 1676 г., а после смерти царя Алексея Михайловича был назначен в опекуны юному царю Федору Алексеевичу. Во время стрелецкого мятежа 15 мая 1682 г. его вместе с сыном Михаилом зарубили взбунтовавшиеся стрельцы.

Приложение

ДАННАЯ ТАРХАННАЯ И НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА ЗВЕНИГОРОДСКОГО КНЯЗЯ ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА САВВИНА СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ ИГУМЕНУ САВВЕ НА СЕЛА ЗАМОШЬЕ, БЕЛГИНО, ДУБАЦИНСКОЕ С ДЕРЕВНЯМИ

[Ок. 1402–1403 гг.]. Список кон. XVII в. – РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. № 150. л. 17 об.

(Публ.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. М., 1964. № 53, с. 79, 80).

Се яз, князь Юрьи Дмитриевичь, дал есми монастырю Сторожевского и отцу своему игумену Саве, или которого игумена благословит отец мой Сава в свое место, село свое Замошьи и с деревнями и с прудом и со всем с тем, что к тому селу изстари потягло, опричь моего лугу и Исаковы деревни и деревни Михнины; да село свое дал есмь Белгино з деревнями с Тимониною, с Павликовою, с Козинским и с серебром, что на людех, а серебра на них тридцать рублей с четвертью, и с животиною; да село Дубацинское, и что к нему потягло, да деревню Гляденовскую; да селце на Усть-Розвад-ни, да к тому селцу придал есмь Патрикеевской земли – от реки Москвы на вяз по горе по ямы до дубачинской межи; да бортника Андрейка Телицына с деревнею, в которой живет на Репище.

А хто имет люди[й] жити в тех селех и в деревнях монастырских, а тем людем не надобе моя дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осьмнички кости, ни иная которая пошлина, ни явка, ни пересуд, ни правой десяток, – знают тою пошлину монастырскую.

А наместницы мои звенигородские и волостели и их тивуны тех людей монастырских не судят, ни высылают к ним ни по что; судит игумен Сава сам. А будет суд смесный звенигородским с монастырскими, и наместницы мои и волостели и их тивуны с ними, а о прибытке, будет звенигородский и волостный человек, и они истцово заплатят вцелое и наместники и волостели своего человека не вступают; а будет монастырской человек, и они по тому ж истцово заплатит истцу, и игумен своего возмет себе, а наместницы мои и волостели в то ся не вступают.

А через сию мою грамоту хто што на них возмет или чем их изобидит, быти от меня в казни. А села и деревни подавал есми монастырю святей Богородице впрок.

Подлинная грамота за вислою печатью черного воску, ветха гораздо.

Примечание: датировать настоящую грамоту можно лишь предположительно как предшествовавшую другой жалованной грамоте от 1404 г. мая 10.

МЕНОВНАЯ ГРАМОТА УГЛИЧСКОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА САВВИНА СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ С ИГУМЕНОМ ЕВСЕВИЕМ НА ПРОМЕН МОНАСТЫРЮ СЕЛА ЛОКОТЕНСКОГО ВЗАМЕН МОНАСТЫРСКОГО СЕЛА КОЗИНСКОГО

[Ок. 1470–1472 гг.]. Список кон. XVII в. – РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 150. лл. 22–23.

(Публ. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. М., 1964. № 58а. С. 91, 92)

Се яз, князь Ондрей Васильевичь, менял есмь землями с сторожевским игуменом с Евсеем и со всею братиею. Выменял есмь у них земли монастырские село Козинское да с ним селище Дудинское, да село Поречское, да деревню Демехово, да деревню Власьевскую, да селище Колово, да селище Ромашково, да селище Хрупкино, да селище Хрестцово, да три селища Власьевские: Ивашково, да Григореево, да Якушево, да Ивашевские селища: Офонасьевское, да Яковле, да Михненково, да Шолухино, да деревню Порютино, да деревню Зпорскую (Згарскою – в списке кн. 76), да в Раменье селище Феодорово, да селище Офремово, да селище

Старые, да селище Скоморохово, да луг под Козинском, да селище Детково. А выменил есмь те земли и с лесы, и с пожнями, и со всем с тем, что к тем землям потягло истарины, куда топор, и коса, и соха ходила.

А променил есмь им свои земли село Локотенское, да деревню Данилково Локотенского, да селище Шейкино, да селище Коровай, да селище Раменье, да селище Гребенкино, да селище Поддубенье, да селище Косманово, да селище Демидово, да селище Иваново, да селище Каливоново, да селище Козулино, да селище Малое Козулино, да два селища Пронины, да два селища Полуевы,

да селище Золотилово, да селище Глухино, да селище Кленково, да селище Фомино, да деревни горные на Острове Ананькино, да Грибаново, да селище Душнево, да деревню Белозерову, да к ней селцо Коковурово, да селище Слоботка, да деревню Пригодино, да деревню Арумно, да деревню Кугино, да деревню Власовскую, да к ней селище Аксеновское, да деревню Ивакино, да деревню Тщанниково, да луг Цвилевской земли обою сторону речки Розвадни, да деревню Загребино, да к ней селище Савостьяново, да деревню Говшино, да деревню починок Олферовской, да починок Кулпинской, да к нему селище Кузнецово, да

деревню Микифорово, да деревню Куприково, да к ней селище Савостьяново. А променил есми им те земли и с лесы, и с пожнями, и со всем с тем, что к ним потягло изстарины, куда топор, и коса и соха ходила.

А на мене был боярин мой Василей Микитичь. А подписал дьяк Василей Башина. У подлинной грамоты печать черного воску. А году в ней не написано.

Примечание. Игуменство Евсевия, по Строеву и по актам № 58 и 59, засвидетельствовано на 1470–1472 гг. Поэтому и настоящий акт датируем: ок. 1470–1472 гг.

История археологического изучения района

Первый опыт комплексного историко-археологического исследования Москворечья в районе к востоку от Звенигорода был предпринят А.В. Чаяновым в 1928–1929 гг.³¹ «Непрерывный ряд документов XVI, XV и XIV века, – писал А.В. Чаянов, – относящихся к истории 10 селений, составляющих этот район, подводили нас непосредственно к славянским курганам XII–XIV веков, в изобилии находящихся в этом районе. В археологическом отношении этот район явился колыбелью славянской археологии, т. к. именно в этом районе Чертков в 1838 и 1845 гг. копал курганы Черногрязья, а Бибилов в 1848 г. в селе Успенское-Вяземец делал раскопки большой группы курганов. Обе работы своевременно и очень хорошо были изданы и дают прекрасный набор вятичских вещей. За последние годы в селе Иславском были раскопки Исторического музея, находки которых выставлены в витринах музея»³².

А.В. Чаянов провел разведку и составил археологическую карту района, открыл селище и осуществил раскопки курганов на Николиной горе, исследовал Успенское городище близ впадения р. Вяземки в Москву-реку.

В конце 1950-х – 1960-е годы разведки и раскопки в районе Звенигорода проводил Ю.А. Краснов. В 1994 г. он написал раздел по Одинцовскому району в издании «Археологическая карта России», в котором систематизировал данные по

археологическим памятникам Звенигородского течения Москвы-реки³³.

Новый цикл археологических исследований начался на этом участке долины Москвы-реки в 1996 г. в связи с разрушением насыпей Первой Поречьевской курганной группы XI–XIII вв. в ходе подготовки к коммерческому строительству. В 1997 и 1999 гг. проведены раскопки и реставрация этого могильника. Кроме того, выявлено три селища. Под Вторым Поречьевским курганным могильником, на низкой первой надпойменной террасе, зафиксирован культурный слой раннего славянского селища X–XI вв. с лепной керамикой (рис. 4)³⁴. Восточнее была обнаружена система селищ, окружающих Дуинское городище раннего железного века и образующих уникальный ландшафт, отражающий лесное скотоводство и раннее земледелие VII в. до н. э. – V в. н. э. (рис. 3)³⁵.

На противоположном от поселка Николина гора, иславском, берегу р. Москвы Н.А. Кренке был получен базовый разрез пойменных напластований долины реки Москвы и исследована

31 Автор концепции крестьянской экономики и один из отцов экономического чуда в сельском хозяйстве Советской России А.В. Чаянов (1888–1937) в 1928 г. был снят с поста директора Института сельскохозяйственной экономики. Лишенный возможности полноценно работать по своей основной специальности, он решил посвятить летние месяцы археологии и в короткие сроки добился на этом поприще существенных успехов, внося ряд новаторских предложений не только в формулирование целей исследования, но и в саму методику полевых работ (Кренке Н.А. Археологические работы А.В. Чаянова в долине Москвы-реки в 1928–1929 годах // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 23).

32 Чаянов А.В. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. (публ. подготовил Н.А. Кренке) // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. С. 32.

33 Краснов Ю.А. Одинцовский район // Археологическая карта России: Московская область. Ч. 1. М., 1994. С. 131–167.

34 Чернов С.З. Археологические исследования (1-я очередь) и проект воссоздания утраченных элементов первой Поречьевской курганной группы в лесопарковой зоне санатория «Поречье» в районе г. Звенигорода Московской области в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1. Б.н. // Чернов С.З. Археологические исследования (2-я очередь) и проект воссоздания утраченных элементов Первой Поречьевской курганной группы в лесопарковой зоне санатория «Поречье» в районе г. Звенигорода Московской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 22095; Чернов С.З. Опыт реставрации и воссоздания утраченных элементов Поречьевских курганов близ Звенигорода в 1997–1999 гг. // Поиски идентичности. Реставрация. Восстановление. Воссоздание. Материалы XIV Чтений, посвященных памяти Л.А. Лелекова (1934–1988). М.: ГОСНИИР, 2002. С. 80–102.

35 Кренке Н.А., Марченко Н.А., Низовцев В.А., Онищенко М.В., Чернов С.З. Дуинский ландшафтно-археологический комплекс. Опыт создания паспорта памятника истории и культуры // Экологические проблемы музеев-заповедников. Материалы Десятой Всероссийской научной конференции (Москва. 15–17 ноября 2005 г.) М.: [Институт Наследия], 2008. 147–173.

стоянка бронзового века РАНИС-пойма³⁶.

Создана карта памятников археологии древнерусского времени (X–XIII вв.)³⁷. На базе данных «Археологической карты России» с дополнениями данных 1990-х годов Б.Е. Янишевский подготовил детальную карту памятников археологии Одинцовского района в масштабе 1:25 000.

Продвинулось изучение памятников раннемосковского времени. А.В. Алексеев обследовал погосты на Николиной горе, в Аксиньино, Введенском монастырьке близ д. Чигасово, Игнатеве и другие³⁸. В поселке Николина гора, на территории дачи Сигурда Оттовича Шмидта (проспект Шмидта, д. 53) было обнаружено семь подписных белокаменных плиточных надгробий с трехгранно-выямчатым орнаментом («волчий зуб») XVI в.³⁹. Эта находка надежно локализует некрополь древнего храма Никола на Песку, который являлся центром Аксиньинской вотчины московских митрополитов.

В 2012–2013 гг. А.В. Алексеевым были проведены археологические разведки в пределах земельной дачи Аксиньино и выявлены селища Аксиньино-2 раннего железного века в 1 км выше села по течению реки, а также два селища периода средневековья – Аксиньино-3, близ кладбища, к северо-востоку от села, и Аксиньино-4 при впадении ручья Барсуки в Москву-реку. В 2015 г. раскопан двор вотчинника последней трети XVI – начала XVII в. на селище Игнатеево-2, сохранившемся на месте одноименного села – владения Елизаровых, отрасли бояр Добрынских, служивших в начале XVI в. князю Юрию Ивановичу Звенигородскому⁴⁰.

К югу от д. Дунино в 2011–2012 гг. Московской областной археологической экспедицией Института археологии РАН исследованы селище XIII–XVI вв. и могильник середины XIV–XV вв. на месте д. Власьевская, которому посвящено настоящее издание. В 2015–2017 гг. материалы раскопок начали вводиться в научный оборот⁴¹. В 2017–2019 гг. экспедицией были проведены разведки к востоку от района Дунино, на территории Масловской лесной дачи, в пределах Аксиньинской вотчины московских митрополитов XV в. Здесь было выявлено 7 селищ XIV–XVI вв. и выполнена историко-археологическая реконструкция структуры поселений на землях, непосредственно примыкающих с востока к интересующим нас владениям села Козино⁴². На основании уникального судебного дела (около 1462 г.) прослежена судьба холопа князя Юрия Дмитриевича Звенигородского – Хари Лагирия. Археологически выявлены следы селения Лагирево, которое ему принадлежало – селище Маслово-2 середины XV в. На селище найден перстень-печатка, вероятно, принадлежавший этому человеку⁴³.

Таковы историко-географический и археологический контексты селища Дунино-6, к изучению которого я приглашаю читателя.

36 Кренке Н.А., Лазукин А.В., Алексеев А.В., Ершов И.Н., Кравцов А.Е., Леонова Е.В. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 320–339; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019.

37 Алексеев А.В. Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода (материалы к археологической карте) // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. С. III–115.

38 Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. М.; Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2017. С. 69–83.

39 Там же. С. 69–72.

40 Алексеев А.В. Проведение научно-исследовательских археологических работ в районе села Аксиньино, деревни Палицы и Грязь на территории Одинцовского муниципального района Московской области и города Москвы (Большой Москвы) в 2012–2013 гг. // Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. Б/н. Алексеев А.В., Смирнов А.Н., Двуреченский О.В. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатеево-2 в окрестностях средневекового Звенигорода // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-центр, ИА РАН, 2018. Вып. II. С. 253–289.

41 Чернов С.З., Гончарова Н.Н. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веки средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., Вологда: Древности Севера, 2015. С. 444–459; Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. 2016. № 1. С. 70–84; Чернов С.З. Двор с монетными весами в д. Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 309–345.

42 Чернов С.З. Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньино и Иславского Звенигородского удела) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / РАН, Отделение историко-филологических наук, Институт археологии, Институт российской истории. М.: Индрик, 2020. С. 246 – 291.

43 Чернов С.З. Десять лет в Иславском: «слуга под дворским» и волостные люди в городских станах Звенигорода XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (Сборник статей, посвященный юбилею А.А. Горского). С. 140–144.

Глава 2

Топография поселения и могильника. Вопросы хронологии

Поселение и могильник – альфа и омега археологии. Их особенности и соотношение содержат значительную этнокультурную информацию. Вопрос, как соотносятся поселение и могильник топографически, находится в центре внимания археологической науки при изучении каждой культуры. Применительно к русскому средневековью внимание исследователей всегда было привлечено к переменам в топографии могильников сельских поселений, которые произошли во второй половине XIII – первой половине XIV в. В этот период на смену курганным могильникам, которые располагались на значительном расстоянии от поселений, пришли погребения при храмах, которые создавались в непосредственной близости от жилья. Мертвых начали хоронить рядом с живыми еще на заре христианства¹, что было связано с христианскими представлениями о человеке. В период средневековья эта традиция стала доминировать по всей Европе. Получила она распространение и на Руси. Однако процесс этот, который шел рука об руку с воцерковлением населения, до сих пор мало изучен.

Шестое Дунинское селище (Дунино-6) и его некрополь расположены автономно и отличаются хорошей сохранностью культурного слоя и природного окружения. Поэтому их изучение может дать ценную информацию на тему соотношения поселения и могильника.

Впрочем, вначале необходимо сконцентрировать внимание собственно на поселении. В этой главе будут проанализированы результаты площадной шурфовки, которая была проведена на селище в 2011 г., а также будет описана топография памятника и его датировка. Из этих данных можно будет составить представление и о местоположении могильника, о котором речь пойдет во второй части издания.

Селище Дунино-6 находится в 5,5 км к востоку от Звенигорода и в 0,8 км от д. Дунино. Оно расположено на восточной оконечности узкой и протяженной возвышенности – «гривы», ограниченной на юге Артельским оврагом, а на севере равниной – Дунинским полем, которое

распространялось до Москвы-реки (рис. 2).

Вот как описал Дунинское поле М.М. Пришвин летом 1946 г.: «За деревенскими домами расстилось обширное поле. Оно было круглое, как чаша, то золотое под рожью, то малиновое – под клевером, то розовое – под гречихой. Леса окаймляли деревню и поле со всех сторон. Они шли вглубь на многие километры и состояли из смешанных пород – это было их красой и богатством»².

«Грива» начинается в 300 м к югу от д. Дунино и протекает в направлении на восток около километра. Это особый элемент ландшафта. Он образует переход от равнины (Дунинского поля) к моренной возвышенности, которая начинается за Артельским оврагом и распространяется на юг. В центральной части «гривы» сохранился сосновый лес-беломошник, отражающий состав древней растительности этого удивительного урочища. Далее на восток на поляне прямоугольной формы до недавнего времени сохранялись строения артели «Металлист», созданной жителями Дунино в 1919 г. и выпускавшей продукцию до 1980-х гг. (Прил. 1. № 55). В 1941 г. у восточной ограды «Металлиста» были похоронены бойцы Красной Армии, и с того времени здесь возникло кладбище деревни Дунино.

В районе селища вершина «гривы» (164 м) возвышается над дном оврага (155 м) на 9 м, а над уровнем Дунинского поля (157 м) – на 7 м. С запада селище ограничено кладбищем и артелью «Металлист». У подножья возвышенности до XVIII в. пролегал Старая Можайская дорога, показанная на плане земельной дачи с. Козина 1767 г.³ (рис. 13). В настоящее время дорога используется как подъезд к пансионату «Поляны», который был построен на Дунинском поле в 1978 г.

Селище было обнаружено в 1997 г. на поляне близ кладбища, в западной части возвышенности⁴. 18.06.2011 г. сотрудники дома-музея М.М. Пришвина, осматривая расположенные в центре

¹ Беляев Л.А. Сакральная топография Москвы: храм, кладбище, город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы. Т. 3. М.: Наука, 2005. С. 29–41.

² Пришвина В.Д. Пришвин в Дунино. М., 1978. С. 23.

³ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к

⁴ Чернов С.З. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы «Поречье» и прилегающих к ней территорий. г. Звенигород. Московская область. М., 1997 г. (Центр новых технологий). Т. 3. С. 11. Рис. 102–106.

возвышенности траншеи 1941 г., обнаружили в их стенках кости. Зачистка показала, что это погребения средневекового времени, и вблизи траншеи, на могильнике, был заложен шурф 1 (рис. 16).

Для изучения поселения летом 2011 г. были заложены четыре линии шурфов № 2 – 22 размерами 1 х 0,5 м. Их расположение можно увидеть на плане селища⁵ (рис. 16). На желтом песке – буром горизонте погребенной почвы (подзол сохранялся фрагментарно, следов пашен не прослежено) – залегал культурный слой, переотложенный в ходе формирования лесных почв в буро-серую и серую супесь. Там, где нижний горизонт слоя сохранился *in situ* (шурфы 7, 11, 13, 21, 30), он имел вид черной супеси. На восточном краю мыса супесь (6–18 см) почти не содержала керамики (шурф 14).

Шурфы *восточной линии* зафиксировали слой лишь на северном склоне (34 см), а на возвышенности (18 см) и южной бровке (14–20 см) это были скорее следы освоения. Фрагменты керамики XVI в. встречены повсеместно, у подножья северного склона (шурф 17) – красная грубая, а на вершине мыса (шурф 3) и южной бровке (шурф 15) – курганная и серая. Это показывает, что восточная окраина возвышенности была освоена в XIII в. и в XVI в.

Центральная линия шурфов пересекла возвышенность в зоне могильника. В шурфе 2 под дерном и серой супесью (20–30 см) открылись его следы. Зачистка на глубине 50 см зафиксировала полосу материка шириной 1–0,6 м, ориентированную по линии Ю.З.–С.В., а по обе стороны от нее – серо-бурую супесь и «грязный» песок. Полоса материка представляла собой останец между могильными ямами. Из керамики (23) к XIII–XIV вв. относились курганная, серая посуда и пряслице, изготовленное из стенки горшка, а к XVI в. – белоглиняная грубая. Кроме того, в ш. 2 была найдена лепная сетчатая керамика (рис. 80 Б) – следы поселения дяковской культуры, которая датируется I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

Шурфы 6 и 7 к северу от могильника зафиксировали слой (14–20 см) с керамикой XIII–XVI в. У подножья склона (ш. 18 и 21) его мощность достигла 26–38 см, а насыщенность керамикой – 68–70 фрагментов (против 14–16 в шурфах 6 и 7). Здесь также была представлена как курганная серая и красная грубая посуда, так и материал второй половины XV–XVI вв., включая росписную керамику по ангобу. Обнаружение мощного культурного слоя у подножья склона показало, что близ Можайской дороги имелась застройка. К югу от могильника (шурфы 4 и 5) мощность слоя была ниже

(12–16 см), а керамика (5 и 21 фрагмент) относилась исключительно к XVI в.

Западная линия шурфов прошла по центру селища. Шурф 8 на вершине возвышенности попал на отложения серой супеси (40 см) с угольками и печиной. Зачистка (–40) открыла яму (более 1 м) с обожженной глиной, датируемую последней четвертью XV–XVI вв. (красная гладкая – 34, белоглиняная грубая – 8, ангобированная – 6 и чернолощенная посуда – 2 фрагмента). Начало освоения этого места относится к XIII в. (курганная и серая керамика – 5 фрагментов). На северном склоне (шурфы 11, 12) прослежен слой (18 см), насыщенный керамикой (38 и 27 фрагментов) XIII – первой половины XV в. (курганная – 2, серая – 14, красная грубая – 33 фрагмента) и печиной. Посуды конца XV–XVI в. здесь меньше (красная гладкая – 5, белоглиняная грубая – 6, ангобированная – 4 фрагмента).

На поляне, в западной части селища, в шурфе 9 под серой супесью (30 см) открылся край ямы в материке, заполненной черной супесью с угольками и печиной, красной грубой керамикой и обломком чугунного котла. Такой же мощный слой (26 см) распространялся до южной бровки (шурф 20). В 40 м к северу, на бровке (шурф 10) и склоне (шурфы 19, 22), насыщенность слоя (12–18 и 20–26 см) керамикой XIII–XVI вв. была в пять раз ниже, чем над ямой (10–11 фрагментов – в шурфах 10 и 19; 5 фрагментов – в шурфе 22).

Как можно видеть, на ранней стадии – во второй половине XIII–XIV вв. – поселение занимало вершину холма и часть северного склона, в XV в. оно охватило западную часть холма и весь склон, а в XVI в. расширилось и достигло площади 8 тыс. кв. м (рис. 16).

Хронология поселения

Для того чтобы датировать культурные отложения селища более точно, необходимо опереться на существующие разработки по типологии и хронологии древнерусской и раннемосковской керамики. Эти разработки построены на изучении закрытых комплексов керамики из погребов построек и стратифицированных отложений, перекрытых точно датированными прослойками строительства. В 1991 г. сотрудниками Московской археологической экспедиции Института археологии РАН было опубликовано около ста закрытых комплексов керамики, включая сосуды из подмосковных курганов⁶. За прошедший с того времени период число закрытых комплексов удвоилось. Благодаря этому сегодня мы можем сопоставить керамические материалы из шурфов селища Дунино-6 с большим количеством наборов единовременно существовавшей керамики, которая откладывалась на протяжении примерно четверти столетия.

5 Чернов С.З. Археологические исследования объектов археологического наследия «Шестое Дунино» селище у быв. артели «Металлист» и «Грунтовый могильник Дунино» для их постановки на охрану в качестве объектов культурного наследия регионального значения в Одинцовском районе Московской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 36327. № 36328.

6 Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991.

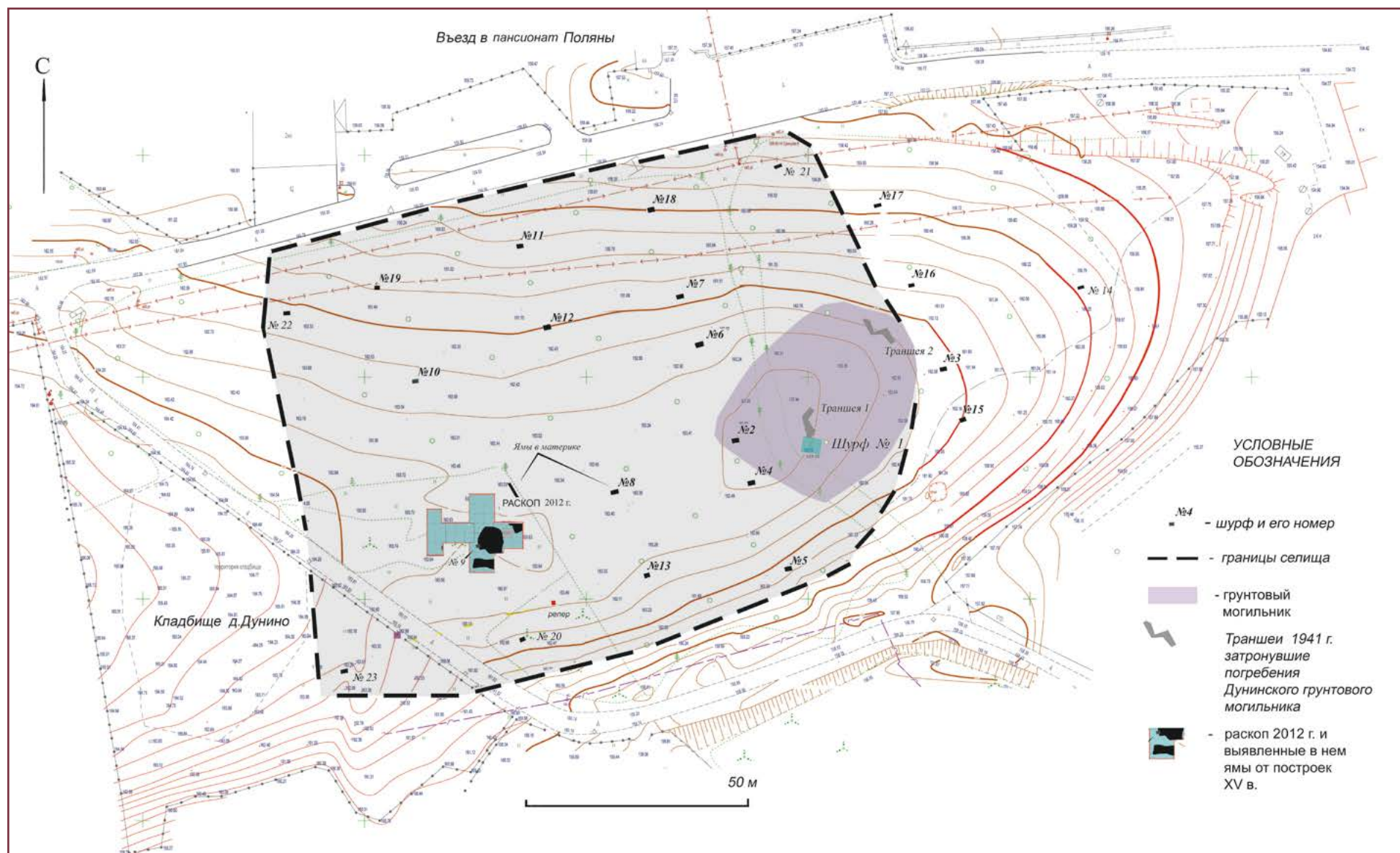

Рис. 16. Шестое Дунинское селище и Дунинский грунтовый могильник. План.

В целом керамические материалы из шурфов 2–22 (всего 451 фрагмент) делятся на 4 группы. Это лепная дяковская посуда I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. (1%), курганная керамика XIII в., серая керамика XIII–XIV вв. (19%), красная грубая XIV – третьей четверти XV в. (24%) и красная гладкая, белоглиняная грубая и чернолощенная последней четверти XV–XVI в. (56%).

Как можно видеть из этих данных, первое появление человека на этом удобном для жизни месте относится к раннему железному веку. Однако ко времени славянского освоения края это поселение не существовало уже много веков.

С древнерусской эпохой на селище Дунино-6 связана курганная керамика, то есть посуда, аналогичная сосудам, находимым в подмосковных курганах середины XII – первой половины XIII вв.

Курганная керамика имеет толщину стенок от 4 (рис. 17 а, 118, 131, 143, 157) до 8 мм (рис. 17 а, 89) и изготовлена из красной глины с дресвой (кварцита 0,5–2 мм). Поверхность сосудов оранжевая, кирпично-красная, серая. В изломе черепки двух- или трехслойны, что свидетельствует о неполном окислительном обжиге. Сосуды украшены горизонтальным орнаментом, нанесенным глубоко, по влажной поверхности горшка. Отогнутый венчик с валиком снаружи и упором под крышку (рис. 17, 147) имеет аналогии в кургане первой половины – середины XII в. (МК⁷. Табл. 8, 32), нижнем слое Богоявленского монастыря первой трети XIII в. (МК. Табл. 21, 518, 510) и срубe 1 Исторического проезда в Москве с порубочными датами 1249, 1251 гг. (МК. Табл. 32, 734, 737), а венчик с бороздкой по срезанному краю (рис. 17, 150) – в слое Богоявленского монастыря (МК. Табл. 22, 515; Табл. 22, 899). Венчики воронкообразных горшочков (рис. 17, 118, 131) близки сосудам сруба 1 и ямы 3 Исторического проезда (МК. Табл. 32, 868; Табл. 39, 2128), а также селища Царева-1 в Пушкинском районе Подмоскoвья второй половины XIII в. (МК. Табл. 62, 3, 9).

Таким образом, мы можем уверенно говорить о появлении поселения во второй половине XIII в., когда курганная керамика продолжала использоваться. В этот период с ней сочеталась постдревнерусская керамика упрощенных форм, которая получила особенно широкое распространение после монгольского нашествия. Археологи М.Г. Рабинович и Р.Л. Розенфельдт, которые выделили этот тип керамики на памятниках Москвы и Подмоскoвья, называли его серой по цвету поверхности большей части сосудов. Поскольку данный тип обладает четко очерченными признаками, этот термин продолжает использоваться.

Серая керамика технологически близка курганной (кварцита от 0,5 до 2 мм), но заглажена (рис. 17 б), стенки тоньше (5–6 мм) (рис. 17 б 91, 139, 162, 173), а редкий горизонтальный орнамент нанесен

по подсохшей поверхности (рис. 17 б, 97, 128, 140, 163, 166). Чтобы уточнить датировки, необходимо учесть все нюансы формы верхней части сосуда. Для этого опишем более детально каждый из вариантов серой керамики и приведем их аналогии, которые удастся отыскать в закрытых комплексах керамики, имеющих более или менее точные датировки.

Срезанные венчики (рис. 17 б, 91, 173) имеют аналогии в комплексах селищ Лешково-2 близ Радонежа первой половины XIV в. (МК. Табл. 65, 72а, 73, 76) и Дубинкин лес-1 в Москве (район Ясенева) третьей четверти XIV в.⁸ Наиболее поздние их варианты найдены в слоях, отражающих трапезницу 1380–1390-х гг. Шавыкина Дубенского монастыря, который был основан Сергием Радонежским к северу от Троице-Сергиева монастыря⁹. Некоторые из найденных венчиков сужаются к краю (рис. 3б, 121, 162), как в материалах из селища Семхоз-4 близ Радонежа¹⁰ и селища Дубинкин лес-1¹¹.

Венчик с эллипсовидным валиком (рис. 17б, 139) аналогичен горшкам, бытовавшим в первой-третьей четвертях XIV в. и найденным в постройке селища Лешково-2 (МК. Табл. 66, 74). Имеются такие формы в Срубe 6, исследованном во время раскопок на Красной площади в 1988 г. (Исторический проезд), – венецианские голубые стеклянные колечки и другие находки позволяют датировать его первой четвертью XIV в. (МК. Табл. 46, 223б). Эллипсовидные валики встречены также в Срубe 2 Монетного двора московского Китай-города (МК. Табл. 55, 1928), на селище Лешково-4 близ Радонежа (МК. Табл. 67, 510) и селище Дубинкин лес-1, которое по современным представлениям датируется третьей четвертью XIV в.¹²

8 Кренке Н.А. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III. М.: Наука, 2005. С. 308, рис. 34, 15.

9 Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1995. Рис. 7 на с. 140, 3-й сверху.

10 Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмоскoвья. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 1996. (Тр. Музея истории г. Москвы; Вып. 9). С. 85, 94-1.

11 Кренке Н.А. «Взлет на холмы»: Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III. М.: Наука, 2005. Рис. 36 на с. 310, 4.

12 Кренке Н.А. «Взлет на холмы»: Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III. М.: Наука, 2005. Рис. 33 на с. 306, 3; рис. 34 на с. 308, 3.

7 Здесь и далее: МК – Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991.

Воронковидные сосуды (рис. 17 б, 88, 138) бытовали со второй половины XIII в. (МК. Табл. 39, 2128; Табл. 62А, 9) до третьей четверти XIV в. (МК. Табл. 57, 3967)¹³. Таким образом, формы серой керамики имеют связи с комплексами второй половины XIII – третьей четверти XIV вв.

Второй этап жизни поселения маркирован *красноглиняной грубой* керамикой. При изготовлении этого принципиально нового типа керамики в качестве примеси использовался среднезернистый песок, поверхности бурого и серого цвета заглаживались. Имеются как однослойные (рис. 17 в, 117, 127, 141), так и трехслойные (рис. 17 в, 81, 136, 137) стенки.

Горшок с заостренным краем (рис. 17 в, 136, 103) близок сосудам из Дубинкина леса-1¹⁴, а вертикально стоящий венчик (рис. 2в, 103) напоминает сосуды, найденные в Шавыкин Дубенском монастыре¹⁵, постройке селища Михайловское-2 (МК. Табл. 71, 185) и на Воскресенском погосте Кинельского стана в Сергиево-Посадском районе (МК. Табл. 74, 332).

Горшки с подтреугольным валиком внутри (рис. 17в, 137) есть в комплексах Шавыкина Дубенского монастыря¹⁶, в постройке из Ваганькова в Московском Белом городе (МК, Табл. 76, 195) и в Сруб 7, датируемом московской берестяной грамотой № 1 первой трети XV в. (МК. Табл. 79, 2559).

Из сосудов с вертикально стоящим венчиком и плоским краем (рис. 17в, 132, 81, 96, 112, 116, 153) венчик 132, украшенный «косой волной», имеет аналоги в Михайловском-2 (МК. Табл. 71, 150), Ваганьково (МК. Табл. 76, 194) и Сруб 7 (МК. Табл. 79, 2560), венчик 81 – в Сруб 7 (МК. Табл. 79, 2498), остальные (рис. 2в, 96, 112, 116, 153) – в Шавыкин Дубенском монастыре¹⁷, Михайловском-2 (МК. Табл. 70, 164 и др.) и Воскресенском погосте (МК. Табл. 74, 334).

В целом формы красной грубой посуды из Дунино-6 тяготеют к комплексам последней четверти XIV в. (Шавыкина Дубенский монастырь), первой половины XV в. (Михайловское-2, Ваганьково, Сруб 7 Исторического проезда) и третьей четверти XV в. (Воскресенский погост).

Процентное соотношение курганный, серой и красной грубой керамики, наблюдаемое в Дунино-6 (18/27/55), – результат смешения посуды, бытовавшей длительный период. Начало его пришлось на время совместного бытования курганный и

серой посуды и появления красной грубой. Такое соотношение (36/54/10) известно по сборам на селище Лешково-8 близ Радонежа (23/52/25), где в последней четверти XIII – первой четверти XIV вв. наблюдалось доживание курганный традиции вплоть до появления красной грубой керамики¹⁸. Завершение периода относится к концу XIV – первой половине XV вв., когда красная грубая керамика сочеталась с краснолощеной (95/5).

В позднем комплексе доминирует красноглиняная гладкая (60%), которая сочетается с белоглиняной грубой (27%) и новыми типами столовой посуды (ангобированная 10%, чернолощеной 1%) (рис. 18). Подобное соотношение типов показывает, что поселение существовало в последней четверти XV в., когда красноглиняная керамика доминировала (54–81%). Среди белоглиняных венчиков нет формы середины XVI в. с эллипсовидным валиком, а белоглиняная гладкая посуда, появившаяся в 1550–1560-х гг., отсутствует. Следовательно, поселение процветало в последней четверти XV – начале XVI вв. и, затухая, продолжало существовать до периода запустения Замосковья, который наступил в 1570-е годы.

Топография могильника и поселение на разных этапах его развития

Подведем итоги. Могильник зафиксирован в траншеях 1 и 2 и шурфах 1 и 2, но не прослежен в шурфах 3–6, 15, 16. Соответственно, его можно локализовать в пределах пространства 40х35 м. В таком случае площадь его составляет около 1400 кв. м. Он занимал восточную, мысовую, часть возвышенности (рис. 16).

Что касается поселения, то на ранней стадии его развития – во второй половине XIII–XIV вв. – оно занимало вершину холма и часть северного склона. Об этом периоде нам известно довольно мало. В XV в. застройка распространилась на западную часть холма и весь склон. Этот этап жизни Власьевского удалось раскрыть максимально полно благодаря раскопкам усадьбы (см. главу 3)

В начале XVI в. поселение увеличилось вновь и достигло площади 8 тыс. кв. м (рис. 16). Запустение поселения наступило не позднее 1570-х годов. Таким образом, по данным шурфов, можно заключить, что кладбище располагалось в восточной части деревни. Однако как именно соотносилось кладбище и поселение на разных этапах жизни этого селения, остается пока не ясным. На эти вопросы ответили раскопки, к описанию которых я теперь обращаюсь.

13 См. также Кренке Н.А. «Взлет на холмы». С. 305. Рис. 32, 2.

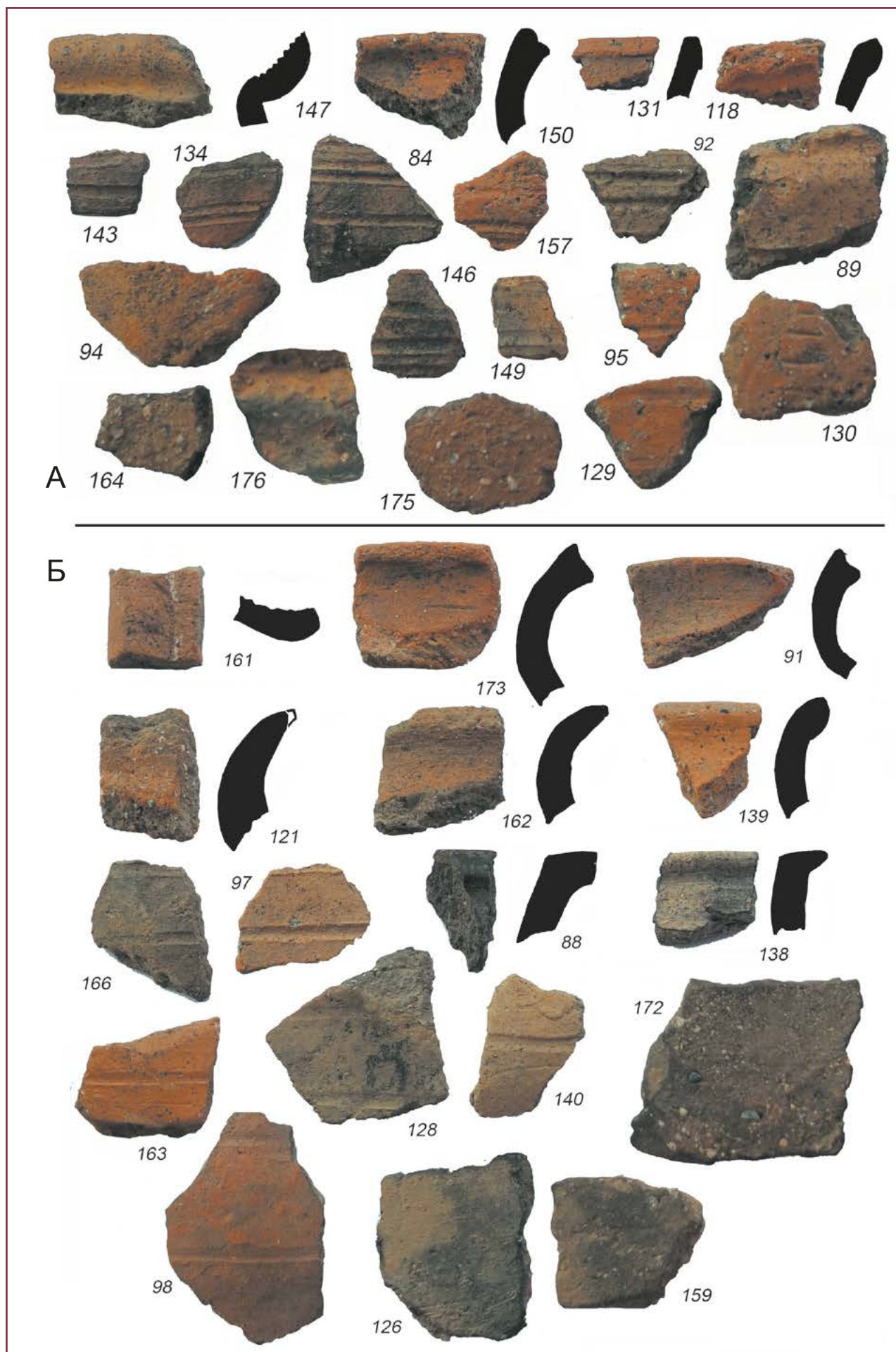
14 Кренке Н.А. «Взлет на холмы»...Рис. 32 на с. 305, 2.

15 Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным... Рис. 8 10-й сверху.

16 Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным... рис. 8 на с. 141, 1-й сверху.

17 Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным.... Рис. 8, 2-й снизу.

18 Чернов С.З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 256–257.

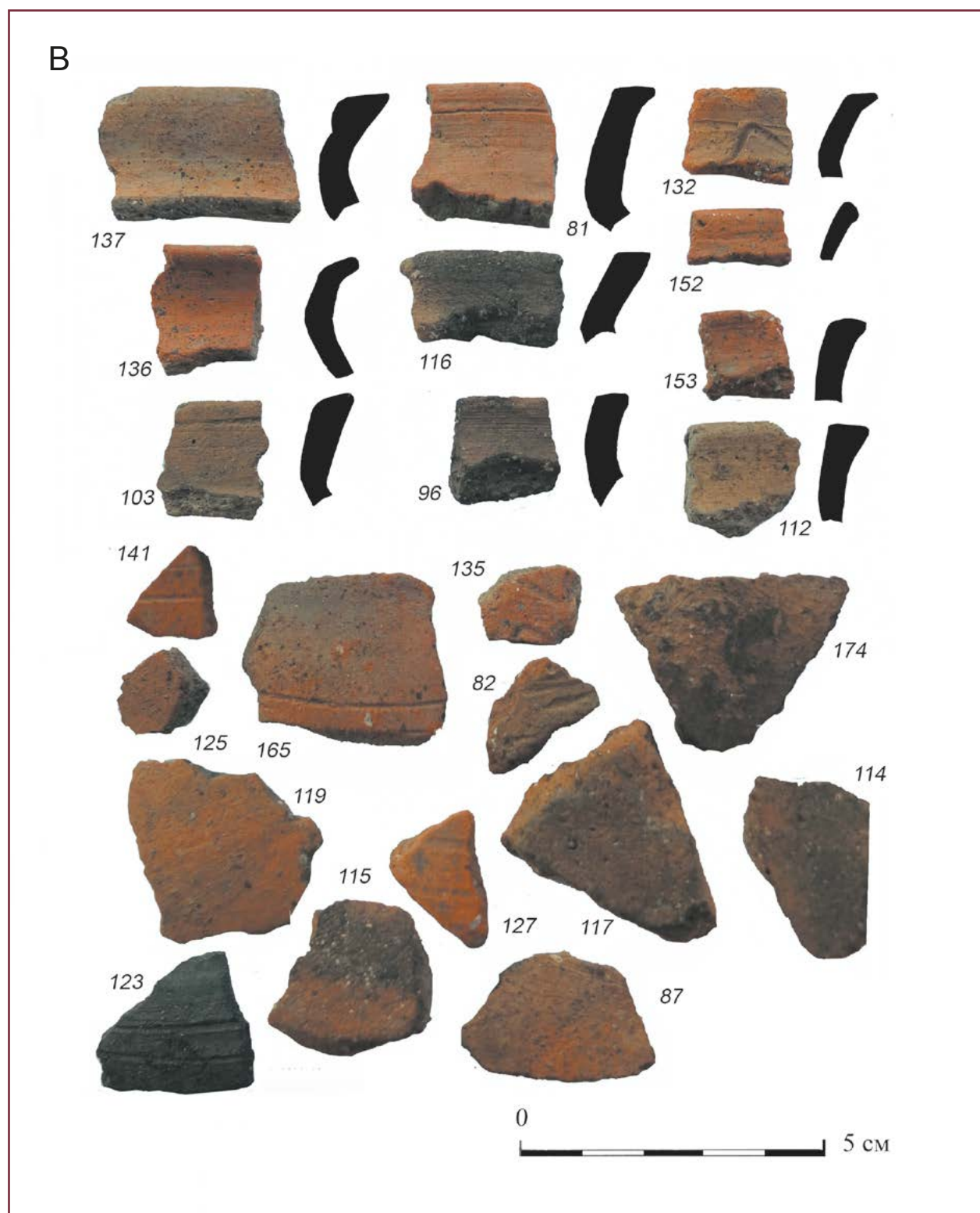

Рис. 17. Шестое Дунинское селище. Керамика из шурфов 2-22: А – курганная; Б – серая; В – красноглиняная грубая

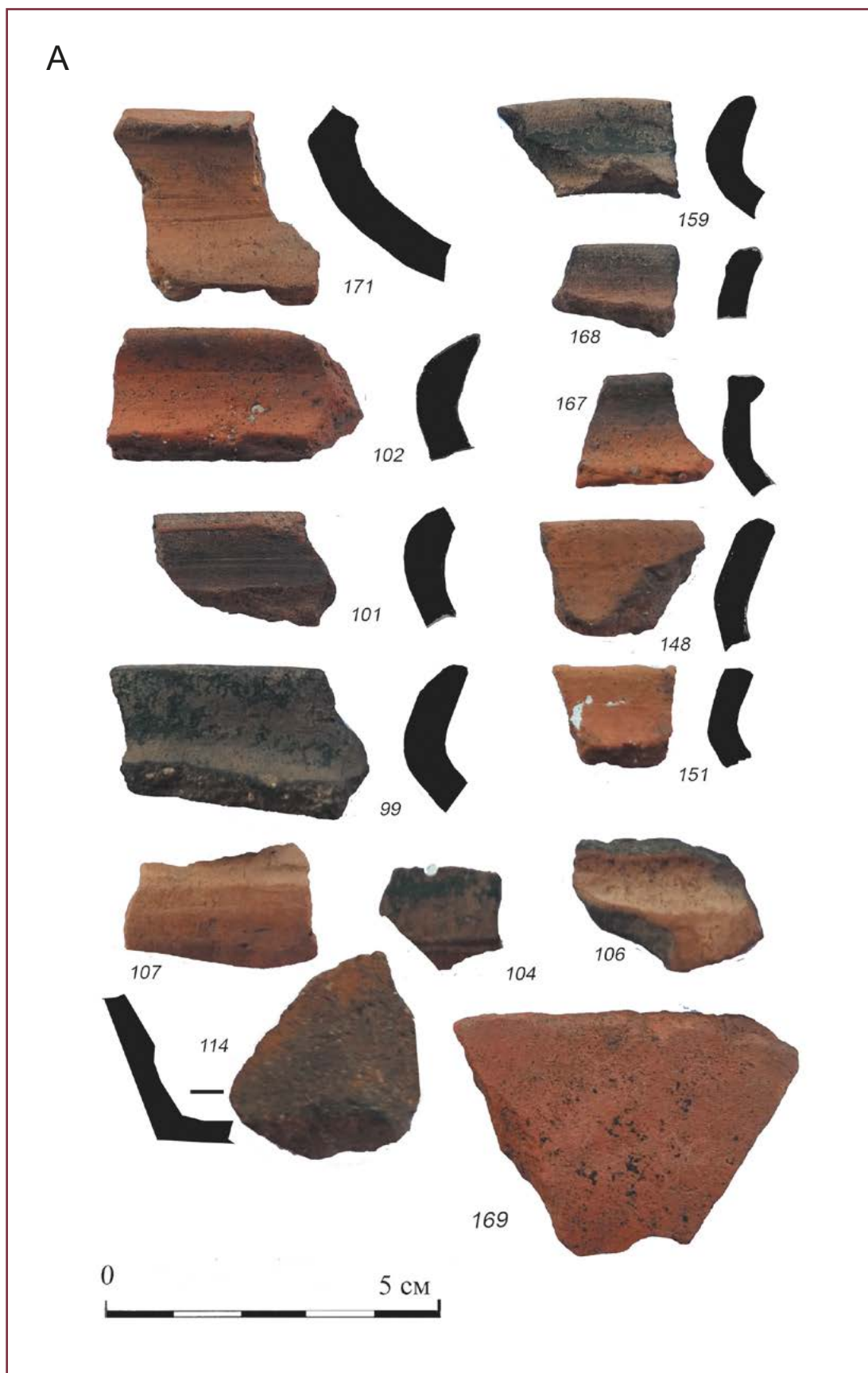
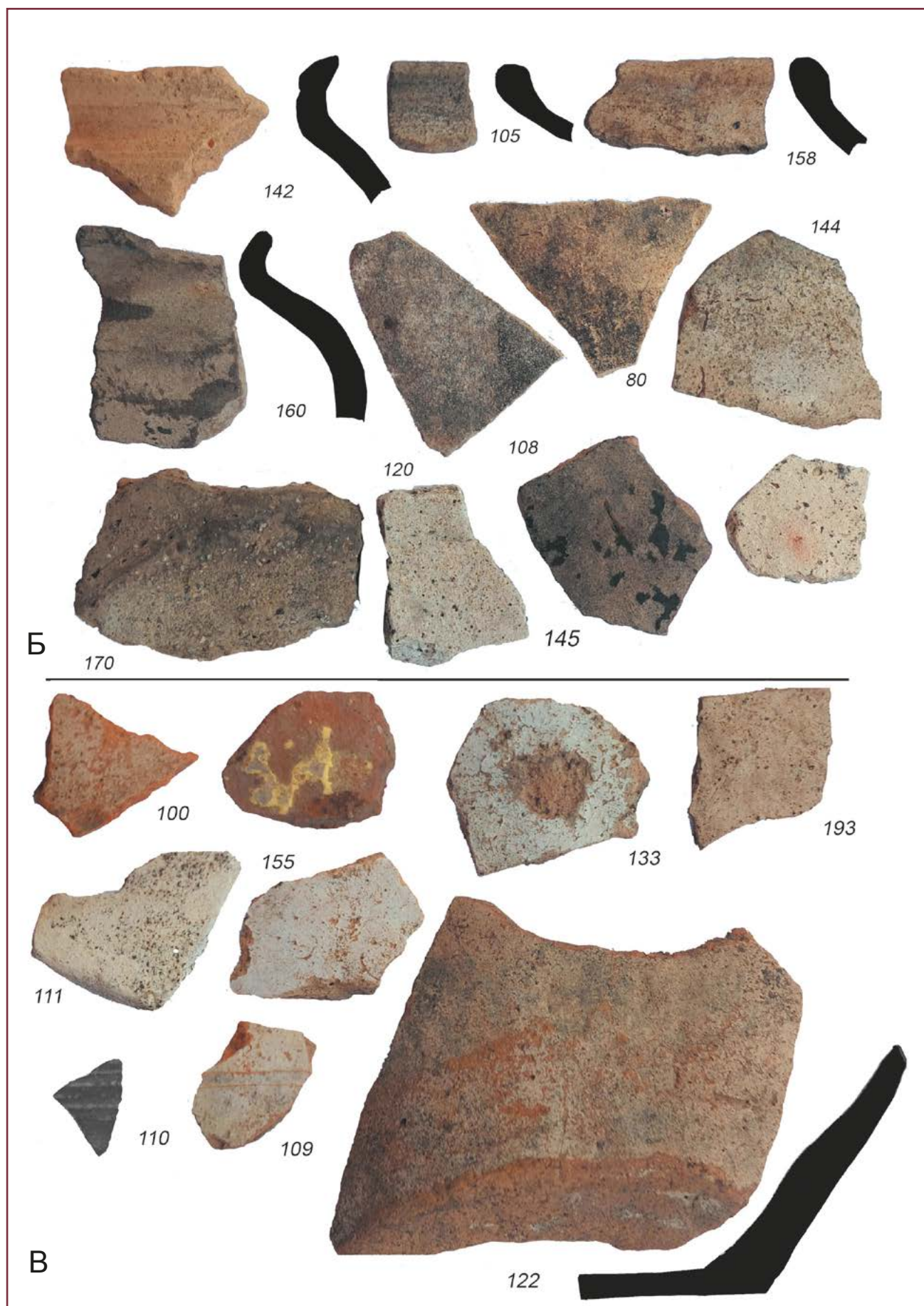

Рис. 18. Шестое Дунинское селище. Керамика из шурфов 2-22:
А – красноглиняная гладкая;
Б – белоглиняная грубая и шероховатая;
В – ангобированная, крашеная (169), чернощеная (110)

Глава 3

Двор с монетными весами в деревне Власьевская: материалы археологических раскопок Шестого Дунинского селища

Обращаясь к раскопкам Шестого Дунинского селища, мы переходим на новый уровень исследований, который имеет свои возможности и ограничения. Археологические раскопки – весьма своеобразный взгляд на мир прошлой жизни. Мы как бы входим на крестьянскую усадьбу и как этнографы наблюдаем характер построек и особенности быта людей, которые их давно покинули. При этом в нашем распоряжении оказываются лишь следы сооружений и предметы, которые либо были выброшены за ненадобностью, либо оказались в земле в результате пожаров¹.

На Руси в XIV–XV вв. под жилой постройкой и клетью, предназначенной для хранения имущества и запасов, стали делать подвалы в рост человека. Благодаря этому при разрушении постройки (в результате пожара или медленного тления дерева) печь и полы проседали в подвалы. Это дает археологам значительный материал для понимания характера сооружения. Необходимо, впрочем, принимать в расчет, что мы обладаем даже не полом сооружения и подпечком, а сгоревшими и разрушенными их остатками. К этому следует добавить, что отпечатки собственно жилого сруба удастся прочесть на поверхности материка очень редко, поскольку срубы ставили на деревянных подставках, как мы видим это в сооружениях XVII–XVIII вв. Русского Севера. Так или иначе, фактически, проводя раскопки, археологи «наблюдают» почти исключительно поверхность (земли или пола сооружения), по которой ходили люди. Этот взгляд в чем-то сродни взгляду ребенка, которому доступны прежде всего нижняя часть жилья и поверхность земли вокруг него.

Разумеется, описанный выше «узкий угол зрения», присущий археологическим раскопкам, их не исчерпывает. Находки, которые археологи извлекают при раскопках, могут происходить из весьма отдаленных мест. Для того чтобы их атрибутировать и датировать, необходимо обладать большим объемом информации о раскопках,

производившихся за многие сотни и тысячи километров от исследуемого памятника.

Какие выводы можно сделать из сказанного? Во-первых, для того чтобы суммировать и понять разнородную и различную по значимости информацию, необходимо четко представлять себе цели работы. Во-вторых, важно трезво оценивать возможности того материала, который удалось получить в ходе раскопок.

Работы на Шестом Дунинском селище являлись частью программы раскопок ранних волостных деревень Московского княжества, которая была построена главным образом на материалах древнего Радонежского княжества и других волостей в центре и на северо-востоке Московского княжества (Chernov, Erschova. 2013; Чернов, 2015). Целью этой программы было описать облик первых русских деревень – нового типа поселений, которые получили распространение во второй половине XIII–XIV вв. Речь идет о поселениях, располагавшихся на княжеских/государственных землях, а не на территории боярских вотчин, которые начали формироваться с середины XIV в. Деревням была свойственна определенная иерархия – они представляли собой рассредоточенные 1–3-дворные поселения, тяготеющие к крупным селам, многие из которых известны по духовным грамотам и актам.

Программа предполагала изучить следы однотипных в социально-экономическом отношении селений в разных ландшафтах московского края: мешерской низменности (селище Горбово-3), местности на грани низменности и моренной возвышенности (Кукарки близ с. Душеново)² и Клиньско-Дмитровской гряды (Лешково-4 близ Радонежа)³. Раскопки Шестого Дунинского селища, которое расположено близ берега Москвы-реки, позволяют проследить, как протекала жизнь такого селения в ландшафтах Москворечья.

¹ Здесь невозможно даже конспективно изложить подходы и методы полевой археологии. Укажу лишь на одну работу, которая оказала значительное влияние на подходы к раскопкам, выработанные автором и его коллегами по Московской археологической экспедиции ИА РАН: Barker Philip. *Techniques of archaeological excavation*. New York: Universe Books, 1977.

² Чернов С.З. «Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 гг. // *Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара*. Вып. 16. М., 2020. С. 219–262.

³ Чернов С.З. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) // *Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара*. Вып. 11. М., 2015. С. 304–338.

Рис. 19 Селище Дунино-6. Раскоп 2012 г. Центральная постройка усадьбы на уровне зачистки 1-го пласта. Вид с северо-запада

Дунино-6, расположенное в 5,5 км к востоку от г. Звенигорода, представляло значительный интерес для изучения этой темы. Селище идентифицировано с волостной деревней Власьевская, которая входила около 1404 г. в домениальное владение звенигородских князей, позднее принадлежало Саввино-Сторожевскому монастырю, а в 1470–1472 гг. вернулось в состав княжеского домена. Как было показано выше (глава 2), оно возникло в XIII в. и имело преемственную связь с крупными вятичскими поселениями XI–XII вв. в долине р. Москвы.

В 2012 г. на селище, на месте намеченной к строительству деревянной церкви Ксении Блаженной, были проведены раскопки (161 кв. м), открывшие сельскую усадьбу, давшую яркий комплекс находок XV в. Эти материалы позволяют во многом по-новому увидеть материальную культуру, занятия жителей и экономику крестьянского хозяйства.

Керамическая тема

Однако, как часто бывает в подобных случаях, историческая информация, потенциально заложенная в материале, может быть прочитана лишь после решения ряда источниковедческих задач, связанных с пониманием археологических комплексов данного типа. Вот почему перед тем, как обратиться к описанию раскопок, необходимо

сказать несколько слов о состоянии наших знаний о датировках керамических материалов XV в. Это заострит наше внимание на хроноиндикаторах и позволит в полной мере оценить ценность информации, полученной при раскопках Дунино-6 в 2012 г.

Если сравнить археологическое описание с небольшим музыкальным произведением, то оно состоит из целого ряда тем или мелодий. Одной из таких мелодий является керамика. Для раннего периода славянского освоения Подмосковья «раннекруговая» керамика часто несет информацию о том, из каких районов пришли ее носители. Позднее, в XII–XIII вв., происходит унификация форм посуды на обширных пространствах Древней Руси. Применительно к Подмосковью археологи продолжают использовать для ее описания термин «курганная», поскольку именно такие сосуда находят в подмосковных курганах. В этот период устанавливаются канонические формы сильно отогнутого венчика с валиком на конце. В XIII в. ее постепенно сменяет более упрощенная и рассчитанная на массовое производство «серая» керамика. Поскольку конструктивно она почти не отличима от древнерусской керамики, ее можно назвать «постдревнерусской». XIV–XV вв. – особый период в русском керамическом производстве и в бытовании керамики. В центральной России появляется совершенно новый ее

тип – красноглиняная грубая. Венчики «вдавливаются» в тело сосуда, плечики поднимаются вверх и приобретают ребро на переходе к шейке, используется глина без грубых примесей и появляется орнамент, который принято называть «косая волна». В этот период усиливается регионализация. Керамика Московской и Суздаль-Нижегородской земель (именно здесь господствует красноглиняная керамика) отличается от посуды Тверской и Новгородской земель, которая сохраняет больше древнерусских черт. Новая унификация в пределах формируемого Московского государства наступает во второй половине XV и XVI вв. и связана с появлением серии новых типов керамики. Это белоглиняные грубые горшки и кувшины с характерным эллипсовидным валиком снаружи горшка, а также чернolощеная столовая посуда, пришедшая из Западной Руси через Смоленскую землю. Им синхронны более совершенные формы красноглиняной посуды, которые принято именовать «красноглиняной гладкой» керамикой. Подобное сочетание бытует с последней четверти XV в. до конца XVI в. Наконец около 1550-х годов в округе Москвы и других землях Центральной России распространяется белоглиняная гладкая посуда с вертикальным венчиком и орнаментом из тонких параллельных линий, восходящая к керамическим традициям Приокских земель.

Как известно, керамика меняется со сменой моды. Введение в научный оборот закрытых комплексов керамики и вещей сельских поселений Московской Руси, которые содержат монеты и имеют радиоуглеродные даты, открывает новые возможности для уточнения датировок керамики и других находок. В то же время эти материалы ставят перед исследователями вопросы, которые показывают, насколько сложным для интерпретации археологическим источником являются подземные части жилых построек.

Если обратиться к данным, на которых базируются наши представления об этапах бытования керамики, изготавливавшейся на территории Московской земли в XV в., то оказывается, что уверенно выделяются лишь закрытые комплексы первой и последней четвертей этого столетия.

Первая группа комплексов отражает этап, наступивший после выхода из употребления серой (постдревнерусской) посуды⁴. Они включают красноглиняную грубую керамику, которая абсолютно преобладает и сочетается с небольшим количеством столовой чернolощеной посуды. Таковы комплексы из ямы селища Михайловское-2 в волости Воря, идентифицируемого с деревней

села Муромцева, которая к 1447–1455 гг. обращалась в пустошь (Чернов, 1991. С. 30. Табл. 132–134) и Сруба 7 Исторического проезда в Москве, в которой была найдена московская берестяная грамота № 1, датированная по палеографическим признакам 1410–1430 гг. (Чернов, 1991. С. 140).

Иной набор керамических типов отражают комплексы второго типа. Они были обнаружены в ходе раскопок на Историческом проезде в Москве (1988 г.) в подземных частях построек, сгоревших в пожар 1493 г. Замоещение Красной площади, произведенное вскоре после 1493 г., надежно отделило эти сооружения от позднейших напластований (Чернов С.З., 1991. С. 50). Основу комплексов образует красноглиняная гладкая керамика (72–81%), среди которой значительный процент составляла красноглиняная гладкая ранняя, выделенная как переходный тип (Бойцов И.А., 1991.). Кроме того, присутствуют белоглиняная грубая (18–14%), чернolощеная (3–4 %), ангобированная (1,5–4%) и чернolощеная (0,7–2%) керамика.

Долгое время не удавалось выделить комплексы, которые бы отражали бытования керамики в хронологическом промежутке между первой и второй группами. В Зарядье сооружения, залегающие под прослойкой 1468 г., располагались в культурном слое, и в их составе имелись находки из более ранних отложений (Чернов, 1991. С. 20). В 1978 г. в ходе проводившихся близ г. Сергиева Посада раскопок селища у Воскресенского погоста в постройке 1 вместе с чернolощеным кувшином была обнаружена красноглиняная гладкая ранняя посуда, технологически более развитая, чем красная керамика Михайловского-2 (Московская керамика. Табл. 137). Однако точно датировать это сооружение не представилось тогда возможным.

Наконец в 2004 г. на селище Котово (Истринский район) были обнаружены закрытые комплексы керамики (ямы 1, 2, 6), давшие сочетание красноглиняной грубой посуды с красноглиняной гладкой, белоглиняной грубой и мореной в соотношении 71/2, / 21/4, 56/22 / 5/17 и 67/1 / 6/1. Встречены своеобразные формы завершения красноглиняных сосудов: с нависающим валиком снаружи, с краем, резко отогнутым наружу под 45 градусов, а также венчики со срезанным краем (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 190. Рис. 6, 3; С. 197. Рис. 8, 5; С. 201. Рис. 11, 8). Авторы раскопок, следуя в русле существовавших тогда представлений о хронологии распространения мореной и белой грубой керамики, датировали эти сооружения последней четвертью XV в. Между тем в одной из ям был найден криновидный крест-тельник (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 107. Рис. 3, 4) – тип, который выходит из употребления после первой трети XV в.

Материалы раскопок Шестого Дуинского селища, которым посвящена настоящая статья, позволили вернуться к вопросу о датировке комплексов типа Котово.

4 Наиболее поздним комплексом (его нельзя признать в полной мере закрытым), содержащим серую керамику, остается строительный горизонт Тушкова городка, содержащий монету Василия I или Дмитрия Донского с арабской легендой с именем Тохтамыша на обороте, чеканенную между 1383 и 1398 гг. (Рабинович, 1959. С. 281)

Предварительные данные

В 2012 г. в западной части селища, на вершине возвышенности был заложен раскоп площадью 161 кв. м (Чернов, 2012). К моменту начала работ старинная поляна-покос была освобождена от кустарника, который сформировался после прекращения ее обработки под огороды в начале 2000-х гг. (рис. 19, 20). Раскоп I был ориентирован по странам света и имел крестовидную форму (рис. 21), повторяя пятно застройки будущей церкви. Два пересекающихся «трансепта» образовывали западный, центральный, восточный, северный и южный участки. Перекрестие «трансептов», под которым была позднее открыта яма 1, лежало на отметках +55–45 см⁵. К западу от него поверхность культурного слоя повышалась на 10 см (до отметок +61–66 см у западной стенки раскопа). По остальным направлениям наблюдались понижения: к северу на 30 см (до +30–34 см у северной стенки раскопа), к востоку – на 70–80 см (до -18–26 см у восточной стенки раскопа), а к югу – на 50–65 см (+7 – -15 см у южной стенки раскопа)⁶.

Разборка верхнего культурного слоя велась под наблюдением научного сотрудника Отдела нумизматики ГИМ И.В. Волкова⁷. При этом особое внимание уделялось предварительному исследованию культурного слоя с помощью металлодетектора с выставлением маркеров, чтобы при разборке слоя надежно выявлять находки из металла⁸. На втором этапе работ исследовались сооружения в материке. Фиксация их велась автором при участии сотрудников ИА РАН О.Н. Глазуновой и Е.Ю. Лебедевой⁹.

Верхний слой селища: выделение материалов, связанных с усадьбой, и варианты датировки кринкоконечного креста

Дерновый, активно гумусированный слой черного цвета имел мощность не более 5–8 см. Под ним на всем пространстве раскопа залегал верхний слой, представлявший собой темно-серую супесь с включениями желтого материкового песка, вскрывавшийся пластами 1–2. Его мощность колебалась от 20 см в западной и северной частях

раскопа до 30–37 в его центре и до 15–20 см – в его южной и восточной частях (рис. 21, профили).

Этот слой, переотложенный и турбированный в результате распашки, эпизодически производившейся на поляне в XX в., залегал непосредственно на материке. Слой был богат керамикой и находками. Материк представлял собой желтый крупнозернистый речной песок и был нарушен корнями растений, ходами землеройных животных и следами распашки, прослеживавшимися в западной и южной частях раскопа в виде параллельных борозд (до 10 см), заполненных серой супесью, фиксирувавшихся в 40–60 см друг от друга в направлении СВ – ЮЗ (рис. 21).

В верхнем слое было найдено 1608 фрагментов керамики, из которых после статистической обработки в коллекцию было взято 303 фрагмента (венчики, донца, ручки, крышки, орнаментированные фрагменты). Анализ типологического состава керамики из верхнего слоя показал, что активная хозяйственная деятельность велась здесь довольно долгое время, которое совпадает с тремя этапами бытования керамики.

Первый этап представлен курганный (древнерусской) (2,3%) и серой (постдревнерусской) (7,5%) керамикой, которые сосуществовали в первой половине XIV в. Ко второму этапу относятся типы, бытовавшие на протяжении первой-третьей четвертей XV в.: красноглиняная грубая (40,5% коллекции), красноощеная (2,8%) и красноглиняная гладкая ранняя керамика (20,8%) – всего 72,3% материала. Третьему этапу соответствуют типы, которые – по существующим представлениям о керамическом производстве Московской Руси – получили распространение в последней четверти XV в. и продолжали бытовать до конца XVI в.: белоглиняная грубая (14,2%), белоглиняная гладкая (1%), мореная и черноощеная (1,5%) и ангобированная (4,7%) керамика – всего 21,4% материалов верхнего слоя. Незначительный процент белоглиняной гладкой керамики свидетельствует, что после кризиса 1570-х годов жилья на месте раскопа уже не было.

Керамический материал второго этапа надежно связан с функционированием усадьбы XV в., следами которой являются ямы 1, 2, 3 и 4, обнаруженные в материке. Материалы первого периода не находят соответствия в комплексах из ям и, по всей видимости, по большей части отражают хозяйственную периферию поселения второй половины XIII – первой половины XIV вв., ранее зафиксированного к северо-востоку от места раскопа. Сложнее всего интерпретировать третью группу типов. До изучения закрытых комплексов из ям в материке остается не ясным, в какой части она отложилась в ходе жизни усадьбы, а в какой степени отражает периферию жилых дворов XVI в., которые располагались где-то поблизости от раскопа.

Незначительный процент керамики более позднего времени (поливная 0,2%, гладкостенная

5 Нивелировка на всех участках производилась от нулевого репера, за который был принят верх бетонного столбика, расположенного к ЮВ от раскопа (163,14 м в Балтийской системе высот) (Рис. 1).

6 Восточная и южная участки были покрыты балластным песком (10–30 см), который отсыпан в 1980-е гг. при строительстве асфальтированной дороги. Уровень поверхности культурного слоя дается без учета балласта.

7 При участии Т.С. Дьячкова, Д.В. Овчинникова, М.С. Захарова, С.Д. Мельникова, А.И. Орлова.

8 Эту работу вели Е.Ю. Гончаров (ИВ РАН), Д.Е. Гончаров, С.Б. Дашков и Э.В. Угрик

9 Работы с металлодетектором велись С.С. Черновым и А.С. Черновым.

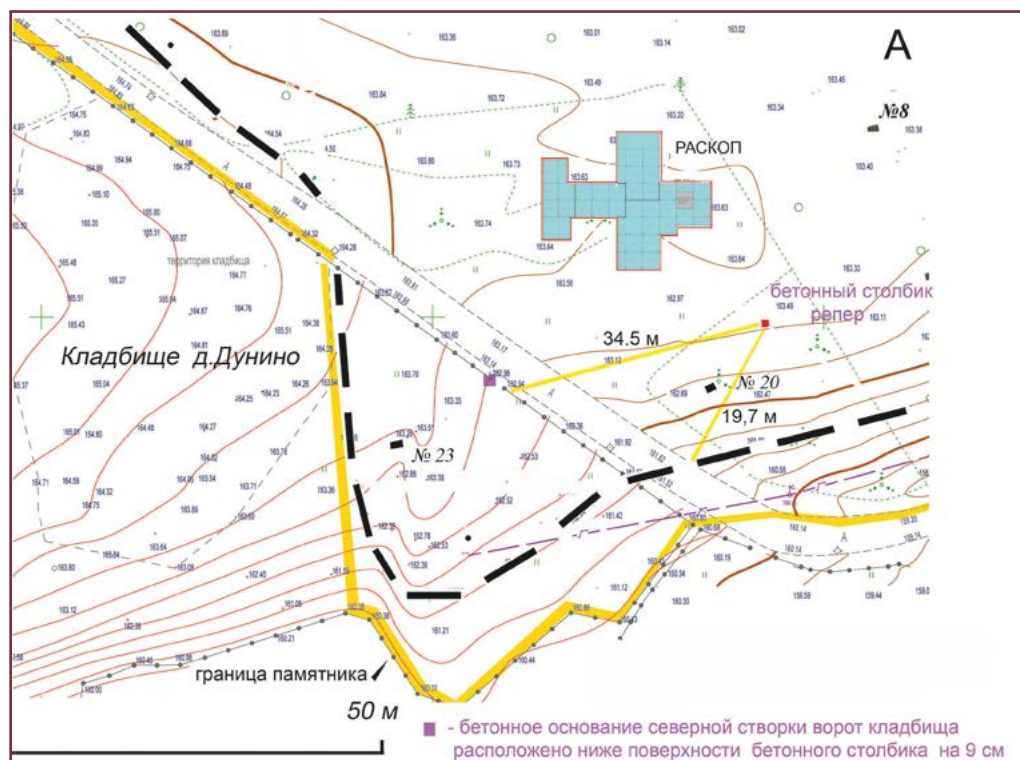

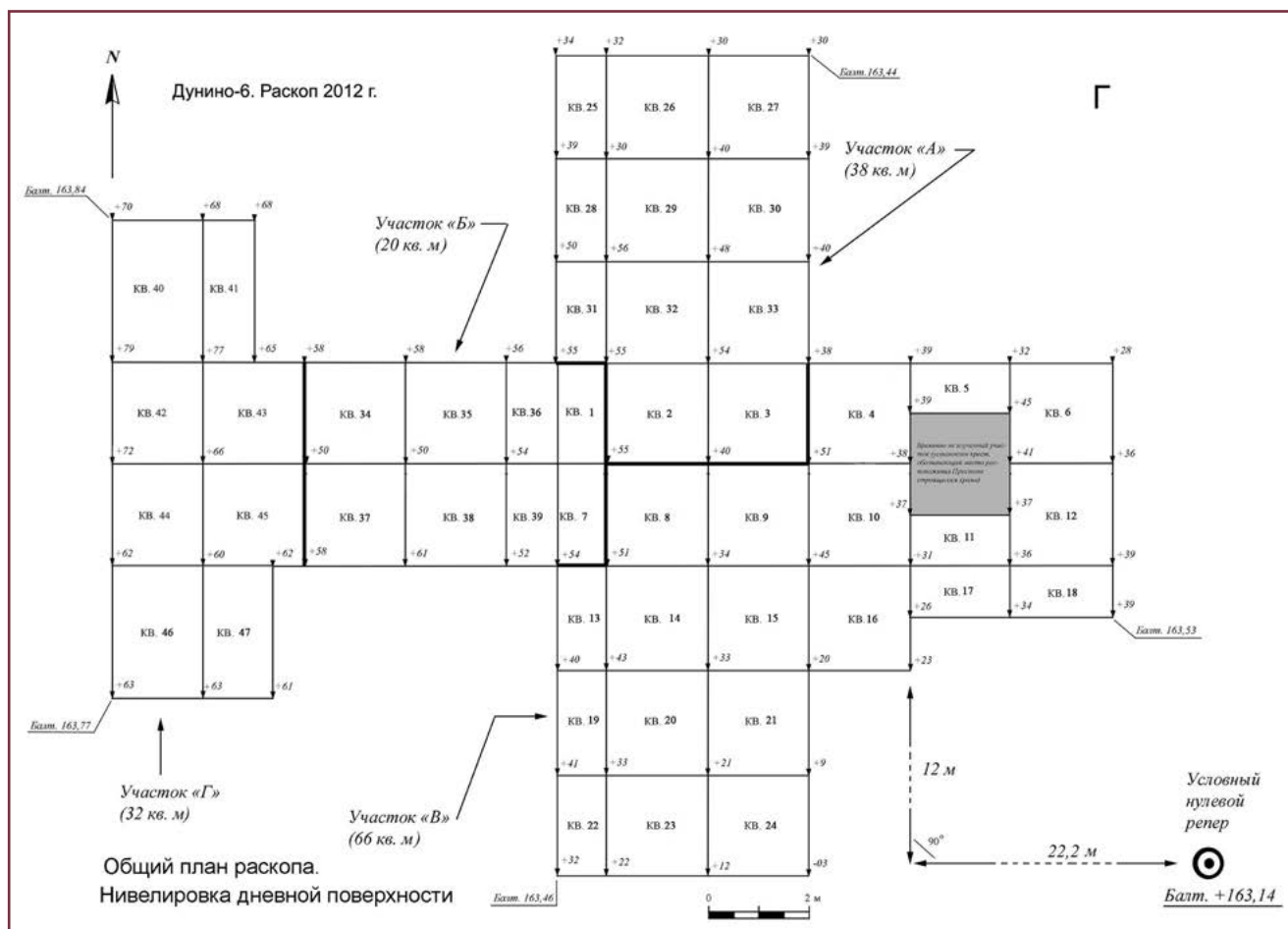
Рис. 20.

А – схема расположения раскопа 2012 г. на территории селища Дунино-б.

Б – место закладки раскопа, вид от кладбища на восток, на заднем плане – опушка поляны;

В – поляна в западной части селища, вид с северо-запада: слева от дороги просматривается место раскопа, справа – ограда кладбища;

Г – общий нивелировочный план дневной поверхности

2,2%) отражает разовые посещения этого места в XVIII–XIX вв.

За вычетом предметов XVIII–XX в.¹⁰ в верхнем слое обнаружено 54 находки.

Вначале отмечу те из них, которые хронологически предшествуют формированию культурного слоя усадьбы. Венчик лепного сосуда баночной формы диаметром 24 см с орнаментом в виде круглых вдавлений, нанесенных через 4 см (№ 53. Кв. 34), аналогичен сосудам из нижнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 476–480. Рис. 178–182) и отражает хозяйственную деятельность небольшого поселения дьяковского времени, которое существовало в 60 м к востоку от раскопа (Чернов, 2016. С. 74, 77. Рис. 7, А, Б).

Для понимания предыстории древнерусского поселения важна находка центральной части *семилопастного височного кольца типа «Сельцо»*, выполненного из низкопробного серебра (рис. 22, 38. Кв. 4. Гл. +14 см) и датируемого XI – первой половиной XII в. (Недошивина Н.Г., 1980. С. 109–110; Равдина Т.В., 1968. С. 140). Эта находка

связана с ранним этапом жизни поселения, который маркируется культурным слоем с курганным керамикой, зафиксированным в центральной части возвышенности. Поскольку на селище не обнаружено слоев столь раннего времени, можно предположить, что височное кольцо сохранилось в быту населения, пришедшего сюда в XIII в.

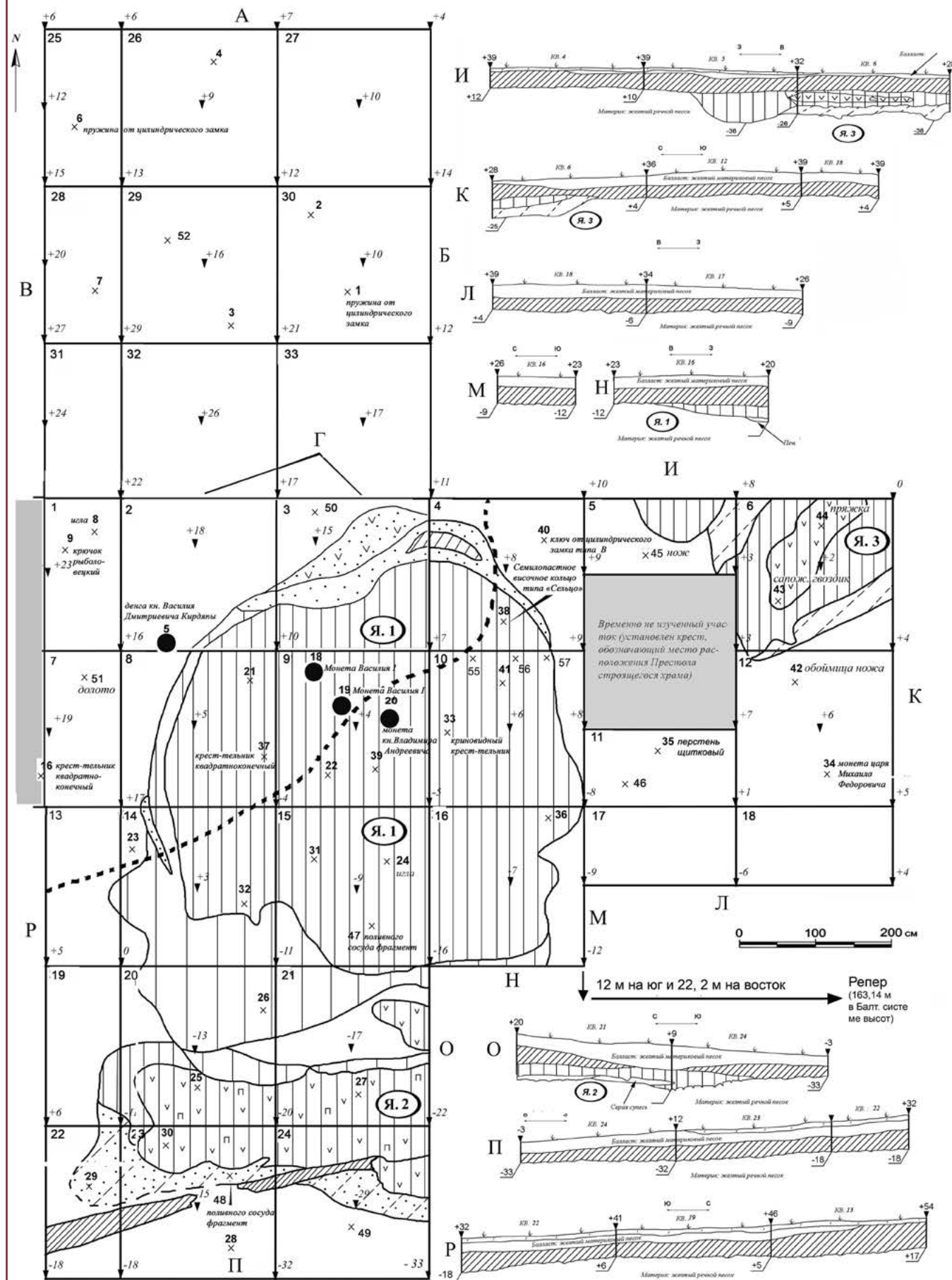
Остальные 52 находки представляют определенное единство, которое проявляется в их топографии и хронологии. Находки распределяются довольно компактно: над ямой I и в радиусе 8 м от ее центра (рис. 21). В западной части раскопа они отсутствуют (исключение – псалий и полоса у ямы 4 – рис. 24, 59, 60).

В хронологическом плане находки укладываются в период XIV–начало XVII вв. *Terminus ante quem* этого комплекса задают две серебряные копейки царя Михаила Федоровича (1613–1645), изготовленные в технике проволочной чеканки. Первая из них, найденная в центре раскопа (рис. 22, 17. Кв. 38. Гл. +40 см), имела вес 0,47 г., была отчеканена на Псковском монетном дворе в 1617–1627 гг. (Мельникова А.С., 1989. Табл. 10, 1-1; Гришин И.В., Клешинов В.Н., 2001. № 659)¹¹. Вторая, найденная

10 К XVIII–XIX вв. относятся ружейный кремль (№ 2. Кв. 30) и пуговица медного сплава (№ 28. Кв. 23), к XX в. – бироновская монета 50 грошей Польской Республики 1923 г. (№ 7. Кв. 28), советские 15 копеек 1931 г. (№ 29. Кв. 22) и 20 копеек 1932 г. (№ 30. Кв. 23), румпа изразца (№ 54. Кв. 40) и обрзок листа бронзы (№ 61. Кв. 46).

11 Здесь и далее все определения монет выполнены научным сотрудником Государственного исторического музея И.В. Волковым.

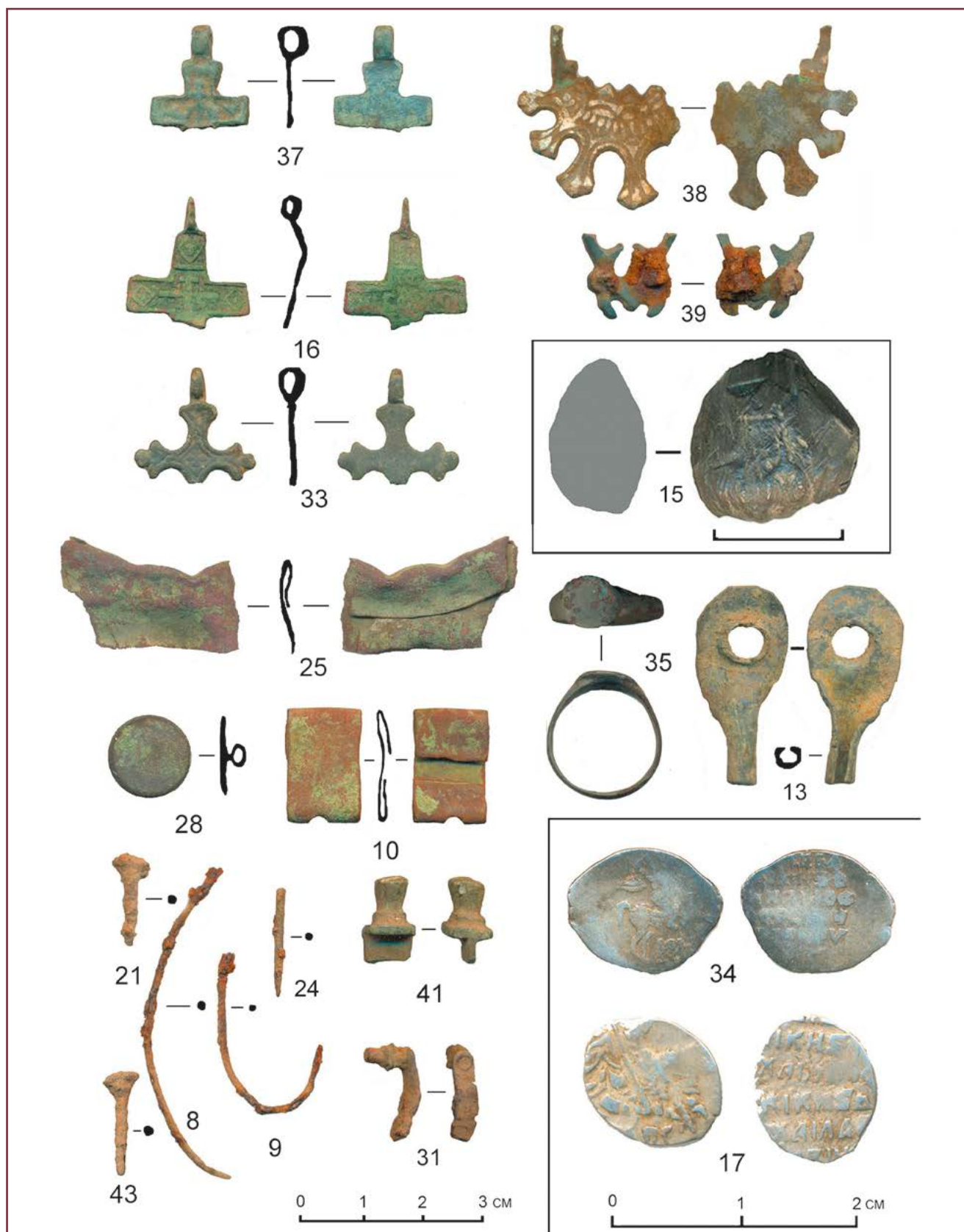

Рис. 22. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Верхний слой. Индивидуальные находки. Предметы из бронзы: Семипалестное височное кольцо типа «Сельцо» (38). Кресты-тельники: криноконечный (33) и квадратноконечные (16, 37). Венчик сосуда (25), миниатюрная обкладка кожаного пояса с круглым проемом (10), втулка, переходящая в округлую пластину с круглым отверстием (13), обломок фигурной накладки с двумя железными штифтами для крепления к основе (39), миниатюрное крепление (31), предмет, напоминающий «книжные застёжки» (41). Круглощитковый перстень (35). Пуговица XIX вв. (28). Серебряные копейки царя Михаила Федоровича, чеканенные на Псковском монетном дворе в 1617–1627 (17) и на Московском монетном дворе в 1619–1620 гг. (34). Изделия из железа: иглы (8, 9, 24) и сапожные гвоздики (21, 43)

Рис. 23. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Верхний слой. Индивидуальные находки. Предметы из железа. Ножи черешковые (12, 22, 26, 36, 45); обоймица, или «тыльник», ножа (42); пружины от навесных цилиндрических замков (1, 6), ключ от цилиндрического замка типа «В» (40); поясные пряжки: округлая (11) и трапецевидная (44); поясные кольца (32; 55); накладки: стреловидной формы (4) с отверстиями для крепления (23; 3), с крепежными штифтами (14)

Рис. 24. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Верхний слой. Индивидуальные находки. Предметы из железа: долото (51) псалий (59), гвозди (56, 57), полоса (60). Предмет из камня: заготовка грузила (52). Предметы из керамики: венчик баночного сосуда дяковской культуры (53), цилиндрическое грузило (27), грузило из стенки сосуда (46), дно сосуда с поддоном (50), фрагменты стенок поливных сосудов (46, 47). Поздние предметы: ружейный кремь (2), биллоновая монета 50 грошей Польской Республики 1923 г. (7)

близ восточной стенки раскопа (рис. 22, 34. Кв. 12. Гл. +17 см), имела вес 0,44 г. и была отчеканена на Московском монетном дворе около 1619–1620 гг. (Мельникова А.С., 1989. Табл. 8, 10–14; Гришин И.В., Клецинов В.Н., 2001. № 415). Нижняя хронологическая грань комплекса, как будет видно из дальнейшего изложения, размыта.

Из бытовых предметов, выполненных из железа, наиболее многочисленны черешковые ножи, три из которых найдены над ямой 1, два – у ямы 3 и один – к северо-западу от ямы 1 (рис. 23, 12. Кв. 35, 22. Кв. 9. 26 Кв. 33. 36. Кв. 29, 45. Кв. 5). Интересна массивная торцевая обоймица, или «тыльник», ножа миндалевидной формы (рис. 23, 42. Кв. 12). К северу от ямы 1 (в 3 и 6 м) найдены пружины от навесных цилиндрических замков (рис. 23, 1. Кв. 30; 6. Кв. 25), а в 1 м к северо-востоку от нее – ключ от цилиндрического замка типа «В» (рис. 23, 40. Кв. 4, +18 см). Следует обратить внимание на то, что этот ранний тип замков бытовал со второй половины XII в. до начала XV в. (Колчин Б.А., 1982. С. 162, рис. 3). Имеются поясные пряжки – округлая (рис. 23, 11. Кв. 37) и трапециевидная (рис. 23, 44. Кв. 6), два поясных кольца (рис. 23, 32. Кв. 14; рис. 24, 55. Кв. 10), серия накладок (видимо, на кожу), две из которых имели отверстия для крепления (рис. 24, 23. Кв. 14; 3. Кв. 29), одна сохранила крепежные штифты (рис. 23, 14. Кв. 39), а другая имела стреловидную форму (рис. 23, 4. Кв. 26).

О занятиях жителей усадьбы говорит ряд предметов из железа. Для обработки дерева использовалось массивное долото (длиной 18 см) с заостренным лезвием (рис. 24, 51. Кв. 7). Присутствуют гвозди (рис. 24, 56, 57. Кв. 10; 58. Кв. 45). Об обработке полотна, кожи или меха свидетельствуют швейные иглы (рис. 22, 8. Кв. 1; 9. Кв. 1; 24. Кв. 15), найденные над ямой 1 и в метре к северо-западу от нее, и сапожные гвоздики (рис. 22, 21. Кв. 8; 43. Кв. 6), зафиксированные над ямами 1 и 3. О наличии в хозяйстве лошади говорит псалий (рис. 24, 59. Кв. 46). Ощущается близость Москвы-реки. Встречены заготовки для рыболовного грузила – камень округлой формы диаметром 4 см, в котором начали просверливать дырку для веревки (рис. 24, 52. Кв. 29). Еще одно грузило выполнено из глины и имеет форму цилиндра (рис. 24, 27. Кв. 21) – оно обнаружено над ямой 2 и, судя по всему, происходит из верхней части ее заполнения. Третье грузило изготовлено из обломка сосуда (рис. 24, 46. Кв. 11). Имеется и полуфабрикат изделия из кости (N 49, Кв. 24).

Новые данные о жителях усадьбы мы получаем благодаря разнообразным находкам из цветных металлов. Эти находки дают определенную пищу и для размышлений о степени хронологической «монолитности», находок, происходящих из верхнего слоя.

Из медных сплавов изготовлены венчик сосуда (чашечки или котелка), край которой загнут (рис. 22, 25. Кв. 20), миниатюрная обкладка кожаного

пояса с круглым проемом (рис. 22, 10. Кв. 36), втулка, переходящая в округлую пластину с круглым отверстием (рис. 22, 13. Кв. 38), обломок фигурной накладки с двумя железными штифтами для крепления к основе (рис. 22, 39. Кв. 9), миниатюрное крепление (рис. 22 31. Кв. 15.) и предмет, напоминающий так называемые «книжные застёжки» (рис. 22, 41. Кв. 10),

Некоторые находки не совсем вписываются в быт рядового крестьянского двора. Это найденный между ямами 1 и 3 круглощитковый перстень медного сплава без изображения, характер отливки которого указывает на XIV–XVI вв. (рис. 22, 35. Кв. 11), и два фрагмента поливных сосудов из красножгущейся глины с поливой желтого цвета, нанесенной по поверхности сосуда, найденные над ямами 1 и 2 (рис. 24, 47. Кв. 15; 48. Кв. 23).

Над ямой 1 и в 1,4 м к западу от нее было найдено три бронзовых креста-тельника. Наиболее ранний из них – криноконечный тельник (рис. 22, 33. Кв. 10, + 3 см). Лицевая сторона его украшена орнаментом, оборотная – гладкая. Стороны креста имеют криновидные завершения, в центре его изображен маленький крест в ромбе. Криноконечные кресты зафиксированы в Новгороде в 10-м ярусе Неревского раскопа, датируемом 1313–1340 гг., в 5–6-м ярусах Суворовского раскопа, относящихся к 1369–1407 гг. (Седова, 1981 С. 54, С. 51, рис. 16, 13) и на мостовой 1409 г. (Седова, 1981 С. 51, рис. 16, 8). Аналогичные Дунинскому крестики найдены в Суздале (Седова, 1997. С. 203, рис. 72, 3, 5), на подоле Старой Рязани (Даркевич., Борисевич 1995. С. 197, С., 299, рис. 71, 3), на Махринском городище Тульской области (Клянин 1997. С. 142, рис. 1, 4), на Водянском городище (город Бельджамен), которое по золотоордынскому материалу датируется XIV в. (Полубояринова 1978 С. 81, С. 82, рис. 17, 4, 6) и в погребениях г. Старицы с монетами тверских князей конца XIV – первой половины XV в. (Романченко, 1928. С. 29. Табл. XXIV, 3). Серия из 8 криноконечных крестов обнаружена в верхнем слое городища Настасьино (Коломенский р-н), который исследователи памятника датируют второй половиной XIII–XV вв. (Сарачева, Сапрыкина. 2004. С. 57, 58. С. 266. Рис. 93, 5–12). На селище Лешково-9 (на поле Ржавец) близ Радонежа криноконечный тельник (22 мм х более 17 мм) найден на поселении, которое по керамике датируется концом XIII – второй половиной XIV в. (Чернов, 2004. С. 265. С. 284, рис. 25, 1). Исходя из этих аналогий кресты такого типа датируют периодом от рубежа XIII–XIV вв. до первой трети XV в.

Относится ли этот крест (как и ключ от замка типа В) к комплексу усадьбы, которую отражают ямы 1, 2 и 3, или отложился в XIV в.? Для ответа на этот вопрос необходимо коснуться верхней границы бытования криноконечных тельников. В этом плане небезынтересны их находки на Романовом дворе в Москве. Два из трех крестов такого типа найдены в постройках XIV–XV вв., в

том числе крест № 54 – в раскопе IX (Кренке, 2009. С. 110–111; С. 322. Рис. 76, 1, 2, 3). В яме 5 этого раскопа доминировала красноглиняная гладкая ранняя керамика, которая закономерно сочеталась с красноощенной корчагой и кувшином. На дне ямы присутствовала более ранняя красноглиняная грубая¹², а в верхних горизонтах более поздняя белоглиняная грубая посуда. Автор исследования датирует яму 5 первой половиной XV в., а присутствие белоглиняной посуды убедительно объясняет заполнением заброшенного котлована в XVI в., когда рядом с ним функционировала постройка 2. Что касается ранней керамики, по мнению исследователя, она «попала на дно ямы в результате разрушения более раннего культурного слоя» (Кренке, 2009. С. 65). Обычно материал из более ранних слоев распределяется равномерно по заполнению ям. Поэтому нельзя исключить, что мы имеем дело с закрытым комплексом, включающим красную грубую, красноощенную и доминирующую красную гладкую раннюю посуду и сложившимся до исчезновения криноконечных крестов из обихода.

Два креста-тельника относятся к типу прямоугольноконечных. На одном из них (рис. 22 37, Кв. 8, +1 см) на лицевой стороне помещено изображение креста на Голгофе; оборотная сторона – гладкая. Кресты такого типа наиболее характерны для XV–XVI вв. Аналогичный найден на посадке Радонежа близ места храма Афанасия и Кирилла Александрийских (Чернов, 2000. С. 66. Рис. 2, 2). Другой тельник (рис. 22, 16, Кв. 39, +28 см) на лицевой стороне несет изображение креста на Голгофе и орудий страстей Христовых с ромбами по сторонам креста и в верхней лопасти; а на оборотной – надписи. Подобные кресты тяготеют к XVI в.

Обращает на себя внимание обилие предметов личного благочестия и то, что все кресты-тельники терялись уже после того, как у них была отломана нижняя лопасть. Раскопки на Афанасьевском погосте в Радонеже показали, что в период 1570–1610-х гг., когда функционировало это кладбище, существовал обычай ломать кресты и полагать их на могилы или бросать в могильные ямы (Чернов, 2000. С. 78–80). Поскольку при раскопках могильника у Шестого Дунинского селения такой обычай не зафиксирован, скорее можно говорить о непреднамеренном разрушении крестов.

В 6 метрах к западу от ямы 1 была найдена неординарная находка – округлый уплощенный свинцовый слиток (1х1,7 см), возникший в ходе неудачной попытки произвести отливку (рис. 22, 15. Кв. 34). На поверхности слитка угадываются

изображения серафима или херувима в круге и ромба в квадрате – отпечаток с резного изображения, выполненного на поверхности отливочной формы. Скорее всего, перед нами изображение ангельских чинов Дионисия Ареопагита, которые помещались на обороте креста.

Монеты 1390–1410-х гг.

Как уже отмечалось, разборка верхнего слоя велась после его исследования металлодетектором. Это дало свои результаты. Над центральной частью ямы 1 (рис. 21. Кв. 9, 18, 19, 20), на участке длиной 1,5 м, были найдены три серебряные монеты – две деньги Василия I и полуденга Владимира Андреевича Храброго (рис. 25, 18, 19, 20). Четвертая монета – Нижегородского княжества – обнаружена в 1,9 м к западу, в 0,4 м от края ямы (рис. 21. Кв. 2, 5; рис. 25, 5). Три монеты были зафиксированы на отметках + 24, + 22, + 23 см, то есть на 12–4 см выше уровня зачистки материка (+7–8 см), в средней части однородного слоя темно-серой супеси, который достигал над центром ямы 1 35 см. Нижегородская монета залегала на отметке +32 см. Таким образом, стратиграфически группа монет не входит в комплекс керамики и находок, найденный в заполнении ямы 1. Однако возможность подобной связи исключить нельзя.

Исследованию этого открытого нумизматического комплекса посвящена специальная работа, в которой возможная датировка попадания монет в землю – с точки зрения существующих представлений о бытовании монет – была сопоставлена с радиоуглеродной и предварительной археологической датировками закрытого комплекса ямы 1 (Чернов, Волков, 2015, глава 4). Обратимся к описанию монет, которое было дано И.В. Волковым

1. Великое княжество Нижегородско-Суздальское. Князь – ? Денга (рис. 25, 5, Кв. 2, +32 см). Л.с. Изображение фантастического четвероногого животного, вправо, с изогнутым над спиной хвостом, заканчивающимся трилистником. В линейном ободке, за которым прослеживаются остатки круговой надписи. О.с. Подражание лицевой стороне денга Золотой Орды хана Джанибека. Вес 0,94 г.

По типу: Федоров-Давыдов Г.А., 1989. № 467, 468; Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2013. С. 206, № 1635А.

2. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денга (рис. 25, 19, Кв. 9, +22 см). Л.с. Сокольник, вправо. Ободки отсутствуют; остатки круговой надписи. О.с. Подражание трехстрочной арабской надписи с именем Токтамыша. Над второй строкой – 3 орнаментальные решетки. В точечном ободке. Вес 0,92 г.

По типу: Толстой И.И., 1913. № 54; Гайдуков П.Г., 2006. С. 50, рис. 30, 13.

3. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денга (рис. 25, 18, Кв. 9, +24 см). Л.с. Изображение петуха, вправо. Над ним – орнаментальная решетка. В двух линейных ободках,

¹² Кренке Н.А. относит ее к серой. Публикуемый венчик скорее может быть отнесен к формам переходным от серой к красноглиняной грубой и имеет аналогии в комплексе из Шавыкина Монастыря 1380–1390-х гг. (Чернов, 1995. С. 141. Рис. 8. 5-й свеху)

Рис. 25. Монеты из раскопа I на селище Дунино-6. 5 – Великое княжество Нижегородско-Суздальское. Денга; 19, 18 – Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денги. 20 – Серпуховско-Боровское княжество. Владимир Андреевич Храбрый. Полуденга

между которыми – остатки круговой надписи: **КНАЗЪВЕ . . . [Л]И** (первая и последняя буквы объединены в лигатуру). О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. В линейном ободке. Вес 0,76 г.

По типу: Толстой И.И., 1913. № 11; Гайдуков П.Г., 2006. С. 50, рис. 30, 2; . По паре штемпелей: Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2013. С. 55, № 163Е.

4. Серпуховско-Боровское удельное княжество. Владимир Андреевич Храбрый. Полуденга (рис. 25, 20, кв. 22, +23 см). Л.с. Изображение кентавра с мечом, влево; под ногами коня – орнаментальная решетка. В двух линейных ободках; между ними – остатки круговой надписи. О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. В линейном ободке. Вес 0,22 г (обл.).

По паре штемпелей: Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. С. 38, № 88.

Нижегородская и две московские денги не

являются редкими. Аналогичные монеты присутствуют как в кладовых комплексах рубежа XIV–XV вв., так и среди единичных находок в большом количестве. Но вот полуденга серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго относится к категории редчайших.

До конца прошлого века о существовании полуденги этого князя не было известно вовсе. Лишь в 2006 г. П.Г. Гайдуков в своей монографии, посвященной мелким серебряным номиналам русской денежной системы, впервые издал такую монету (Гайдуков П.Г., 2006. С. 261, № 64), относящуюся, однако, к иному типу (с изображением четвероногого животного), нежели обнаруженная нами на селище Дунино-6. Год спустя была опубликована еще одна полуденга Владимира Андреевича, несущая на этот раз на л.с. изображение кентавра (Волков И.В., Лейбов В.Л., 2007. С. 52, № 1). Наконец, к 2010 г. было зарегистрировано 6 экз. ранних серпуховских полуденги, из которых 3 несли изображение кентавра (Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. С. 38, 39, № 87–91). Все они хранятся в различных частных коллекциях. С тех пор новых находок зафиксировать не удалось, следовательно, полуденга из Дунино представляет собой седьмую известную монету Владимира Андреевича данного номинала и первую – найденную в ходе археологических исследований.

Время чеканки всех четырех экземпляров укладывается в достаточно узкий хронологический отрезок: со второй половины 1390-х до середины 1400-х гг. В обращении они могли оставаться до начала второго десятилетия XV в., то есть до денежной реформы, проведенной в правление Василия Дмитриевича (Волков И.В., 2003 а), в результате которой старые монеты полностью исчезли из обращения. По мнению автора определения монет (Волков И.В., 2015. С. 151, 152), кладовый материал очень четко фиксирует момент проведения реформы. Из зарегистрированных в настоящее время не менее четырех десятков кладовых комплексов, датирующихся вторым – четвертым десятилетиями XV в., лишь в двух дореформенные монеты присутствуют в сколь-нибудь значительном количестве. Первый – клад 1412–1415 гг., в котором «старые» деньги еще не успели полностью вытесниться «новыми» (Волков И.В., Титов Г.А., 2013. № 1). Второй – известный Рузский клад, который, вероятно, представляет собой комплекс длительного накопления, то есть вряд ли отражает состав реального денежного обращения на момент сокрытия (третье десятилетие XV в.; Толстой И.И., 1889). Во всех остальных комплексах этого времени присутствуют либо только ранние, либо только пореформенные денги.

Интересно, что на памятнике полностью отсутствуют более поздние монеты XV–XVI вв., чеканка которых была гораздо более обильной. На первый взгляд это дает основание предполагать,

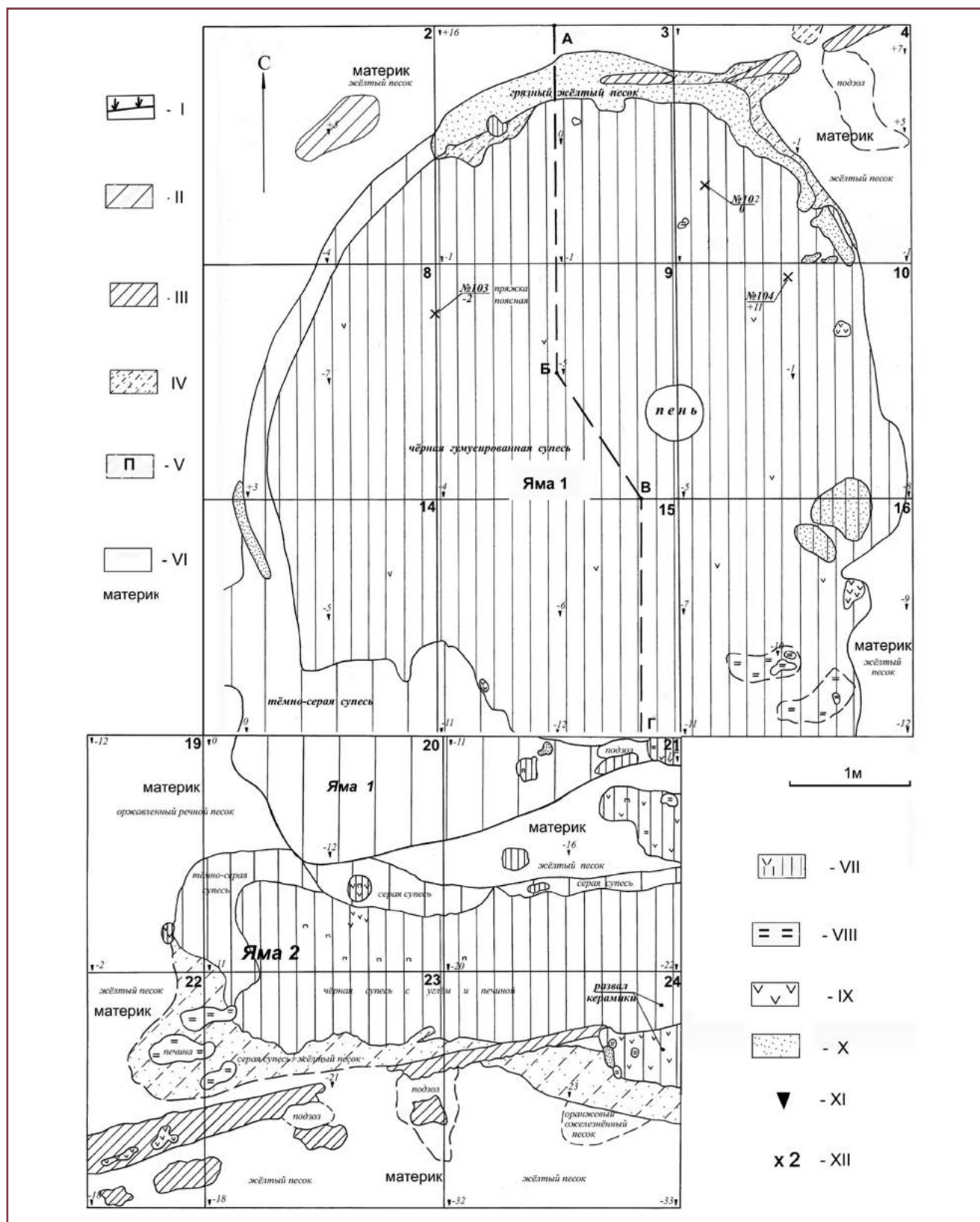

Рис. 26. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Яма 1 в зачистке материка. План. Условные знаки: I – современная поверхность и дерновый слой; II – серо-бурая супесь (горизонт верхнего культурного слоя, переработанный в ходе процессов лугового почвообразования); III – темно-серая супесь (верхний культурный слой, не переработанный в ходе процессов лугового почвообразования); IV – бурый слабо гумусированный песок (смесь материкового песка с фрагментами гумусового горизонта палеопочвы); V – светлая супесь (подзолистый горизонт погребенной почвы); VI – бурая супесь и желтый песок (бурый горизонт погребенной почвы) – материк; VII – тесно-серая и серо-бурая гумусированная супесь – заполнение ям в материке средневекового времени; VIII – глина обожженная; IX – уголь; X – песок грязный; XI – нивелировочные отметки; XII – индивидуальные находки и их номер

Рис.27. Дунино-6. Раскоп 2012 г. А – яма I в зачистке материка; вид с запада; Б – профиль разреза ямы I по линии север-юг. Вид с запада; В – яма I в материке; вид с юго-востока; Г – яма 4 после выборки части заполнения; вид с северо-запада

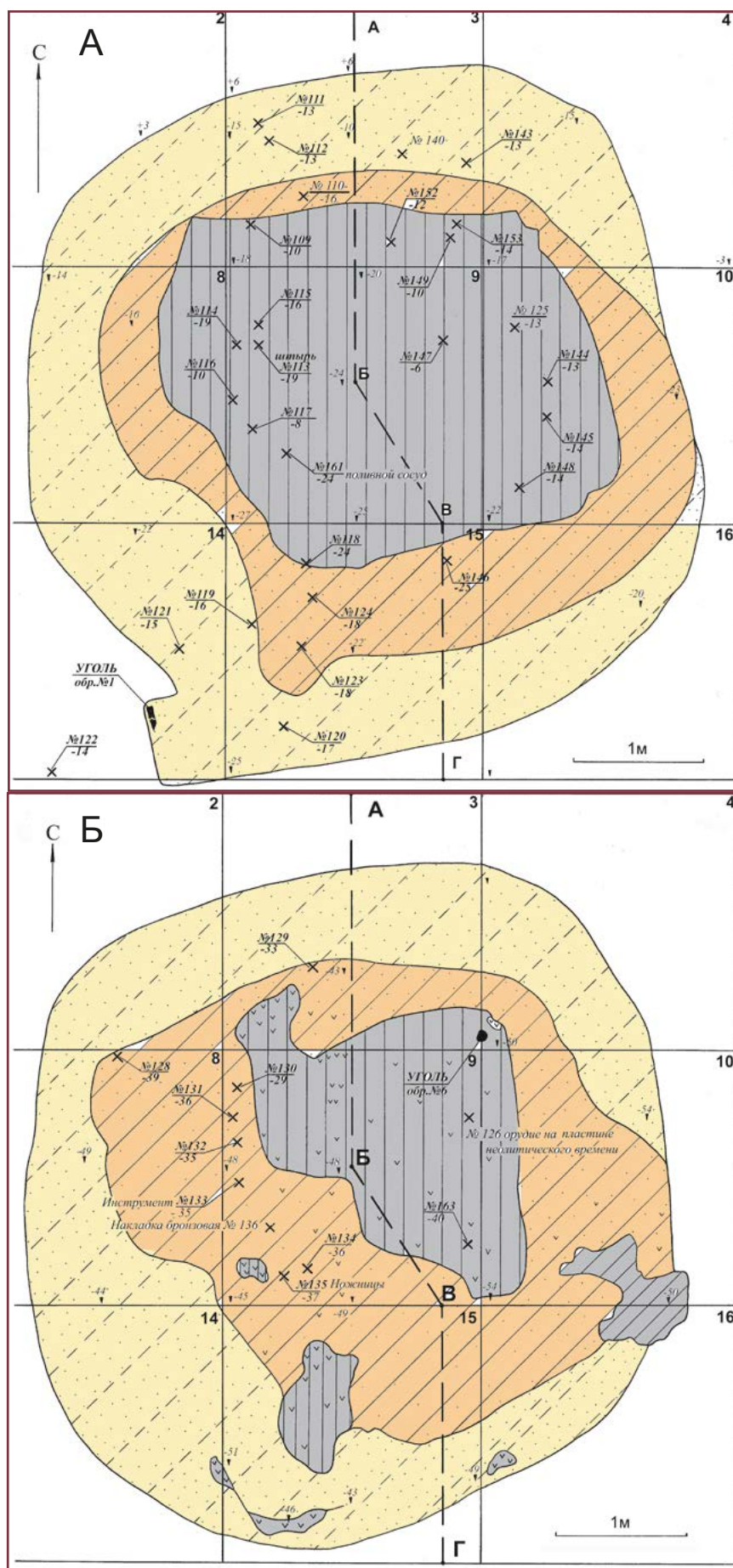

Рис. 28. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Яма 1. План зачистки 2 (-20 см) (слева) и 3 (-40 см) (справа) пластов

что со второй четверти XV в. деловая активность на поселении пошла на спад.

Ямы в материке и находки, отражающие материальную культуру усадьбы

После выборки верхнего слоя, на месте обнаружения монет, в зачистке материка открылась яма 1. Она имела округлую форму и размеры 5,7 × 5,6 м (рис. 26). Границы пятна культурного слоя четко читались на фоне желтого речного материкового песка. Заполнение состояло из черной гумусированной супеси (с пятнами угля и обожженной глины – 60 × 20 см и 65 × 30 см), которую по контуру обрамляли полосы бурого песка (вдоль северного контура ямы) и темно-серой супеси (вдоль западного контура), которые расширялись к юго-западу до размеров 2 × 2 м (рис. 27 А – в центре снимка).

Забегая вперед следует сказать, что яма имела глубину 2 метра. Заполнение ее состояло из трех частей (рис. 31). Верхняя часть ямы была заполнена черной супесью сверху и тесно-серыми супесями – ниже. Размеры этой части заполнения в верхних пластах составляют 3 × 3 м, а в нижних – 2 × 2 м. На уровне -160 см эта часть заполнения выклинивалась. Данные слои отложились в результате разрушения наземной части деревянного сооружения, остатки которого смещались в погреб по мере разрушения полов. Сохранились следы деревянной конструкции, располагавшейся на полу наземного сооружения и провалившегося в погреб. Ниже, вплоть до дна ямы, залегал бурый слабо гумусированный песок, который сформировался с участием материкового песка, поступавшего в яму ранее, в результате осыпания стенок котлована. Эти же отложения присутствуют в верхних пластах на периферии ямы.

Верхняя часть заполнения (пласты 2, 3). Практически всю толщу заполнения пласта 2 образовывала гумусированная

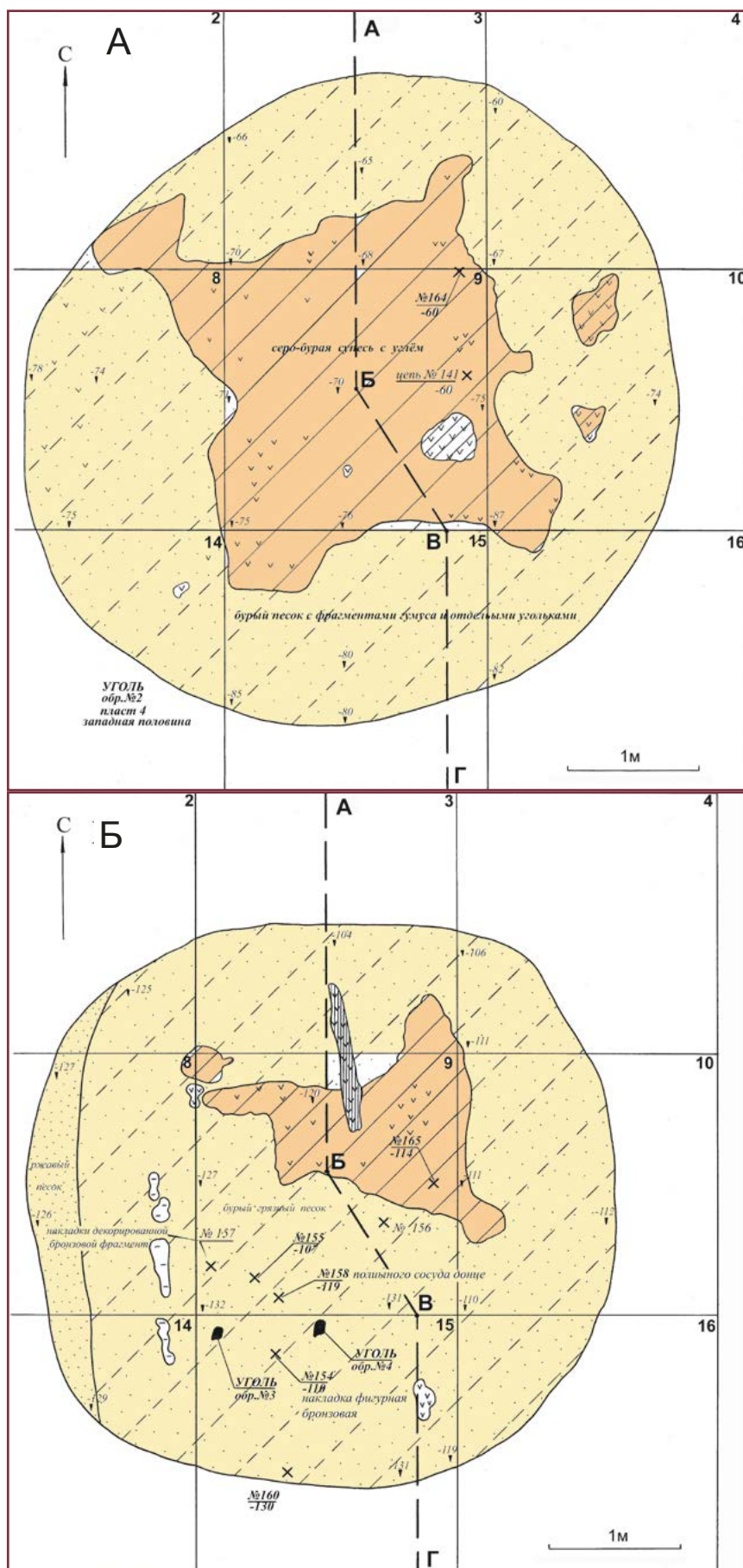
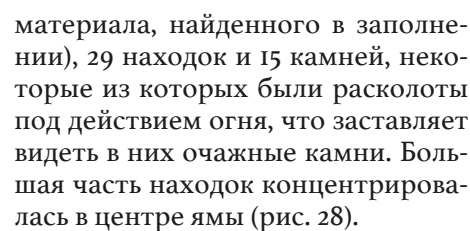

Рис. 29. Дунино-6. Раскоп 2012 г. Яма 1. План зачистки 4 (-70 см) (А) и 7 (-125 см) (Б) пластов

черная супесь, включавшая мелкие фрагменты угля и пачины с большим количеством керамики и находок¹³. По мере разборки этот слой постепенно выклинивался на периферии ямы и на уровне зачистки пласта 2 сократился до пятна размерами 3,4х2,9 м (рис. 28 А). По мере его выборки под ним открывался слой серой супеси с мелкими угольками, который в зачистке -20 см имел вид широкой полосы (4,6х3,6 м). Периферия заполнения была сложена бурым слабо гумусированным песком, который подстилал серую супесь и состоял из песка, смешанного с гумусовым горизонтом погребенной почвы. Сравнение зачисток материка и пл. 2 показало, что северо-западный край ямы в зачистке пласта 2 расширился на 20–40 см (рис. 26, 28 А) – видимо, материковый песок сполз в яму.

В слое черной супеси в пласте 2 было найдено 748 фрагментов керамики (64% от всего

¹³ Яма исследовалась по пластам (20 см), а внутри пластов – с учетом слоев. Вначале была разобрана западная половина сооружения. А затем, после фиксации профиля разреза север-юг (рис. 31), – восточная. Заполнение ямы разбиралось пластами по 20 см параллельно поверхности материка, поэтому поверхности зачисток имели небольшой (10 см) уклон с севера на юг. В тех случаях, где в ходе разборки слоев фиксировались конструкции или их следы, зачистка выполнялась на несколько сантиметров выше или ниже стандартного уровня (см. обозначение уровня зачисток на разрезе ямы 1 рис. 31). Перед началом разборки пласта слой прозванивался детектором металлов. В местах, где прибор указывал на наличие находки, выставлялась вешка. На этих участках культурный слой разбирался совком с проверкой каждого фрагмента земли прибором. Лишь после точной фиксации находки культурный слой поступал для ручной переборки на борта раскопа. Данная методика полностью позволила обнаружить и зафиксировать с плановыми и высотными отметками все предметы из металла, в том числе многочисленные иглы и сапожные гвоздики. Пробные промывки не дали зерен и не практиковались.

Наиболее распространенный вид находок – сапожные гвоздики (рис. 32, В 110, 123, 124, 125, 144, 148, 149, 150). Следующую группу составляют шилья (рис. 32 Б, 109, 117 – еще одно шило, а также гвоздь обнаружены в песке рис. 32 Б, 112, рис. 113 Г, 120). О работе с кожей или мехом говорят также иглы, которые являются второй по распространенности категорией находок (рис. 32 А, 102, 116, 143, 152).

Образают на себя внимание инструменты: плоский пробой длиной 4,5 см (рис. 32, *140*) и маленький (длина 4,3 см) чекан (рис. 33, *118*), выполненный из квадратного в сечении стержня (4x4 мм) со слегка расплюснутым краем сверху, прямоугольной в сечении (5-2,5 мм) рабочей частью и острием шириной 2,5 мм. Спицы (рис. 33, *113*, *114*) изготовлены из пластин (4-6 мм x 2-2,5 мм), которые согнуты на конце, чтобы не проваливались. Что закрепляли эти спицы, не ясно (ткацкий стан или приспособление для растяжки кожи?). Обломок, составлявший рабочую часть железного орудия (рис. 33, *119*), имеет вид пластины (шириной 3,5 см и толщиной 3 мм) в форме языка, одна сторона которого прямая, а другая – полукруглая. По форме он напоминает отломившийся край полицы, которая крепилась на двузубую соху и служила для того, чтобы отваливать поднятую почву на борт борозды.

Из бытовых предметов из железа выполнены: овальная (2,5 × 1,5 см) и прямоугольная (4 × 3 см) поясные пряжки с язычком, обломок ножа (рис. 33, 121, 103, 146), полосы (рис. 32, 115, 145, 147, 153). Кроме того, найден фрагмент гончарного столового сосуда с желтой поливой с обеих сторон (рис. 35, 161) – показатель достатка жителей усадьбы.

По мере выклинивания черной супеси под ней открывался слой темно-серой супеси, в которой найден стерженок для крепления накладки (рис. 32, 122), а в

===== 56 =====

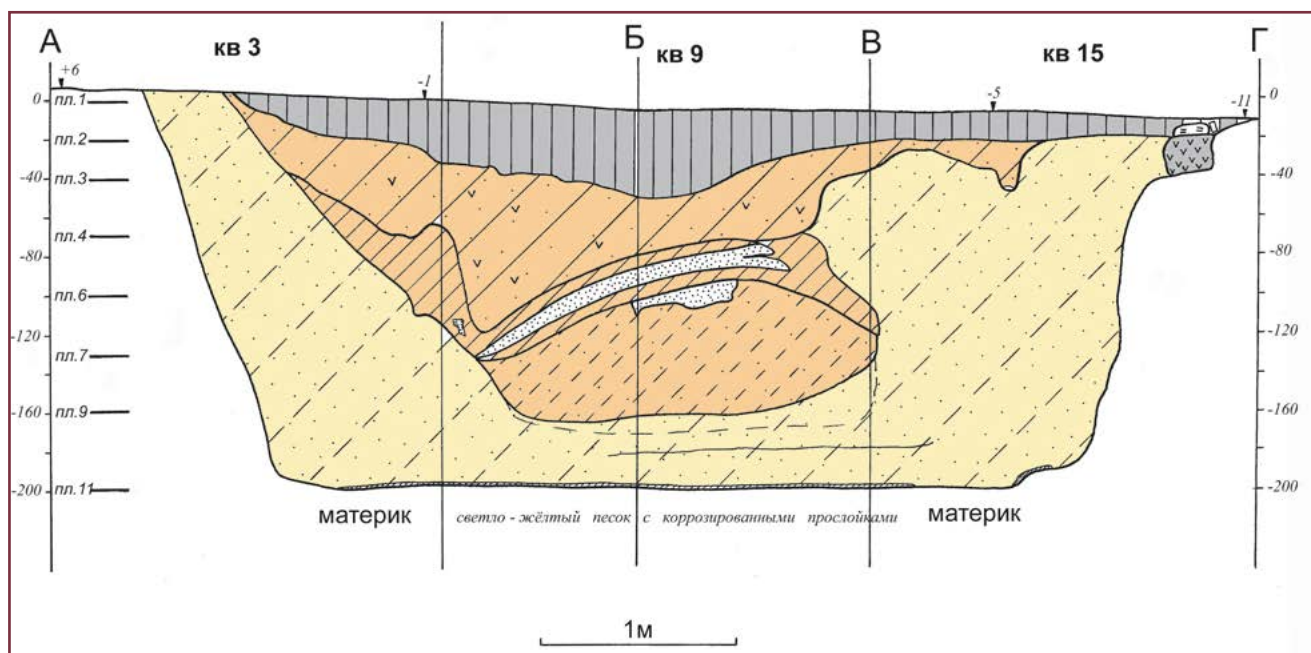

Рис. 31. Разрез по линии север-юг (А-Г). Чертеж профиля. Вид с запада. Местоположение литер см. на планах пластов (рис. 26, 28, 29)

нижележащем слое бурой супеси обнаружены полоса и шило (рис. 32, III, II2).

При разборке нижнего горизонта черной супеси (3 пласт) пополнилась коллекция игл (рис. 32 А, I30, I31), сапожных гвоздиков (рис. 32 В, I34), пластин (рис. 32 Д, I32), пробоев (рис. 32 Г, I63). Наряду с этими «типовыми» для данного комплекса находками были обнаружены два предмета, несущих информацию о характере деятельности ее жителей. Это тщательно выкованный штырь (18,5 см в длину и 6х6 мм в сечении) с выступом на одном конце и с заострением – на другом (рис. 33, I33) и кремневое орудие на пластине (рис. 33, I26) (7,6х2,8 см), оформленное непериодичной краевой ретушью боковых граней со стороны спинки и характерное для памятников неолита или ранней бронзы¹⁴. Учитывая отсутствие среди находок другого кремневого инвентаря и неолитической керамики, а также обнаружение данного орудия в контексте предметов, связанных с обработкой кожи и (или) меха, можно предположить, что древнее орудие могли использовать для предварительной очистки шкур, которое в настоящее время выполняется тупым ножом.

В серой супеси найдены две иглы (рис. 32, I28, I29) и овечьи ножницы длиной 21 см (рис. 32, I35), которые могли использоваться при крое кож и меха. Кроме того, обнаружена массивная бронзовая орнаментированная поясная накладка с двумя цельнолитыми шпонками, служившими для крепления к коже (4,5х1,2 см) (рис. 34, I36). Керамики в пласте 3 найдено 266 фрагментов (23% от всего материала).

В зачистке пласта 3 (-40 см) слой черной супеси сократился в размерах до 2х2,3 м. Северный и восточный края пятна были ориентированы по сторонам света и смыкались под прямым углом. В этом углу было зафиксировано небольшое скопление угля, из которого был взята проба 6 для радиоуглеродного датирования (рис. 28 Б). Северо-западный угол этого пятна также содержал повышенную концентрацию мелких фрагментов угля. Возможно, форма пятна и зоны концентрации угля отражают остатки сгоревшего и сместившегося в подполье подпечного сруба, располагавшегося на полу наземной постройки.

Слой серой гумусированной супеси с мелкими угольками образовал пятно неправильной формы (3,8х4,3 м), бурый песок – периферию ямы, которая приобрела форму, близкую к кругу (5,2х4,9).

Средняя часть заполнения (пласты 4–7, рис. 29) включала слой серой (или серо-бурой) супеси в центре заполнения, содержащий керамику и находки и грязный песок с небольшим количеством керамики – на его периферии,

В зачистке пласта 4 (-70 см) в этом слое фиксировались фрагменты гумусового и подзолистого горизонтов почвы размерами 5–10 см, которые имели овальную форму (рис. 29 А). Центральная часть заполнения представляла собой подквадратное пятно серой супеси с выступами на углах, которые, возможно, являются следами столбов опечка, сгоревших, разрушенных и сместившихся в подземное пространство. Из западной половины заполнения из пласта 4 был взят **образец угля № 2** для радиоуглеродного датирования.

По мере разборки пласта 7 серая супесь локализовалась в северо-восточном углу Кв. 9, а вся

¹⁴ Определение проведено научным сотрудником Института археологии РАН Н.А. Кренке и научным сотрудником ГИМ А.В. Емельяновым

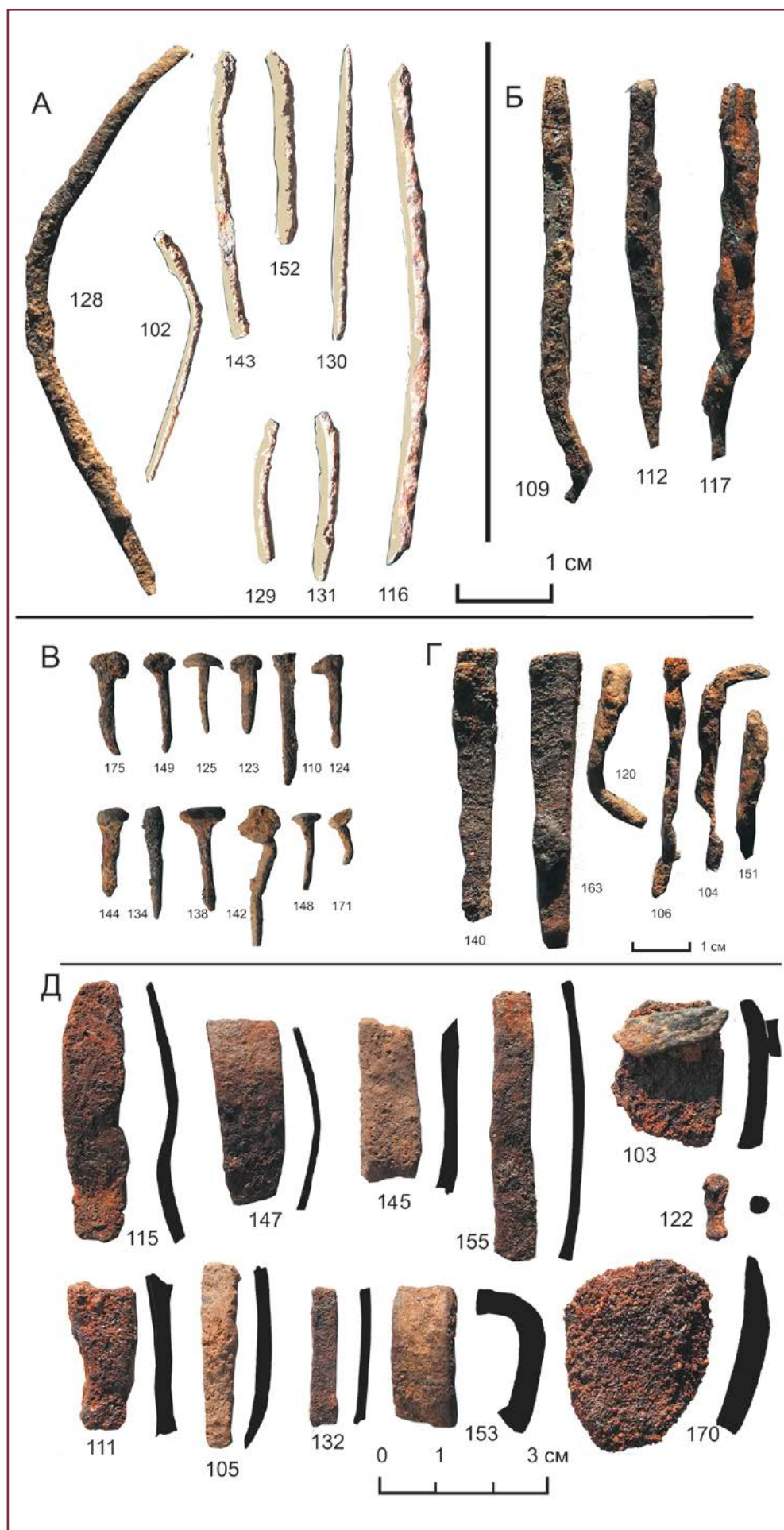

Рис. 32. Дунино-6.
Раскоп I. Яма I.
Комплекс находок
из заполнения
ям I, 2, 3, 4 в материке.
Следы скорняжного
и кожевенного ремесел
и другие предметы
из железа (иглы
и проколки увеличены).
А – железные иглы
из ямы I;
Б – железные проколки
из ямы I (109, 112, 117);
В – сапожные гвоздики
из ямы I (110, 123–125, 134,
144, 148, 149, 171, 175), ямы
3 (138) и ямы 4 (142).
Г – пробой (клинья)
из ямы I (140, 163), гвозди
из ямы I (104, 151) и ямы 2
(106, 120);
Д – железные полосы
из ямы I (111, 115, 132,
145, 147, 153, 155) и ямы 2
(105); поковки (103, 170),
стержень (122) из ямы I

Рис. 33. Дунино-6. Раскоп I. Комплекс находок из заполнения ямы I. Инструменты из камня и железа. Кремневое оружие на пластине неолитического времени (126), которое могло использоваться для обработки меха (пл. 3, черная су-песь, кв. 9; левое изображение – при освещении справа, правое изображение – при освещении слева), ножницы (135); инструмент (133); Предметы быта из железа: два звена цепи, закрепленные на кольце, с распором для крепления в деревянную стену (141), пробой (118), нож (146), пружина от цилиндрического замка (160), полоса (168), шпонки для фиксации петель (113, 114, 167), поясные пряжки (103, 121) и накладка (164), Сельскохозяйственное орудие из железа: обломок полицы, крепившейся на двурогую соху (?) (119). находка из заполнения ямы 2: строительный гвоздь (107)

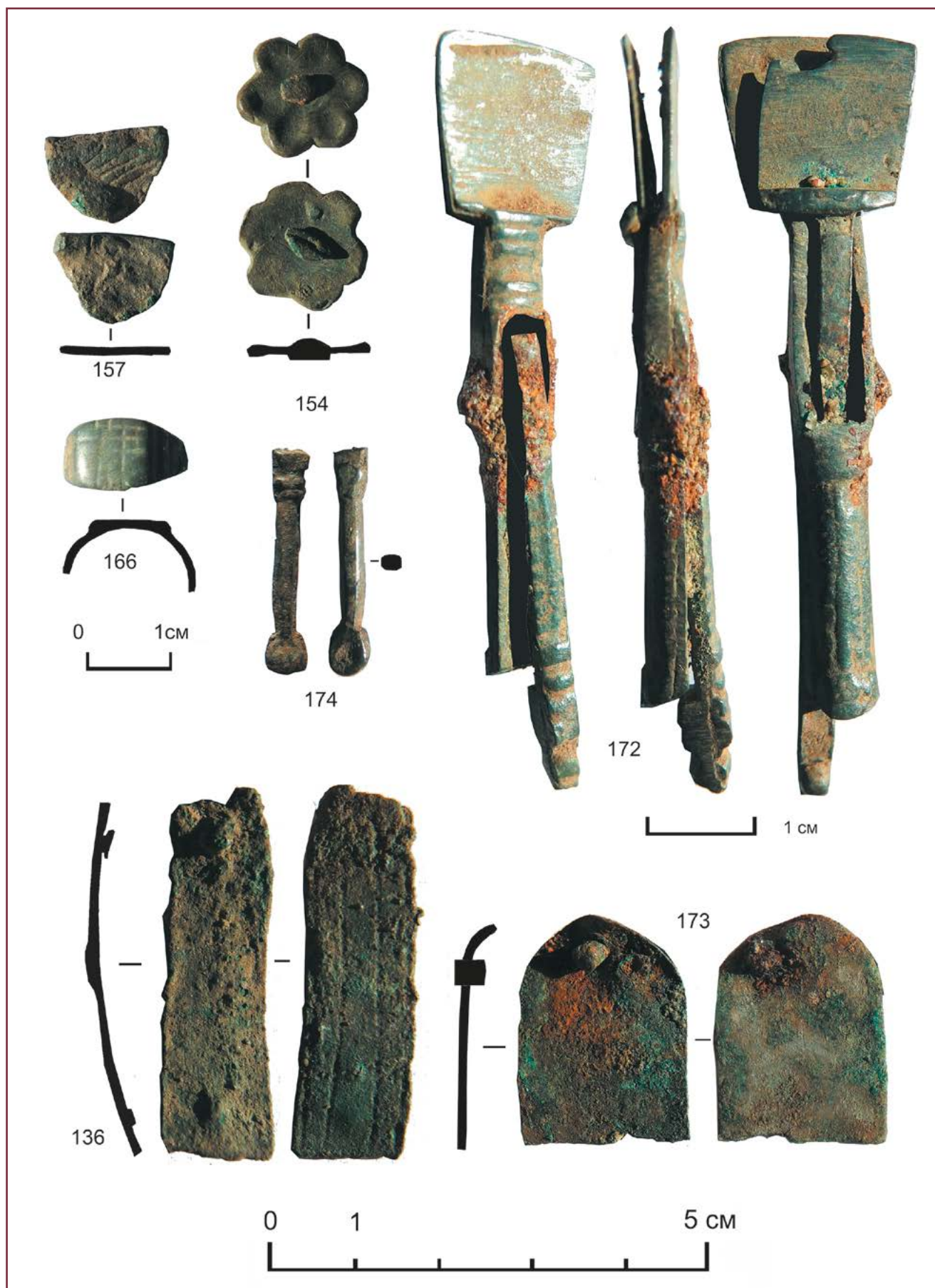

Рис. 34. Дунино-6. Раскоп I. Комплекс находок из ямы I. Предметы из бронзы: монетные весы (172) – найдены в пл. II, в слое гумусированной супеси на дне ямы (-189 см); фигурная накладка на пояс в форме цветка (154), подвеска-ложечка (174), перстень (166), накладки на пояс (136, 173), пластины, декорированный обломок (157)

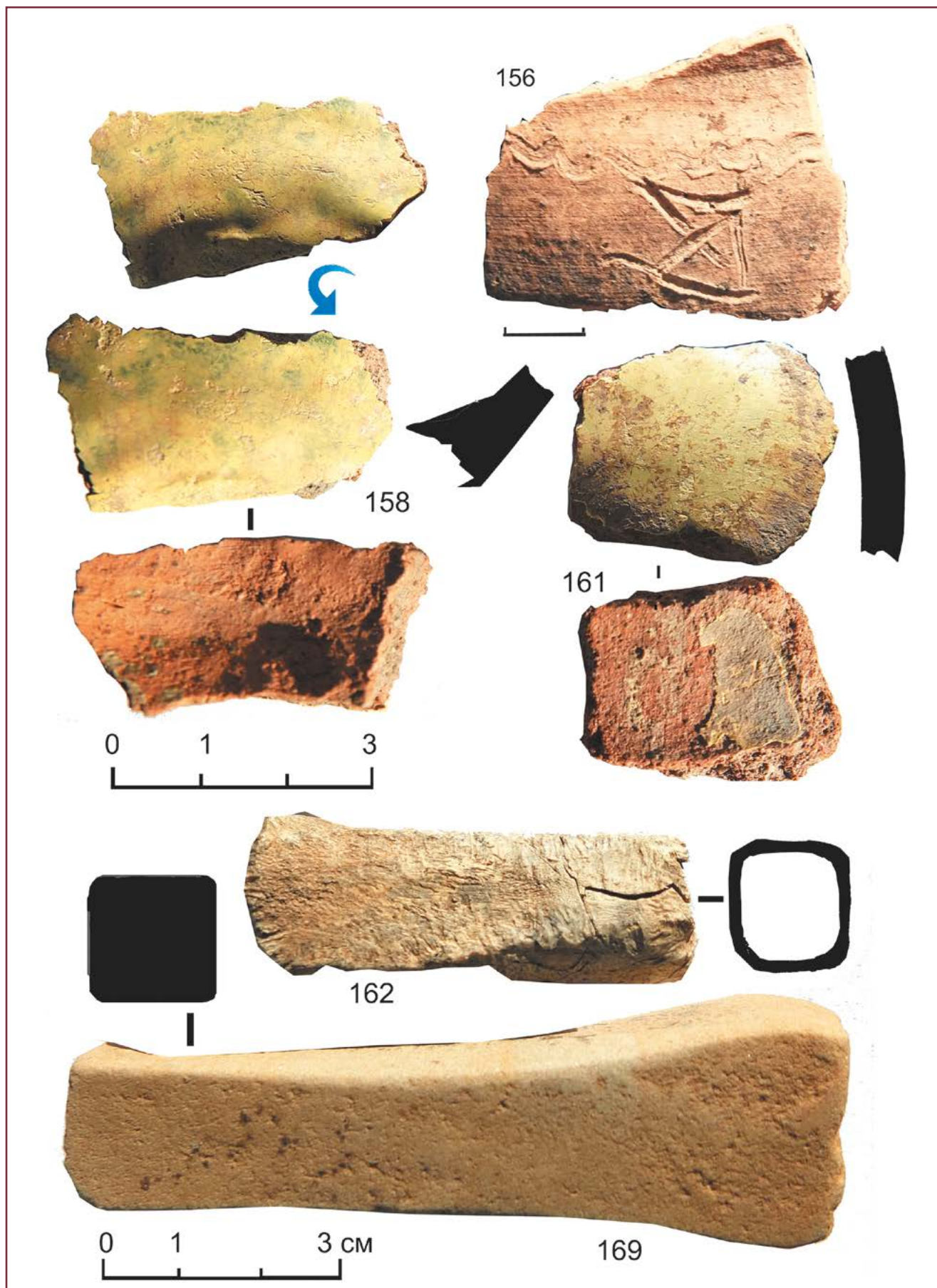

Рис. 35. Дунино-6. Раскоп I. Комплекс находок из ямы I. Предметы из керамики, кости и камня; фрагменты поливных сосудов (158 - 161), обоймица рукояти из кости (162), оселок из песчаника (169)

центральная часть заполнения по своему составу стала почти неотличима от бурого песка, образующего периферию ямы. В зачистке -125 см (рис. 29 Б) на фоне бурой супеси читались слабые следы конструкций: в северной части заполнения (Кв. 3, 9) в меридиональном направлении залегала полоса угля (10х12 см), в западной части – ряд удлиненных пятен глины (длиной 1,5 м), а в южной части прослежено два фрагмента угля, которые взяты для радиоуглеродного датирования как *образцы № 3 и 4*.

Общие контуры ямы сохранили круглую форму и сократились – на севере до 50 см, а на западе и юге – до 20 см. Вдоль западного края ямы прослежена полоса шириной 20–50 см чистого материкового песка, который утратил свою первоначальную структуру и сместился в ходе разрушения стенок ямы.

В слое серой супеси (рис. 29 А) найдены два звена цепи, закрепленные на кольце, с пробоем для крепления в деревянную стену (рис. 33, 141) и фигурная ромбовидная железная накладка на пояс или иное изделие из кожи (рис. 33, 164) (пл. 4), железный гвоздь (рис. 32, 151) (пл. 5). Пласт 7 оказался богаче на находки. Из бронзы изготовлены фигурная накладка в форме цветка с выступом для крепления к коже и обломок пластинки с фрагментом узора из четырех параллельных линий (рис. 34, 154, 157). Из железа изготовлены сапожный гвоздик (№ 165), пружина цилиндрического замка (рис. 33, 160) и полоса (рис. 32 Д, 155). Донце поливного сосуда, покрытого снаружи желтой поливой (рис. 35, 158), напоминает поливной сосуд, найденный в черной супеси, и свидетельствует о том, что оба слоя относятся к одному комплексу. Следует отметить также фрагмент плечика красноглиняного сосуда с рисунком. Рисунок помещен под орнаментальной полосой в виде волны. Тримя линиями мастер нанес неполный квадрат и в него вписал крестик (рис. 35, 156)..

Количество керамики резко сократилось и составило: 54 (пласт 4), 56 (пласт 5), 31 (пласт 6) и достигло 80 фрагментов (27 – в песке) в пласте 7 (19% комплекса).

Нижняя часть заполнения (пласты 8–II, рис. 30). В ходе разборки пластов 8 и 9 в центре заполнения ямы был полностью добран слой буро-серой супеси, и с уровня зачистки пласта 9 (-160 см) все заполнение представляло собой однородный бурый слабо гумусированный песок, который залегал до самого дна ямы. В зачистке пласта 9 (-160 см) яма приобрела подквадратные формы и размеры 4,3х4,3 м (рис. 30 А), причем этот квадрат был ориентирован по линии север-юг с небольшим отклонением к ССЗ. Западная и южная стенки были почти ровными, а северная и восточная – слегка выступали в своих средних частях. Вдоль западного края ямы фиксировались последовательно три полосы: желтый, коричневый (со следами ожелезнения) и светлый пески – судя по

всему, они образовались в результате смещения материковых отложений стенки погребца (рис. 30 А). Среди однородного бурого песка фиксировались пятна гумуса размерами от 25×10 до 5×5 см. Возможно, они маркировали какой-то горизонт обживания погребца, который образовался после того, как на его дне сформировалась 25-сантиметровая прослойка песка (см. профиль на рис. 31).

В гумусированном (грязном) песке в пласте 8 (рис. 30 А) найдены билоновый пластинчатый перстень со слабо выступающим щитком, украшенным кресчатым орнаментом (рис. 34, 166), а также железная спица (рис. 33, 167) и массивная полоса (7х2,3 см) толщиной 3 мм, выкованная с небольшим изгибом (рис. 33, 168). В пласте 10, на отметке -191, найдена ручка, выполненная из кости (рис. 35, 162),

На дне ямы I открылся тонкий слой темно-серой гумусированной супеси, который залегал непосредственно на материковом песке. В этом слое на отметках -189 -195 см, главным образом в центральной и восточной частях ямы, были сделаны наиболее информативные находки комплекса.

Из бронзы были изготовлены привеска-ложечка (рис. 34, 174), овальный край широкой (2 см) накладки на пояс со штырем, скреплявшим ее с кожей (рис. 34, 173), и **монетные весы** длиной 7,2 см (рис. 34, 172). Весы такого типа были заимствованы из Золотой Орды. Они использовались не для взвешивания монет, а для контроля за их полновесностью. Проверяемая монета укладывалась на лопасть в виде лопаточки и полновесность ее проверялась с помощью противовеса. Очень близкие к дуинским монетные весы найдены в Москве в слое XV в. (Григорьев, Зайцев. 2000. С. 130, 131. Рис. 8) и на селище Могутово-2 Щелковского района – посадке городка Шерны. Последние имели в длину 5,5 см и были рассчитаны на монеты весом 0,92–0,93 грамма (Волков. 2003 б. С. 40, 43).

Обращаясь к предметам из железа, мы вновь сталкиваемся с сапожными гвоздиками (рис. 32 В, 171, 175), которые изобиливали в слое черной супеси, и небольшой округлой поковкой (рис. 32 Д, 170). Из камня изготовлен оселок длиной 10 см, бывший в работе (рис. 35, 169).

Керамики в пласте 8 было встречено всего 12 фрагментов, в 9 – не найдено вовсе, а в пластах 10–II – 13 фрагментов, однако среди них выделялись два крупных красноглиняных венчика с подтреугольным валиком внутри и линейным орнаментом и срезанный с волнистым орнаментом.

После разборки слоя темно-серой гумусированной супеси (рис. 46), залегавшей на дне ямы, по всей исследуемой площади обнажился материк. Он залегал в виде горизонтальной плоскости на отметках -198–211 см, был сложен белым песком с пятнами (до 1 м в поперечнике) ожелезненного песка и отдельными затеками темно-серой супеси (рис. 27 В). Дно ямы имело подквадратную форму со скругленными углами и небольшими

выступами в середине сторон квадрата. Размеры дна ямы составили $3,65 \times 4,1$ м, причем протяженность с севера на юг была несколько больше таковой с запада на восток. Наблюдалось также небольшое расширение «квадрата» к югу. Ориентировано дно погребка было по линии север-юг с небольшим отклонением к северо-западу.

Разрез ямы (рис. 27 Б, 31) показывает, что ее заполнение может быть разделено на три группы отложений.

1. Верхняя сильно гумусированная часть заполнения включает **черную супесь** с мелкими фрагментами угля и пачины (мощность 10–43 см). Его подстилает **серая супесь** с мелкими фрагментами угля (мощность 10–83 см). Под серой супесью залегает прослойка **темносерой супеси** (с прослойкой песка) мощностью от 10 до 50 см, которая повторяет форму вышележащего слоя, «проваливаясь» до отметки -130 см в 1,6 м к югу от северного края ямы.

2. Бурый песок, залегающий стратиграфически ниже описанных выше слоев, образует заполнение краев и нижнюю часть ямы. Мощность его колеблется. На краях ямы она составляет 20 см, в средней части достигает 2 м, а в центре составляет от 55 до 90 см.

3. На дне ямы залегала прослойка темно-серой гумусированной супеси мощностью 5–8 см. Общая глубина ямы составляла 2 м.

Черная и темно-серая супеси отложились, судя по всему, в результате разрушения наземной части деревянного сооружения, остатки которого смещались в погреб по мере разрушения полов. Сохранились следы деревянной конструкции (примерно $2,2 \times 2,2$ м), провалившегося в погреб. Залегавший ниже, вплоть до дна ямы, бурый слабо гумусированный песок сформировался с участием материкового песка, поступавшего в яму ранее, в результате осыпания стенок котлована. Отсутствие следов отопительного сооружения в заполнении свидетельствует о том, что яму 1 следует интерпретировать как подвальную часть неотапливаемой клетки, которая непосредственно примыкала к отапливаемому срубам, располагавшемуся южнее, над ямой 2 (см. ниже).

Индивидуальные находки, происходящие из ямы 1, весьма многочисленны (64). Доминируют предметы из металла, в частности большое количество сапожных гвоздиков, игл и шильев, а также орнаментированные бронзовые поясные накладки, овечьи ножницы, кремневое орудие, которые, вероятно, использовались для обработки кожи и/или меха. В связи с этим наиболее вероятным представляется, что наряду с сельским хозяйством (находка обломка полицы), жители двора занимались скорняжным промыслом или обработкой кожи. О зажиточности владельцев постройки свидетельствуют находки поливной посуды и билионного перстня, о причастности к операциям с монетой – монетные весы.

Среди находок, происходящих из заполнения ямы 1, практически нет предметов, имеющих узкую датировку. Поэтому для установления археологической даты сооружения необходимо обратиться к керамике. Однако перед этим нужно дать характеристику остальных ям в материке (рис. 21).

Яма 2 открылась в зачистке материка в 1 м к югу от ямы 1 (рис. 21, 27 А – справа). Она была ориентирована с запада на восток ($4,3 \times 2,1$ м) и уходила в восточную стенку раскопа. Глубина ее заполнения составляла 20 см, а на западе выклинивается до 5 см (рис. 21 – разрез О). Центральная часть ямы была заполнена черной супесью с мелкими фрагментами угля и пачины ($3,7 \times 1,4$ м) – вдоль северной и западной краев ямы, и серой супесью, смешанной с желтым песком – вдоль южного контура. В этом последнем слое, выступающем у юго-западного края ямы, фиксировались пятна обожженной глины – пачины. Эти последние отложения говорят о том, что яма 2 связана с отопительным сооружением и, возможно, является подпечной. Встречено два крупных (3×3 и 5×5 см) фрагмента с прокаленной белой гладкой поверхностью – вероятно, поверхностью пода печи. Пятна обожженной глины в южной части ямы 1, зафиксированные на уровне зачистки материка, могли являться частью развала печи, которую можно предполагать над ямой 2.

Фиксация ямы 2 в материке показала, что стенки ее пологие и лежат на отметках -17–41 см. К северу от ямы, между нею и ямой 1, читается узкая полоса материка, в связи с чем установить последовательность откопки ям 1 и 2 не представляется возможным. Возможно, заполнение южного (неглубокого) приямка ямы 1 перекрывает яму 2.

Раскопки ямы начались с южной половины. После фиксации разреза запад-восток была разобрана северная часть ямы. В заполнении встречено три находки из железа: массивный строительный гвоздь (рис. 33, 107), обыкновенный гвоздь (рис. 32 Г, 106) и полоса (рис. 32 Д, 105). Керамический материал весьма обилен для столь мелкой ямы (найдено 262 фрагмента, а также развал сосуда). 9 фрагментов серой керамики, в том числе горшки со срезанными венчиками (3,4%), могли попасть в заполнение из более раннего слоя XIV в. Распределение типов керамики таково: красноглиняная грубая керамика – 68%, красноглиняная гладкая – 16,7%, неопределимая красноглиняная керамика – 8,4%, красноощенная – 0,7%, белоглиняная грубая – 1,5% и ангобированная – 1,5%. Данное соотношение соответствует соотношению, описанному выше применительно к яме 1. Следовательно, ямы 1 и 2 принадлежат к одному хозяйственному комплексу и синхронны.

Яма 3 была зафиксирована в северо-восточном углу раскопа (рис. 21), имела размеры $2 \times 2,35$ см и уходила в его стенки. Она была заполнена серой супесью, а в центре ($1,7 \times 0,4$ м) – черной супесью с

углем. В юго-западном углу кв. 6 читался угол ямы прямоугольной формы. Яма имеет подквадратные очертания и ориентирована по линии север-юг с отклонением к СЗ, то есть так же, как и яма 1. С запада к центральному углублению примыкало и частью перекрывало его углубление меньших размеров округлой формы (1,1х0,55 м), которое также уходило в северную стенку раскопа.

После выборки пласта 2 на отметках -15-20 см была проведена зачистка: размеры ямы сократились до 2х1,2 м, северная ее часть на этом уровне была заполнена черной супесью с углем, а периферия – бурый песок. В ходе выборки пласта 3 обнажилось дно ямы, которое залегало на отметках -31 -37 см, а в южной части – -56 см.

Глубина ямы от уровня материка составляет от 60 до 80 см (рис. 21 профиль И). В профиле в толще черной супеси прослеживается горизонт угля, нижняя часть ямы заполнена бурый песок. В заполнении найдено два сапожных гвоздика (рис. 32 В, 138, 142) и 82 фрагмента керамики: красноглиняной грубой (69,5%) и гладкой (8,5%) а также столовой краснолощеной (13,5% склеены части двух кувшинов – с лощения и без). Соотношение типов керамики и присутствие сапожных гвоздиков напоминает комплекс ямы 1. Видимо, подполье, следами которого является яма 3, являлось элементом усадьбы.

Яма 4 располагалась на довольно значительном расстоянии от ямы 1 – в 7,5 м к западу от нее. В раскоп вошел лишь западный край ямы (2х0,45 м – Кв. 47). Поверхность ямы представляла собой массив обожженной глины, к которой с юга примыкала полоса (75х20 см) угля, смешанного с гумусом. Практически все заполнение состояло из красной обожженной глины, в которой не встречалось керамики. Разрез ямы говорит (рис. 21 Т), что она была заглублена на 1,2 м от поверхности материка. По дну, который имел форму лопаты, залегал слой черной углистой супеси мощностью от 5 до 22 см. Обнаружено два фрагмента керамических плиток из красножгущейся глины. Поверхность одной из них подморенная, толщина более 12 мм.

Поверхность другой заглажена. Встречен 21 фрагмент керамики: 11 – красноглиняной грубой, 5 – красноглиняной гладкой и 4 – белоглиняной грубой. Таким образом, по составу керамики яма 4 синхронна ямам 1, 2 и 3. Судя по всему, перед нами следы ямы, располагавшейся под открытой надворной печью – очагом. К такому выводу склоняет сочетание развала отопительного сооружения с небольшим количеством керамики и отсутствием следов жилища (находок). В то же время наличие керамики не позволяет видеть здесь оwin.

Керамика из верхнего слоя и ямы 1

Закрытый комплекс, происходящий из заполнения постройки, включает 1163 фрагмента керамики. Из слоя гумусированной супеси (пласты 2, 3), отражающей остатки сгоревшей наземной постройки, просевшей в погреб, происходит 914 фрагментов. Из пластов 4–6, отражающих начальный этап разрушения постройки и заполнения погреба, происходит 144 фрагмента. И, наконец, из слоя грязного песка (пласты 7–11), отложившегося в период функционирования постройки, собрано 105 фрагментов (в том числе 13 – со дна погреба). Данные, представленные в табл. 1, показывают, что соотношение типов керамики во всех этих слоях практически идентично.

По соотношению типов керамики и ее формам комплекс из Дунино-6 отражает тот этап в бытовании керамики, когда еще продолжала доминировать красноглиняная грубая посуда (63–76%; краснолощеной 6–8%), которая в первой четверти XV в. абсолютно господствовала и ярко представлена в комплексах Михайловское-2 и Козья горка (Чернов С.З., 1991. С. 30). В то же время наряду с красноглиняной грубой посудой здесь фиксируются (в небольшом проценте) типы керамики, которые получают широкое распространение в последней четверти XV в. и были известны по комплексам из сооружений московского посада, сгоревших в 1493 г. (Чернов С.З., 1991. С. 50). Это красноглиняная гладкая ранняя (8–18%), выделенная как переходный тип И.А. Бойцовым

Таблица 1. Шестое Дунинское селище. Раскоп 2012 г. Процентное соотношение типов керамики, найденной в верхнем слое, и заполнении ям

	Верхний слой	Яма 1	Яма 1	Яма 1	Яма 1	Яма 2	Яма 3
Пласты	1	2,3	4,5,6	7, 8	11		
Слой		Черная супесь	Серая супесь	Бурый песок	Дно ямы		
Курганная керамика	5						
Серая керамика	12	4				3,4	
Красноглиняная грубая	36,5	63	76	71,4	100	68	69,5
Красноглиняная гладкая ранняя	20,8	18,5	8,4	13,3		16,5	8,5
Краснолощеной	2,8	6,7	7,9	6,6		0,7	13,8
Белоглиняная грубая	14,2	7,5	7	4,7		1,5	8,5
Чернолощеной и мореная	1,5	2,7	-	3			
Ангобированная	4,7		0,7			1,5	
Белоглиняная гладкая	1						

Рис. 36. Дунино-6. Раскоп 1. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3. Красноглиняная грубая керамика А – вариант 1, со слабо отогнутым венчиком и заостренным краем; Б – вариант 3, со слабо отогнутым венчиком, имеющим небольшое расширение или валик снаружи

(Бойцов И.А., 1991), белоглиняная грубая (5–7%) и чернolощеная (0,5–1%).

В связи с невозможностью издать в одной статье все материалы, комплекс из ямы 1 Дунино-6 будет опубликован в специальной работе. Здесь же я счел возможным опубликовать материалы из верхнего слоя, перекрывающего постройки 1–3.

Эти материалы представляют интерес в двух отношениях. Во-первых, они повторяют основные серии, характерные для комплекса. Во-вторых, составляют контекст находок из верхнего слоя, которые были описаны выше.

Красноглиняная грубая керамика представлена большим числом вариантов. Вариант 1, со слабо

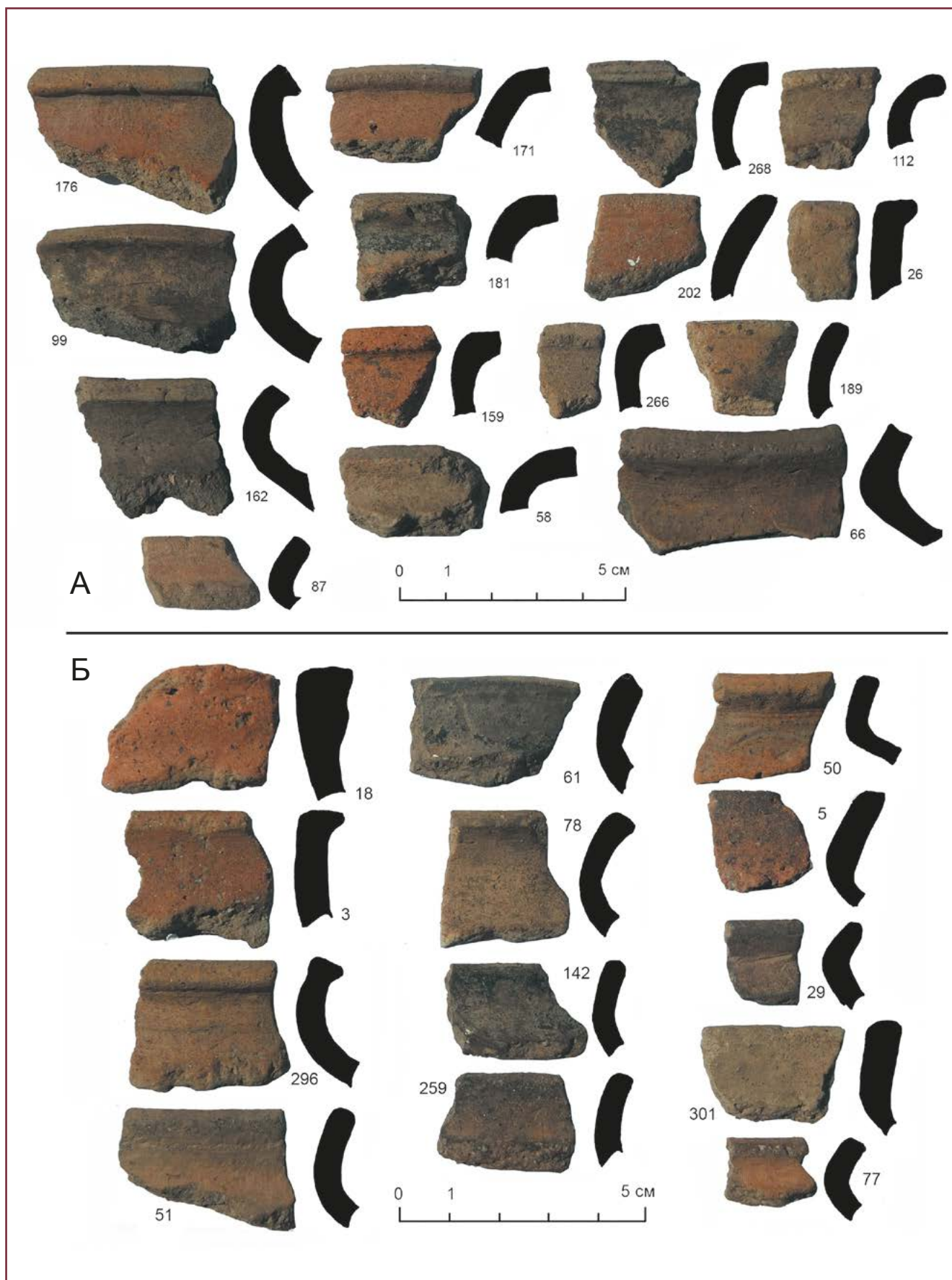

Рис. 37. Дунино-6. Раскоп I. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3. Красноглиняная грубая керамика. Ранее не фиксировавшиеся варианты. А – с отогнутым наружу венчиком со срезанным краем; Б – со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком без специальной обработки края

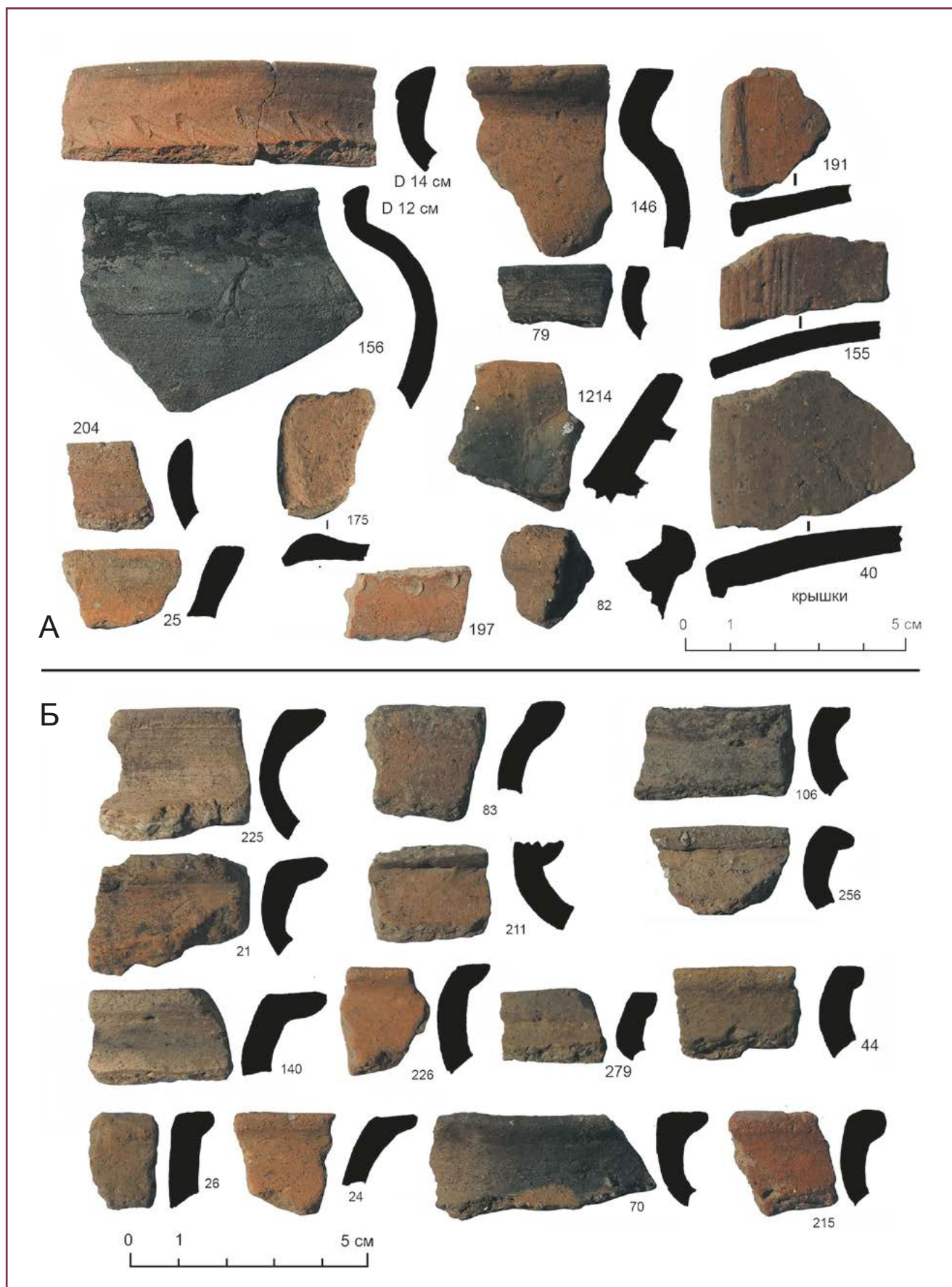

Рис. 38. Дунино-6. Раскоп I. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3. Красноглиняная грубая керамика. А – вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны, фрагменты крышек горшков (40, 155, 175, 191), сковороды (1214) и миски (82); Б – вариант 4, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, край которого имеет вид горизонтальной площадки

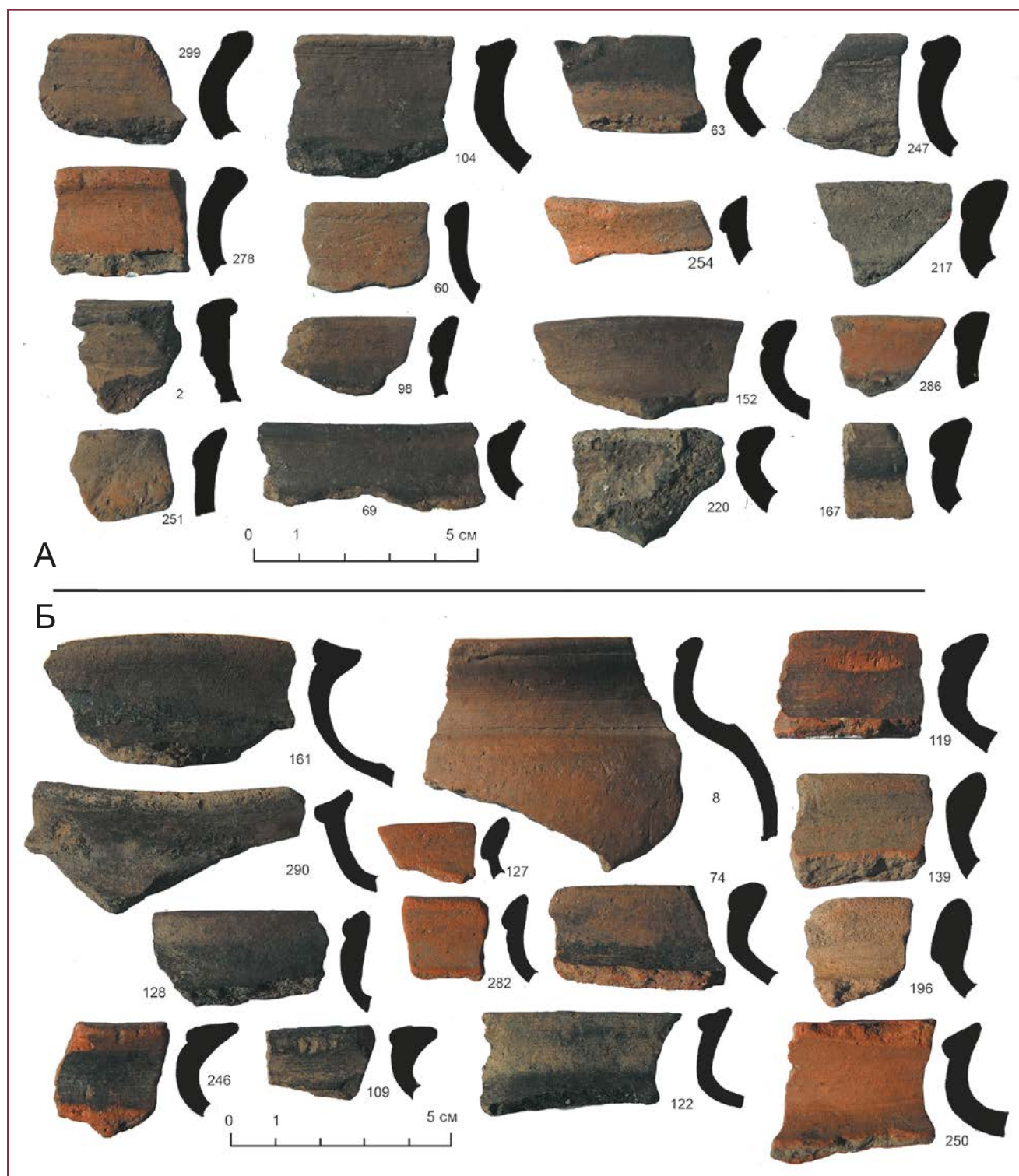

Рис. 39. Дунино-6. Раскоп 1. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3. А – красноглиняная грубая керамика. Вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны, Б – красноглиняная гладкая ранняя керамика. Вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны

отогнутым венчиком и заостренным краем (рис. 36 А) широко распространен и фиксируется в Михайловском-2 (Московская керамика. Табл. 71, 159) Вариант 3, со слабо отогнутым венчиком, имеющим валик снаружи, в комплексах этого типа не встречен (рис. 36 Б). Совершенно не характерны для комплексов типа Михайловского-2 варианты

со срезанным краем и со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком без специальной обработки края (рис. 37 А, Б). Зато они представлены в Котово (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 197. Рис. 8, 2, 3, 6).

Вариант 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный

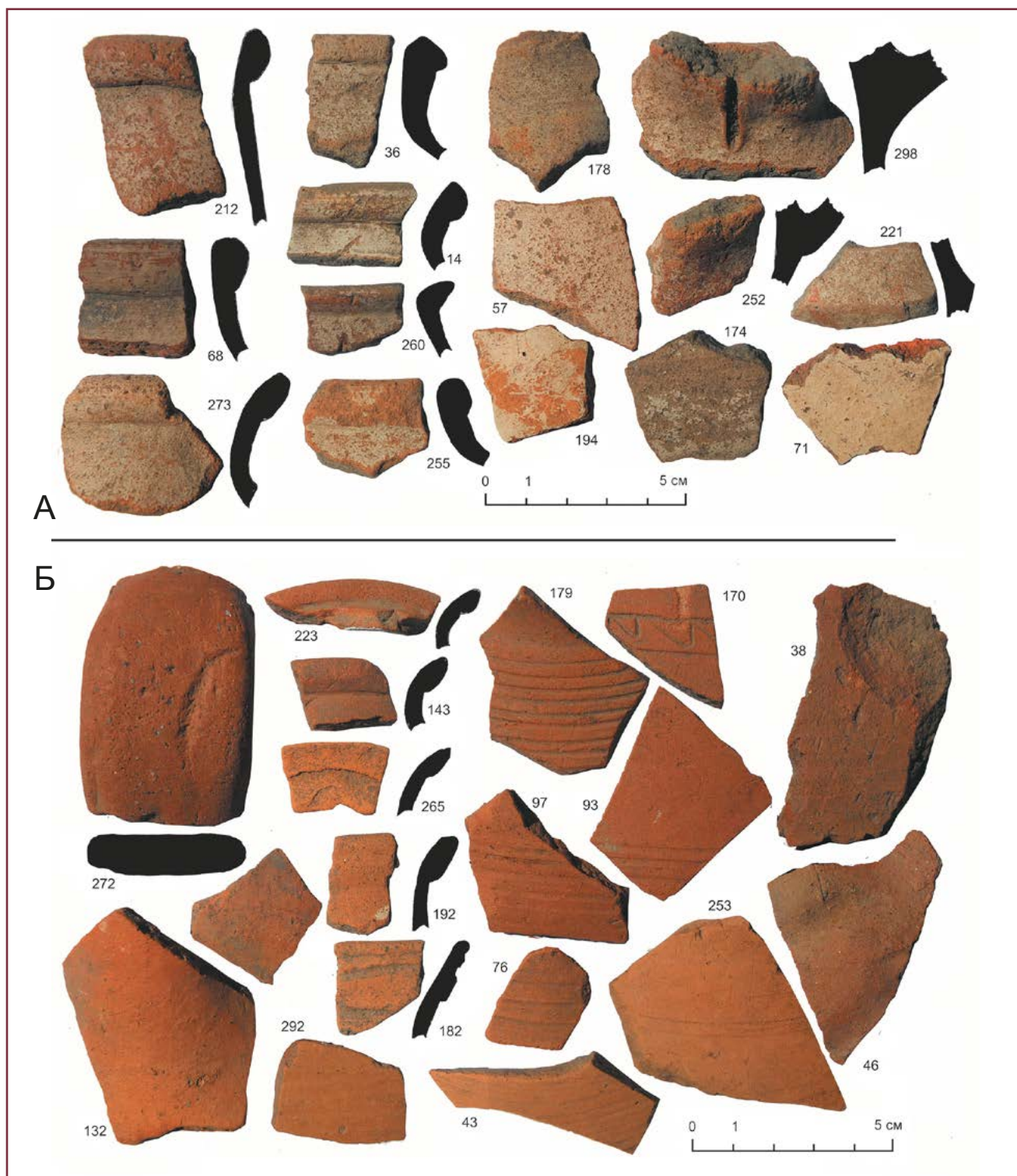

Рис. 40. Дунино-6. Раскоп 1. Керамика из верхнего слоя в районе ям 1, 2, 3. А – ангобированная керамика из белой глины; Б – краснополющенная керамика

валик с внутренней стороны (рис. 38 А), характерен для всех стадий развития московской красноглиняной керамики и не является хронологическим маркером. Впрочем, в верхнем слое Дунино-6 найден подобный венчик с орнаментом в виде косой волны позднего вида (с заостренным краем волны) (рис. 38 А, верхний ряд, слева), который имеет аналогии в Михайловском-2 (Московская керамика. Табл. 71, 155).

Особенно интересны формы варианта 4 со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, край которого имеет вид горизонтальной площадки. Имеются формы с обычной горизонтальной площадкой, распространенные в Михайловском-2 (Московская керамика. Табл. 70, 158, 186). Однако преобладают формы с горизонтальной площадкой, резко отогнутой наружу (рис. 38 Б), которые в Михайловском-2 единичны

Рис. 41. Керамика, найденная на дне ямы № 1

(Московская керамика. Табл. 70, 153).

Интересны фрагменты крышек горшков (40, 155, 175, 191), сковороды (1214) и миски (82) (рис. 38 А); Красноглиняная гладкая ранняя керамика представлена главным образом вариантом 2, со слабо отогнутым или вертикально стоящим венчиком, имеющим подтреугольный валик с внутренней стороны (рис. 39 Б), который является ведущим для комплексов последней четверти XV в. С этими комплексами связаны также ангобированная керамика из белой глины и краснотелая керамика, которые ярко представлены в верхнем слое Дунино-6 (рис. 40 А, Б)

Рассмотренный материал из верхнего слоя Дунино-6 близок по формам комплексам из ям 1, 2, 6 селища Котово, причем в них мы фиксируем прямые аналогии ранее не встречавшихся форм венчиков красноглиняной керамики: с валиком снаружи, с краем, резко отогнутым наружу, а также большое число срезанных венчиков (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 190. Рис. 6, 3; с. 197. Рис. 8, 5; с. 201. Рис. 11, 8), которые дают серии в Дунино-6 (рис. 36–40).

Итак, с точки зрения развития типов московской красноглиняной посуды материалы из Котово и Дунино-6 можно помещать между комплексами Михайловское-2 и сооружениями Исторического проезда, погибшими в 1493 г., и датировать второй-третьей четвертями XV в.

Таким образом, время предполагаемого бытования монет (первая четверть XV в.) и время бытования керамики (вторая-третья четверти XV в.) различаются не менее чем на четверть века. И это

при том что о связи монет с постройкой говорит как их концентрация непосредственно над ямой, так и обнаружение в яме монетных весов. В этой ситуации логично обратиться к датировкам, которые базируются на данных естественных наук.

Радиоуглеродные даты постройки

По углю от деревянных конструкций из ямы 1 получено 8 радиоуглеродных дат (табл. 2), которые были проанализированы А.Л. Александровским¹⁵:

Крепление подпечного сруба выполнялось из жердей, поэтому среди сохранившихся образцов удалось найти только три обугленных фрагмента дерева, имевших около 20 годовых колец. На анализ были взяты образцы, сформированные из внешних и внутренних колец одного дерева, между которыми было по 10–12 колец. Даты по внешним кольцам, которые ближе ко времени порубки дерева, отличаются от внутренних на 40 и 70 лет, но в одном случае – на 0 лет, что говорит о степени точности метода. В то же время диапазоны между предельно поздними датами внутреннего и внешнего колец (по данным калибровки с вероятностью 90,9%) каждой из трех жердей почти точно повторяли друг друга: 1402–1438 гг., 1431–1436 гг., 1415–1441 гг. Это позволяет осторожно предположить, что подвал строился не позднее 1440 г.

По данным калибровки, большинство интервалов калиброванного возраста захватывают ту

¹⁵ Раздел написан на основании анализов, произведенных в лаборатории Киевского Института гигиены и медицинской экологии имени А. Н. Марзеева АМН Украины.

Таблица 2. Шестое Дунинское селище. Раскоп 2012 г. Радиоуглеродные даты

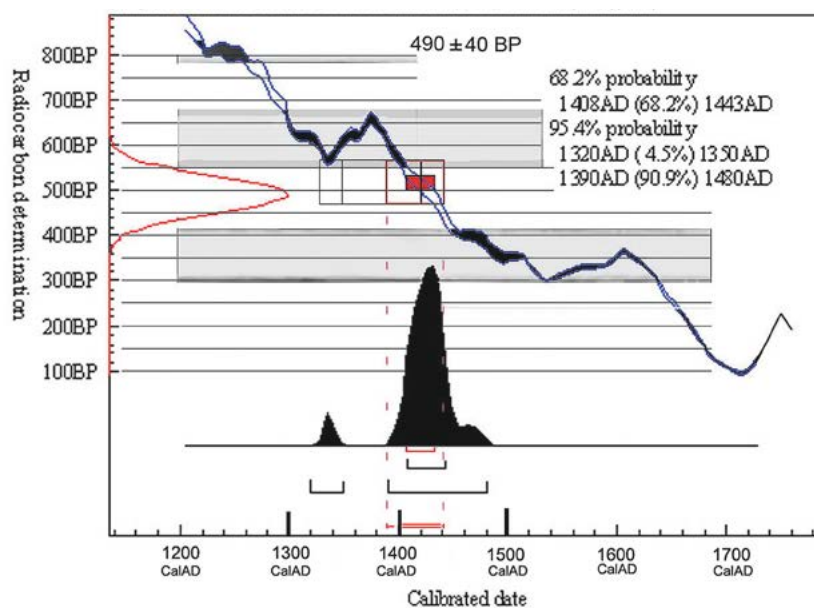
№	Привязка	Лабораторный номер	Возраст 14C BP	Возраст 14C BC/AD
1	2	3	4	5
1	Дунино-6, пр.5а. Яма 1. Пласт 11 (дно) (внешние кольца), (уголь 7 г)	Ki – 17888	550 ± 40	1σ 1322-1424 AD 2σ 1304-1438 AD
2	Дунино-6, пр.5б. Яма 1. Пласт 11 (дно) (внутренние кольца), (уголь, 7 г)	Ki – 17889	620 ± 35	1σ 1298-1393 AD 2σ 1290-1402 AD
3	Дунино-6, пр.6а. Яма 1 Пласт 3 (внешние кольца), (уголь 3,5 г)	Ki – 17890	570 ± 60	1σ 1309-1418 AD 2σ 1293-1436 AD
4	Дунино-6, пр.6б. Яма 1. Пласт 3 (внутренние кольца), (уголь 1,5 г)	Ki – 17891	570 ± 50	1σ 1312-1416 AD 2σ 1297-1431 AD
5	Дунино-6, пр.7а. Яма 1. (внешние кольца) (уголь, 3 г)	Ki – 17892	550 ± 50	1σ 1319-1428 AD 2σ 1299-1441 AD
6	Дунино-6, пр.7б. Яма 1. яма 1 (внутренние кольца), (уголь, 4 г)	Ki – 17893	590 ± 40	1σ 1310-1405 AD 2σ 1296-1415 AD
7	Дунино-6, пр.3. Яма 1. Пласт 7, (уголь, 7 г)	Ki – 17894	510 ± 50	1σ 1330-1444 AD 2σ 1305-1463 AD
8	Дунино-6, пр.4. Яма 1. Пласт 7 (уголь, 8 г)	Ki – 17895	490 ± 40	1σ 1413-1443 AD 2σ 1324-1465 AD

или иную часть первой половины XV в. Даты по образцам 7 и 8 захватывают и середину XV в. Наиболее точный калиброванный интервал получился для даты 490 ± 40 лет: 1413–1443 гг. (вероятность 1 sigma).

Надо учитывать, что ближе ко времени порубки должны быть даты по внешним кольцам 550 ± 40 , 570 ± 60 и 550 ± 50 лет. При этом не вполне ясно, сколько еще колец не вошло в пределы изученных фрагментов. Обычно сохраняются внутренние кольца, а внешние теряются. Таким образом, из дат следует вычесть минимум около 20 лет. По данным Ванн дер Плихта, разница между датами по древесине и однолетним растениям составляет в среднем 50 лет. Следовательно, собственно радиоуглеродный возраст деревьев (время их порубки, а не возраст продатированных колец) находится в интервале $500\text{--}530 \pm 50$ л.н.

Отметим, что, по мнению В.В. Скрипкина, «...по логике получается, что дата постройки и существования объекта все же должна находиться в интервале 1390–1430 AD».

На рисунке калибровочной кривой (табл. 3; исходно был сделан для даты 490 лет) дан предполагаемый возраст 500–530 лет назад (прямоугольником). Однако дата имеет ошибку ± 50 лет (показана вертикальной линией). В соответствии с этим получаются два отрезка интервала калиброванного возраста. Предпочтительный – выделен залитым контуром. В итоге возраст объекта следует относить к интервалу 1390–1440 гг. н.э. (отрезок в нижней части рисунка).

Табл. 3. Результаты калибровки ^{14}C дат по образцам из Дунино-6. Исходный рисунок создан калибровочной программой для даты 490 ± 40 лет

Сопоставление результатов и исторические коррективы

Применительно к интересующему нас противоречию результаты радиоуглеродного датирования важны в двух отношениях. Во-первых, они уверенно исключают из зоны датирования ямы I период после 1460 г. и свидетельствуют о наибольшей вероятности датировки строительства сооружения второй четвертью XV в. Во-вторых, они не исключают датировку сооружения какой-то частью первой четверти XV в.

Полученные данные заставляют более внимательно рассмотреть стратиграфическую ситуацию и возможную последовательность

Рис. 42. Дунино-6. Раскоп 1. Процесс изучения верхнего слоя над ямой 1. Ручная разборка слоя в зоне обнаружения монет с корректирующей фиксацией находок металлодетектором

Рис. 43. Дунино-6. Раскоп 1. Временная консервация раскопа после снятия верхнего слоя. 4-7 июля 2012 г. На заднем плане – Иван Владимирович Волков, руководивший работами первого этапа

Рис. 44. Дунино-6. Раскоп I. Начало второго этапа раскопок. Повторную зачистку материка над центральной постройкой ведут Сергей и Алексей Черновы. Справа – сотрудница Института археологии РАН Екатерина Юрьевна Лебедева. Вид с запада.

Рис. 45. Дунино-6. Раскоп I. Зачистку восточной части участка В ведут Сергей и Алексей Черновы. Вид с юга

Рис. 46. Дунино-6. Раскоп 1. Завершающая стадия раскопок. Рабочие ведут разборку пластов 9 и 10 в восточной части ямы I (центральная постройка усадьбы). Вид с юго-запада

отложения слоев в районе находки монет. Основная группа из трех монет (рис. 25. № 18–20), две денги Василия I и полуденга Владимира Андреевича Храброго были найдены на линии длиной 1,5 м в квадрате 9, то есть над самым центром ямы. Они были зафиксированы на отметках +24, +22 и +23 см, то есть на 12–14 см выше уровня зачистки материка (+7–8 см), в средней части однородного слоя темно-серой супеси, который достигал над центром ямы I мощности 35 см. Нижегородская денга была обнаружена в 1,9 м к западу, у края ямы, на отметке +32 см. Наряду

с монетами здесь же были найдены криноконечный (рис. 22, № 33) и квадратноконечный (рис. 22, № 37) кресты-тельники. Период бытования первого из них включает первую треть XV в., то есть лежит ближе к датам монет, чем к керамическому комплексу из ямы I.

Керамический материал из верхнего слоя мог начать откладываться в первой четверти XV в. Наряду с керамикой, идентичной той, которая найдена в комплексе, здесь встречена красноглиняная грубая керамика с орнаментом «косая волна», имеющая аналогии в комплексе Михайловское-2

первой четверти XV в. (Московская керамика. Табл. 70, 71). Таким образом, диапазон датировки верхнего слоя включает первое-второе десятилетия XV в.

В связи с этими наблюдениями следует обратить внимание на то, что находки, сделанные на дне погребца – монетные весы и исключительно красноглиняная грубая керамика, – относятся к раннему этапу использования сооружения, когда на дне еще не начал скапливаться песок, просачивающийся через стенки погребца. Поскольку монетные весы и монеты, скорее всего, использовались одновременно, последние также логично связать с ранним этапом жизни людей, которые возвели эту усадьбу. Оказаться же в земле монеты вполне могли значительно позже (например, как забытый схрон) на последней стадии разрушения постройки, когда большая часть конструкций уже просела в погреб.

Следовательно, нельзя исключить, что активные денежные операции, действительно, протекали здесь в княжение Василия I, возможно, до 1413 г. (до конца 1410-х гг. или даже до конца княжения Василия I в 1425 г.).

Последнему предположению не противоречат и данные письменных источников, которые детально были разобраны в главе 1. История земельных владений села Козинского известна с 1402–1403 гг., когда звенигородский князь Юрий Дмитриевич передал село с землями Саввино-Сторожевскому монастырю. Судя по тексту грамоты, выданной ранее 10 мая 1404 г., до перехода к монастырю жители этого владения платили князю дань, ям, подводу, тамгу, осьмничее, кости, явку, пересуд и правой десяток. Их судили «наместницы звенигородские и волостели и их тивуны» (АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 79, 80, № 53). Состав этого владения реконструируется благодаря грамоте 1470–1472 гг., по которой оно было вымечено у монастыря звенигородским князем Андреем Васильевичем (сыном Василия II). Наряду с селом Козинским «селище Дудинское, да село Поречкое, да деревню Демехово, да деревню Власьевскую, да три селища Власьевские: Ивашково, да Григореново, да Якушев» а также 2 деревни, 13 селищ и луг под Козиным (АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 91, № 58а). Учитывая, что Шестое Дунинское селище совпадает с кустом Власьевских микротопонимов (в частности, Власьевкой называлась поляна, на которой был заложен раскоп), и принимая во внимание немалые размеры памятника, оно было идентифицировано с «деревней Власьевской», упомянутой в грамоте 1470–1472 гг. Таким образом, исследованный двор располагался в старожильческой княжеской деревне, которая около 1402 г. перешла под управление Саввино-Сторожевского монастыря.

Это была наиболее удаленная деревня подгородного села Козинского, которая располагалась у дороги из Москвы в Можайск, Смоленск и

Рис. 47. Дунино-6. Раскоп I. Кремневое орудие на пластине (№ 126). Пласт 3, Кв. 9, в слое черной супеси. Снимки под разным освещением

Великое княжество Литовское. Приуроченность поселения к большой дороге могла способствовать росту продаж кожевенных изделий и соответствующих торговых операций.

Археологические данные позволяют предполагать, что появление серебряных монет в деревне в первой четверти XV в. было связано не с выдачей князем или монастырем кредита («серебро на людях»), но с ремесленной специализацией двора, где проживал сапожник или скорняк, выполнявшие заказы и получавшие вознаграждение (о чем, кстати, свидетельствует и присутствие редкого разменного номинала – полуденги). О состоятельности жителей двора говорит наличие поливной керамики, двух перстней, предметов личного благочестия. К числу неординарных принадлежат и находка свинцового слитка с оттиснутым изображением серафима или херувима в круге и ромба в квадрате – возможно, ангельских чинов Дионисия Ареопажита, которые помещались на обороте креста.

Литература

Алексеев А.В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М. – Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. – 280 с.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика. Новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР. С. 33–40.

Волков И.В., 2003а. О хронологии монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в. // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. Труды ГИМ. Вып. 138. М. ГИМ. С. 134–146.

Волков И.В., 2003б. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2(12). М. С. 35–43.

Волков И.В., 2015. «Коломенские птички», «владимирские воины», «переславские жуки»: о целях и последствиях денежной реформы начала 1410-х гг. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва – Коломна, 20–25 апреля 2015 г. Тез. докл. и сообщ. М.: Триумф принт. С. 150–153.

Волков И.В., Лейбов В.Л., 2007. Полуденги удельного княжества Серпуховского // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М.: Древлехранилище. С. 42–59.

Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. Серебряные монеты московских удельных княжений. Конец XIV – начало второго десятилетия XV в. Каталог-определитель. М.: Древлехранилище. – 144 с.

Волков И.В., Титов Г.А., 2013. Новые материалы для исследования денежного обращения московских земель в конце правления Василия // Нумизматические чтения ГИМ 2013 г. Материалы докл. и сообщ. М.: Триумф принт. С. 110–115.

Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В. 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово-1 в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. 2. М., С. 184–210.

Гришин И.В., Клецинов В.Н., 2001. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М. С. 70–80.

Гайдуков П.Г., 2006. Русские полуденги четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М: Палеограф. 407 с.

Григорьев А.В., Зайцев В.В., 2000. О находке фрагментов костяных монетных весов XV в. в Тульской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва. 17–21 апреля 2000 г. Тез. докл. и сообщ. М. С. 129–131.

Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2013. Русские монеты 1353–1533. Минск: Едиторисал УССР. – 96 с.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. – 448 с.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156–177.

Клянин Р.В. 1997. Корнике – город рязанского княжества // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М. С. 140–146.

Кренке Н.А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Т. III. М.: Наука. С. 293–325.

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика. – 318 с.

Московская керамика, 1991. Новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: Институт археологии АН СССР. – 198 с.

Недошивина Н.Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 107–III.

Орешиников А.В., 1896. Императорский Российский Исторический музей. Описание памятников. Вып. I. Русские монеты до 1547 г. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. – 273 с.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука. – 134 с.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142

Рабинович М.Г., 1959. Крепость и городок Тушков // Советская археология. Вып. XXIX–XXX. М. С. 263–286

Романченко Н.Ф. 1928. Образцы Старицкого медного литья с монетами 1394–1486 // Материалы по истории русского искусства. Т. I. Л.: Изд. Русского музея. С. 37–42.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Насташино. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 52–65.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. – 195 с.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир». 220 с.

Толстой И.И., 1889. Три клада русских денег XV и начала XVI в. // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. IV. Вып. I. СПб. С. 30–49.

Толстой И.И., 1913. Монеты великого князя Василия Дмитриевича // Записки Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. II. Вып. III–IV. СПб. С. 1–89.

Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во МГУ. – 255 с.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М: ИА АН СССР. С. 20–32.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики конца XV – начала XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М: ИА АН СССР. С. 50–60.

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М: Наука. С. 123–182.

Чернов С.З., 1997а. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье. Т. 3. М. – 46 с. / Архив Главного управления культуры Московской области.

Чернов С.З., 1997б. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на берегу // РА. 1997. № 2. С. 123–149.

Чернов С.З. 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 245–284.

Чернов С.З., 2011. Археологические исследования объектов археологического наследия «Шестое Дунинское селище у быв. артели «Металлист» и грунтовый могильник Дунино» для их постановки на охрану в 2011 г. Т. 1. Т. 2. – 314 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36327, 36328.

Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже // Российская археология. 2000. № 1.

Чернов С.З., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях шестого Дунинского селища в зоне возведения часовни кладбища деревни Дунино (Одинцовский район Московской области) в 2012 г. – 280 с. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Кн. 52. № 46221.

Chernov S., Erschova E. 2013. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements. / Ed. Jan Klápště. Volume 9. Turnhout: Brepols Publishers, P. 387 – 406.

Чернов С.З., 2015. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. II. М., С. 304–338.

Чернов С.З., Волков И.В., 2015. Русские серебряные монеты рубежа XIV–XV вв. из раскопок Шестого Дунинского селища и их археологический контекст // Русское денежное обращение в X–XVII вв. // Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М.: ГИМ. С. 81–93.

Чернов С.З., Гончарова Н.Н., 2015. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М., Вологда: Древности Севера. С. 444–459.

Чернов С.З., 2016. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // Российская археология. № 1. С. 160–173.

Streurman H.J., Aerts-Bijma A.T., van der Plicht J., Spriensma J.J. 14C dating. (RR-02) // Scientific report 1992–1994. Centre for isotope research. Groningen, 1994. p.5–8.

Глава 4

**Экономика крестьянского двора.
Русские серебряные монеты рубежа XIV–XV веков
из раскопок Шестого Дунинского селища
и их археологический контекст (И.В. Волков, С.З. Чернов)**

Находка монет удельного периода в ходе раскопок небольших сельских поселений – редкая удача. Одновременно – это возможность заглянуть в мир экономических отношений XV столетия в окрестностях Звенигорода. Поэтому мне представляется уместным опубликовать здесь работу, написанную мной в соавторстве с научным сотрудником Отдела нумизматики

Государственного исторического музея Иваном
Владимировичем Волковым.

Археологический контекст русских монет «удельного» периода дает порой ценную информацию, которая способна пролить свет на целый ряд вопросов, связанных с денежным обращением. В то же время закрытые археологические комплексы, исследуемые на территории усадеб

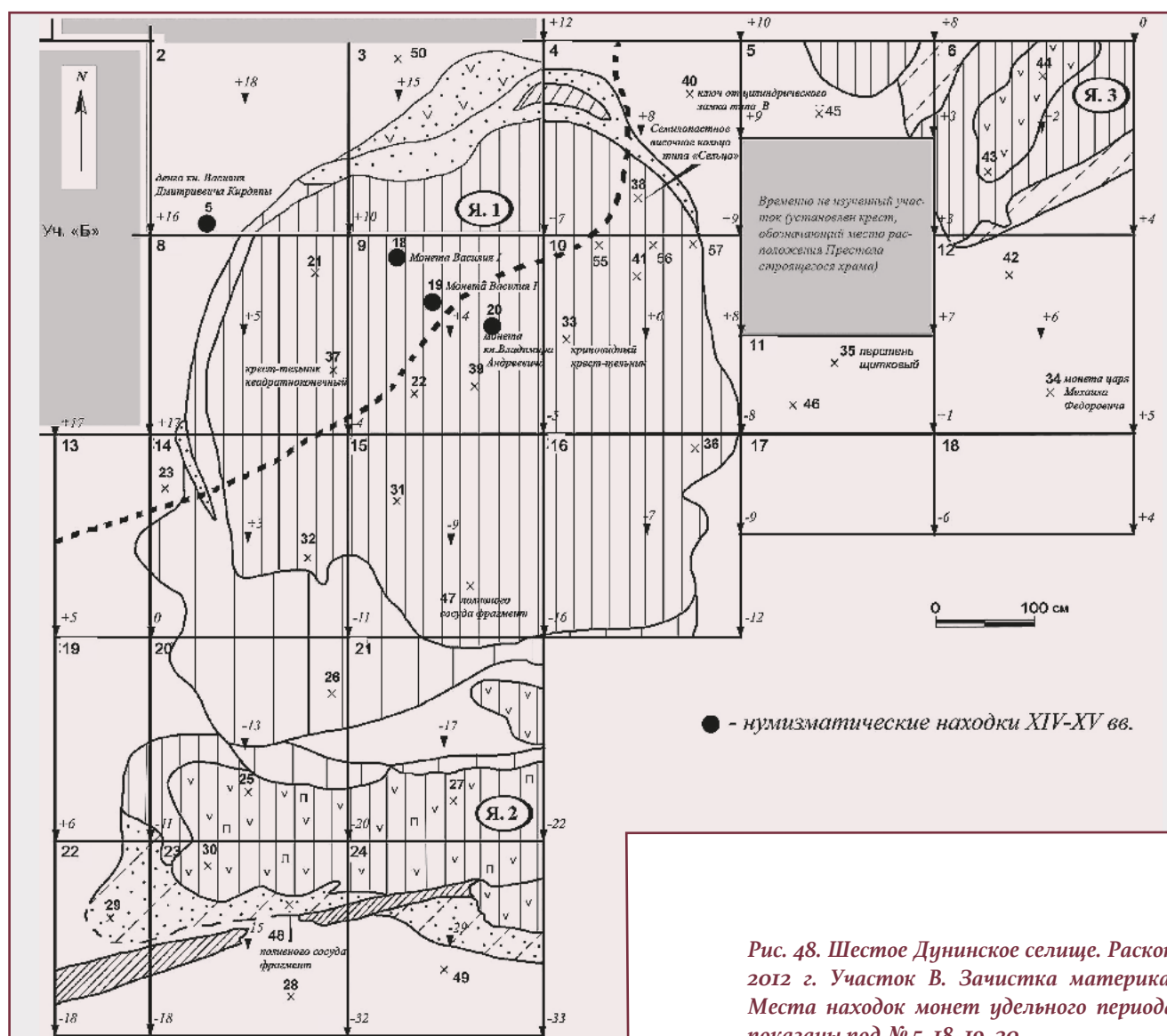

Рис. 48. Шестое Дунинское селище. Раскоп 2012 г. Участок В. Зачистка материка. Места находок монет удельного периода показаны под № 5, 18, 19, 20

сельского и городского населения, могут сказать значительно больше об экономике конкретного дворовладения, если они рассмотрены в комплексе с найденными в них монетами и с учетом закономерностей бытования этих монет.

Определенные возможности для рассмотрения этих вопросов открывает Шестое Дунинское селище, где в ходе охранных археологических исследований 2012 г. были обнаружены следы средневековой усадьбы (рис. 16 с. 31). Значительный интерес представляют сделанные во время этих раскопок находки русских серебряных монет «удельного» периода, публикации которых и посвящена данная глава¹.

В 2012 г. в западной части селища был заложен раскоп площадью 161 кв. м. Четыре монеты «удельного» периода были найдены в центральной части раскопа в ходе разборки верхнего культурного слоя, который представлял собой гумусированную темно-серую супесь, насыщенную мелкими фрагментами угля, керамикой и находками. Монеты были зафиксированы инструментально. Они располагались на небольшом пространстве – 3,25х0,5 м (рис. 48; № по описи: 5, 18, 19, 20).

Обратимся к описанию этих монет (фотоизображения монет приведены в двукратном увеличении – см. рис. 49, 50, 51).

Рис. 49. Кв. 7. Гл. +32 см. № 5. Великое княжество Нижегородско-Суздальское. Князь – ? Денга.

Л.с. Изображение фантастического четвероногого животного, вправо, с изогнутым над спиной хвостом, заканчивающимся трилистником. В линейном ободке, за которым прослеживаются остатки круговой надписи.

О.с. Подражание лицевой стороне данга Золотой Орды хана Джанибека.

Вес 0,94 г.

По типу: Федоров-Давыдов Г.А., 1989. № 467, 468; Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2013. С. 206, № 1635А.

Рис. 50 1. Кв. 22. Гл. +22 см. № 19. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денга.

Л.с. Сокольник, вправо. Ободки отсутствуют; остатки круговой надписи.

О.с. Подражание трехстрочной арабской надписи с именем Токтамыша. Над второй строкой – 3 орнаментальные решетки. В точечном ободке.

Вес 0,92 г.

По типу: Толстой И.И., 1913. № 54; Гайдуков П.Г., 2006. С. 50, рис. 30, 13.

Рис. 50 2. Кв. 22. Гл. +24 см. № 18. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денга.

Л.с. Изображение петуха, вправо. Над ним – орнаментальная решетка. В двух линейных ободках, между которыми – остатки круговой надписи:

¹ Необходимо отметить, что в ходе раскопок были обнаружены и прочие нумизматические памятники: две серебряные копейки времен Михаила Федоровича, а также советские и польская разменные монеты XX в. Они относятся к совершенно иным периодам и здесь не рассматриваются.

Рис. 49. Монеты из раскопа I на селище Дунино 6. Великое княжество Нижегородско-Суздальское. Денга

Рис. 50. Монеты из раскопа I на селище Дунино 6. Великое княжество Московское. Василий Дмитриевич. Денги

Рис. 51. Монеты из раскопа I на селище Дунино-6. Серпуховско-Боровское княжество. Владимир Андреевич Храбрый. Полуденга

кнѣзьвѣ . . . [л]и (первая и последняя буквы объединены в лигатуру).

О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша. В линейном ободке.

Вес 0,76 г.

По типу: Толстой И.И., 1913. № 11; Гайдуков П.Г., 2006. С. 50, рис. 30, 2; . По паре штемпелей: Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2013. С. 55, № 163Е.

Рис. 51 Кв. 22. Гл. +23 см. № 20. Серпуховско-Боровское удельное княжество. Владимир Андреевич Храбрый. Полуденга.

Л.с. Изображение кентавра с мечом, влево; под ногами коня – орнаментальная решетка. В двух

линейных ободках; между ними – остатки круговой надписи.

О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша. В линейном ободке.

Вес 0,22 г (обл.).

По паре штемпелей: Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. С. 38, № 88.

Нижегородская и две московские денги в целом не являются редкими. Аналогичные монеты присутствуют как в кладовых комплексах рубежа XIV–XV вв., так и среди единичных находок в большом количестве. Но вот полуденга серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго относится к категории редчайших.

До конца прошлого века о существовании полуденги этого князя не было известно вовсе. Лишь в 2006 г. П.Г. Гайдуков в своей монографии, посвященной мелким серебряным номиналам русской денежной системы, впервые издал такую монету (Гайдуков П.Г., 2006. С. 261, № 64), относящуюся, однако, к иному типу (с изображением четвероногого животного), нежели обнаруженная нами на селище Дунино-6. Год спустя была опубликована еще одна полуденга Владимира Андреевича, несущая на этот раз на л.с. изображение кентавра (Волков И.В., Лейбов В.Л., 2007. С. 52, № 1). Наконец, к 2010 г. было зарегистрировано 6 экз. ранних серпуховских полуденг, из которых 3 несли изображение кентавра (Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. С. 38, 39, № 87–91). Все они хранятся в различных частных коллекциях. С тех пор новых находок зафиксировать не удалось, следовательно, полуденга из Дунино представляет собой седьмую известную монету Владимира Андреевича данного номинала и первую – найденную в ходе археологических исследований. Схема штемпельных связей представлена на рис. 52.

В Приложении приведены данные обо всех известных полуденгах Владимира Андреевича, указаны места их находок (в тех случаях, когда они известны). На рис. 53, 54 приведены фотоизображения монет в двукратном увеличении.

Вернемся к комплексу «удельных» монет из Дунино. Время чеканки всех четырех экземпляров укладывается в достаточно узкий хронологический отрезок: со второй половины 1390-х до середины 1400-х гг. В обращении они могли оставаться до начала второго десятилетия XV в., то есть до денежной реформы, проведенной в правление Василия Дмитриевича (Волков И.В., 2003а), в результате которой старые монеты полностью исчезли из обращения. Как уже приходилось говорить (см.: Волков И.В., 2015. С. 151, 152), кладовый материал очень четко фиксирует момент проведения реформы. Сейчас зарегистрировано не менее четырех десятков кладовых комплексов, датирующихся вторым-четвертым десятилетиями XV в. Из них лишь в двух дореформенные монеты присутствуют в сколь-нибудь значительном количестве. Первый – клад 1412–1415 гг., в котором «старые» деньги еще не

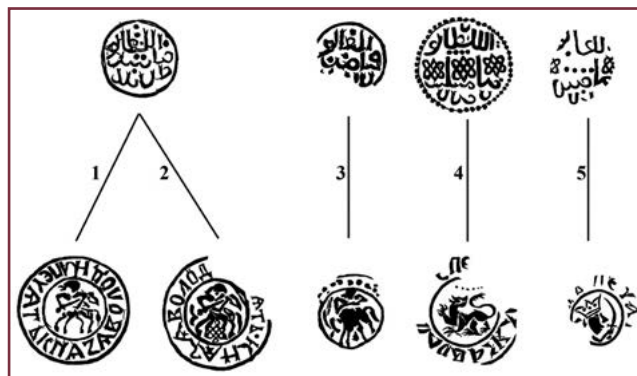

Рис. 52. Схема штемпельных связей полуденги Владимира Андреевича Серпуховского. Нумерация соответствует Приложению 1. Графические реконструкции штемпелей приведены в натуральную величину

успели полностью вытесниться «новыми» (Вичуга, 2013; Волков И.В., Титов Г.А., 2013. № 1). Второй – известный Рузский клад, который, вероятно, представляет собой комплекс длительного накопления, то есть вряд ли отражает состав реального денежного обращения на момент сокрытия (третье десятилетие XV в.; Толстой И.И., 1889). Во всех остальных комплексах этого времени присутствуют либо только ранние, либо только пореформенные денги.

Очень интересно, что на памятнике полностью отсутствуют более поздние монеты XV–XVI вв., чеканка которых была гораздо более обильной. На первый взгляд это дает основание предполагать, что со второй четверти XV в. деловая активность на поселении пошла на спад. Однако в ходе знакомства с археологическим контекстом фиксируются признаки того, что реальная картина была значительно сложнее.

Археологический контекст и радиоуглеродная датировка постройки

После выборки верхнего слоя на месте обнаружения монет в зачистке материка открылась яма 1. На уровне зачистки по матерiku она имела округлую форму и размеры 5,5х5,5 м. Вблизи дна яма приобрела прямоугольную форму и размеры 4,3х3,8 м, которые соответствуют размерам деревянных конструкций, крепивших ее стены. Глубина ее составила 2 м. Яма интерпретируется как подпол клетки, входившей в состав крупной жилой наземной постройки. С учетом расположения соседних ям, размеры сруба равнялись примерно 6,5х6,5 м, а площадь постройки составляла немногим более 40 кв. м. К югу от нее зафиксирована яма 2 (4,2х2,1) глубиной 0,2 м, а к востоку – яма 3 (двух и более м) глубиной 0,5 м (рис. 48).

Следует напомнить, что из ямы 1 происходит 70 находок, в том числе большое количество сапожных гвоздиков, игл, орнаментированные бронзовые поясные накладки, ножницы, а из слоя над нею – криноконечный и квадратноконечный кресты-тельники. О состоятельности владельцев постройки свидетельствуют фрагменты поливной посуды и перстень.

Особенно интересна в плане нашего исследования находка бронзовых монетных весов длиной 7,2 см (рис. 34, с. 60). Весы такого типа были заимствованы из Золотой Орды. Они использовались не для взвешивания монет, а для контроля за их полновесностью. Проверяемая монета укладывалась на лопасть в виде лопаточки, и полновесность ее проверялась с помощью противовеса. Очень близкие к дуинским монетные весы найдены, например, в Москве в слое XV в. (Григорьев А.В., Зайцев В.В., 2000. С. 130, 131. Рис. 8) и на селище Могутово-2 Щелковского района – посаде городка Шерны. Последние имели в длину 5,5 см и были рассчитаны на монеты весом 0,92–0,93 г (Волков И.В., 2003б. С. 40, 43).

По всей видимости, усадьба принадлежала сапожнику или скорняку, который выполнял заказы на продажу и принимал в уплату за них серебряную монету.

Закрытый комплекс, происходящий из заполнения постройки, включает 163 фрагмента керамики. Из слоя гумусированной супеси (пласты 2, 3), отражающей остатки сгоревшей наземной постройки, просевшие в погреб, происходит 914 фрагментов. Как уже отмечалось выше, по соотношению типов керамики и ее формам комплекс из Дунино-6 принадлежит к числу ранее не фиксировавшихся. На уровне существующих представлений о развитии московского керамического производства комплекс из ямы I Шестого Дуинского селища можно датировать второй-третьей четвертями XV в.

Время предполагаемого бытования монет (первая четверть XV в.) и время бытования

керамики, использовавшейся в постройке (вторая – возможно, третья четверть XV в.), различаются не менее чем на четверть века. И это при том что о связи монет с постройкой говорит как их концентрация непосредственно над ямой, так и обнаружение в яме монетных весов.

В этой ситуации логично обратиться к датировкам, которые базируются на данных естественных наук. Данные по радиоуглеродному датированию постройки были изложены в главе 3. По углю от деревянных конструкций из ямы I получено 8 радиоуглеродных дат (табл. 2), которые были проанализированы А.Л. Александровским. В итоге возраст объекта был отнесен к интервалу 1390–1440 гг. н.э. (глава 3, табл. 3, с. 71), отрезок в нижней части).

Археологические данные позволяют предполагать, что появление серебряных монет в деревне в первой четверти XV в. было связано не с выдачей князем или монастырем кредита («серебро на людях») но с ремесленной специализацией двора, где проживал сапожник или скорняк, выполнявшие заказы и получавшие вознаграждение. Об этом свидетельствует присутствие редкого разменного номинала – полуденги князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Суммируя свидетельства, полученные на основании археологических, нумизматических данных и радиоуглеродных датировок, можно полагать, что наиболее активно ремесленная деятельность на усадьбе осуществлялась после перехода деревни к Саввино-Сторожевскому монастырю (1400–1402 гг.) и до «великого мора» (1424–1425 гг.) и начала династической войны (1430 г.)

Приложение. Полуденги Владимира Андреевича Храброго

Рис. 53–1. Л.с. Изображение кентавра, влево, с головой, повернутой назад, с мечом в правой руке, в развевающемся плаще. В двух линейных ободках; между ними надпись (против часовой стрелки, буквы вершинами к центру):

пѣвѣтъкнѣзѣволодѣ (буквы **и** и **м** объединены в лигатуру).

О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамыша. В начале первой строки – точка. Над второй строкой – две точки. В линейном ободке.

1 экз. Вес – 0,43 г. Место находки: Московская обл., Бронницкий р-н.

Отчеканена при помощи лицевого штемпеля денги.

Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. № 87.

Рис. 53–2. Л.с. То же, другого штемпеля. Между ногами кентавра шестичастная решетка с закругленными вершинами. Перед кентавром – перевернутый зеркально **تو**-образный знак. В двух линейных ободках; между ними надпись:

... ѦТЬ • КНѢЗѢВОЛОДѢ.

О.с. Тот же штемпель, что и у № 1.

2 экз. Вес – 0,22(обл.); 0,35 г. Место находки: 1 – Московская обл., Звенигородский р-н, селище Дунино-6; 2 – юг Московской обл.

Отчеканена при помощи лицевого штемпеля денги.

Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. № 88.

Рис. 53. Полуденги Владимира Андреевича Серпуховского. Нумерация соответствует Приложению. Увеличено в два раза

Рис. 54–1. Л.с. Грубое изображение кентавра, влево, с головой, повернутой назад, с мечом в руке. В двух линейных и точечном (между ними) ободках.

О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. Над первой строкой точка; над второй строкой две точки. В линейном ободке.

1 экз. Вес – 0,44 г. Место находки: Калужская обл., Тарусский р-н, с. Рождествено.

Волков И.В., Лейбов В.Л., 2007. С. 52, № 1. С. 56, табл. 1, 1; Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. № 89.

Рис. 54–2. Л.с. Изображение четвероногого животного, влево, с поднятой передней лапой, головой, повернутой назад, и изогнутым над спиной хвостом. Над животным ряд из шести мелких точек. В двух линейных ободках; между ними надпись:

пѣ кжавол . . .

О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. Первая и вторая строки разделены тремя орнаментальными решетками с заостренными вершинами. Вторая и третья решетки разделены мачтой алифа второй строки; первая и вторая – дополнительной мачтой. В начале первой строки две точки; над второй решеткой четыре точки. В точечном ободке.

Отчеканена при помощи лицевого и оборотного штемпелей денги.

1 экз. Вес – 0,26 г (обл.). Место находки: Московская обл., Ступинский р-н, д. Большое Алексеевское.

Гайдуков П.Г., 2006. С. 261, № 64. С. 315, табл. IV, 64. С. 342, табл. XXXI, 64; Волков И.В., Лейбов В.Л., 2007. С. 52, № 2. С. 56, табл. 1, 2; Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. № 90.

Рис. 54–3. Л.с. Погрудное изображение человека в трехлучевой короне, вправо, держащего перед лицом саблю. В двух линейных ободках; между ними надпись:

пѣва[т]

О.с. Трехстрочная арабская надпись с именем Токтамышша. Над второй строкой – ряд из 4 точек и две орнаментальные решетки с заостренными вершинами. Ободок не виден.

2 экз. Вес – 0,28 (обр., сильно потерта); 0,37 г. Место находки: 1 – Калужская обл., Медынский р-н; 2 – ?

Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. № 91.

Рис. 54. Полуденги Владимира Андреевича Серпуховского.

Нумерация соответствует Приложению.
Увеличено в два раза

Литература

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.

Волков И.В., 2003а. О хронологии монетного чекана Москвы и Серпухова начала XV в. // НС ГИМ. Т. XVI. Труды ГИМ. Вып. 138. М.

Волков И.В., 2003б. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Июнь 2003. № 2(12). М.

Волков И.В., 2015. «Коломенские птички», «владимирские воины», «переславские щуки»: о целях и последствиях денежной реформы начала 1410-х гг. // XVIII ВНК. Москва – Коломна, 20–25 апреля 2015 года. Тез. докл. и сообщ. М.

Волков И.В., Лейбов В.Л., 2007. Полуденги удельного княжества Серпуховского // СНВЕ. Вып. 2. М.

Волков И.В., Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2010. Серебряные монеты московских удельных княжений. Конец XIV – начало второго десятилетия XV в. М.

Волков И.В., Титов Г.А., 2013. Новые материалы для исследования денежного обращения московских земель в конце правления Василия I // Нумизматические чтения ГИМ 2013 г. Материалы докл. и сообщ. М.

Гайдуков П.Г., 2006. Русские полуденги четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М.

Григорьев А.В., Зайцев В.В., 2000. О находке фрагментов костяных монетных весов XV в. в Тульской области // VIII ВНК. Москва. 17–21 апреля 2000 г. Тез. докл. и сообщ. М.

Гулецкий Д.В., Петрунин К.М., 2013. Русские монеты 1353–1533. Минск.

Кренке Н.А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Т. III, М. С. 293–325.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Толстой И.И., 1889. Три клада русских денег XV и начала XVI в. // Записки РАО. Новая серия. Т. IV. Вып. I. СПб.

Толстой И.И., 1913. Монеты великого князя Василия Дмитриевича // Записки Нумизматического отделения РАО. Т. II. Вып. III–IV. СПб.

Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. /

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М. С. 123–182.

Чернов С.З., 1997а. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье. Т. 3. М. / Архив Министерства культуры Московской области.

Чернов С.З., 1997б. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте // РА. 1997. № 2.

Чернов С.З., 2011. Археологические исследования объектов археологического наследия «Шестое Дуинское селище у быв. артели «Металлист» и грунтовый могильник Дунино» для их постановки на охрану в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36327, 36328.

Чернов С.З., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях Шестого Дуинского селища в зоне возведения часовни кладбища д. Дунино в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1.

Глава 5

Демография, здоровье, этнические корни населения деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевская (Н.Н. Гончарова, С.З. Чернов)

Исследования, проведенные в Белозерье в 2000-е годы, показали, что средневековый сельский грунтовый могильник, будучи изучен археологами, антропологами и представителями других естественнонаучных дисциплин в рамках единой научной программы, становится источником уникальной информации по демографии, родственным связям, заболеваниям, биологической адаптации и происхождению населения¹.

¹ Макаров Н.А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология северно-русской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 91–102; Бужилова А.П. Средневековое население Мининского микрорегиона: анализ антропологических материалов // Там же. С. 30–54;

В Московском регионе обратиться к этим темам станет возможным после того, как будут найдены и исследованы узко датированные грунтовые сельские могильники второй половины XIII–XVI вв. Пока для исследования доступны лишь погосты, существовавшие при средневековых сельских храмах, главным образом, их белокаменные и валунные надгробия². Изучение собственно погребений наталкивается на целый ряд препятствий. Наиболее перспективны для исследований

² Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 1991. С. 45–57; Чернов С.З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6. Канонизация святых на Руси. М., 1999. 316–349.

Рис. 55. Дунинский грунтовый могильник.
Общий вид на место раскопа после его проведения и установки памятного креста в 2012 г.

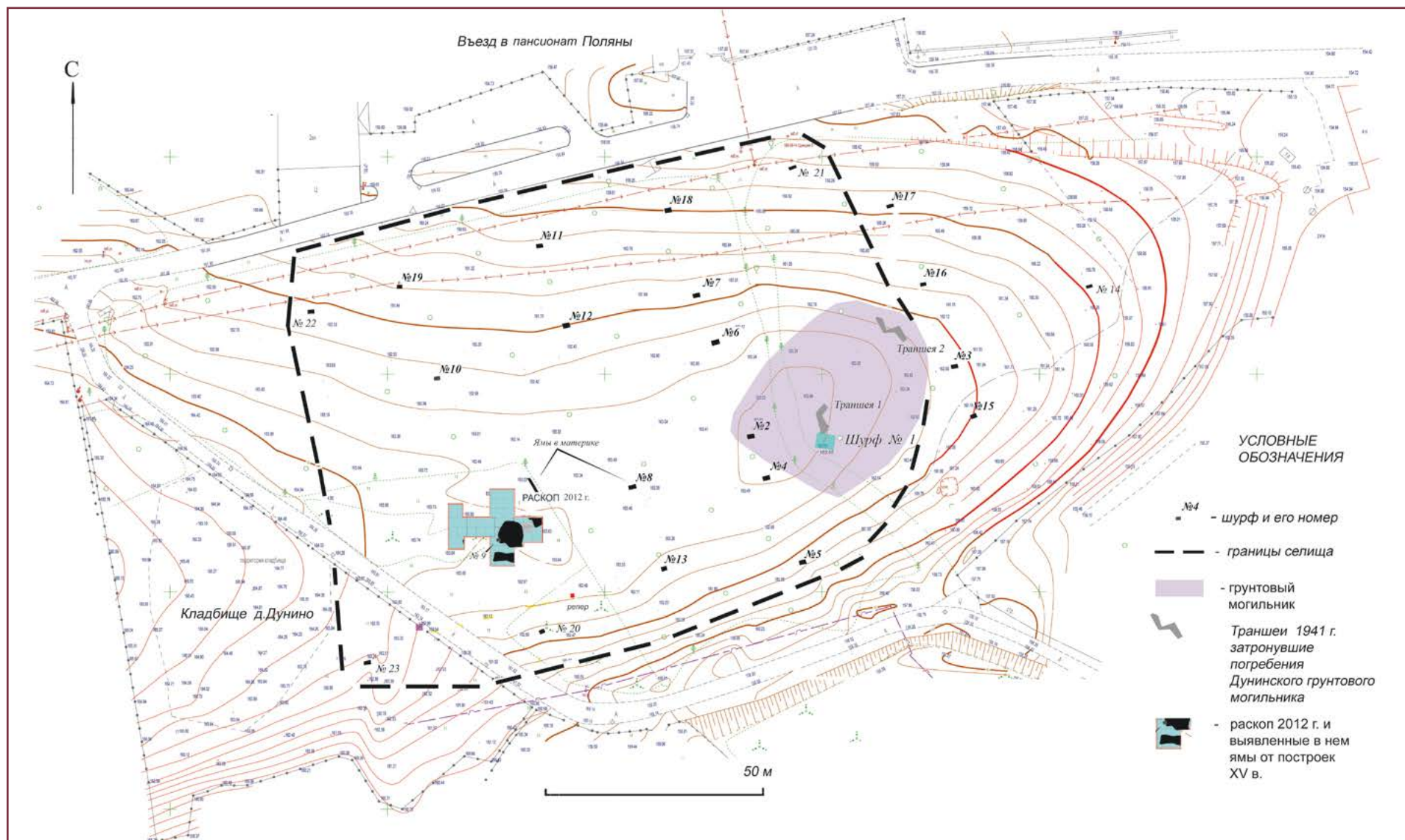

Рис. 56. Шестое Дунинское селище и Дунинский грунтовый могильник. План

погосты, на которых перестали хоронить после смутного времени или ранее³. К сожалению, на многих из них костные останки сохранились неудовлетворительно, что обусловлено химическими процессами, протекающими в кислых глинистых подпочвах мореных возвышенностей, которые активно осваивались в XIV–XVI вв.⁴ Еще сложнее изучать погосты, на которых продолжали хоронить в XVII–XIX вв. и где – ввиду плотности погребений – средневековые захоронения часто оказываются переотложенными, как, например, на некрополе звенигородского села Козино⁵.

Наряду с погостами при сельских храмах в XIII–XVI вв. в Московском крае существовали и иные грунтовые могильники. На это указывали топонимы «Могильцы», которые фиксировались на землях, осваивавшихся со второй половины XIII в. Однако впервые могильник, надежно связанный со средневековой деревней, был обнаружен в 2011 г., когда на Шестом Дунинском селище под Звенигородом в стенке траншеи 1941 г. открылись погребения.

С археологической публикацией этого памятника читатель сможет ознакомиться в седьмой главе, в которой будет рассказано о погребальном обряде и будут предложены его интерпретации. В настоящем разделе предполагается ввести в научный оборот антропологические и микроэлементные данные о 19 из 34 погребений этого могильника. Это позволит судить о демографии, состоянии здоровья и этнических корнях населения.

Могильник был зафиксирован в траншеях 1 и 2 1941 г. и шурфах 1 и 2, но не прослежен в шурфах 3–6 и 15–16 (рис. 56). Соответственно, его размеры могут составлять 40х35 м, а площадь – около

1400 кв. м. Могильник занимал восточную, мысовую, часть возвышенности. Подобное расположение – на восточной окраине поселения – характерно для раннемосковских некрополей XIV–XV вв. и, по всей видимости, обусловлено особенностями эсхатологических представлений того времени⁶.

Вначале были проведены фиксации по двум траншеям, а затем к югу от траншеи 1, с некоторым наложением на нее, был заложен шурф. В траншее 1 (6×1–2 м) на пространстве 6 м к северу от шурфа прослежены остатки 9 погребений. К сожалению, большая их часть (за исключением 3, 4 и 5) была разрушена в 1941 г. и фиксировалась лишь в стенках. Траншея 2 (8,3х0,8 м), расположенная в 20 м к ССВ от траншеи 1, затронула северную часть могильника. В этом районе погребения (№ 30–33) были ориентированы с отклонением к югу.

В пределы шурфа 1 (12 кв. м) вошли погребения 1, 2, 6, которые первоначально были зафиксированы еще в стенках траншеи, и погребения 10, и 13–28, раскрытые в ходе раскопок. Анализ перекрытия могил показал, что вначале погребения совершались на глубине 75–112 см от уровня дневной поверхности (отметки – 120–150 см) (погребения 10, 25–28), а на втором этапе их глубина сократилась до 60–80 см (отметки – 90–120 см) (погребения 1, 2, 6, 13–24).

Могильник датируется по находке слезницы в погребении 6 (рис. 59, 60). Это миниатюрный (высота 11,5 см, диаметр венчика 12 см) красноглиняный грубый горшок из глины с примесью среднезернистого песка. Обжиг не полный окислительный дал трехслойный в изломе черепок. Лицевая поверхность горшка заглажена. На плечике имеется излом, шейка отогнута под 45 градусов и завершена вертикальной площадкой с заостренным краем. Шейку украшает «косая волна» классического вида. Аналогии встречены в постройке Шавыкина Дубенского монастыря 1380–1390-х гг.⁷ и сооружении 1 селища Козья горка пер. пол. XV в.⁸ Дата слезницы – последняя четверть XIV – первая четверть XV в. – вписывается в 125-летнее хронологическое окно между двумя периодами хозяйственной активности на этом месте (1350–1475 гг.) (об этом подробнее рассказано в главе 7).

3 Энговатова А.В. Погост начала XV века в городе Можайске // Памятники древнерусской культуры. Материалы 2-й Российской научной конференции 8–10 июня 1994 г. Вып. 2. Ч. 2. Можайск, 1994. С. 155–169; Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. 2000, № 1. С. 63–81.

4 Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 281–326; Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. Вып. 8. М., 2012. С. 366–388.

5 Евтеев А.А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 433–440. См. также: Гончарова Н.Н. Описание антропологического материала из раскопок у церкви Вознесения Господня в 2004 году в Звенигороде // Охранные исследования церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода. Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 3. М., 2005. С. 99–118.

6 Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. – М., 1991. С. 97.

7 Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. – М.; Наука, 1995. Рис. 8. 2-й снизу и 3-й сверху.

8 Чернов С.З. Археологические исследования на селище у поселка Козья горка в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22034. Рис. 29, № 99-К-131, 99-К-132.

Раскопки показали, что погребения довольно однородны по обряду. Это ингумации, совершенные в деревянных колодах (прослойки гумуса и деревянный тлен в погребении 24) с ориентировкой головой на ЗЮЗ, запад (13, 24) и СЗ (30–33). Там, где сохранились кости рук, они сложены на груди, иногда одна рука погребенного помещена в районе тазовых костей или вдоль тела. Распределение могильных ям по глубине: 30 см – 1, 40–45 см – 3, 50–55 см – 5, 60–65 см – 6, 70–75 см – 7, 80 см – 3, 90 см – 4, 100–120 см – 3. Из предметов личного благочестия найден круглоконечный бронзовый энколпион с изображением триумфирующего Христа с предстоящими на лицевой стороне и архангелом Михаилом – на оборотной. Монет (оболон мертвых) не встречено.

Анализ наложения могильных ям позволяет выделить три этапа функционирования некрополя (рис. 58). На первом этапе в исследованной зоне было совершено 6 погребений в двух рядах – три мужских, два женских и одно детское на глубинах от 72 (10) и 80 см (28) до 90 (16) и 120 см (25). 4 могильные ямы имели искривленную форму, что, возможно, связано с неровностью дубовых (?) колод. На втором этапе традиция хоронить рядами сохранялась, но не реализовывалась в полной мере. В западном ряду женское погребение 2 было совершено на свободном месте, мужское погребение 17 было выкопано в старой могиле мужского погребения 26 (со сдвигом на запад) и «в ногах» погребен ребенок (23). Несколько позднее, без учета рядности, было совершено два погребения. Женское (6 – при нем была положена слезница) частично разрушило погребение 2, а мужское (1) перекрыло раннее погребение 27, но, будучи заложено мелко (58 см), не достало до его уровня (80 см). Тогда же к югу от погребения 17 возникло два погребения с иной (широтной) ориентировкой. Одно из них (13) задело погребение 17, а другое (женское 24, сохранившее следы колоды) пришлось на свободный участок.

Разрушение старых могил при копке новых – типичная практика в условиях, когда на

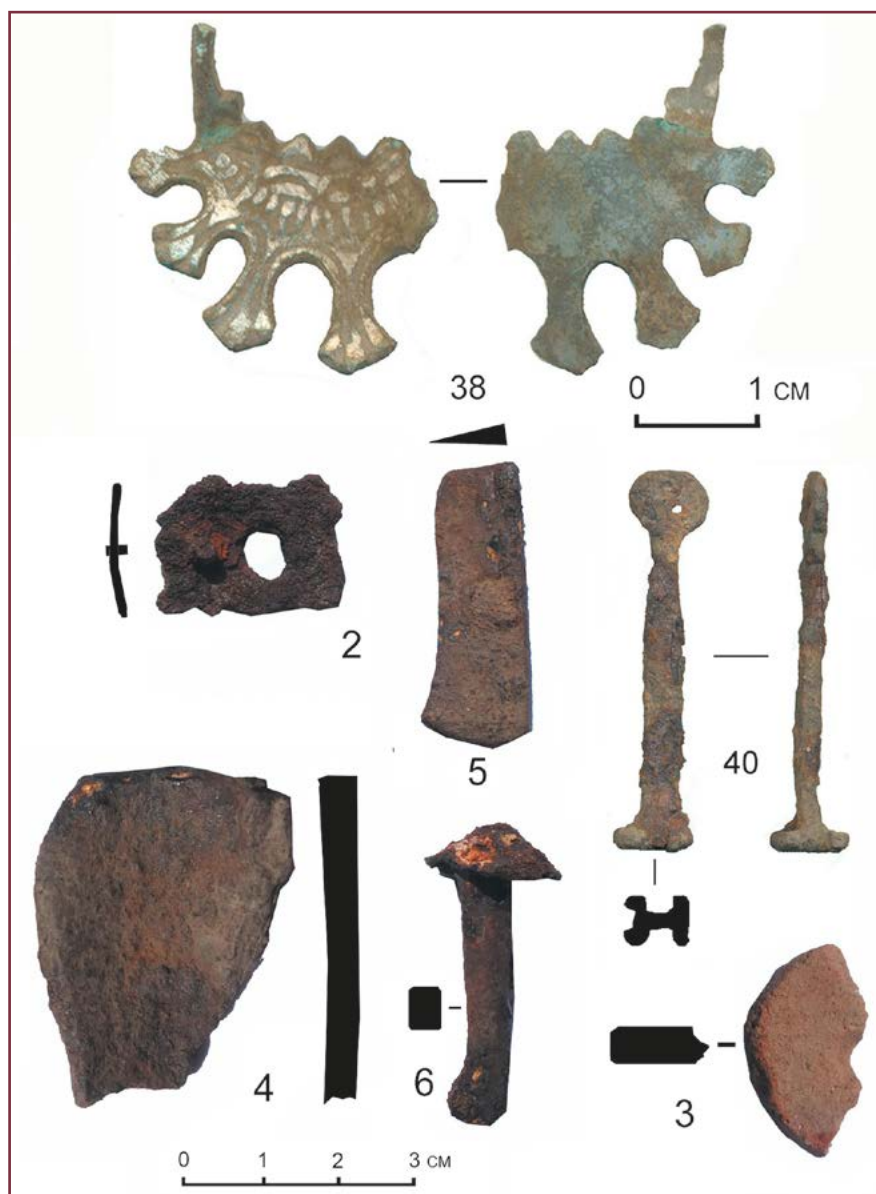

Рис. 57. Находки из шурфа 1 на территории могильника: железный болт (№ 6) и накладка на пояс железная (№ 2); находки на территории селища: пряслице из стенки сосуда (№ 3 из шурфа 2), венчик чугунного котла (№ 4 из шурфа 9), ножа обломок (№ 5 из шурфа 6). Находки из верхнего слоя раскопа 2012 г.: височное кольцо типа «Сельцо» (№ 38, кв. 4), ключ (№ 40, Кв. 4)

поверхности земли погребения отмечались лишь земляными холмиками и деревянными крестами. Именно так можно реконструировать наземные сооружения Дунинского кладбища, поскольку здесь не найдено ни одного валунного или белокаменного надгробия. Тем не менее некоторые особенности погребального обряда требуют объяснения. Копая новую могилу (17) в старой, землекопы наткнулись на череп, который возвышался над уровнем скелета на 20 см, и перезахоронили его в новой могиле. Следовательно, могила 17 копалась по истечении 10–20 лет после совершения погребения 26 – срока, за который в условиях песчаного грунта колода истлевала, а труп минерализовался. Еще через некоторое время могила 17 была задета

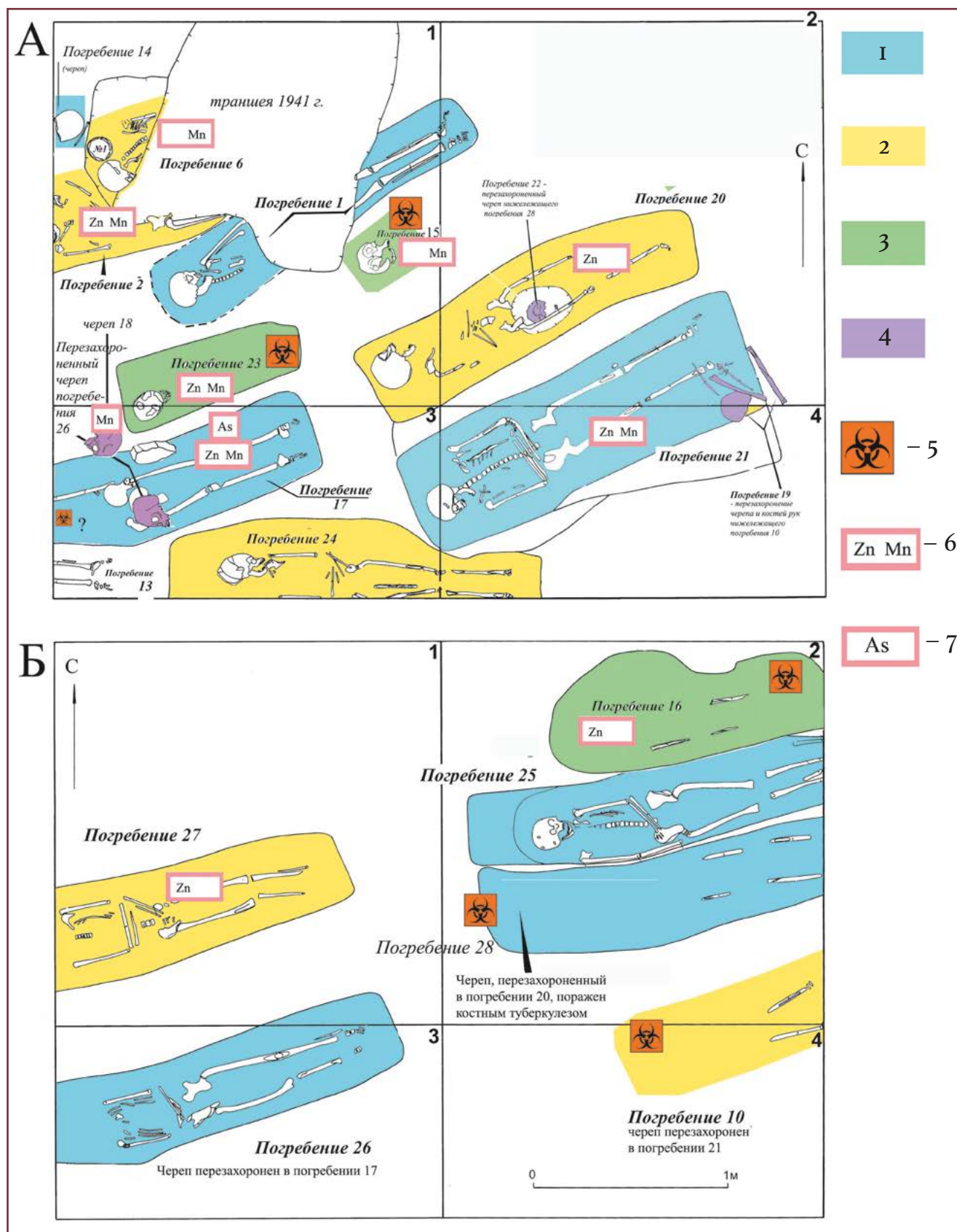

Рис. 58. Дунинский могильник. Шурф I. Схема расположения мужских (1), женских (2), детских (3) погребений и перезахороненных останков (4) верхнего (А) и нижнего (Б) горизонтов.

Данные микроэлементного анализа костной ткани: 5 – превышение по железу, возможно, вызванное обезвоживанием, наблюдаемым при холере или ином инфекционном эпидемическом заболевании; 6 – превышения по цинку и марганцу, которые могли сопровождаться падением содержания кальция, нарушением усвоения фосфора и развитием, в результате этого остеопороза костей (в случае погребения 17, имевшего экстремальные превышения, остеопороз подтвержден антропологическими наблюдениями); 7 – четырехкратное превышение по мышьяку в погребении 17

погребением 13, ориентированным с запада на восток.

На третьем этапе (уже после появления погребений 13 и 24) было совершено (одновременно или с небольшим хронологическим разрывом) парное погребение 20 и 21 (возможно, супругов). К этому времени наземные ориентиры ранних могил восточного ряда, видимо, настолько стерлись на местности и из памяти жителей деревни, что новые могильные ямы пробили оглавия ранних могил 10 и 28. И вновь, как и в случае с погребением 17, потревоженные черепа и кости не были оставлены на своих прежних местах, но извлечены из земли и перезахоронены в новых могилах (в одном случае – в ямке, выкопанной в центре могилы, а в другом – в изножии).

Антропологическое описание (Н.Н. Гончарова)

Костные останки, извлеченные из траншей 1 и 2 до начала археологических работ, были осмотрены 22.06.2011 г. Из траншеи 1 происходило две группы костей. *1-я группа. Кости индивидов женского пола:* крестец, три тазовые кости, (две из них составляют пару, т.е. левая и правая тазовые кости одного индивида), фрагменты двух левых бедренных костей, две плечевых, парных (т.е. правая и левая одного индивида, на обеих межмышечковые отверстия), фрагменты двух левых лучевых костей, позвонки. Таким образом, первую группу костей составили останки *не менее двух индивидов женского пола. Возраст смерти одной из них 20–25 лет* (сохранились следы метафизарных пластинок на длинных костях рук). Длина тела 165–166 см. *2-я группа. Кости индивида мужского пола.* К ним относятся: фрагменты тазовых костей, фрагменты бедренной кости, фрагменты ребер, предплечья, левая ключица (выражены энтесопатии, которые свидетельствуют о значительных нагрузках на плечевой пояс), фрагменты лопатки, много позвонков с выраженными изменениями поверхности (грыжи), трубчатые кости кисти с возрастными изменениями. По совокупности признаков возраст смерти индивида 30–40 лет.

Тогда же были осмотрены кости скелета погребения 3, зачищенного в траншее 1: диафиз левой бедренной кости с сохранившимся нижним мышечком, диафизы двух большеберцовых костей и одна большеберцовая кость хорошей сохранности, левая плечевая, четыре позвонка, фрагменты диафизов малоберцовой кости, локтевых, лучевых, фрагменты тазовых костей. Сохранность не позволяет определить, скольким индивидам принадлежат эти разрозненные кости. Очевидно, однако, что среди костей присутствуют останки *индивида мужского пола, возраст смерти 30–45 лет, предполагаемая длина тела (по длине большеберцовой кости) 160–167 см.* Вполне вероятно, что кости из зачистки траншеи и кости из второй группы принадлежат одному индивиду.

Скопление костей, извлеченных из траншеи 2

до начала археологических работ (погребение 31 или 32), принадлежат *одному индивиду женского пола:* две бедренные кости, очень грацильные (окружность кости в середине диафиза 79 мм у правой, 75 мм у левой кости, сагиттальный диаметр 24 мм (Л,П), поперечный диаметр 26 мм справа, 25 слева, длины костей 416 и 415 мм соответственно), тазовые кости, фрагменты свода черепа. Череп выраженно долихокранный, швы открыты. Предполагаемая длина тела 157–165 см, возраст смерти – 18–25 лет.

Шурф 1. Костные останки из шурфа 1 исследовались по мере их раскрытия 27 июня, 7–10, 15 и 27 июля 2011. Фрагменты костей, извлеченные из выброса из траншеи 1941 г. (бруствера), были разделены на две группы. *1. Кости индивида мужского пола, возраст смерти неопределим* (диафиз бедренной кости, 2 фрагмента тазовых костей, фрагмент костей основания черепа и височной кости). Отмечен выраженный рельеф и массивность костей, некоторые фрагменты имеют следы обгорания. *2. Кости грацильного индивида, вероятнее, женского пола, возраст смерти – 30–45 лет* (диафиз плечевой кости, две тазовые кости, фрагменты бедренной, две большеберцовые средней сохранности, фрагмент малоберцовой кости, мелкие кости стопы).

Из 1–4 пластов (–30–90 см) происходили фрагмент ключицы, костей предплечья, лопатки и тазовых костей. Все эти фрагменты, скорее всего, принадлежали грацильному индивиду (ребенок или женщина). Кроме этого обнаружены коронки нескольких коренных зубов, а также не полностью сформировавшаяся коронка постоянного нижнего второго резца. Сочетание данных по зубам и костям позволяет уверенно идентифицировать индивида как *ребенка 6–9 лет* (может быть погребение 15 – ?).

Погребения верхнего горизонта. Погребение 1. Сохранность скелета средняя. Останки *мужчины, возраст смерти 40–45 лет.* На позвонках выражены узлы Шморля, хрящевые грыжи (сохранились только шейные и часть грудных позвонков). На правой ключице – выраженные энтесопатии. Воспалительных явлений в суставах рук и ног нет. Совокупность признаков говорит о сильных нагрузках на плечевой пояс. Предполагаемая длина тела 175–176 см. Выражен прогнатизм. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 2. Все кости плохой сохранности: верхняя (проксимальная) половина правой бедренной кости, фрагмент тазовой (с вертлужной впадиной), обе ключицы, фрагмент лопатки, плечевая кость и обе кости предплечья (локтевая и лучевая), нижняя челюсть. По совокупности признаков – *женщина, возраст смерти 30–45 лет.* Предполагаемая длина тела 159–163 см.

Погребение 6 (со слезницей – рис. 59). Сохранились череп и, фрагментарно, некоторые кости

Рис. 59. Дунинский могильник. Шурф 1. Погребение 6. А – Оглавие погребения со слезницей, установленной рядом с черепом погребенной; вид с востока, на переднем плане – граница траншеи 1941 г., разрушившей большую часть погребения; Б – слезница (миниатюрный горшок) *in situ*. Вид с северо-востока

верхней половины тела. Останки женщины, возраст смерти 40–45 лет.

Погребение 14 (смещенное). Сохранилась только черепная коробка. Останки мужчины, возраст смерти 45–70 лет (швы черепа закрыты полностью).

Погребение 15. Сохранились череп и нижняя челюсть (сохранность плохая, все фрагментировано). По состоянию зубной системы – ребенок, 10–12 лет.

Погребение 17 (совершено в более раннюю могилу). Сохранность костяка хорошая. Останки

мужчины, 35–40 лет. На позвонках, особенно поясничных, отмечены следы воспаления (остеопороза?). На правой тазовой кости в области крестцово-подвздошного сочленений отмечены следы воспаления, возможно, следы остеопороза на поясничных позвонках обусловлены той же причиной (воспалительные процессы в области малого таза). Предполагаемая длина тела 176–178 см.

Погребение 18 (смещенное). Сохранились только череп и фрагмент нижней челюсти. Останки пожилой женщины, возраст смерти – более 60 лет (полностью закрыты все швы черепа, при жизни выпали все зубы, кроме третьего коренного, стертого до корня).

Погребение 20 (женское в парном захоронении.) Сохранность костей средняя, при этом череп сильно деформирован массой земли. Позвонки и суставы без особенностей. Отмечен метопический шов, выражен прогнатизм. Останки женщины, возраст смерти 35–40 лет. Предполагаемая длина тела 163–165 см. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 21 (мужское в парном захоронении). Мужчина, 30–35 лет. Представлены практически все кости скелета, сохранность средняя. На поясничных позвонках остеофиты, рельеф плечевых костей очень выражен, особенно в нижней трети кости (места крепления мышц кисти и предплечья). Предполагаемая длина тела 175–179 см (выше среднего

роста). Погребения 20 и 21 близки по возрасту, что делает вероятным предположение, что это супруги.

Погребение 23 (детская могилка между погребениями 1 и 17). Фрагменты черепа ребенка 2,5–3,5 лет: лобная кость, фрагменты теменных, обе височные, нижняя челюсть.

Погребение 24 (в колоде у южной стенки шурфа). Останки женщины, 20–25 лет. Обнаружены: фрагментированный и посмертно деформированный череп (рис. 61), фрагменты ключицы, акромиальный отросток левой лопатки, левая

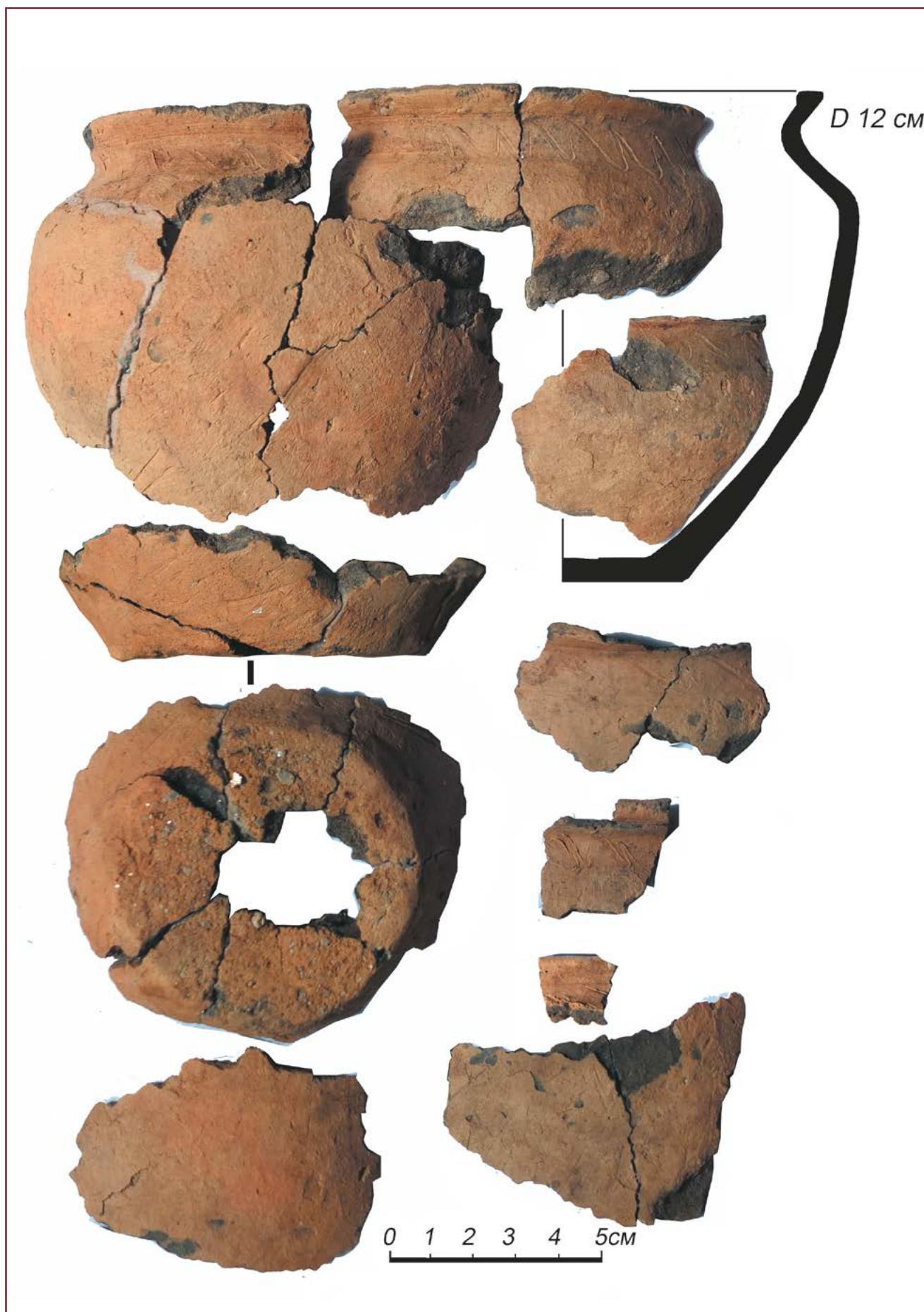

Рис. 60. Дунинский могильник. Шурф I. Слизница (миниатюрный горшок) из погребения 6

Рис. 61. Дунинский могильник. Череп женского погребения 24 с предносовыми ямками (fossae praenasales – показаны стрелкой). На врезке – эталонный образец предносовых ямок

(Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., Наука, 1964. С. 83)

бедренная с разрушенным дистальным эпифизом, фрагменты плечевой, локтевых и лучевых костей, фрагменты тазовых и большеберцовых костей, кости стопы. Сохранилась метафизарная пластинка на головке бедренной кости, что позволяет сузить возрастной интервал для определения возраста смерти. Выражен прогнатизм.

Погребения нижнего горизонта. Погребение 10. Сохранились большеберцовая кость, малоберцовая кость, кости стопы. Вероятнее, женщина, возраст смерти 25–30 лет (просматривается метафизарная пластинка на эпифизе большеберцовой кости). Череп и верхняя часть этого погребения, перезахороненные в нарушившем его погребении 20, были описаны как пог. 19. Сохранность костей плохая, обнаружены лишь кости черепа и несколько фрагментов костей посткраниального скелета. Останки женщины, возраст смерти 18–25 лет (на длинных костях ног сохранились следы метафизарной пластинки). Отмечен метопический шов, выражен прогнатизм. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 16. Обнаружены бедренная кость и две большеберцовых. Сохранность плохая. Останки ребенка, возраст смерти 5–8 лет.

Погребение 25. Средняя сохранность костяка. Останки мужчины, возраст 45–55 лет (швы черепа

закрыты, а состояние зубной системы очень хорошее, что соответствует более молодому возрасту). Сильно выражены шероховатости на плечевой кости в местах крепления дельтовидной мышцы, отвечающей за поднятие руки, и в месте крепления большой грудной мышцы, отвечающей за приведение руки к телу. Состояние костной системы позволяет предположить, что индивид отличался невысоким ростом, но массивным телосложением. Предполагаемая длина тела 169–172 см. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 26. Плохая сохранность костяка. Останки мужчины, возраст смерти не менее 40 лет. Отмечены воспалительные процессы в локтевом и голеностопном суставе. Кости тонкие, грацильные, предполагаемая длина тела 166–167 см. Череп этого погребения (рис. 62) был перезахоронен в могиле погребения 17 (первоначально описан как часть погребения 17). Выражен прогнатизм. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки. На плечевых костях хорошо выражен рельеф, особенно в нижней трети кости (место крепления мышц кисти и предплечья).

Погребение 27. Слабая сохранность костяка. Останки женщины (это, вероятнее, недостаточно данных для достоверного определения пола) возраст смерти не менее 40–45 лет. Кости очень грацильные, предполагаемая длина тела 162–165 см.

Погребение 28. In situ сохранились только диафизы длинных костей правого предплечья, фрагменты плечевой кости. Вероятнее, мужчина, возраст смерти неопределим. Череп этого погребения, перезахороненный в могиле 20 (мужское погребение парного захоронения), был описан как пог. 22. Мужчина 50–55 лет. Сохранился только свод черепа, височные кости, три зуба (стертость очень высокая, премоляры до корня, клык – до нижней части коронки). Свод черепа покрыт язвами, разрушившими кость. Обычно такого рода изменения связаны с сифилисом (учитывая дату могильника, это маловероятно). В некоторых случаях подобную картину может давать костный туберкулез.

Общая характеристика выборки. Патологии. Население характеризуется довольно высоким ростом, длина тела мужчин колеблется около отметки 175 см, женщин около 165 см. Это высокие показатели для средневековья.

Сохранность костей не позволяет изучить в деталях состояние позвоночника. Однако можно говорить о фиксации остеопороза на позвонках высокого мужчины 35–40 лет погребения 17 и остеофитах (патологических наростах) на поясничных позвонках женщины 35–40 лет из парного погребения 20–21. Грыжа Шморля зафиксирована у высокого мужчины погребения 1.

Что касается особенностей физической нагрузки, то можно сказать, что у изученного

Рис. 62. Дунинский могильник. Череп мужского погребения 26, перезахороненный в погребении 17. На профильном изображении прослеживается уплощенность переносья и прогнатизм, а на фасовом – предносовые ямки

населения был более «нагружен» плечевой пояс, причем не только собственно плечо, но также предплечье и кисть (погребения 1, 21, 25).

Особенности антропологического типа. Для людей данного поселения характерно сочетание очень большой высоты черепа с относительно невысоким лицом. Такое сочетание признаков отмечено, например, у карел⁹. Но в изученной выборке еще и уплощено переносье, выражен прогнатизм (выступление челюстной области), повышена частота встречаемости предносовых ямок (дискретно-варьирующий генетический признак). Сочетание признаков позволяет сделать предварительное заключение: изученная группа характеризуется некоторыми особенностями антропологического типа, возможно, испытала влияние групп восточно-финского происхождения. Необходимо подчеркнуть, что частота встречаемости некоторых редких для славян признаков очень высока: так, у 66% группы отмечена особенность строения нижнего края грушевидного (носового) отверстия (так называемые предносовые ямки, *fossae praenasales*) (рис. 61). Для славян подобное строение края грушевидного отверстия нехарактерно, и в больших смешанных

Рис. 63. Дунинский могильник. Антрополог Н.Н. Гончарова производит первичный осмотр костных останков

⁹ Хартанович В.И. О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам из могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего о-ва Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 143–156.

выборках частота этого признака не превышает 15–20%¹⁰. По всей вероятности, повышение частоты этого нетипичного для славян признака связано с особенностями выборки, то есть с тесным кругом брачных связей внутри небольшого сельского поселения.

Предносовые ямки зафиксированы на всех стадиях существования могильника, как у мужчин, так и у женщин. В раннем горизонте погребений он отмечен в двух мужских (25, 26) и одном женском (10) погребении (рис. 58 б). Среди погребений второго этапа он присутствует у мужчины, захороненного в старую могилу (17), мужчины (1) и женщины (24), захороненных с нарушением рядности могил. В наиболее позднем, «парном», захоронении этот признак замечен у женщины из погребения 20 (рис. 58 а).

Анализ измерительных признаков серии из Дунино (табл. 1, 2) позволяет подтвердить сделанные заключения. Несмотря на небольшое количество индивидов, можно заметить, что и в мужской, и в женской подгруппе меньшими значениями отличаются те признаки, которые характеризуют степень выступления переносья, а именно указатели SS:SC, MS:MC и DS:DC. Кроме того, для всей выборки отмечается большее значение высотного диаметра черепа (признак 17) и более широкое носовое отверстие в сравнении с ближайшими в географическом смысле выборками северной и западной части Подмосковья. Высотный диаметр черепа по мировому масштабу попадает в категорию очень больших величин, особенно это замечание справедливо для женской части выборки.

¹⁰ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Таблица 1. Средние размеры и указатели мужских черепов могильника Дунино в сравнении с синхронными сериями Подмосковья. Выделены признаки, отличающие краниологическую серию из Дунино от остальных

Название признака, номер по Мартину	Дунино (кол-во наблюдений)	Козино (Евтеев, 2011)	Звенигород неопублик. данные *	Дмитров (Гончарова, 2011)
1. продольный диаметр	182.80 (5)	179.4	183.0	184.13
8. поперечный диаметр	146.40 (5)	146.3	144.9	142.00
Указатель 8:1	80.21 (5)	81.7	79.1	77.09
17. высотный диаметр	142.20 (5)	135.5	138.1	137.42
5. длина основания черепа	104.00 (5)	101.0	104.2	102.92
9. наименьшая ширина лба	99.40 (3)	98.2	96.9	97.44
11. ширина основания черепа	129.20 (5)	126.6	–	119.46
45. скуловая ширина	138.00 (4)	134.8	135.9	133.80
48. верхняя высота лица	70.25 (4)	69.9	70.0	70.31
Указатель 48:45	49.65 (3)	51.2	51.2	53.99
55. высота носа	49.88 (4)	50.6	52.5	49.82
54. ширина носа	26.77 (3)	24.8	25.9	25.04
Указатель 54:55	52.38 (3)	49.3	49.6	50.52
51. ширина глазницы	40.00 (3)	40.6	41.5	41.98
52. высота глазницы	32.30 (3)	31.9	32.4	32.01
Указатель 52:51	80.80 (3)	78.7	78.1	76.58
<NM, назомаллярный угол	144.10 (1)	139.7	141.2	142.94
<ZM, зигомаксиллярный угол	138.40 (1)	128.9	130.2	130.43
SC, симотическая ширина	11.20 (3)	10.5	10.1	9.58
SS, симотическая высота	3.30 (3)	4.8	3.9	4.03
указатель SS:SC	29.38 (3)	45.7	39.2	42.11
MC	21.90 (3)	22.8	–	22.44
MS	7.93 (3)	9.5	–	8.99
указатель MS:MC	36.01 (3)	43.2	–	40.50
DC, дакриальная ширина	23.10 (2)	22.8	24.2	24.82
DS, дакриальная высота	10.00 (2)	12.7	12.2	11.98
указатель DS:DC	43.53 (2)	56.3	50.5	48.40
75(1). угол выступления носовых костей к линии профиля	15.00 (1)	–	32.1	31.10

* Неопубликованные данные по населению Звенигорода: измерения – Гончарова Н.Н., обработка – Конопелькин Д.С.

Микроэлементный анализ костной ткани¹¹ и особенности биологической адаптации

Коллекция кларков кости, которая была подвергнута микроэлементному анализу, включала фрагменты черепных коробок, длинных костей и позвонков из 19 погребений (табл. 3)¹².

На современном этапе изучения механизмов участия микроэлементов в жизнедеятельности организма человека имеющиеся данные не могут получить однозначную интерпретацию. Тем не менее медицина широко привлекает данные микроэлементного анализа крови для оценки состояния организма и связи этого состояния с образом жизни индивида. Ниже будут высказаны некоторые предположения на этот счет и

предложены способы их проверки с помощью сравнения с изложенными выше палеопатологическими наблюдениями.

Как видно из таблицы 3, в костной ткани большинства погребенных зафиксировано низкое содержание железа и меди (за исключением ребенка 2,5–3,5 лет – пог. 23), что объясняется низким уровнем гемоглобина из-за плохого питания. На этом фоне резко выделяются высокие показатели железа у шести погребенных (рис. 58). Во-первых, это все три детские (от 2,5 до 12 лет) погребения (15, 16, 23 – железо превышает норму, соответственно, в 2, 2 и 2,5 раза). Двукратное превышение по железу отмечено в раннем погребении женщины 18–25 лет (10). Кроме того, превышение по железу (в 1,3 и в 3 раза) наблюдалось у двух мужских погребений. Это погребение 17 мужчины с экстремальными превышениями по марганцу, цинку и мышьяку и раннее погребение 28 мужчины, череп которого изъязвлен костным туберкулезом.

¹¹ Микроэлементный анализ был проведен Е.И. Александровской.

¹² Череп № 19 относится к погребению 10, череп № 22 – к погребению 28.

Таблица 2. Средние размеры и указатели женских черепов могильника Дунино в сравнении с синхронными сериями Подмосковья. Выделены признаки, отличающие краниологическую серию из Дунино от остальных

Название признака, номер по Мартину	Дунино (кол-во наблюдений)	Козино (Евтеев, 2011)	Звенигород неопублик. данные *	Дмитров (Гончарова, 2011)
1. продольный диаметр	186.0 (4)	171.5	175.3	177.26
8. поперечный диаметр	134.50 (3)	141.7	144.8	139.97
Указатель 8:1	72.50 (3)	83.0	82.7	79.37
17. высотный диаметр	142.5 (3)	130.1	134.4	134.29
5. длина основания черепа	109.00 (2)	96.6	99.2	99.36
9. наименьшая ширина лба	98.70(2)	95.5	95.0	94.72
11. ширина основания черепа	113.50 (2)	121.8	–	117.63
45. скуловая ширина	–	127.0	130.7	127.58
48. верхняя высота лица	64.33 (3)	65.5	66.8	66.71
Указатель 48:45	–	51.7	53.1	51.84
55. высота носа	46.47 (3)	47.9	49.0	47.52
54. ширина носа	25.60 (3)	24.4	25.4	24.46
Указатель 54:55	56.43 (3)	51.1	52.2	52.00
51. ширина глазницы	37.85 (2)	39.4	40.4	40.43
52. высота глазницы	28.6 (1)	31.4	32.8	31.56
Указатель 52:51	76.47 (1)	79.7	81.2	77.99
<NM. назомаллярный угол	139.40 (1)	141.2	144.7	142.09
<ZM. зигомаксиллярный угол	–	130.5	133.4	132.29
SC. симотическая ширина	8.07 (4)	10.2	10.5	8.96
SS. симотическая высота	2.77 (4)	3.8	3.4	3.29
указатель SS:SC	33.49 (4)	37.6	33.4	36.91
MC максилло-фронтальная ширина	23.96 (3)	21.8	–	21.37
MS максилло-фронтальная высота	5.97 (3)	8.1	–	7.74
указатель MS:MC	27.02 (3)	37.8	–	36.67
DC дакриальная ширина	24.37 (3)	22.4	23.9	22.88
DS дакриальная высота	8.97 (3)	11.6	11.8	10.89
указатель DS:DC	37.87 (3)	52.2	49.5	48.03
75(1). угол выступания носовых костей к линии профиля	–	23.1	26,2	27.05

* Неопубликованные данные по населению Звенигорода: измерения – Гончарова Н.Н., обработка – Конопелькин Д.С.

Таблица 3. Микроэлементы в костной ткани Дунинского грунтового могильника ($n \cdot 10^{-5}$)
(по заключению Е.И. Александровской)

	Микроэлементы								
	Fe %	Ni	Cu	Zn	Mn	Pb	As	Sr	Br
№ погребения, из которого исследовался кларк костной ткани	1.5	0.7	1.8	14	10	1.9	0.1	8.5	0.7
1А	0.5	0.4	0.4	16	10	-	-	4.0	3.0
2 позвонок	1.2	0.4	1.5	28	16	-	-	6.0	1.5
2 кость ноги	0.6	0.3	0.5	50	30	-	-	6.0	1.9
6	0.77	1.0	1.2	18	35	-	-	6.0	1.5
10	2.5	0.5	1.0	14	10	-	-	9.0	1.5
14 длинная кость	0.5	0.3	0.4	15	16	-	-	3.0	2.5
14 плоская [череп?]	0.5	0.5	1.0	17	15	-	-	3.0	3.0
15 ребенок 10-11 лет [обломки черепа?]	0.5	0.5	0.5	12	30	-	-	4.0	-
15 ребенок 10-11 лет [обломки черепа?]	3.4	0.4	1.0	13	13	-	-	4.5	-
16	4.0	-	0.6	24	18	-	-	5.0	-
17	0.5	1.0	0.5	28	18	-	0.4	7.0	-
17	2.1	1.0	1.5	100	31	-	-	10	-
18	0.95	-	0.8	12	22	-	-	8.0	-
19 длинная кость	0.8	0.3	0.8	28	16	-	-	4.0	3.0
20 череп	1.1	0.5	1.0	32	11	-	-	3.0	1.3
21	1.5	0.5	0.8	22	33	0.5	-	10	2.0
22	4.5	0.4	0.6	9	6	-	-	2.5	-
23 ребенок 2,5-3,5 лет	3.2	0.8	2.0	45	30	-	-	8.0	1.0
24	0.6	0.5	0.5	7	4	-	-	6.0	1.5
25	1.0	0.4	0.6	10	14	0.6	-	6.0	1.5
26	1.3	0.5	1.2	12	11	-	-	6.5	-
27	1.2	0.6	1.5	50	9	-	-	4.0	-
28	2.3	0.8	1.2	14	7	-	-	7.0	0.4
Траншея 2, кости, найденные до начала раскопок	1.0	1.0	1.0	150	13	-	-	4.5	-

Скорее всего, эти случаи связаны с обезвоживанием, наблюдаемым при холере или ином инфекционном эпидемическом заболевании. Три погребения с избытком гемоглобина (15, 17, 23) относятся ко второй хронологической генерации могил, которая датируется по слезнице в границах 1375–1425 гг. – не исключено, что часть из них относится к периоду «великого мора» 1417–1426 гг. Впрочем, избыток гемоглобина наблюдается и в более ранних погребениях (10, 16, 28), которые перекрыты могилами 21 и 20.

Устойчиво наблюдаются сочетания избытка цинка и марганца. Оно зафиксировано в одном раннем погребении (27) женщины 40–45 лет (в три раза) (рис. 58 б, 6) и большинстве поздних погребениях (рис. 58 а, 6). Цинк и марганец превышают норму в 3 раза в погребении женщины 30–45 лет (2),

перебитом погребением женщины со слезницей (6), в котором, в свою очередь, наблюдается превышение по марганцу. Повышенное содержание цинка и марганца (в 1,8 и 3,3 раза) имеет хорошо сохранившееся позднее погребение мужчины 30–35 лет (21 – часть «парного» погребения) и экстремальное по этим показателям позднее погребение мужчины 17 (см. о нем ниже). Трехкратное превышение по цинку и марганцу имеет погребение ребенка поздней генерации (23). Превышение только по цинку в 2 раза имеет женское погребение 20 (часть «парного» погребения). Превышение только по марганцу имеют женское (18) и детское (15) погребения, от которых сохранились только черепа (соответственно в 2,2 и 3 раза). И, наконец, 11-кратное превышение значения по цинку дали кости, извлеченные из траншеи 2 до начала раскопок (погребения 31 и 32).

Избыточное содержание марганца в организме имеет связь с ишемической болезнью сердца и инфарктом. Что касается избыточного поступления цинка в организм, то в ходе опытов над животными оно «сопровождалось падением содержания кальция не только в крови, но и в костях, одновременно нарушалось усвоение фосфора, в результате развивался остеопороз»¹³.

Связь избытка марганца с этим заболеванием демонстрирует погребение 17 высокого (176–178 см) взрослого мужчины. Микроэлементный анализ костной ткани этого погребения дал экстремальные значения: по цинку превышение – в 7 раз, по марганцу – в 3 раза и по мышьяку – в 4 раза. На правой тазовой кости в области крестцово-подвздошного сочленений отмечены следы воспаления, возможно следы остеопороза. На поясничных позвонках также обнаружены следы воспаления, обусловленные той же причиной (воспалительные процессы в области малого таза). Таким образом, гипотеза о том, что избыток марганца мог способствовать формированию остеопороза, находит свое подтверждение для могильника Дунино.

Поскольку избыток марганца и цинка в костной ткани зафиксирован у 10 из 20 обследованных погребений, можно говорить о том, что это явление было весьма характерно для данной популяции. По всей видимости, избыток цинка и марганца действительно вел к блокированию усвоения кальция и фосфора, что приводило к деградации костной ткани и остеопорозу.

О том, что запускало этот процесс, можно только догадываться. Стандартным могло быть объяснение, которое связывает остеопороз с особенностями обмена веществ в организме женщин в период менопаузы. Избыток цинка и марганца зафиксирован у четырех из семи женщин и у трех из шести мужчин, то есть интересующее нас явление не было присуще женщинам по преимуществу. Кроме того, этот избыток выявлен и у всех трех детей, представленных в выборке. В связи с этим можно высказать осторожное предположение, что избыток марганца возникал при доминировании в рационе толокна, изготовленного из овса. Марганец мог поступать и через грибы и орехи. Исследователи указывают на определенный антагонизм цинка и магния – с одной стороны, и железа и меди – с другой. Возможно, что оба эти явления, зафиксированные в Дунино, обусловлены типичным для средневековья бедным рационом питания.

При хроническом избыточном поступлении марганца характерным считается своеобразное

изменение психической деятельности: снижение активности, памяти, ослабление ассоциативных процессов. Однако в нашем распоряжении нет показателей, которые могли бы проверить возможность подобных проявлений в Дунино.

Избыток брома характерен для большого числа погребений (1, 2, 6, 10, 14, 19, 21, 24, 25), в том числе тех, в которых нет превышения по марганцу и цинку (1, 10, 24, 25 – у первых двух превышение в 4 раза). Влияние такого избытка при определенных условиях могло вести к апатии и ослаблению памяти.

Исторические данные

Как уже отмечалось, селище расположено в пределах южной, заречной, части исторической земельной дачи села Козино, план которой был составлен в 1760-е гг. (рис. II, 13–15)¹⁴. История этого большого земельного владения известна с 1402–1403 гг., когда звенигородский князь Юрий Дмитриевич передал село Козинское с землями Саввино-Сторожевскому монастырю. Судя по тексту жалованной грамоты, до передачи села монастырю жители этого владения платили князю следующие налоги и подати: дань, ям, подвода, тамга, осмничее, костки, явка, пересуд, правой десяток. Их судили «наместницы звенигородские и волостели и их тивуны»¹⁵. Состав этого обширного владения, относившегося к селу Козинскому, реконструируется благодаря грамоте 1470–1472 гг., по которой оно было выменено у монастыря звенигородским князем Андреем Васильевичем (сыном Василия II). В этом документе, полный текст которого опубликован в главе I, упоминается деревня Власьевская «да три селища Власьевские: Ивашково, да Григорово, да Якушево»¹⁶.

Учитывая, что Шестое Дунинское селище совпадает с кустом Власьевских микротопонимов, и принимая во внимание немалые размеры памятника, его можно уверенно идентифицировать с «деревней Власьевской», упомянутой в грамоте 1470–1472 гг. Следует отметить, что территория Звенигородского удела – одна из немногих, где целенаправленно проводилось археологическое обследование «церковных мест». Однако ни письменных, ни археологических свидетельств о существовании в деревне Власьевской храма не обнаружено¹⁷.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к.

¹⁵ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 53. С. 79, 80. Датировать грамоту можно предположительно как предшествовавшую другой жалованной грамоте, точно датированной 10 мая 1404 г.

¹⁶ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 58а. С. 91.

¹⁷ Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М., Звенигород, 2008. С. 7–24.

¹³ Валиев В.С. Биологическая роль цинка [Электронный ресурс] // Общая характеристика обмена цинка в организме. М., 2011 <http://ipenant.ru/ipencontent/index.php/biokhimiya-i-meditisina/blog/16-obmen-tsinka-v-organizme-cheloveka> (дата обращения: 09.10.2015 г.)

Археологические исследования показывают, что селение, следами которого является Шестое Дунинское селище, возникло в километре от Москвы-реки в XIII в. в удалении от крупных домонгольских поселений (Поречьевские, 1-е и 2-е Дунинские селища) (рис. 2). В эпоху расцвета Звенигородского удела при кн. Юрии Дмитриевиче (1389–1433) источники застают здесь волостную деревню Власьевскую – одну из наиболее удаленных владений княжеского села Козинского.

Раскопки центральной усадьбы этого селения показали, что в период, когда деревня находилась под управлением Саввино-Сторожевского монастыря (1402/1403–1472), здесь, при большой Можайской дороге, располагался двор скорняка, пользовавшегося весами для тестирования серебряной монеты. Быт этой усадьбы, существовавшей по меньшей мере до середины века, выделялся среди обычных пашенных дворов (билоновый перстень, поливная посуда). У дороги располагалось еще несколько дворов, а в ближайшей округе – три починка.

Жители Власьевской хоронили умерших не у Никольской церкви села Козинского, а за восточной околицей деревни. На той части кладбища, которая была затронута исследованиями, погребения совершались около 1350–1475 гг., причем единственное датированное погребение было совершено в последней четверти XIV или первой четверти XV в. и принадлежало ко второму этапу формирования кладбища. Погребения, совершенные по православному обряду, по большей части безынвентарные (найжены лишь слезница и крест-энколпион), имели рядность, но не были обозначены на земле валунами-гольгофами.

Сопряженное рассмотрение микроэлементных и палеопатологических данных свидетельствует о довольно устойчивом уровне адаптации этой группы. Основными проблемами являлись инфекционные болезни и вызванная бедным питанием деградация костной ткани (вплоть до остеопороза), что могло приводить к затруднению движения.

Антропологические данные показывают, что для этой группы был характерен тесный круг брачных связей и яркие особенности (высокий череп при невысоком лице, уплощенное переносье, высокая встречаемость предносовых ямок), которые говорят о возможном влиянии восточно-финских групп в ее сложении.

Этнографический облик предков этой группы, которые в XIII в. основали Власьевское, скорее всего, мало отличался от облика погребенных в Поречьевских и Дунинских курганах, для которых был характерен вятичский женский убор¹⁸.

На это указывает обнаружение в верхнем слое раскопа 2012 г. височного кольца типа «Сельцо» (рис. 57, 38), изготовленного не позднее середины XII в.¹⁹. Это лишний раз свидетельствует о том, что без антропологических исследований говорить о генетических предках носителей вятичского погребального убора преждевременно.

Судьбу этой группы населения можно проследить лишь пунктирно. В XVI в. жители Власьевского перестали хоронить в своей деревне. Возможно, новым местом их упокоения стало кладбище при Никольском храме в селе Козинском²⁰. В 2007–2008 гг. кладбище Никольского храма (в раскоп вошли фундаменты храма 1811 г.) было исследовано на площади 956 кв. м. Зафиксировано 371 погребение, среди которых по медным крестам и другим находкам выделена группа захоронений XVIII в.²¹ Погребения более раннего времени (XIV–XVII вв.) нарушены или переотложены. Антропологическое исследование черепов из Козино показало, что среди переотложенных погребений (изучено 200 черепов) имеется серия, отличающаяся по своим показателям от погребений XVIII в. Ее характерные черты «длинноголовость, большая высота свода черепа, большая ширина переносья а также среднее выступание носовых костей» – морфологические характеристики, напоминающие черты относительно ранних славянских групп, постепенно исчезающие в позднесредневековом населении²².

Думается, что развитие сопряженных антропологических и историко-археологических исследований могильников Дунинского типа даст импульс целому ряду направлений в изучении населения Московского княжества XIV–XV вв. В частности, выявление восточно-финского компонента в антропологическом облике населения, оставившего Дунинский могильник второй половины XIV–XV вв., делает перспективным поиск поселений и могильников IX–XI вв. автохтонного населения Москворечья в районе Дунинского археологического комплекса дьяковской культуры.

18 Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // Российская археология. 1992. № 4. С. 70, 74.

19 Недошивина Н.Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 109–110; Равдина Т.В. Типология и хронология височных колец // Славяне и Русь. М. 1968. С.140.

20 Здесь найдено белокаменное плиточное надгробие XVI в.: Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли... С. 143–147.

21 Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Разуваев Ю.Д. Итоги работ на археологическом комплексе в с. Козино // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. С. 136, 137.

22 Евтеев А.А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино... С. 434.

Литература

- Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М., Звенигород, 2008.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., Наука, 1964.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
- Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 1991. С. 45–57.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 281–326.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. Вып. 8. М., 2012. С. 366–388.
- Бужилова А.П. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Бужилова А.П. Средневековое население Мининского микрорегиона: анализ антропологических материалов // Археология северно-русской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 30–54.
- Валиев В.С. Биологическая роль цинка // Общая характеристика обмена цинка в организме. М., 2011 (Портал «Элементы жизни» <http://ipenant.ru/ipencontent/index.php/biokhimiya-i-meditsina/blog/16-obmen-tsinka-v-organizme-cheloveka>
- Гончарова Н.Н. Описание антропологического материала из раскопок у церкви Вознесения Господня в 2004 году в Звенигороде // Охранные исследования церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода. Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 3. М., 2005. С. 99–118.
- Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Разуваев Ю.Д. Итоги работ на археологическом комплексе в с. Козино // Археологические открытия 2008 года. М., 2011.
- Евтеев А.А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 433–440.
- Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Разуваев Ю.Д. Итоги работ на археологическом комплексе в с. Козино // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. С. 136, 137.
- Кренке Н.А. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Т. III, М., 2005. С. 293–325.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. I тыс. н.э. М., 2011.
- Макаров Н.А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология северно-русской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 91–102.
- Макарова Т.И., Равдина Т.В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // Российская археология. 1992. № 4.
- Недошивина Н.Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- Равдина Т.В. Типология и хронология височных колец // Славяне и Русь. М., 1968.
- Хартанович В.И. О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам из могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего о-ва Онежского озера // Первобытная и средневековая история и культура Европейского севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 143–156.
- Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. – М., 1991. С. 73–97.
- Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 123–182.
- Чернов С.З. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье. Т. 3. М., 1997 // Архив Министерства культуры Московской области.
- Чернов С.З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6. Канонизация святых на Руси. М., 1999. С. 316–349.
- Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // Российская археология. 2000, № 1. С. 63–81.
- Чернов С.З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004. С. 256–257.
- Чернов С.З. Археологические исследования объектов археологического наследия «Шестое Дунинское селище у быв. артели «Металлист» и грунтовый могильник Дунино» для их постановки на охрану в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Энговатова А.В. Погост начала XV века в городе Можайске // Памятники древнерусской культуры. Материалы 2-й Российской научной конференции 8–10 июня 1994 г., посвященной памяти Святителы Макария. Вып. 2. Ч. 2. Можайск, 1994. С. 155–169.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // Российская археология. 2009. № 2.

Глава 6

Открытие удивительной традиции. Сельские некрополи XIV–XVI веков на северо-востоке Московского княжества: взаиморасположение поселения и могильника

Открывая раздел о ментальном мире сельских поселений средневековья, мы вновь обращаемся к вопросу, затронутому во второй главе настоящего издания, – соотношению поселения и могильника в раннемосковский период.

Изучению этого вопроса на примере деревни Власевская необходимо предпослать его более общее рассмотрение на примере других районов Московского княжества с учетом значительного числа памятников археологии. Подобный материал был собран автором в 1980-е годы к северо-востоку от Москвы, при изучении древнего Радонежского княжества, московской волости Воря и переяславской волости Кинела. Особая привлекательность этих территорий для сплошного археологического изучения связана с тем, что по ним сохранилось

большое число актовых источников конца XIV–XVI вв. Эти источники позволяют надежно идентифицировать археологические памятники с поселениями того времени, установить их владельческую принадлежность, изучить систему приходов.

В 1991 г. мною было подготовлено специальное исследование о сельских некрополях на северо-востоке Московского княжества, которое публикуется ниже¹.

Некрополи являются одной из важных категорий археологических памятников раннемосковского времени (вторая половина XIII–XV вв.). Именно в этот период на русском северо-востоке повсеместно распространяется каноническая форма христианского захоронения, что связано с проникновением православного вероучения и обрядовой практики в толщу народной жизни. Без изучения некрополей наши представления о раннемосковской культуре были бы неполными. Между тем такая многочисленная группа погребальных памятников, как сельские некрополи, на которых захоранивалась основная часть населения, известны в настоящее время значительно хуже, чем городские кладбища.

Сельские некрополи давно привлекли внимание исследователей. Упоминания о них встречаются в описаниях церковных древностей московского края, а также в работах по надгробиям². Ряд некрополей исследован археологически³ (2). Однако систематический анализ этой категории

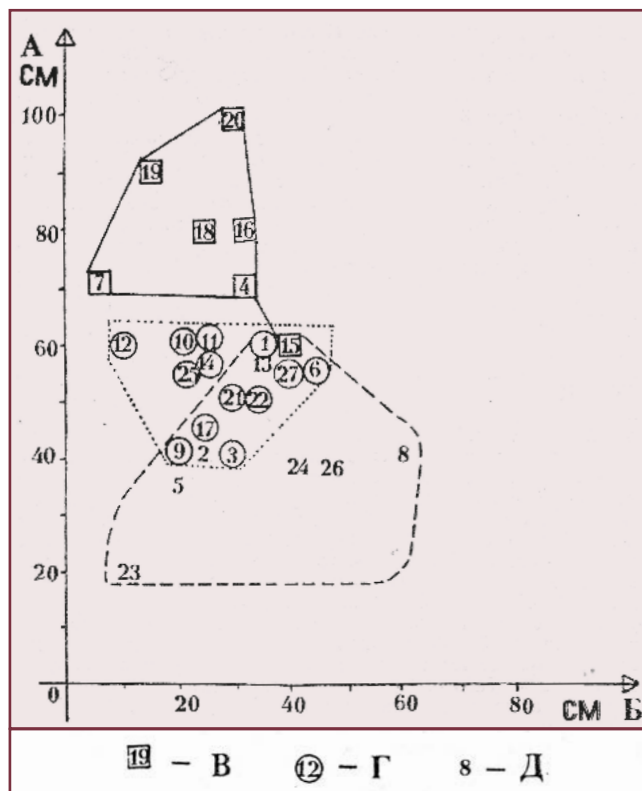

Рис. 64. Могильные плиты из валунного камня. График соотношения размеров плит. А – ширина, Б – толщина; В – плиты длиной 1–1,2 м; Г – плиты длиной 0,7–0,9 м; Д – плиты длиной 0,5–0,6 м

1 Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 73–97. Учитывая, что работа написана в 1991 г., в ней не охвачены многочисленные данные по сельским некрополям, которые были получены за последующие годы. Эти данные будут проанализированы в заключении.

2 Фивейский Г.И. Летопись Спасо-Преображенской церкви Звенигородского уезда, что в селе Введенском Першино тож // ЧОИДР. 1878. № 8. С. 52–66; № 9. С. 68–108; Щепкин В.Н. Описание надгробий // Отчет имп. Российского исторического музея за 1906 г. М. 1907; Белокуров С.А. Надгробные плиты XVI в. в с. Образове Московской губернии. М 1911. 24 с.

3 Раскопки А.Г. Векслера некрополя в Кунцевском городище, Л.А. Беляева – некрополя в с. Коломенском (Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. – М., 1991. С. 45–57) и другие.

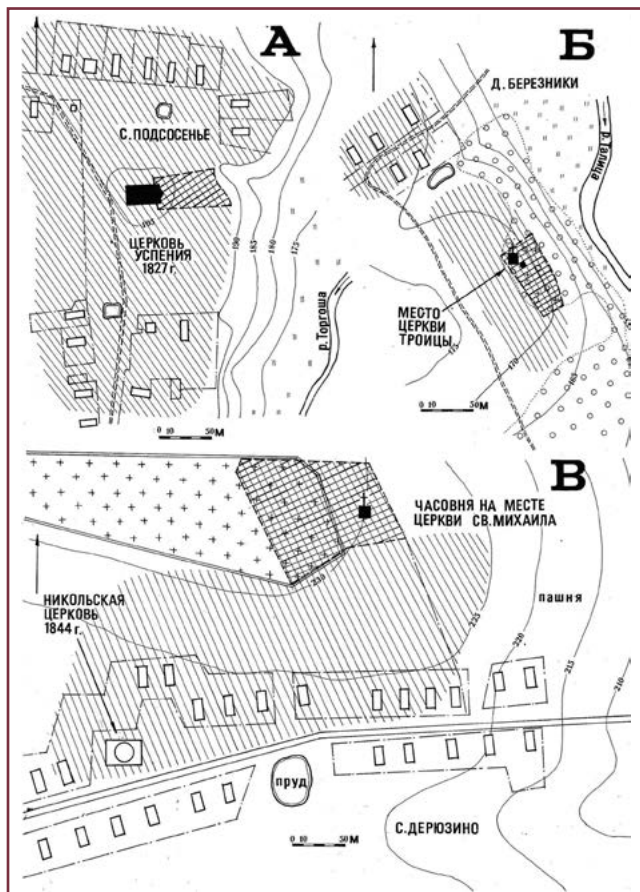

Рис. 65. Монастыри и села при реке, протекающей к востоку (Московская область). А – монастырь Успения Богородицы под Сосной (с. Подсосенье Сергиево-Посадского района); Б – монастырь Троице на Березнике на р.Талица (Пушкинский район); В – село Михайловское Дерюзино на р. Вондюге (с. Дерюзино Сергиево-Посадского района). Условные обозначения см. на рис. 67. Все отметки высот от уровня Балтийского моря

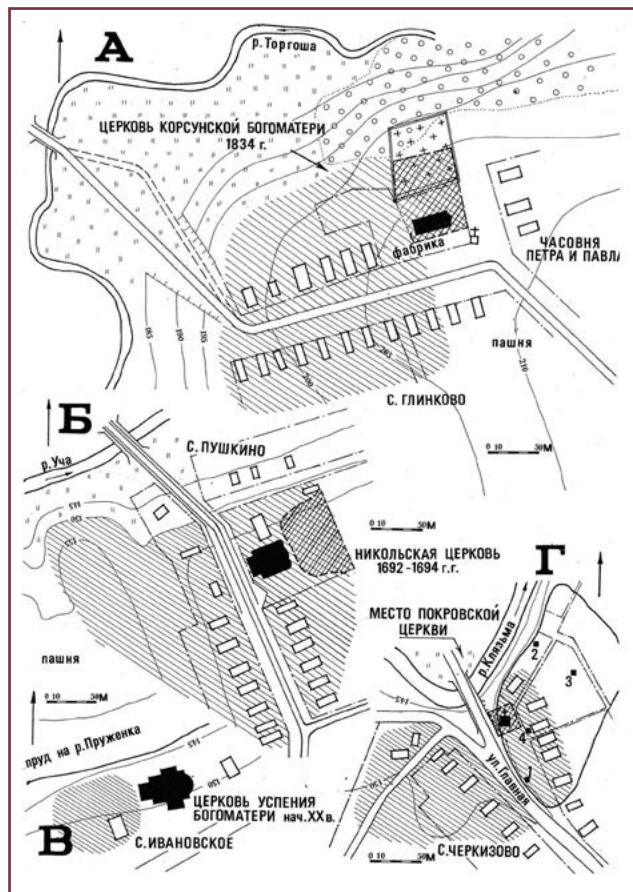

Рис. 66. Села при реке, протекающей к северу (Московская область). А – село Беклемишево (с. Глинково Сергиево-Посадского района); Б – село Пушкино московских митрополитов на р. Уче (Пушкинский район); В – село Ивановское на р. Пруженке (Щелковский район); Г – село Черкизово на р. Клязьме на старой Троицкой дороге бояр Андрея Серкиза, Григория Станицева, позднее Михаила Львовича Глинского (Пушкинский район)

Условные знаки к рисункам 65–70.

- – церковь на первоначальном месте;
- – церковь XVII–XIX вв.;
- ⛑ – часовня на месте первоначальной церкви;
- ▨ – селище XIV–XVI вв.;
- ▩ – некрополь XIV–XVI вв.;

памятников не проводился. В определенной степени такое положение связано с представлением (тем более устойчивым, чем менее оно проверено конкретными исследованиями) о типологической идентичности некрополей XIV–XVI вв. и сельских кладбищ XVII–XVIII вв. Пока такое представление не изжито, количественный рост раскопанных погребений вряд ли будет вести к эквивалентному приращению наших знаний о раннемосковских некрополях. Поэтому представляется своевременным рассмотреть сельские некрополи XIV–XVI вв. и их особенности. Последние могут быть прояснены в значительно большей степени, если взглянуть на некрополи в контексте сельского расселения того времени. Именно такой подход применен в данной работе.

- – надгробие XIV–XVI вв.;
- ⛑ – кладбище XVIII–XX вв.;
- ▨ – существующая застройка;
- ▩ – культурный слой XVII–XVIII вв.;
- ▨ – уличная сеть до перепланировки XIX в., показанная на плане 1775 г.

Настоящая статья написана по материалам, полученным при исследовании московских волостей Радонеж, Бели, Воря и переяславской волости Кинела. Здесь в 1976–1989 гг. было выявлено 250 селищ XII–XVII вв., в том числе 40 поселений, на которых, по письменным данным, локализованы некрополи XIV–XVI вв. Из них 15 были исследованы археологически. Хорошая изученность этого района в сочетании с богатством относящихся к нему письменных источников конца XIV–XVI вв. позволяет рассмотреть археологические материалы о погребальных памятниках в нескольких аспектах:

1. Признаки некрополей XIV–XV вв.
2. Взаиморасположение жилой застройки и поселения, церкви и некрополя.
3. Место некрополей в структуре расселения.

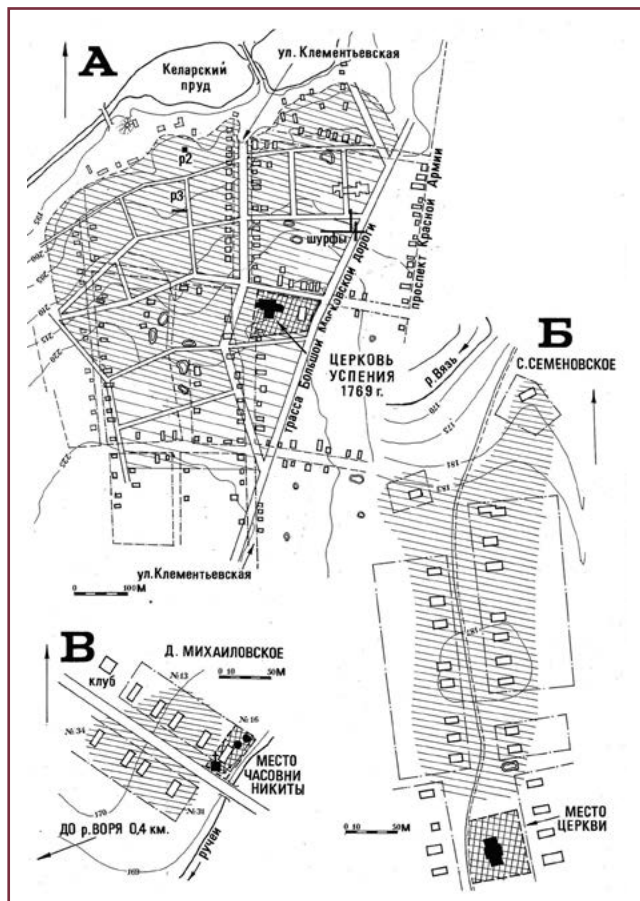

Рис. 67. Села при реке, протекающей к северу, с некрополем, вынесенным на водораздел (Московская область). А – село Клементьевское (позднее – часть г. Сергиев Посад) (план уменьшен в 2 раза); Б – село Семеновское на р. Вязь (Пушкинский район); В – село Михайловское на р. Воре (при ручье) (Пушкинский район)

Рассматриваемый район, входивший в Радонежскую церковную десятину, испытывал ощутимое влияние Троице-Сергиева монастыря. Со стороны Москвы к нему примыкала Селецкая митрополичья волость, ряд сел принадлежали московскому Чудову монастырю. Поэтому некрополи этого края не могли не отразить традиций погребального обряда, характерных для церковного обихода Московского княжества XIV–XVI вв.

Выявление некрополей XIV–XVI вв. связано с рядом трудностей. Могила этого времени, помимо деревянных крестов, обозначались на поверхности лишь холмиками и могильными плитами. Следы их обыкновенно стирались кладбищами более позднего времени. Поэтому некрополи XIV–XVI вв. нередко обнаруживались случайно. Так, в 1860-е гг. при прокладке Ярославской железной дороги, близ Сергиева Посада, в 0,5 км к юго-востоку от д. Зубачево, было «вырыто до сотни человеческих черепов»⁴. Обследование

4 Арсений, иеромонах. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя преподобного Сергия. СПб., 1877. С. 14.

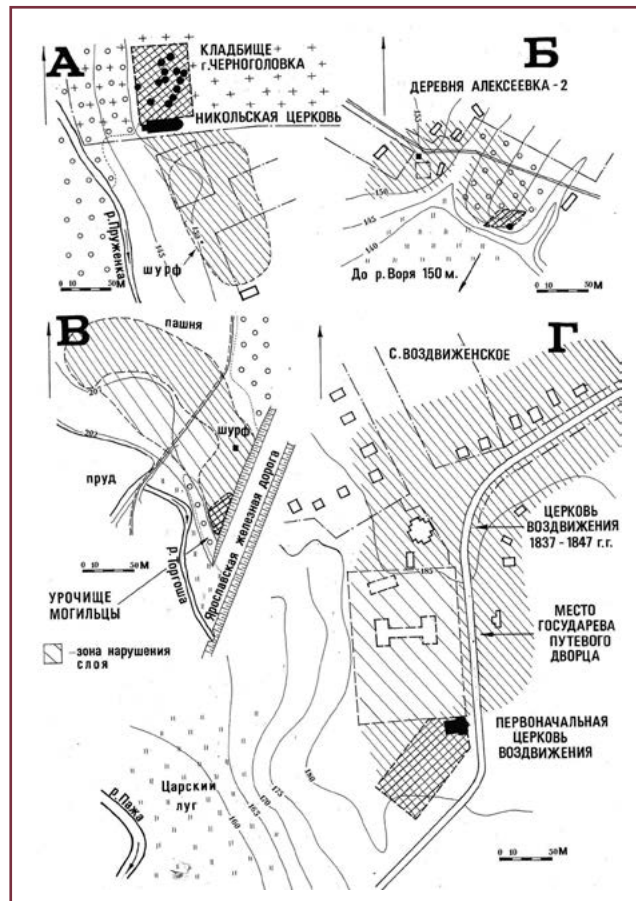

Рис. 68. Села при реке, протекающей к западу, с храмом и некрополем у кромки берега (Московская область). А – село Миккульское на Пруженке (позднее погост Пружки, ныне кладбище при пос. Макарово, городского поселения Черноголовка); Б – село Никольское на р. Воре (д. Алексеевка Щелковского района); В – Юрьевское-Зубачево на притоке р. Торгоши (близ д. Зубачево на северо-восточной окраине г. Сергиев Посад); Г – с. Воздвиженское, входившее во владения радонежских князей, на Троицкой дороге (Сергиево-Посадский район)

этого места (рис. 68 в) показало, что железная дорога прошла через селище и могильник XIV–XVI вв.⁵, которые сохранились на месте с. Юрьевское (Зубачево). Село известно с 1400–1410 гг., когда оно было продано Семеном Яковлевым, сыном Зубачева, Троицкому монастырю⁶. По Сотной грамоте 1562 г. на левом берегу р. Торгоши (в Переяславском уезде), т.е. там, где открылся могильник, располагалась «треть села Зубачева, а в нем церковь Георгии Страстотерпец»⁷. Первое ее упоминание относится к 1490 г.,⁸

5 Чернов С. З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН, Р. 1. № 6693 С. 4, 20–26.

6 АСЭИ. Т. 1. М., 1952. №№ 15–17.

7 РГАДА. Ф. 281. Д. 8928.

8 АСЭИ. Т. 1. № 548 а.

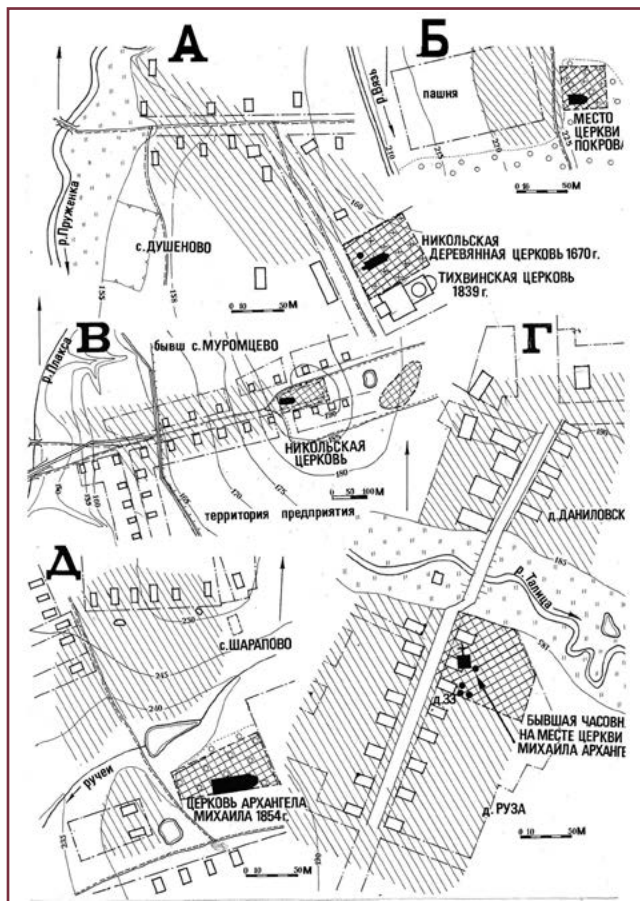

Рис. 69. Села на берегу реки, протекающей к западу, с храмом и некрополем, вынесенным на водораздел (Московская область) (кроме Д и Г). А – село Душеново митрополита Алексея, переданное в 1378 г. кремлевскому Чудову монастырю; Б – село Воронино на р. Вязь; Г – село Кононотеребово (Муромцево) Ивана Смольнянинова в волости Воря (Пушкинский район); села на двух берегах реки или ручья; Г – село Даниловское Бели центр волости Бели Радонежского княжества, часть которого была закреплена за боярами Бяконтовыми (с. Даниловское Пушкинского района); Д – село Шарапское в волости Кинела Переяславского уезда (с. Шарапково Сергиево-Посадского района)

но, судя по названию села, церковь существовала уже в начале XV в.

Ряд древних некрополей обнаружены на территории населенных пунктов, близ мест, на которых некогда стояли храмы. Так, в деревне Площево к востоку от Сергиева-Посада (рис. 70 в), на месте, где, по преданию, находились церковь и кладбище, в начале 1980-х гг. при строительстве шоссе было вскрыто до 30 белокаменных плит⁹. Обнаружение в этом месте могильника закономерно, поскольку Площево упоминается в актах

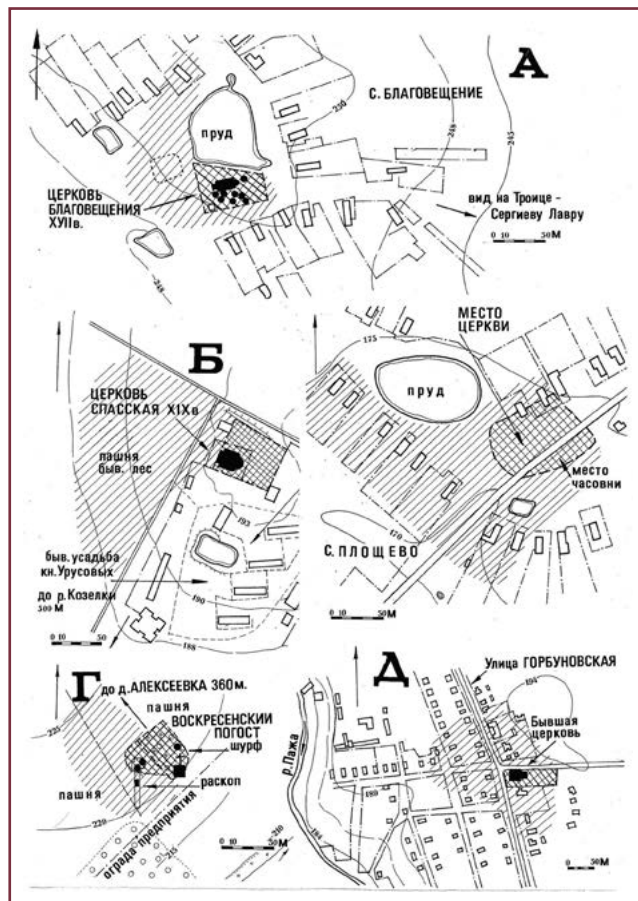

Рис. 70. Села и монастырь на вершинах моренных водораздельных возвышенностей. А – село Благовещенское; Б – село Спас-Тарбеево в стане Кинела Переяславского уезда (Сергиево-Посадский район); В – село Площево, центр черной волости в стане Кинела Переяславского уезда (Сергиево-Посадский район); Г – монастырек Велкое Воскресенье в вотчине боярина Ивана Камчатого (конец XIV в.) в стане Кинела Переяславского уезда (Сергиево-Посадский район); Д – село Горбуново к северу от Покровского Хотькова монастыря (Сергиево-Посадский район)

Троицкого монастыря в 1460–1470-е гг. как крупное село, являвшееся центром черной волости¹⁰.

В деревне Даниловской (рис. 69 г), расположенной восточнее музея-усадьбы Мураново (Пушкинский район), близ места разрушенной в 1933 г. часовни, во вторичном залегании найдено 12 фрагментов белокаменных надгробий с

⁹ Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) на территории проектируемой трестом «Мособлреставрация» зоны охраны древнего города Радонежа в 1984 г. Ч. 1, 2. // Архив ИА РАН. Р-1, № 1172. С. 38–44.

¹⁰ Подробнее о ней: Чернов С.З. Мужья Площевичи: владения земель в раннемосковской волости XIV–XV вв. (археологическая экспертиза разьежей грамоты АСЭИ – I – 422) // История. Электронный научно-образовательный журнал. Т. 8. Вып. 8 (62) Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право). Редакторы: Уваров П.Ю., Винокурова М.В., Кириллова Е.Н., Майзиль А.А., Хачатурян Н.А., Цатурова С.К. М., 2017. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001984-1-1> (дата обращения: 01.05.2018).

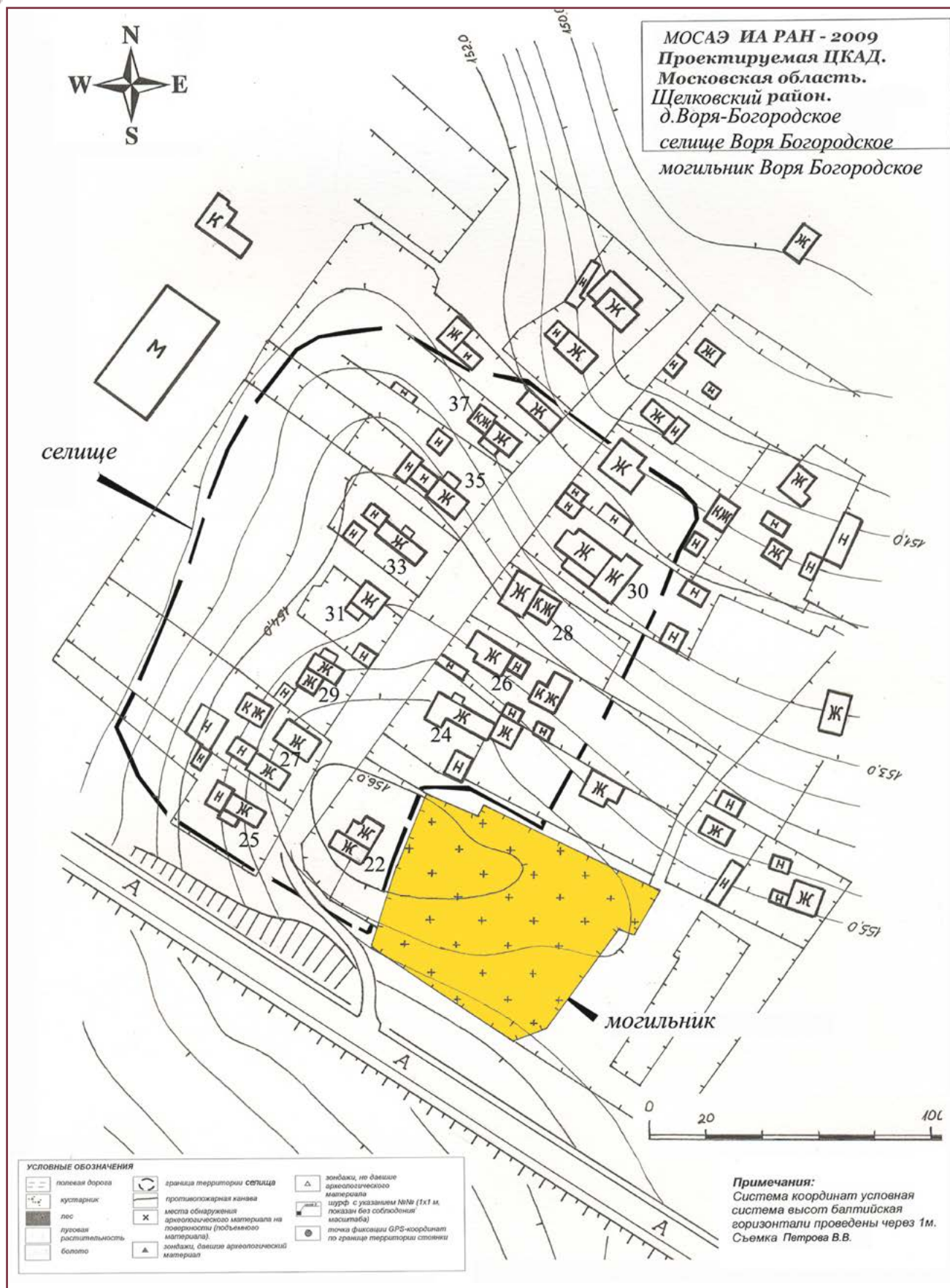

Рис. 71. Селище и могильник в д. Воря Богородское в московской волости Воря (Щелковский район Московской области). Идентифицируется с селом Покровским боярина Федора Тимофеевича Валуева (1402 г.). Выявлено в 1993 г. План 2009 г.

орнаментом в виде «волчьего зуба» первой трети XVI в.¹¹. Изучение архивных материалов показало, что часовня была поставлена на месте разобранной между 1785 и 1792 г. церкви Архистратига Михаила. В XV–XVIII вв. с. Даниловское принадлежало московскому Чудову монастырю. К этому периоду и относится выявленный некрополь. Этот памятник интересен тем, что в XIV в. село, именовавшееся тогда Белями, являлось центром одноименной волости московских князей, известной с 1336 г.¹²

Оба отмеченных признака некрополей XV–XVI вв. – приуроченность к месту древней церкви и присутствие плит с орнаментом в виде «волчьего зуба» – фиксируются также на селищах в с. Черкизове на Клязьме, где найдено надгробие 7030 (1.09.1521 – 331.08.1522) (рис. 66 г)¹³, и посадке древнего Радонежа близ места церкви Афанасия Велико-го¹⁴ (рис. 74).

Наиболее подробно был исследован некрополь монастыря Великое Воскресенье, который расположен в 15 км к юго-востоку от Троице-Сергиевой лавры. Эта небольшая обитель возникла в конце XIV в., когда местный землевладелец Никита Камчатый поставил в своей вотчине храм Воскресения, принял монашество и священство и стал игуменом в своем монастыре¹⁵. Около 1473 г. Воскресенская церковь с одноименным сельцом и окружающими землянами перешла к Троице-Сергиеву монастырю, за которым сельцо значилось и в 1544–1545 гг.¹⁶ В межевой книге 1557–1559 гг. сообщалось лишь о «церковной земле» Воскресенской¹⁷, а ко времени составления Сотной грамоты 1562 г. сельцо перестало существовать¹⁸.

После польского разорения¹⁹ в 1627–1629 гг. это место именовалось «пустошью, что был погост Воскресенский». Часовня существовала здесь и позже, на что указывает упоминание в 1774 г. «Воскресенского пустового погоста экономического ведомства»²⁰.

В настоящее время Воскресенский погост – это сельское кладбище с обваловкой (50х30 м) и следами сгоревшей в 1976 г. деревянной часовни (рис. 70 г). Археологическое обследование выявило к западу от кладбища культурный слой XIV–XVI вв. на площади 7000 кв. м²¹. Небольшой шурф (16 кв. м) был заложен на заброшенном участке кладбища, где наше внимание привлекли три могильные плиты из валунного камня. После снятия 40 см слоя выявились еще четыре подобные плиты и одно надгробие из белого камня с орнаментом из мелких треугольников («волчий зуб»; размеры надгробия – 92х44х5 см). На глубине 100–150 см (70–110 см от уровня древней поверхности) были обнаружены следы нескольких погребений. Два из них были совершены в деревянных колодах. Ориентировка погребений – головой на ЗЮЗ. Судя по особенностям белокаменного надгробия, погребения можно отнести к концу XV – первой половине XVI в.

К западу от кладбища был заложен раскоп (224 кв. м), южная часть которого захватила зону жилой застройки, а северная – некрополь, который подвергся на этом участке распаху. Плохая сохранность костей и то обстоятельство, что погребения перекрывали друг друга, затрудняли их идентификацию. В квадратах 1–10 было прослежено пять могильных ям, ориентированных ЮЗ–СВ. Могильная яма № 2 (2,5, 0,7 м; глубина 103 см) заполнена переотложенной материковой глиной (кости не встречены), остальные – переотложенным культурным слоем XIV–XVI вв. (6,7% серой, 86% красноглиняной, 7% белоглиняной грубой, 0,3% мореной керамики). В юго-западной части ямы 5 (2,3х0,8 м) на глубине 85 см прослежен череп. В яме 7 (2х0,5 м; глубина 106 см) следы костей выявлены на глубине 80 см, а в яме 8 (2,4х1 м,

11 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский и Пушкинский районы Московской области) в районе музея-усадьбы Мураново и зон охраны древнего города Радонежа в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11763. С. 9–20; Чернов С.З. Разведки в бассейне р. Вори // Археологические открытия 1986 года. М. 1988. С. 102–103.

12 ДДГ. С. 8; АСЭИ. Т. 3. № 48 а. Подробнее о некрополе в селе Даниловском: Вайнтрауб Л.Р., Чернов С.З. В окрестностях Муранова. Археологические заметки // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1991. М., 1997. С. 401–412.

13 Юшко А.А. Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г. // Архив ИА № 6220. С. 3–4, 27 (здесь и далее — работы с участием автора).

14 Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М. 1989. С. 481, прим. 29.

15 Чернов С.З. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 95–96.

16 ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 527. Д. 288; Кн. 528. Д. 292.

17 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 254. Д. 195.

18 РГАДА. Ф. 281. Д. 8928.

19 Чернов С.З. Вознесенев день: устная традиция в свете устной истории. Комментарий к «Бабушкиным рассказам» Н.И. Никитина // Грани русского средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 347.

20 РГАДА, Ф. 1354. Оп. 570. № 318. Подробнее об истории этой местности см.: Чернов С.З. Вознесенев день: устная традиция в свете устной истории. Комментарий к «Бабушкиным рассказам» Н.И. Никитина // Грани русского средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 330–398.

21 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский и Пушкинский районы Московской области) в 1978 г. Ч. I–VI // Архив ИА РАН. Р-1, № 6986. Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской области) в 1979 г. Ч. I–5 // Архив ИА РАН. Р-1, № 7520–7524.

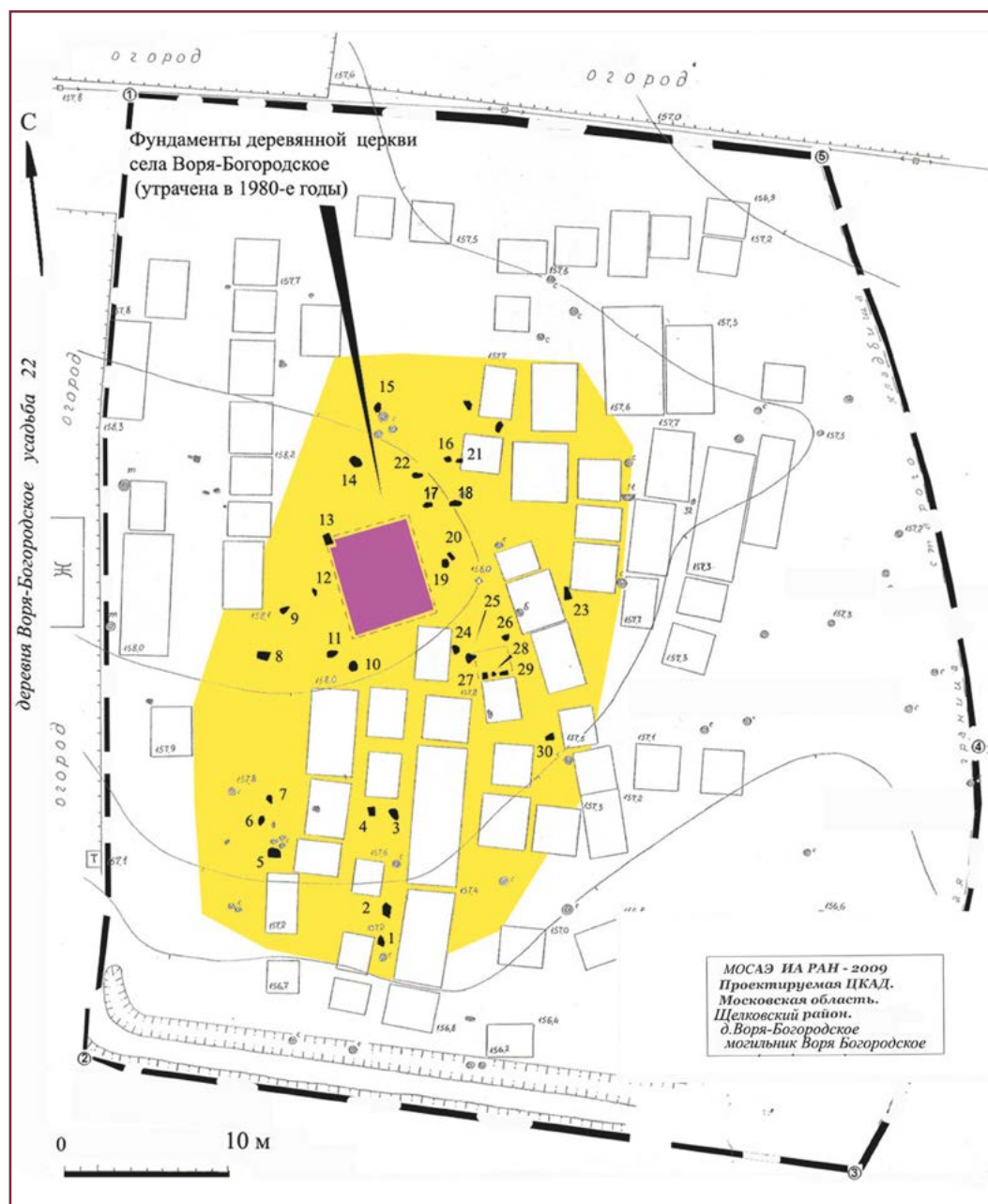

Рис. 72. Могильник в д. Воря-Богородское (Щелковский район Московской области). План 1993 г., уточненный в ходе обследования 2009 г.

вероятно, две частично совпадавшие ямы) – на глубине 105 см. Южнее, в квадратах 11–16, начиная с зачистки четвертого пласта, очертилась обширная яма 6 (4,24 м), содержащая следы нескольких частично перекрывающих друг друга погребений. Одно из них прослеживается в кв. 12 в виде следов костей (135–160 см), другое было совершенно на глубине 135 см в колоде (1,6 × 0,7 м, ориентированном ЗЮЗ–ВСВ) и перекрыло более раннее погребение в ящичном гробовище (153–158 см). От гробовища сохранились два бруска, лежащие перпендикулярно друг другу (1,05 × 0,6 м; толщина – 0,15 м). Ориентировано гробовище ЮЗ–СВ. В его юго-западной засти, на отметке 158 см, прослежен череп, несколько смещенный со своего

первоначального места. Погребения в гробовищах такого типа характерны для второй половины XVI–XVII вв.²², но, судя по развалу краснолощеного сосуда, найденного внутри гробовища на отметке 145 см, и отсутствию материала второй половины XVI–XVII вв., эти погребения, скорее всего, были совершены в первой половине XVI в. В кв. 16, на глубине 155 см, зафиксирован череп от разрушенного погребения. Ниже, на глубине 167–180 см, расчищена бревенчатая обкладка из двух лежащих перпендикулярно друг другу бревен длиной 95 и 100 см, ориентированных ЗВ.

22 Дубынин А. Ф. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году // КСИИМК. Вып. 79. М., 1960. С. 78.

Погребение не сохранилось. В яме 6 также найдены обломок белокаменной могильной плиты с орнаментом в виде «солнца», выполненного мелкими треугольниками (вторая половина XV – первая половина XVI в., 153 см), и развал белоглиняного грубого горшка (высота 16 см, диаметр венчика 12 см) того же времени.

Эти материалы, полученные на типичном сельском некрополе XV – первой половины XVI в.²³, позволяют выделить признаки, характерные для подобных памятников: каноническая западная (юго-западная) ориентировка погребений, глубина могильной ямы 0,7–1,7 м, совершение трупоположения в деревянном гробу-колоде или ящичном гробу, белокаменные надгробные плиты с орнаментом в виде «волчьего зуба» и надгробия из валунного камня. Поскольку первые три признака не позволяют отличить безынвентарные погребения XVII–XIX вв. от более поздних, особый интерес представляют надгробия из валунного камня, которые в XVII–XIX вв. использовались лишь старообрядцами и именовались «голгофами»²⁴ (рис. 73 б).

Помимо Воскресенского погоста, такие надгробия были зафиксированы в селе Благовещенье, известном с 1462–1466 гг. и расположенном на северо-западной окраине Сергиева Посада²⁵ (рис. 70 а), селе Душеново (рис. 69 а), селе Микульском на Пруженке (рис. 68 а) и д. Михайловская на р. Воре (рис. 67 в). Они представляют собой примитивно обработанные валунные камни, которым придана более или менее прямоугольная форма. Для большинства плит характерны подправка с боков, придавшая валунам вытянутую форму, а также скругление углов. К первому типу (рис. 64) относятся крупные образцы длиной 100–120 см. Ширина их колеблется в пределах 70–100 см, а толщина – от 6 до 40 см. Среди них представлены плоские плиты, которым придана подпрямоугольная форма (№№ 16, 20), плоские ромбовидные (№ 18) и почти совершенно не обработанные глыбы валунного камня (№ 4)²⁶. Плита № 15 имеет непропорционально большую

толщину, которая обусловлена толщиной исходного природного камня-плитняка²⁷. Второй, наиболее многочисленный тип, – это плиты длиной 70–90 см. Они имеют ширину на порядок меньшую, чем плиты первого типа (40–60 см), что соответствует их пропорциям. Типичные плиты этой группы (№№ 10, 25) несут явные следы обработки. Надгробия, изготовленные из камня-плитняка, имеют гладкую верхнюю и нижнюю поверхность при толщине 10–30 см (№№ 11, 12, 14, 17)²⁸. Третий тип представлен небольшими валунными камнями, не превышающими в поперечнике 50–60 см. Они имеют случайную форму, соответствующую естественным очертаниям валунов и часто не подправлены (№№ 8, 13)²⁹. Иногда и для них выбирались плоские камни, ширина которых подгонялась до 35–60 см (№ 5)³⁰.

Для датировки плит из валунного камня важна находка, сделанная в д. Михайловой на р. Воре, расположенной к северу от города Красноармейска (рис. 67, 75). В XV в. здесь, на северной окраине волости Воря, на пограничье с Радонежским княжеством, располагалось вотчинное село Михайловское, отданное около 1461 г. его владельцем Василием Михайловичем Троицкому монастырю³¹. Судя по отчеству вотчинника, село Михайловское могло получить название по имени его отца, жившего в первой четверти XV в. В 1976 г. на усадьбе дома № 16 был обнаружен могильник³². По словам владельца усадьбы, при земляных работах на ней встречалось большое количество человеческих костяков. Перед домом старожилы указали место часовни Никиты, поставленной в память бывшего здесь «девичьего монастыря». В ходе осмотра усадьбы были обнаружены три плиты из валунного камня. Одна из них располагалась в 10 м к востоку от СВ угла дома № 16. В ходе раскопок под плитой обнаружено погребение, ориентированное головой на ЮЗ. Костяк лежал на спине (ноги на уровне 85 см,

23 Об использовании кладбища в XVII в. свидетельствует белокаменная плита (60х52х70 см), украшенная жгутовым орнаментом, обрамляющим надпись, выполненную вязью.

24 Для более полного знакомства с этим типом надгробий адресуем к новейшему их исследованию: Авдеев А.Г. Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV – вторая треть XVIII в.) Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.

25 АСЭИ. Т. I. № 309.

26 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. I–VIII // Архив ИА РАН. Р-1, № 6693. С. 41, фото 99. Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской области) в 1979 г. Ч. I–5 // Архив ИА РАН. Р-1, № 7521, фото на с. 17.

27 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6693. фото на с. 41.

28 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6693. С. 39, 40. Фото 94, 95, 97; Д. 6699, Л. 50.

29 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. // Архив ИА. Р. I. Д. 6693. С. 40. фото 96.

30 Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской области) в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 7521. Фото на С. 16.

31 АСЭИ. Т. I. №№ 290; 291.

32 Юшко А.А. О работе Звенигородского, отряда в 1976 г. // Архив ИА. Р. I. Д. 6200. С. 41–44; Чернов С.З. Отчет. 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. 6695. С. 30, 96, 97.

Рис. 73.

А – сакральная сосновая роща, сохранившаяся на месте могильника у д. Воря- Богородское

Б – одно из валунных надгробий-голгоф могильника у д. Воря-Богородское (примерная дата XIV–XVI вв.)

а череп – 120 см). Руки были сложены в области таза. Вдоль юго-восточного контура могильной ямы и параллельно ему прослежена узкая полоса древесного тлена – остатки гробовища. В 0,3 м к западу от погребения, на глубине 1 м, прослежены остатки детского костяка (череп и кости ребер). Вещей в погребениях не обнаружено. Но владельцем усадьбы был передан найденный им на участке медный литой наперстный крест. Крест (7,5x5,2 см) принадлежит к типу круглоконечных четырехмедальонных и несет изображение лишь на одной стороне (рис. 75). Он имеет ушко для шнура сверху и выступ снизу,

указывающие на происхождение этой формы от складней. В центре изображен распятый Спаситель³³. Надписи сверху и слева от изображения не читаются. Справа видны две буквы «N» (Ника). Иконография принадлежит поселемонгольскому времени, когда на смену триумфирующему Христу приходит тип изображения, для которого

33 На более крупном (9 см) двустороннем кресте близкой иконографии читается «ЦРСЛ» (Царь славы) (Леопардов К., Чернев Н. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. Серия 1. Вып. 2. Киев, 1891. Табл. 1, № 1).

характерно изогнутое тело и склоненная голова. В медальонах угадываются: слева – Богоматерь с Марией, справа – Иоанн Богослов с Лонгином. Верхнее клеймо несет изображение двух фигур, склоненных друг к другу, над которыми читается: «..РОЧ». Н.В. Покровский читает надпись при аналогичном изображении как «отроче» и интерпретирует сцену как Сретение (ласкание «отроча») ³⁴. В нижнем медальоне изображены двое святых ³⁵. Крест, представляющий близкую аналогию Михайловскому, найден в московском Заязье, в сооружении, датируемом по керамике концом XV – началом XVI в. Близкие по типу и композиции кресты встречены в Новгороде, на Славне, при раскопках кладбищенского слоя с монетами XV в. и в Старой Рязани ³⁶. Михайловский крест может быть датирован XV в. Это позволяет отнести к тому же времени погребения под валунными камнями, чему не противоречат и приведенные выше данные письменных источников.

В завершение характеристики сельских некрополей следует заметить, что их старинные названия «могильник», «могилицы» ³⁷ в настоящее время еще сохраняются за теми из них, которые не заняты кладбищами XVIII–XX вв., и не вполне изгладились из памяти местного населения. Так, «могилицами» называют место некрополя с. Юрьевского Зубачева (рис. 68 в) ³⁸.

Рассмотрим теперь взаиморасположение жилой застройки, церкви и некрополя. Для того чтобы определить, существовали ли какие-либо приоритеты в размещении некрополя как места погребения, необходимо учесть топографические условия (расположение поселения относительно реки, рельеф), направления дорог и другие обстоятельства, оказывающие влияние на

размещение храма. Поэтому поселения будут рассматриваться по топографическим группам.

К первой группе относятся села при реке, протекающей к востоку от поселения (Михайловское на Воре, Дерюзино — рис. 65 в; 67, 69). В Михайловском некрополь размещался на восточной окраине поселения, к северо-востоку от церкви. Село Дерюзино расположено к востоку от города Сергиев Посад, на берегу р. Вондюги и ориентировано в настоящее время вдоль тракта из Сергиева Посада на Александрову слободу, проложенного в первой половине XVI в. В западной части села находится Никольская церковь 1844 г. Бытующее в селе предание о том, что церковь стоит на месте монастыря, подтверждается жалованной грамотой Ивана III, данной Троицкому монастырю между 1467 и 1474 гг. на их «монастырек» Николы на Дерютине ³⁹. В источнике, относящемся к 1417–1427 гг., упоминается «путь к церкви к Святому Михаилу», как в первой половине XV в. именовалось Дерюзино ⁴⁰. Древнее название села сохранялось и позднее: в сотной 1562 г. оно фигурирует как «Село Михайловское Дерюзино, а в нем церковь Никола Чудотворец да предел Дмитрий Селунский» ⁴¹. Место церкви Архангела Михаила определяется на основе предания, по которому в 300 м к северо-востоку от Никольской церкви, на возвышенности, господствующей над окружающей местностью, некогда стояла деревянная церковь. Позднее была устроена часовня, которая к началу XX в. уже не существовала. Вблизи этого места расположено действующее кладбище, что косвенно указывает на то, что именно здесь, на северо-восточной оконечности поселения, размещался первоначальный приходской храм.

По топографическим условиям к описанным селам примыкают малые монастыри: Троица на Березнике (в волости Воря), Илья Святой на Воре (оба в волости Воря) и Богородица под сосной в Радонеже (рис. 65 а, б). Для них характерна постановка храма на высоком берегу реки и устройство кладбища к востоку от храма, между ним и краем берега.

Мужской монастырь Троицы на Березнике впервые упоминается в грамоте, данной «по благословению» племянника митрополита Алексея «старца Давида» (скончался в 1393 г.) его внуком «Иваном Даниловым сыном Даниловича» не позднее 1438 г. ⁴². Судя по этому документу, ктиторами монастыря были члены боярского рода Бяконтовых. В 1471 г. обитель была приписана к Троице-Сергиеву монастырю, за которым

34 Покровский Н. В. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. СПб, 1909. С. 9. Табл. IV, №№ 12, 48, 30, 34, 40.

35 На аналогичном кресте читаются надписи «Сер(гий)> и «Ив(ан)» (Леопардов Н., Чернев Н. Указ. соч. Табл., 3, 4, № 24).

36 Рабинович М. Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. М.Л. 1949. С. 36, 37; Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде на Славне // МИА. № 11. М.Л. 1949. С. 149; 150. Даркович В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. 1981. № 3. С. 291. Рис. 2, № 6.

37 Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 9. М. 1982. С. 229, 230. «Могилик», «могилик» упоминаются в актах XV в. (АСЭИ. Т. I. №№ 440, 2, 71; Т. II. № 330).

38 Архив ИА, р. 1, д. 9728. С. 4. Об урочище «Могилицы» близ Радонежа см: Чернов С.З. Исторический ландшафт... С. 419–422. Слово «могилик» для обозначения кладбищ XIII–XVI вв. широко употребляется в Псковской и Новгородской областях (Алешковский П.М. Чернов С.З. Археологический комментарий к берестяным грамотам №№ 550 и 568 // Советская археология. 1981. № 2. С. 293, 294).

39 АСЭИ. Т. I. № 354.

40 АСЭИ. Т. I. № 37; Чернов С. З. Вотчина Ворониных // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 6. С. 89–92.

41 РГАДА. Ф. 281. Д. 8928.

42 АСЭИ. Т. I. № 134

упоминается в 1503/1504 г.⁴³. К 1544 г. монастырь перестал существовать, обратившись в «Троицкий погост»⁴⁴. К 1586–1596 гг. здесь возникло «сельцо Березовец на речке на Талице, а в нем церковь Троицы Живоначальные, древена, клетцки, а церковь, поставление и церковное строение монастырское» (Троице-Сергиева монастыря – С.Ч.)⁴⁵. К XV в. сельцо запустело⁴⁶. В 1773 г. церковь была упразднена и ее заменила деревянная часовня. Место монастыря определяется в районе кладбища (75х37 м), расположенного на краю первой террасы реки Талицы. В его западной части до 1970-х гг. сохранялась часовня, построенная на месте церкви Троицы. В 10 м к ЮВ от него была расчищена белокаменная могильная плита 1631 г.⁴⁷. Культурный слой прослежен к северу, западу и югу от древнего кладбища.

Село Богородское (1462–1466 гг.), или «У Богородицы под сосною» (1981 г.)⁴⁸, получило название по расположенному в нем храму. В настоящее время на его месте находится село Подсосенье (к юго-востоку от г. Сергиев Посад). Между 1536 и 1559 гг. здесь возник девичий монастырь, знаменитый тем, что в нем приняла постриг младшая дочь кн. Владимира Андреевича Старицкого по возвращении из Германии в 1586 г.⁴⁹. В писцовой книге 1588–1597 гг. в монастыре упомянуты храмы Успения Богородицы и Воскресения Христова⁵⁰, причем в дозорной книге 1614 г. о первом говорится: «каменной, разорен от

литовскихъ людей»⁵¹. После смутного времени монастырские храмы были обращены в приходские. Вокруг них возникло каре жилой застройки, открытое в сторону реки⁵². Археологическое исследование показало, что в XIV–XV вв. застройка имела совершенно иную конфигурацию. Она примыкала к церкви с севера, запада и юга. Кладбище зафиксировано к востоку от церкви, между ней и склоном к реке Торгоше⁵³.

Если размещение церквей и некрополей на поселениях первой группы можно объяснить стремлением использовать для этой цели хорошо обозреваемые берега рек, то это объяснение не описывает всех вариантов размещения храмов в селах второй группы – на берегу реки, протекающей к северу от поселения. В трех селах этого типа (Глинкове, Пушкине на Уче и Ивановском на Пруженке – рис. 66, а, б, в) церкви занимают край высокого берега, но при этом во всех случаях приурочены к восточной окраине поселения.

Село Глинково, известное под этим названием с 1462–1466 гг., возникло по археологическим данным в XIV в.⁵⁴ и получило название по родовому прозвищу московского боярина Федора Беклемишева – около 1425 г. оно упоминается как «село Беклемишево»⁵⁵. В селе Пушкине московских митрополитов XIV–XV вв., которое, возможно, первоначально принадлежало боярам Пушкиным⁵⁶, кладбище располагается к востоку от церкви, что позволяет вспомнить уже отмечавшуюся схему, когда застройка, церковь и некрополь следуют одно за другим с запада на восток.

Лишь в селе Черкизове на р. Клязьме близ Троицкой дороги (Пушкинский район Московской

43 АСЭИ. Т. 1. №№ 401, 649.

44 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 303. Ки. 624. Л. 8.

45 Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. М. 1872. С. 72.

46 В описании 1773 г. говорится, что при «состоящей в погосте Березняках деревянной церкви во имя Троицы» с давних лет жительство имели одни священноцерковнослужители» (Скворцов Н.А. Архив Московского Св. Синода Канторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. Вып. 1. М. 191. С. 21–213). Лишь к середине XX в. к северу от погоста возникла ныне существующая деревня (показана на карте 1860 г. / РГВИА.Ф. ВУА.Д. 21387. Ряд III. Л. 6, 7/ и отсутствует на плане 1784 г. / РГАДА.Ф. 1356, д. 2189; см. также: 1354, оп. 859, д. 5–29/).

47 Плита (1,2х0,7 м; ориентирована ЮЗ-СВ) декорирована жгутовым орнаментом, обрамляющим выполненную вязью надпись (Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. VI // Архив ИА РАН, Р. 1. Д. 6695. С. 18–20, 70–76).

48 АСЭИ. Т. 1. №№ 309, 494, 649.

49 Арсений, иеромонах. Село Подсосенье // Московские епархиальные ведомости. 1878. № 34. С. 301. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М. 1978. С. 191.

50 Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1. М. 1872. С. 81.

51 Арсений, иеромонах. Село Подсосенье // Московские епархиальные ведомости. 1878. С. 302.

52 Эта планировка показана на чертеже 1660–1676 гг. (РГАДА.Ф. 27.Оп.4,11) и планах ХУШ–XX вв. (Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 9728. С. 48–52).

53 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 6409. С. 3, 20, 25; Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский и Пушкинский районы Московской области) в 1978 г. Ч. II. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 6986. С. 19–22. Детальное исследование некрополя проведено в 1994 г. (Чернов С.З. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Ч. 3. Разведки в районе села Воздвиженского // Архив ИА РАН. Р. 1, № 19705. С. 8–10, рис. 182–201).

54 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1983 г. Ч. V // Архив ИА РАН. Р. 1, № 9728. С. 39–40

55 АСЭИ. Т. 1. № 309. Церковь во имя Двенадцать Апостол известна с 1681 г.

56 Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6249. С. 5, 6.

области) некрополь зафиксирован в центральной части селища, близ существовавшей до 1920-х гг. Покровской часовни (рис. 66 г). Следует, впрочем, учесть, что возникшее в XIV в. село, с которым связан некрополь, частично перекрыло поселение XII–XIII вв., занимавшее край высокого берега Клязьмы к северо-востоку от возникшего позднее некрополя⁵⁷. Устройство храма в восточной части поселения отмечается и для сел, стоявших на двух берегах рек (села Бели-Даниловское и Шараповское)⁵⁸ (рис. 69 г, д).

В других селах этой группы (Клементьево близ Троице-Сергиевой лавры и Семеновском на Вязи – рис. 67 а, б) церкви располагаются в 400–500 м от реки на возвышенностях второй террасы. Взаиморасположение церкви и жилой застройки наиболее четко прослеживается на примере села Семеновского в московских городских станах близ границ волости Бели (Пушкинский район), где культурный слой поселения XIV–XV вв. залегает вдоль улицы, ведущей от церкви к берегу реки. Церковь здесь выдвинута на южную оконечность поселения. В с. Клементьево первоначально схема была та же, но она подверглась усложнениям в связи с тем, то к началу XVI в. село превратилось в крупное торгово-ремесленное поселение (134 двора)⁵⁹. Старая планировка села была зафиксирована планом 1775 г.⁶⁰ Археологическое обследование показало, что слои XV – первой половины XVI в. охватывают пространство на север от церкви до ручья, вдоль Клементьевской улицы, а также на запад от последней. Территория к востоку и северо-востоку от церкви, вплоть до большой Московской дороги, была заселена лишь в XVII–XVIII вв.⁶¹ Судя по наличию серой керамики, с. Клементьево возникло не позднее второй половины XIV в. Между 1410 и 1425 гг. оно было передано

радонежским князем Андреем Троицкому монастырю⁶². Первое документальное известие о церкви Успения Божьей матери относится к 1513 г.⁶³ Однако, учитывая, что сохранившееся в ней Евангелие датируется 1410 г.⁶⁴, можно предполагать, что храм существовал еще до перехода села к монастырю. Следовательно, планировка села с храмом, поставленным на возвышенности у северо-восточной оконечности поселения, восходит к первой четверти XV в. или несколько более раннему времени.

Таким образом, если церковь возводили на коренном берегу, существовала возможность разместить ее в центре поселения, на его западной или восточной окраине, выбор неизменно останавливался на последнем участке. Если же храм основывался на некотором удалении от реки, на возвышении, господствовавшем над поселением, его могли разместить и на южной окраине села, лишь бы пространство к востоку от храма оставалось свободным от застройки.

Для того чтобы проверить, насколько данная интерпретация подтверждается материалами, рассмотрим группу сел, которые возникли на берегу реки, протекающей к западу от поселения (рис. 68). Уже упоминавшийся некрополь в селе Юрьевском (Зубачеве), который можно связывать с церковью Георгия начала XV в., расположен у южной оконечности поселения (рис. 68 в). Еще более ярко этот вариант размещения церкви проявляется на примере с. Воздвиженское, известного с 1467–1474 гг. как великокняжеское (рис. 68 г)⁶⁵. Если в настоящее время церковь (1837–1847 гг.) расположена в центральной части села, то в XVII–XVIII вв. деревянная церковь Воздвижения креста находилась в южной части поселения и была отделена от крестьянских дворов царским путевым дворцом⁶⁶. Некрополь приурочен к месту первоначального храма, который в XV–XVI вв. был как бы выдвинут за пределы жилой застройки: с юга и востока его окружали открытые пространства⁶⁷.

57 Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосквовного отряда в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6249. С. 3, 4, 27. Шурфы 2 и 3, заложенные в 1990 г., дали курганный (XII–XIII вв.) керамику, а также посуду XVI–XVII вв. (белоглиняную грубую и гладкую, чернолощеную и ангобированную). Шурф 4 содержал курганный (2), красноглиняную грубую или серую (XIV–XV вв.) (4), белоглиняную грубую (9) и гладкую (70), красноглиняную гладкую (10) и чернолощеную (45) керамику.

58 «Село Шараповское» в 1432–1445 гг. дано в Троицкий монастырь Андреем Ивановым сыном Шарапова (АСЭИ. Т. 1. № 81). «Ц(е)рк(о)вь с(вя)т(а)го архистратига Михаила в Шарапове» упоминается с 1490 г. (АСЭИ. Т. 1. № 548 2).

59 АСЭИ. Т. 1. № 649.

60 Балдин В.И. Загорск. История города и его планировки. М. 1981. С. 37, 39.

61 Раскопки в Машинском саду (50 км. м) не дали материала старше XV в. тогда как в раскопках 2 и 3 (60 и 48 кв. м) присутствовали керамика и находки XIV–XVII вв. (Чернов С.З. Отчет об археологических раскопках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской области) в 1981 г. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 8554).

62 Запись в Кормовой книге 1590–1592 гг. (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 304. Д. 82. Л. 87).

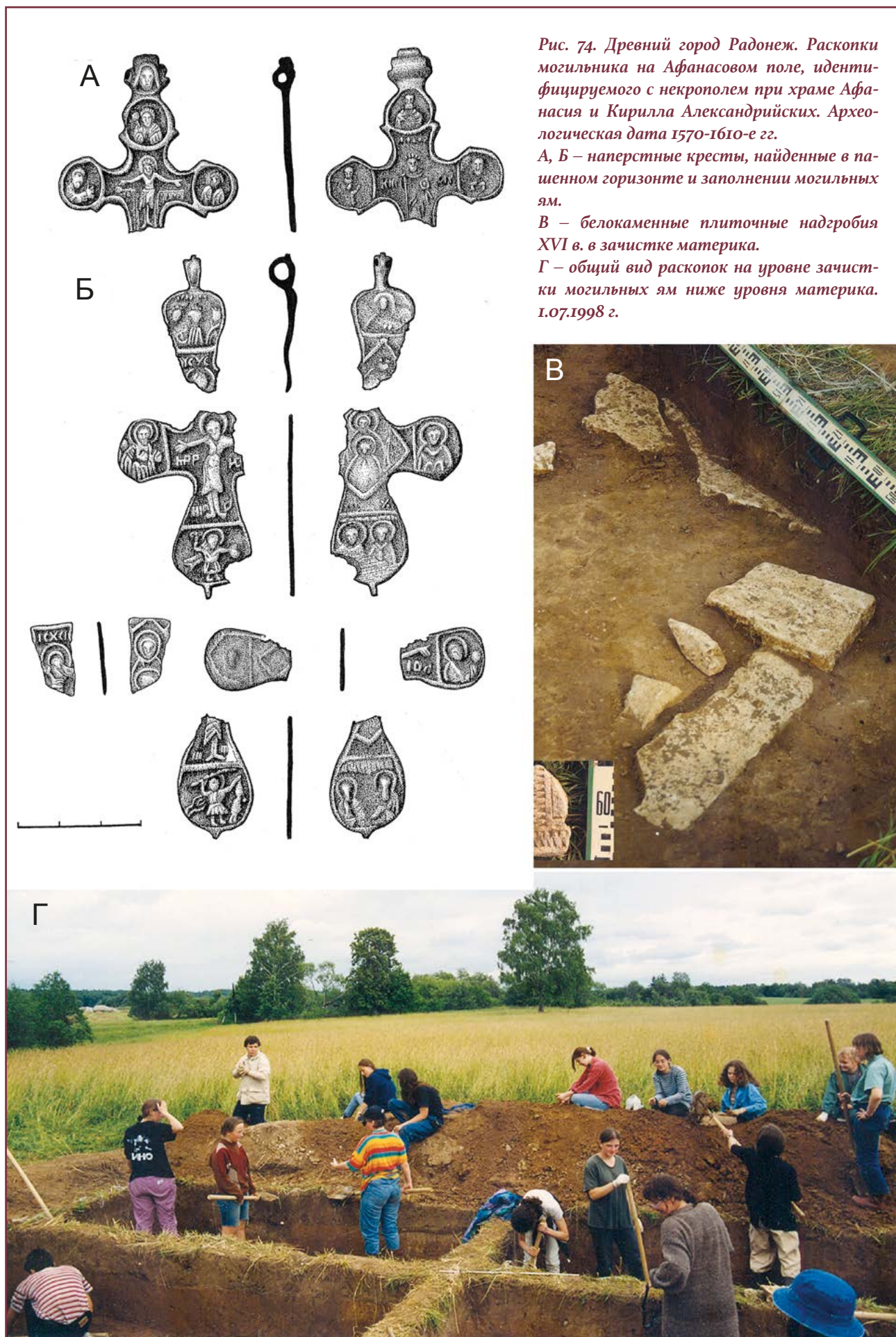
63 Арсений, иеромонах. Село Клементьево // ЧОИДР. М., 1887. Кн. 2. Смесь. С. 7. По писцовым книгам 1584–1586 гг. в селе известна также церковь Николы Чудотворца.

64 Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. М.: Искусство. 1980. № 66.

65 АСЭИ. Т. 1. №№ 376, 424.

66 Эта ситуация видна на плане 1750 г. (Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М. 1969. С. 41). Церковь сохранялась до 1869 г., после чего на ее месте была построена деревянная часовня (Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа... С. 430, № 132).

67 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской обл.) в 1980 г. Гл. 1–5 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 8063. С. 12, 21–24.

Валунные надгробия выявлены к югу от места деревянной церкви, так что, возможно, первоначальный храм располагался еще далее к югу.

В селе Никольском на Воре некрополь, видимо, также находился у юго-восточной оконечности селища, но также в окружении открытых пространств⁶⁸ (рис. 68 б). В западном и восточном направлениях расположена церковь княжеского села Микульского на Пруженке, упоминаемого в dokonчании сыновей великого кн. Ивана Калиты конца 1340-х – начала 1350-х гг.⁶⁹ К северу от церкви выявлен обширный некрополь XV–XVI вв. хорошей сохранности (рис. 68 а)⁷⁰.

На примере третьей группы поселений видно, что, когда для лучшего обзора храм ставили на берегу реки, могли избрать как южную, так и северную окраину селения. Но при этом пространство к востоку от храма оставалось свободным от застройки.

В селах Воронине на Вязи⁷¹ и Коннотеребове (Муромцево)⁷² (рис. 69 б,в), так же как в Семеновском и Клементьеве, церкви были основаны не у реки, а на возвышении второй террасы,

господствовавшим над поселением и окружающей местностью. Поскольку здесь возвышенности лежали к востоку от сел, это позволяло создавать впечатляющие композиции: застройка села, храм и некрополь следовали с запада на восток, возвышаясь одно над другим. О том, что такая композиция являлась осмысленным планировочным решением, свидетельствует план села Душенова, расположенного в верховье речки Пруженки восточнее волости Воря (рис. 69, а) (Щелковский район). Жилая застройка этого поселения начиналась от коренного берега и распространялась на 300 м в глубь от реки. Учитывая равнинный характер местности, можно было ожидать устройство церкви на берегу реки. Однако она была вынесена на юго-восточную окраину поселения. В 1977 г. на месте древнего храма еще сохранялась деревянная Никольская церковь 1670 г., близ которой было найдено надгробие из валунного камня, служащее признаком раннего некрополя⁷³. Село Душеново (Душеное) принадлежало к середине XIV в. митрополиту Алексию и перешло по его духовной грамоте (1366–1378 гг.) основанному им московскому Чудову монастырю⁷⁴. Вполне вероятно, что строительство храма велось по благословению митрополита. Поэтому его размещение вряд ли было случайным⁷⁵.

В наиболее чистом виде прослеженные закономерности проявляются в селах четвертой группы, основанных в удалении от рек, на вершинах возвышенностей (Благовещенье, Спас-Тарбеево⁷⁶, Горбуново⁷⁷, Площево). Как можно видеть (рис. 70), поселение XIV–XVI вв. размещалось обыкновенно на западном склоне холма, а церковь возводилась на его вершине, к востоку или северо-востоку от жилой застройки. Погребения совершались рядом с храмом или к востоку от него.

68 По сообщению жителей существующей ныне д. Алексеевка, здесь в 1950 г. было обнаружено захоронение (Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. VII // Архив ИА РАН. Р. 1, № 6698. С. 4–10, 31–49). Село упоминается в 1495–1490 гг. (АСЭИ. Т. 1. № 596. С. 493). Обнаружено два одновременных поселения: XII – первая половина XIII в. и в XIV–XVI вв. Однако, какова бы ни была планировка последнего, погребение приходится на его юго-восточную оконечность.

69 ДДГ. С. 11.

70 Некрополю в селе Микульском на Пруженке посвящена специальная работа: Чернов С.З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6. Канонизация святых на Руси. М.: «Можайск-Терра», 1998. 31–349.

71 Селом Ворониным в 1542/43 гг. владел «Иван Михайлов сын Юрьева» из рода бояр Кошкиных (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 303. Кн. 631. Д. 294 об.). Ныне разрушенный храм Покрова Пресвятой Богородицы известен с 1623 г. (Холмогоровы В.И. и Г.И. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 5. Радонежская десятина. М. 1887. С. 192.). Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. IV // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 6695. С. 6, 7.

72 «Село Никольское на Воре» (позднее Муромцево) было дано Троицкому монастырю Г.Ф. Муромцевым в 1447 г. (АСЭИ. Т. 1. №№ 179, 180, 191, 192). О древности Никольской церкви, сохранившейся до настоящего времени, говорит название села. Село ликвидировано в 1930-е гг. и занято спецпредприятием «Геодезия». В доступной приречной части селища собран материал XV–XVI вв. (Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. VI // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 6697. С. 7–9, 28, 29).

73 Холмогоровы В.И. и Г.И. Указ. соч. С. 128. Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. VIII // Архив ИА. Р. 1. №. 6699. С. 50.

74 АСЭИ. т. III. № 128.

75 Подробнее об истории села: Чернов С.З. «Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 гг. // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 16. М., 2020. С. 219–262.

76 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1977 г. Ч. VIII // Архив ИА РАН. Р. 1. № 6694. С. 10, 33–37; Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) в 1983 г. Ч. IV. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 9728 в. С. 39–40.

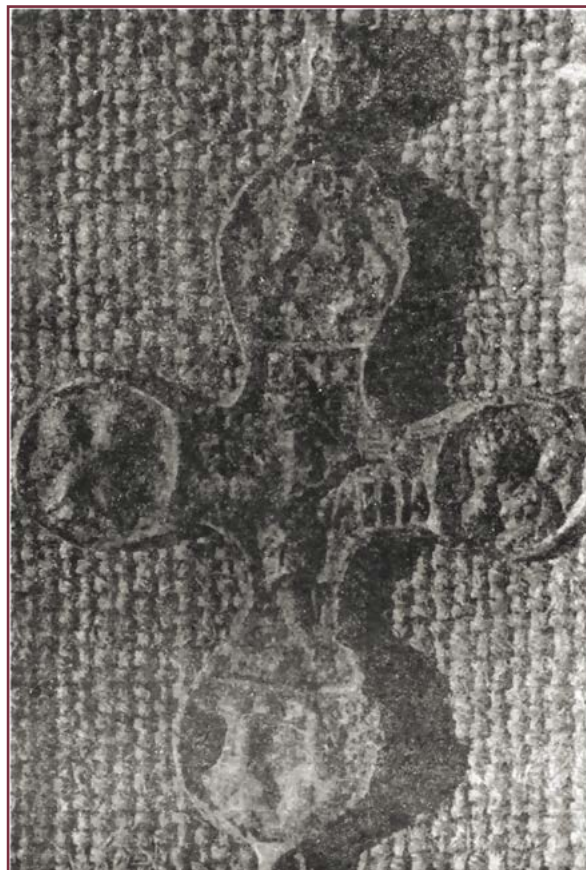
77 Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский район Московской обл.) в 1980 г. Гл. 2 // Архив ИА РАН. Р. 1. № 8060. С. 35, 58–60.

Даже этот неполный обзор сельских некрополей XIV–XVI вв. позволяет заключить, что они имели определенные и довольно существенные отличия от кладбищ позднейшего времени. Некрополи играли важную роль в планировке поселений и в структуре расселения, сложившегося во второй половине XIII–XVI вв. Обнаружение на сельских могильниках большого числа белокаменных и валунных плит, которые удалось датировать концом XIV–XVI вв., свидетельствует об устойчивой поминальной традиции и внимании к убранству некрополей.

Особенно ярко эта закономерность прослеживается на примере древнего села Покровского на р. Воря бояр Валуевых (1402 г.). Это село идентифицировано с селищем в деревне Воря-Богородское, которое располагается сегодня в северной части Щелковского района при пересечении Центральной кольцевой автомобильной дорогой р. Вори (рис. 71–73). Здесь к востоку от селища и нынешней деревни сохранились место деревянного храма, могильник с 23 валунами-голкофами (обследования 1993 и 2009 гг.) и старинная сосновая роща. При этом могильник располагается строго к востоку от поселения (рис. 71).

Итак, как свидетельствуют археологические данные, «селения мертвых» выносились на возвышенные места, за пределы поселений. Причем пространства к востоку от некрополей оставлялись свободными от застройки. В этих чертах погребального обряда появилось стремление, свойственное каноническим установлениям раннемосковской эпохи, строго следовать учению Святого Писания о воскресении мертвых. По воззрениям той эпохи воскресшие из могил должны были узреть Господа не абстрактно, а вполне реально. Возможно, с этим и связано стремление располагать некрополи к востоку

*Рис. 75. Наперстный крест из могильника
в д. Михайловская на р. Воре*

от жилья и не возводить к востоку от них какие-либо строения.

Сельские некрополи XIV–XVI вв. – памятники, требующие углубленного исследования – доносят до нас живое ощущение близости Судного дня, свойственное общественному сознанию раннемосковского времени.

Глава 7

Кладбище деревни Власьевская в XIV–XV вв. по данным раскопок и воцерковление сельского населения Московского края

Московский край известен своими курганами, насыпавшимися до середины XIII в. Наличие богатых находками курганных могильников имело и свою оборотную сторону: оно приводило к снижению интереса археологов к сельским грунтовым могильникам, которые воспринимались как малоинформативные и систематически не выявлялись. Сложившееся положение затрудняет изучение широкого круга вопросов, касающихся населения, особенно в период, когда грунтовые могильники стали единственной формой захоронений. Недостаточное изучение этого круга древностей в Московском крае особенно ощутимо при сравнении с другими районами Древней Руси.

Впервые могильник, связанный со средневековой деревней, был обнаружен в 2011 г. на Шестом Дунинском селище под Звенигородом. В этой

главе предполагается ввести в научный оборот археологические данные о погребениях этого могильника и рассмотреть их на фоне хронологии и планиграфии поселения, на котором была изучена синхронная могильнику усадьба. Думается, что если памятники такого типа начнут говорить, то особенности их погребального обряда и топографии смогут пролить свет на изменения в менталитете сельского населения.

Как уже отмечалось выше, Дунинский могильник зафиксирован в траншеях 1 и 2 и ш. 1 и 2, но не прослежен в шурфах 3–6, 15, 16. Соответственно, его размеры 40х35 м, а площадь – около 1400 кв. м. Он занимал восточную, мысовую, часть возвышенности (рис. 76). Для изучения могильника была проведена фиксация стенок траншей периода Великой Отечественной войны, а затем к югу от траншеи 1 заложен шурф 1 площадью 12 кв. м.

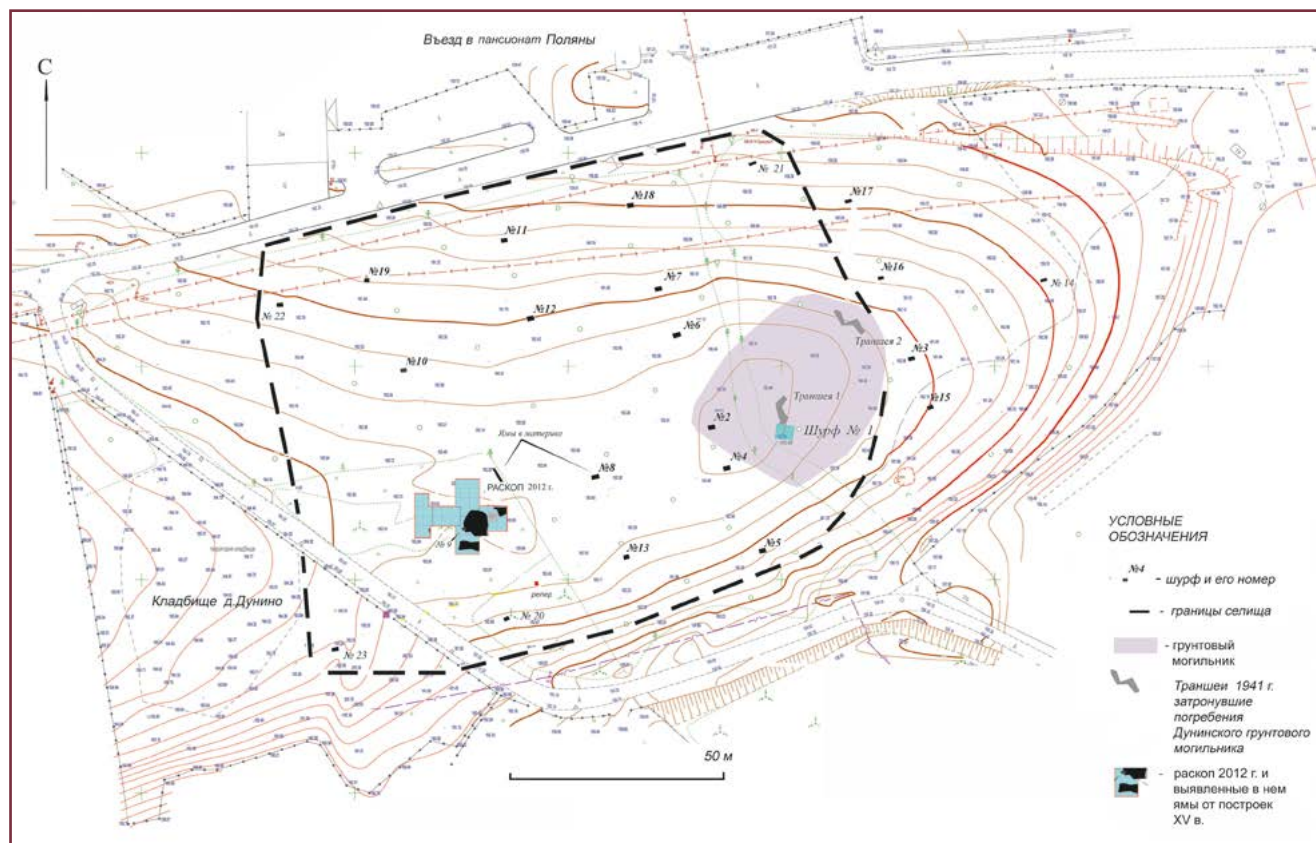

Рис. 76. Шестое Дунинское селище и Дунинский грунтовой могильник. План

В предыдущей главе были приведены многочисленные аргументы, свидетельствующие о том, что в XIV–XV вв. «селения мертвых» по преимуществу располагались на восточной окраине поселения. Объяснение этому следует искать, опираясь на канонические установления и с учетом особенностей эсхатологических представлений. Как известно, крест ставится у ног усопшего распятием к лицу покойного в напоминание о том, что при всеобщем воскресении умерших, восстав от гроба, он сможет взирать на Христа. Второе пришествие ожидалось в XIV–XV вв. не в отдаленном будущем, но здесь и сейчас¹. Поэтому забота о том, чтобы в этот момент физические преграды не мешали видеть Спасителя, может рассматриваться как наиболее вероятное объяснение наблюдаемой особенности раннемосковских могильников.

Предложенная интерпретация базировалась по преимуществу на топографии могильников. Теперь мы переходим на новый уровень исследования – обращаемся к погребальному обряду и его нюансам. Для того чтобы вникнуть в детали, читателю потребуются проникнуться духом археологического поиска. Иначе сложить многочисленные детали в единый пазл просто не удастся.

Следы культурного слоя на территории могильника и его *terminus post* и *antes quem*

Излагая данные раскопок этого почти полностью безынвентарного могильника, нельзя упустить возможность определить его хронологические рамки с помощью датировки перекрывших его отложений, а также культурного слоя, который им был нарушен.

Поверхность шурфа I (–30–49), имела уклон на ЮВ (рис. 77 а). Верхние три пласта представляли собой могильный перекоп (серо-бурая супесь). Первый пласт выделялся гумусированностью, а на северном профиле отчетливо читался как слой, перекрывавший могильный перекоп (рис. 78 в). В нем (наряду с ранней – 15) была найдена отсутствующая ниже красная гладкая (20) (рис. 79 б, 49), белоглиняная грубая (4) (рис. 79 г), чернолощенная (3) керамика XVI в., гладкостенная (3) и белоглиняная (6) посуда XVIII–XIX вв. (рис. 79, Д, 32, 45, 52), а также фарфоровая солонка XX в. Уточняют дату слоя, перекрывшего могильник, венчик (рис. 79 б, II) и орнаментированный фрагмент (рис. 79 б, 23), аналогичные сосудам из построек, сгоревших в 1492 г. (МК². Табл. 84–86, 92–98, 104–108). Соотношение красной гладкой, белоглиняной грубой

и чернолощенной керамики (37/10/7) типично для комплексов, предшествующих доминированию белоглиняной грубой керамики во второй четверти XVI в. Следовательно, поселение придвинулось к могильнику и перекрыло его «горизонтом замусоривания» в последней четверти XV – первой четверти XVI в. Таков *terminus ante quem* могильника.

Хозяйственная деятельность велась тогда рядом с могилами. Насыщенность керамикой шурфа I (36 фрагментов на 12 кв. м) соответствует участку раскопа 2012 г., расположенному в 6–12 м от постройки. По-видимому, один из дворов прямо примкнул к кладбищу, подобно селищу Рождествену (Одинцовский район Московской области), где в XVI в. дворы обступали кладбище с севера, запада и юга (Богомолов, 2012. С. 380). Большинство могил к тому времени уже было выкопано, за исключением 21-й – здесь в пласте 4 был найден белый грубый венчик (рис. 79 г, 67/70).

Меньше данных мы имеем о слое, который был разрушен могильником. *In situ* его фрагмент (черная супесь 4 см на подзоле) был обнаружен в профиле траншеи I (местоположение см. на схеме – рис. 77, врезка И; Чернов, 2011. Рис. 29). Судить о нем мы можем только по керамике (71 фрагмент), происходящей из могильного перекопа (в пластах 1–5 найдено 15, 12, 14, 7, 6 фрагментов), которая делится на лепную дяковскую (25), курганную (9), серую (15), красную грубую (20) и краснолощенную (2) посуду.

Лепная керамика представлена сосудами баночной формы с круглыми вдавлениями (рис. 80 а, б, 15, 35, 36), аналогии которых встречены на Дьяковом городище (Кренке, 2011. С. 316. Рис. 18, 1, 2). *Курганная посуда* (рис. 80 в, 40, 57) украшена волнистым орнаментом (рис. 80 в, 54). Горшок (рис. 80 в, 66) близок сосудам середины XII–XIII в. (МК, Табл. 8, 32; Табл. 32, 734). Срезанный венчик (рис. 80 в, 58) имеет аналогии в слое Богоявленского монастыря (МК. Табл. 23, 61) и яме 3 Исторического проезда (МК. Табл. 39, 2072) XIII в.

Серая керамика представлена венчиками (рис. 80 г, 16, 63), имеющими аналогии в слое Богоявленского монастыря (МК. Табл. 25, 121 и др.), срубке I (МК. Табл. 32, 944, 945) и яме 3 (МК. Табл. 39, 2079, Табл. 4, 1925). Срезанный венчик (рис. 80 г, 64) находит параллели в материалах селища Лешково-2 первой половины XIV в. (МК. Табл. 65, 255 и др.), а венчик (рис. 80 г, 1) напоминает сужающиеся к краю срезанные сосуды Семхоза-4 трет. четв. XIV в. (Чернов, 1996. С.87. Рис. II, 94–114). *Красноглиняная грубая керамика* маловыразительна (ребро по плечу – рис. 79 а, 17).

Соотношение курганной, серой и красной грубой керамики (20/35/45) показывает, что слой, пробитый могилами, начал формироваться в XIII в., поскольку в комплексах первой половины XIV в. типа Лешково-2 близ Радонежа курганная керамика составляет всего 4–5% (МК. С. 26, 28). В то

1 Летописный свод 1408 г. в тверской редакции 1412 г. под 25.03.1380 г. прямо говорит о конце света в 1492 г. (Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 15. Агр., 1922. Стлб. 136), что, впрочем, могло восприниматься лишь как догадка, поскольку «о дни же томъ или о часѣ никто же вѣсть» (Евангелие от Марка, XIII, 32).

2 Здесь и далее МК – Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

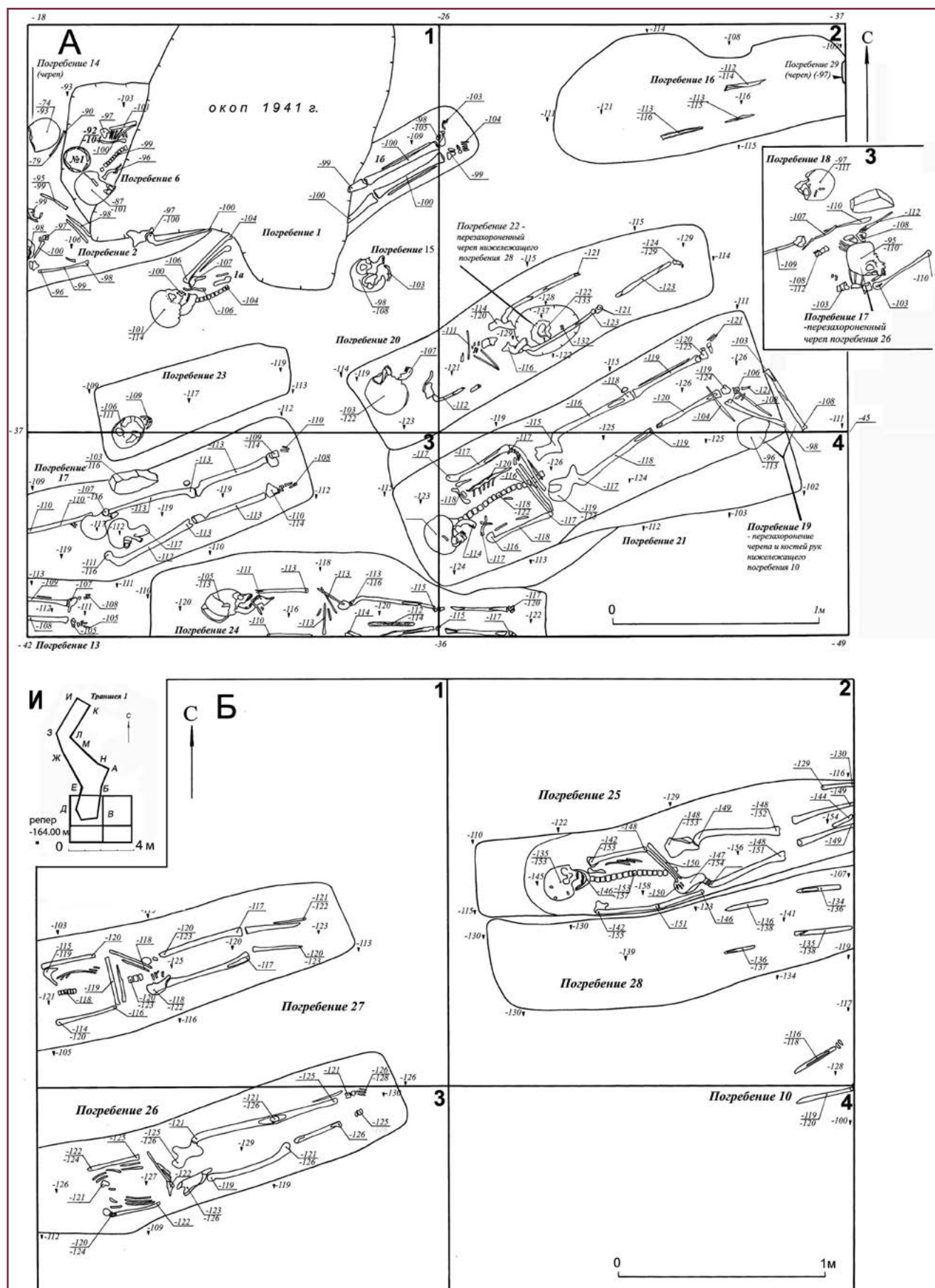

Рис. 77. Дунинский могильник. Шурф I. А – План погребений верхнего горизонта (-90-120 см). На врезке – перезахороненные останки над погребением 17; Б – План погребений нижнего горизонта (-120-150 см). На врезке – схема расположения траншеи I и шурфа I

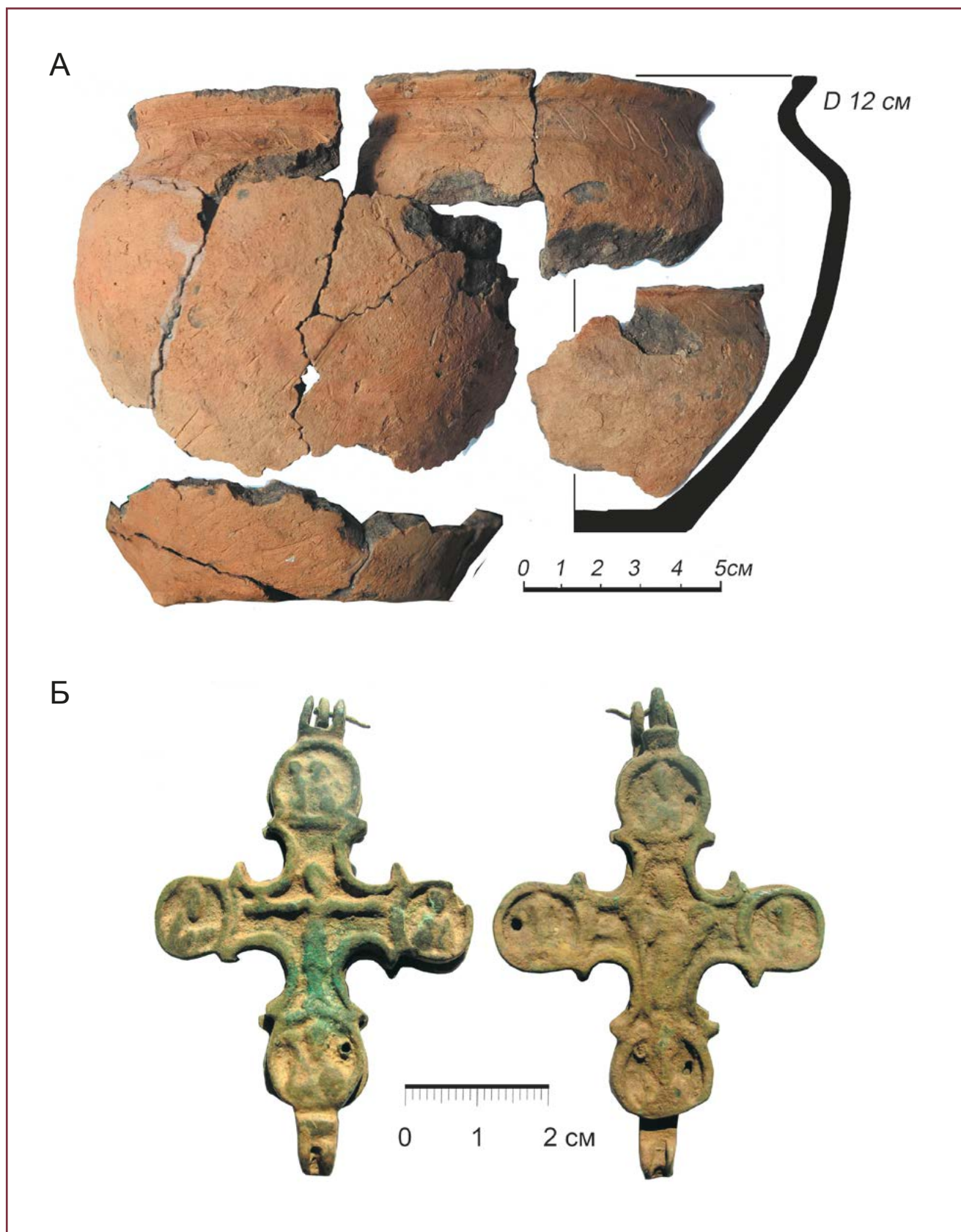
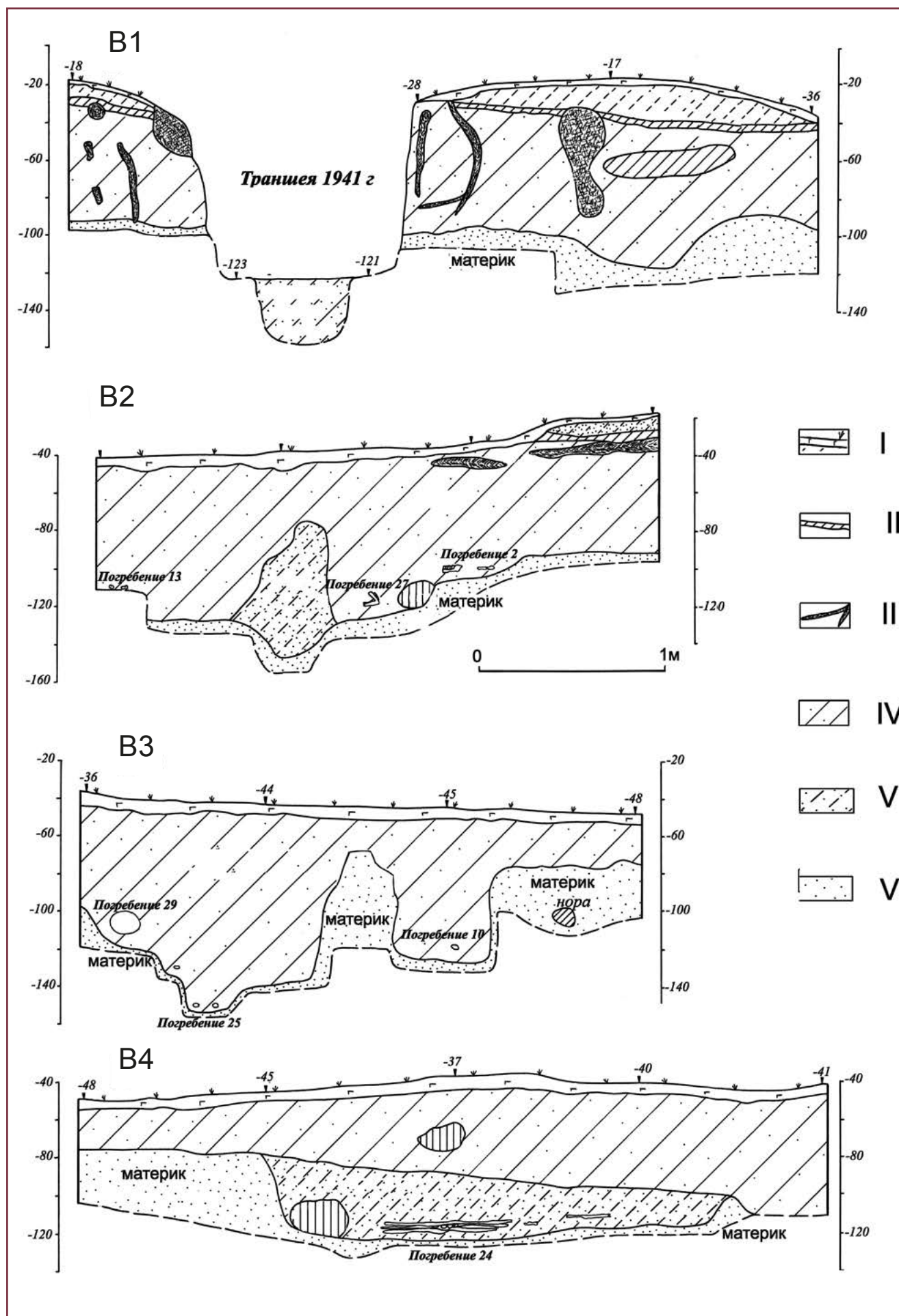
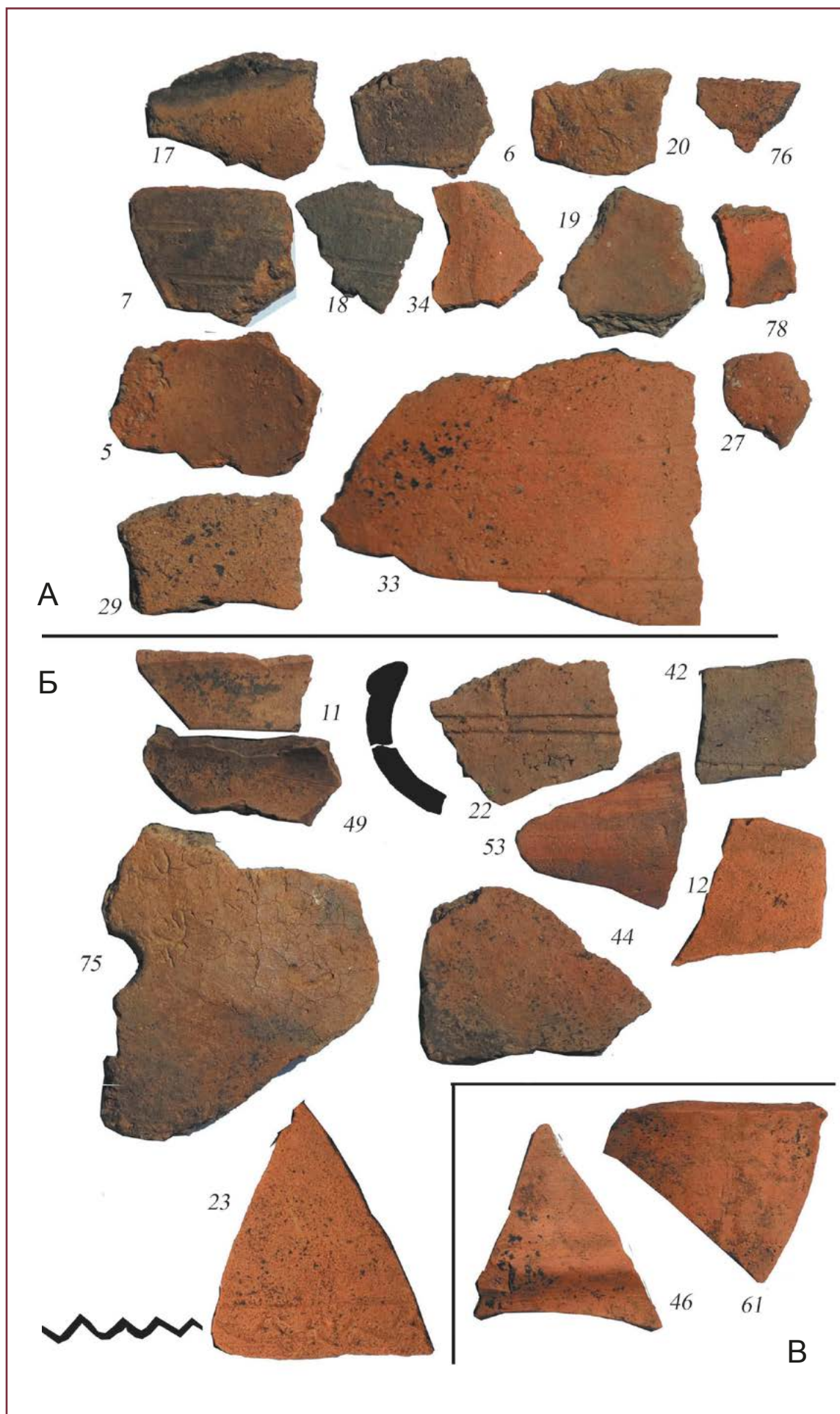
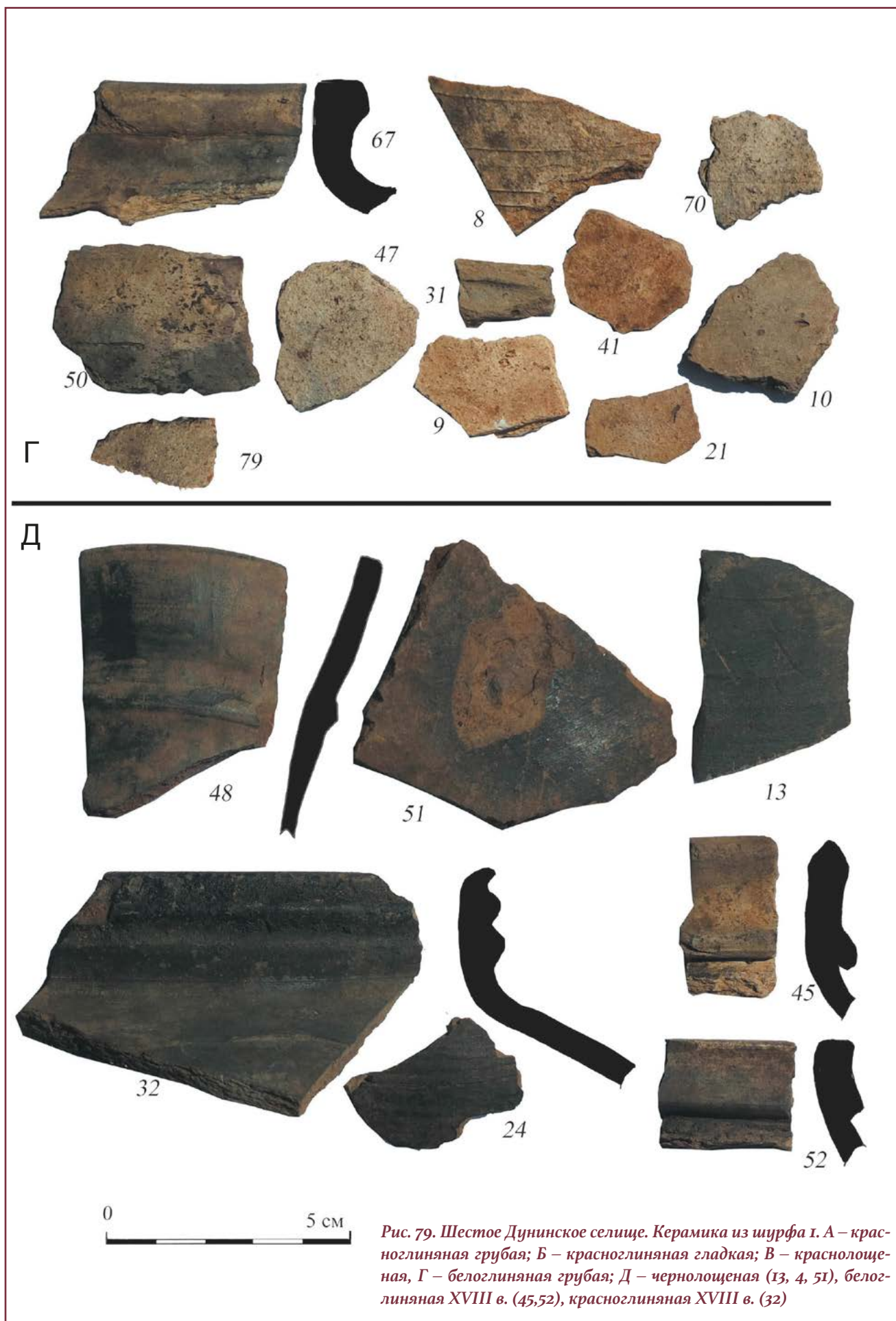
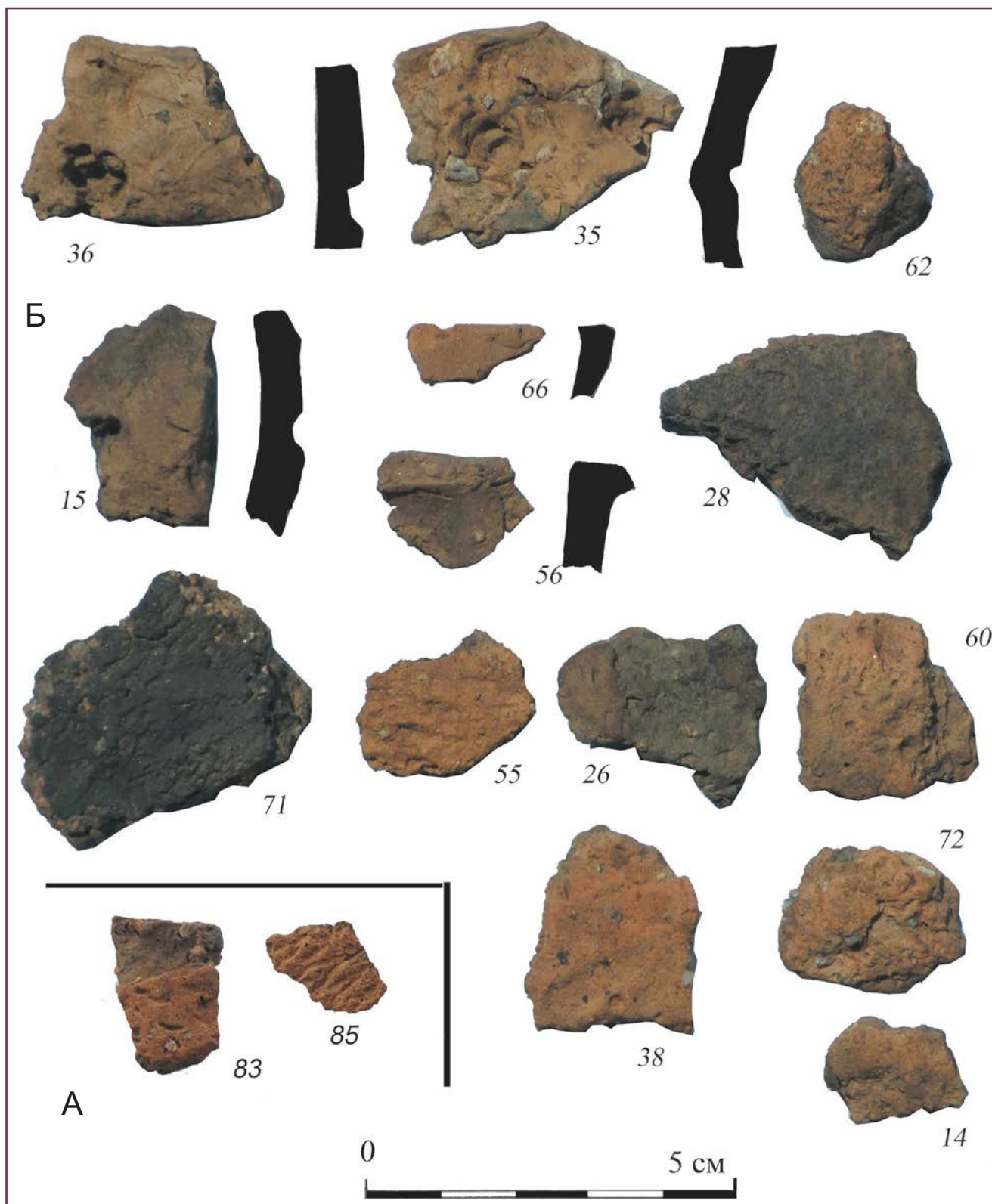

Рис. 78. Дунинский могильник. Шурф I. А – слезница из пог. 6 (Звенигородский музей); Б – крест-энколпион из пог. 5 (рис. 77 б, врезка, между И и З) (Музей-заповедник А.С. Пушкина в Б. Вяземах: фото А.А. Алексеева). В – профили стенок: В1 – северная, В2 – западная, В3 – восточная, В4 – южная. I – гумусовый горизонт современной почвы и отвал из траншеи 1941 г. (бруствер) – песок с супесью; II – серая супесь – погребенная почва и культурный слой, отложившийся после прекращения функционирования могильника; III – корни; IV – серо-бурая супесь с песком – могильный перекоп; V – могильный перекоп – песок с супесью; VI – материк – желтый песок

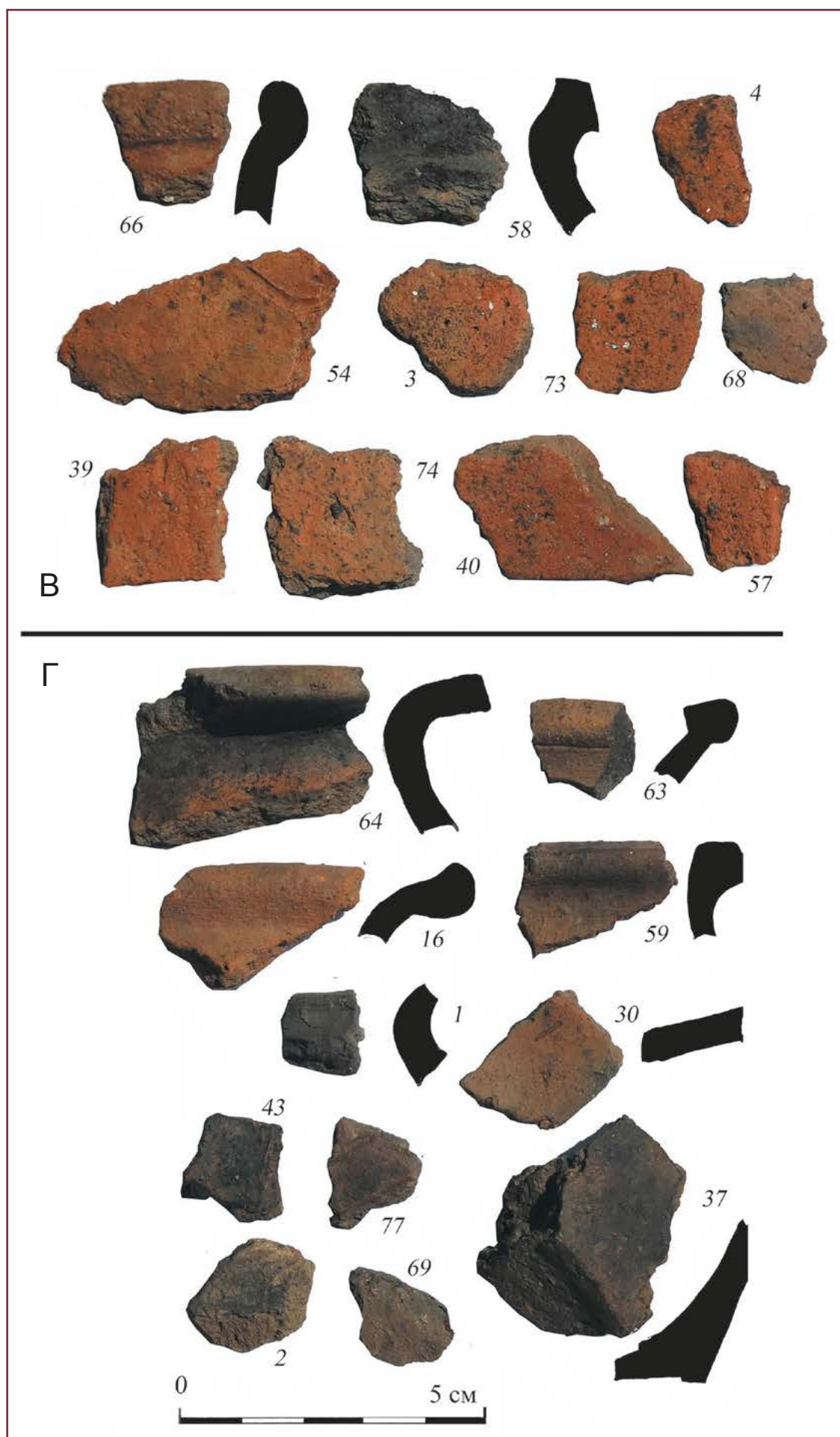

же время 45% красной грубой посуды свидетельствует, что хозяйственная деятельность протекала здесь до середины XIV в. Таков *terminus post quem* могильника. Доля серой керамики на его территории выше (35 против 27%), а доля красной грубой – ниже (45 против 55%), чем на селище в целом. Следовательно, в конце XIV – середине XV в. поселение развивалось. Место некрополя было вне зоны, в которой происходило расселение.

Рис. 80. Шестое Дунинское селище.
Керамика из шурфа 1.
А, Б – лепная дяковская
(Б – из шурфа 2);
В – курганная; Г – серая

Описание погребений

Стратиграфия могил показывает, что вначале погребения (2, 10, 25–28) совершались на глубине 72–112 см от уровня дневной поверхности (–120–150), а на втором этапе их глубина (погребения 1, 6, 13–24) сократилась до 60–80 см (–90–120) (рис. 77). Описание погребений дается с учетом антропологического заключения Н.Н. Гончаровой.

Погребения верхнего горизонта (за исключением 13, 24) ориентированы на ЮЗ–СВ. Пять из них образуют два ряда (23, 17 и 15, 20, 21), четыре нарушают рядность (6, 1, 13, 24) (рис. 77 а). *Погребение 6*, содержащее скелет женщины 40–45 лет, в СЗ углу шурфа, пробило погребение 2 и 14 и нарушено траншеей 1941 г. Скелет лежал вытянуто, головой на ЮЗ. Сохранились череп (–87–111), нижняя челюсть и кости верхней половины тела – часть позвонков, ребер, левые лопатка (–97) и ключица, часть плечевой кости (–101). Череп повернут лицевым отделом на ЮВ. Дно могилы (–106) – на глубине 75 см. Вприкрытии к затылочной части черепа *in situ* стоял миниатюрный горшок, растрескавшийся, но не утративший форму (–92–104) (рис. 78 а). От *Погребения 14* (был захоронен мужчина 45–70 лет) в западной стенке шурфа сохранился череп, лежавший лицевым отделом вниз (–74–93), и часть локтевой кости (–79–90). Глубина могилы (–95) 65 см.

Погребение 1 (мужчина 40–45 лет) располагалось в 0,5 м к югу от погребения 6 и параллельно ему (рис. 83). Оглавия погребений совпадают, и вместе они выбиваются из рядности погребений верхнего горизонта. Центральная часть погребения разрушена в 1941 г. Могильная яма (ширина 30 см) начала читаться на уровне –98–101, когда уже показались кости. Глубина могилы (–109) – 68 см. Скелет лежал вытянуто, головой на ЮЗ. Сохранились череп, повернутый лицевым отделом на СЗ (–101), нижняя челюсть, верхняя часть позвоночника, ключица, левые плечевая (–104) и лучевая кости, фрагменты бедренных костей, берцовые кости (–100) и кости стоп (–98–99).

К югу от погребения 1 прослежено два ряда погребений. Западный включал погребение 17 и *детское погребение 23*. В западной части могилы 23 (1х0,4 м) обнаружены фрагменты черепа (–106) и нижняя челюсть (–111) ребенка 2,5–3,5 лет. Глубина ее (–117) – 76 см. В 0,4 м к СВ от погребения 23 и на глубине 70 см зафиксировано *погребение 15* – череп (–98–108) и нижняя челюсть (–103) ребенка 10–12 лет.

Одно из сложных для реконструкции *погребений – 17-е* – открылось к югу от детской могилки как могильная яма (–109–113), ориентированная ЮЗ–СВ (1,1х0,5 м). Оглавие ее уходило в З стенку шурфа. Над бедренными костями был расчищен череп (–95–110) (рис. 4 а, врезка). По-видимому, он происходил из нижележащей могильной ямы 26, оглавление которой было затронуто при копке ямы погребения 17. Это предположение подтверждается отсутствием черепа в погребении 26. Скелет погребения 17, мужчины 35–40 лет, лежал

вытянуто, головой на ЮЗ (рис. 77 а). Череп не вошел в пределы шурфа. Позвонки, ребра, локтевые и лучевые кости были затронуты погребением 13. В анатомическом порядке залегали тазовые (107–112), бедренные (–111–113), большеберцовые (–113) и кости стоп (–109). Глубина могилы – 80 см.

Номер 18 получили перемещенный череп (–97–111) и нижняя челюсть (–111) женщины старше 60 лет, лежавшие к северу от могилы погребения 17 на глубине 77 см. *Погребение 13*, перебившее погребение 17, залегало в ЮЗ углу шурфа по линии ЗВ и уходило в его западную стенку. В раскоп вошли большеберцовые кости (–107–109) и кости стоп (–105–108). Глубина могилы (–112) – 72 см.

Погребение 24 (женщина 20–25 лет) залегало вдоль южной стенки шурфа по линии ЗВ (рис. 84). На уровне –105 см появились кости черепа, на уровне –110 см – могильная яма (длина 180 см, глубина 80–85 см). Скелет женщины лежал вытянуто, головой на запад. Обнаружены посмертно деформированный череп (лицевым отделом на север), фрагменты левой ключицы и левой лопатки, плечевых (–111), локтевых, бедренных (–113), большеберцовых костей (–117) и кости стоп (–117–120). В районе ног над костями и под ними читался древесный тлен от колоды (–110–112). Кости правой руки лежали на животе, кости левой – в районе таза. Изножие затронуто могильной ямой погребения 21.

Восточный ряд могил состоял из двух погребений – женского (20) и мужского (21). Их могильные ямы заложены параллельно друг другу и ориентированы на ЮЗ–СВ, оглавия находятся на одной линии, что позволяет предполагать, что они принадлежат родственникам, возможно супругам. В могильной яме *погребения 20* (180 × 45 см; дно –131–124 на глубине 100 см) зафиксирован скелет женщины 35–40 лет, который лежал вытянуто, головой на ЮЗ (рис. 85, 86). Череп (–103) деформирован землей, повернут лицевым отделом на СЗ. Сохранились нижняя часть позвоночника, правая ключица и часть плечевой кости (–112), а также лежавшие на груди части локтевых костей правой и левой (–111) рук, от левой ноги – бедренная кость (–121) и кости стопы (–119, –124). Под правой бедренной костью обнаружены перезахороненные кости, помещенные в ямку (35х28 см) глубиной 9 см (дно –137) (*погребение 22*). Это фрагменты черепа мужчины 50–55 лет (–122, –133), происходящего, по-видимому, из нижележащего погребения 28, в котором не найдено следов черепа и оглавление которого было затронуто погребением 20.

Погребение 21 мужчины 30–35 лет найдено в могильной яме (длина 190 см), отличавшейся большой шириной (60–70 см; отметки дна –124–126, глубина 90–100 см) (рис. 85, 86). Скелет вытянут, головой на ЮЗ и сохранил анатомический порядок. Череп (–107) повернут лицевым отделом на ЮВ. Сохранились практически все кости скелета (за исключением части ребер): ключицы (–117), позвоночник (–118–122), тазовые (–114–123), бедренные

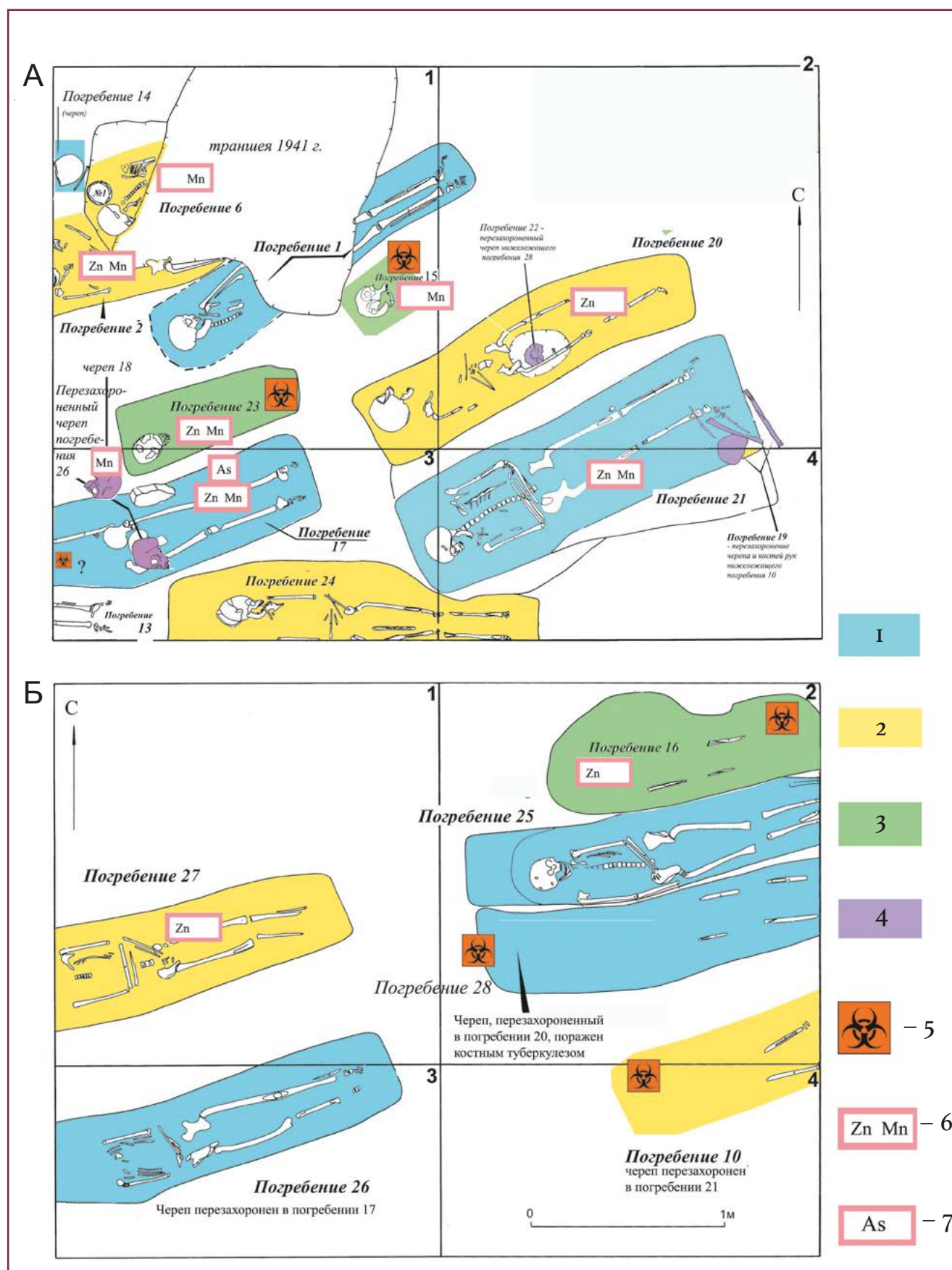

Рис. 8г. Дунинский могильник. Шурф I. Схема расположения мужских (1), женских (2), детских (3) погребений и перезахороненных останков (4) верхнего (А) и нижнего (Б) горизонтов. Данные микроэлементного анализа костной ткани: 5 – превышение по железу; 6 – превышение по цинку и марганцу; 7 – превышение по мышьяку

(-116–119), берцовые и кости стоп (-120). Руки сложены на животе. В погребении 21, как и в соседнем 20-м, имеются прихороненные кости (погребение 19). Они были сложены в изножии могильной ямы в составе черепа (-96–113), большеберцовых и малоберцовой кости женщины 18–25 лет и происходят, видимо, из погребения 10 нижнего горизонта.

Погребения нижнего горизонта, зафиксированные на отметках -120–150 см, состояли из двух рядов. Западный ряд включал погребения 2, 26 и 27 (рис. 77 б, 81 б). Погребение 2 женщины 30–45 лет ориентировано на ЮЗ-СВ. Череп – в 3 стенке шурфа, в профиле – нижняя челюсть (-98) и левая лопатка. Сохранились ключицы, плечевая (-96), локтевая и лучевая кости (-98), правая бедренная кость (-100) и фрагмент костей таза (-97). Правая рука погребенной лежала на груди. Кости левой руки смещены при рытье ямы пог. 6, а левая бедренная и другие кости ног утрачены в 1941 г. Глубина ямы (-103–106) 72 см.

Погребение 27 открылось (-103–116 см) после снятия погребения 1 и ему предшествовало. Оглавие погребения уходит в западную стенку. Длина ямы 150 см, ширина 40–50 см, глубина (-123–127) – 90 см. Погребенная, предположительно женщина, лежала

вытянуто, головой на ЮЗ. Сохранились нижняя челюсть (-112), частично позвонки и ребра, левая лопатка (-115–119), плечевые (-114) фрагменты локтевых и лучевых костей, тазовых костей (-118), бедренные (-120) и фрагменты большеберцовых (-120) костей. Кости правой руки лежат на груди, левой – в районе таза.

Погребение 26 – в полуметре от 27-го на отметках -119–120 см, под пог. 17, которое было совершено в его яму (рис. 88). Оба ориентированы на ЮЗ-СВ. Могильная яма погребения 26 (ок. 170х45 см) имела глубину 90 см (-127–130). В яме находилось погребение мужчины (возраст не менее 40 лет). Череп отсутствует. Видимо, он был затронут при копке могилы 17 и перезахоронен в нее. Сохранились фрагменты лопаток (-121), частично ребра, плечевые кости (-120), фрагменты левой локтевой и лучевой костей, тазовые (-123, -125), бедренные (-119–121), большеберцовые (-126), частично левая малоберцовая и кости стоп (-126–128). Левая рука лежала на груди.

Восточный ряд могил включает погребения 16, 25, 28, 10 (рис. 77 б, 81 б). Погребение 16 (ребенок 5–8 лет) сохранилось плохо (бедренная кость и две большеберцовых на отметках -112–113). Ориентировано на ЮЗ-СВ, глубина его 75 см (-116–121).

Рис. 82. Дунинский могильник. Шурф 1. Владимир Сергеевич Курмановский раскладывает изученные антропологами костный материал погребений в их могильные ямы перед закой шурфа

Погребения 25 и 28 примыкают к 16-му и друг к другу, хотя и расположены на разных уровнях (25-е – наиболее глубокое). Их изножия ориентированы на ЮЮЗ, а оглавия – на запад. Ямы 26 и 27 нижнего горизонта имеют ту же особенность.

Моги́льная яма (160х35 – 45 см) *погребения 25* (мужчина 45–55 лет) фиксировалось в материке в виде пятна серо-бурой супеси (-110–115) и имела глубину 120 см (-155) (рис. 87). Череп не смещен (-135), скелет лежал вытянуто, головой на ЮЗ. Анатомический порядок не нарушен. Сохранились плечевые кости (-142), часть ребер и полностью – позвоночник (-153), кости таза и бедренные (-149). Левая рука (-142–148) сложена на животе (кисть руки – на тазовых костях -150), правая – вытянута вдоль тела. В заполнении (-129, -144) – фрагменты костей другого погребенного.

Погребение 28. Моги́льная яма в 15 см к ЮВ от погребения 25 имела вид пятна серо-бурой супеси (-120–130 см). Сохранившиеся фрагменты (-134–136) определены как диафизы длинных костей правого предплечья и часть плечевой кости. Моги́льная яма (95–100×45 см) имела глубину (-139–141) 100 см. Отсутствие черепа и большей части костей

скелета может быть объяснено тем, что погребение было нарушено могилой 20, в которой был перезахоронен череп (рис. 77 б, 81).

Столь же плачевное состояние имело и *погребение 10*, расположенное в 0,5 м к югу от предыдущего. Сохранились большеберцовые кости (-116–119), левая малоберцовая и кости левой стопы. Кости правой стопы уходят в В профиль. Ориентированы на ЮЗ-СВ. Моги́льная яма шириной 50 см читалась в профиле с уровня материка (-76–82) и имела глубину 82 см (-126–128). Наличие третьего ряда могил демонстрирует череп (*пог.* 29), выступающий из В стенки шурфа (-100) (рис. 78, в3)³.

Датировка могильника и особенности погребального обряда

Могильник датируется по находке слезницы в погребении 6. В качестве слезницы был использован миниатюрный (высота 11,5, диаметр венчика 12 см) красноглиняный грубый горшок (рис. 78 а). Он изготовлен из глины с примесью среднезернистого

³ После антропологического исследования останки возвращены на свои места и, по совершению панихиды, закопаны.

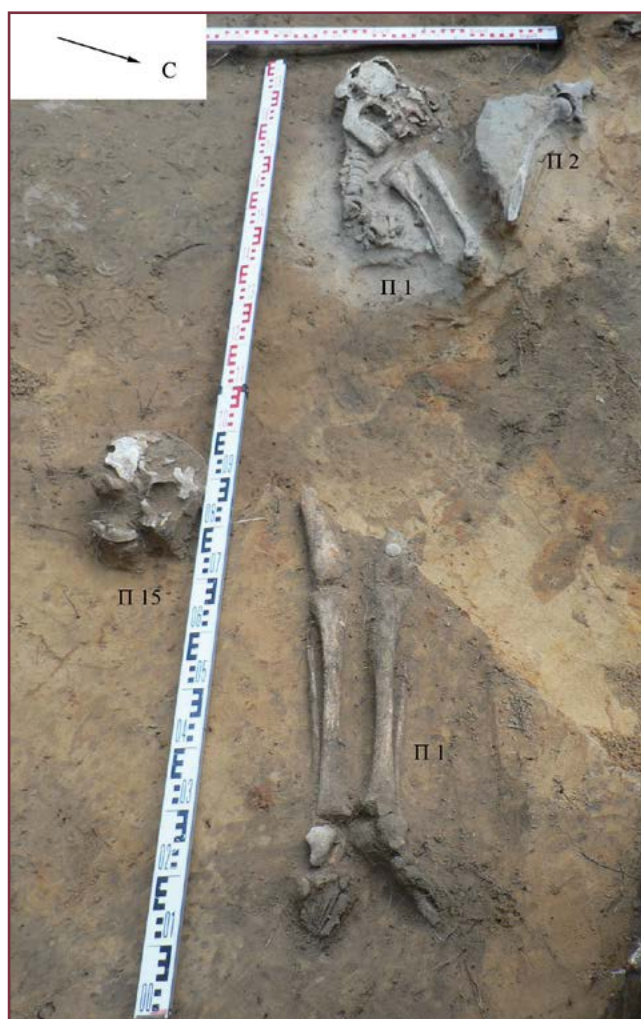

Рис. 83. Дунинский могильник. Шурф 1. Погребения 1 и 15 после расчистки. Вид с северо-востока

Рис. 84. Дунинский могильник. Шурф 1. Погребение 24 после расчистки. Вид с востока

Рис. 85. Дунинский могильник. Шурф 1. Максим Анатольевич Малышкин фиксирует погребения 20 и 21.
Вид с юго-запада

песка. Неполный окислительный обжиг дал трехслойный в изломе черепок. Поверхность заглажена, на плечике – излом, шейка, орнаментированная узором «косая волна», отогнута под 45°, венчик имеет подтреугольный валик. Аналогии находятся в комплексах из Шавыкина Дубенского монастыря

1380–1390-х гг., расположенного к северу от Троице-Сергиевой лавры на берегу реки Дубна (Чернов, 1995. Рис. 8.) и селища Козья горка в Сергиевом Посаде первой четверти XV в. (Чернов, 1999. Рис. 29, 99-К-131, 99-К-132). Дата слезницы – последней четверти XIV – первой четверти XV в. – вписывается в

Рис. 86. Дунинский могильник. Шурф 1. Юго-восточная часть. Погребения 20, 21 и 22 после расчистки. Вид с северо-востока

125-летнее хронологическое окно между двумя периодами хозяйственной активности на этом месте (1350–1475 гг.).

В северной части траншеи 1, в ее западной стенке, в 20 см к С от черепа погребения 5 (рис. 77, врезка И), обнаружен бронзовый округлоконечный наперсный крест-энколпион (рис. 78 б). Одна из его створок несет изображение триумфирующего Христа с предстоящими, другая – архангела со святыми. Аналогии происходят из некрополя храма Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже 1570–1610-х гг. (Чернов, 1999. С. 68. Рис. 4, 25, 26. С. 88) и клада Никольского погоста под Звенигородом (Алексеев, 2008. С. 57. Рис. 3 а, 32).

Погребения идентичны по обряду. Это ингумации в деревянных колодах (прослойки гумуса и тлен в погребении 24) с ориентировкой головой

на ЗЮЗ, 3 (13, 24) и СЗ (30–33). В погребениях, где сохранились кости рук, они сложены на груди покойного, иногда одна рука помещена в районе тазовых костей или вытянута вдоль тела. Распределение могильных ям по глубине⁴: 30 см – 1, 40–45 см – 3, 50–55 см – 5, 60–65 см – 6, 70–75 см – 7, 80 см – 3, 90 см – 4, 1,00–1,20 м – 3. За двумя исключениями погребения безынвентарны.

Анализ наложения могильных ям позволяет выделить три этапа функционирования кладбища (рис. 81). На первом (вторая половина XIV в.) было совершено семь погребений в двух рядах – три

4 В период функционирования могильника уровень дневной поверхности был ниже современного примерно на 10 см, поскольку последний вырос за счет выбросов из ям и отложений XVI в.

*Рис. 87. Дунинский могильник. Шурф 1. Кв. 2.
Погребение 25 после расчистки. Вид с северо-востока*

мужских, три женских и одно детское на глубинах от 72 (погр. 10) и 80 см (погр. 28), до 90 (погр. 16) и 120 см (погр. 25); четыре могильные ямы имели искривленную форму, что, возможно, связано с неровностью колод.

На втором этапе судьба ранних могил оказалась различной. Две северные женские могилы западного ряда (погр. 2 и 27) были забыты и перекрыты женской (погр. 6) и мужской (погр. 1) могилами, заложенными без учета старых рядов. Женское погребение 6 со слезницей пробило изножие женского погребения 2. Мужское погребение 1 перекрыло изножие женского погребения 27, но, будучи заложено на глубину 58 см, не достигло его уровня.

На втором и третьем этапах погребения закладывались на меньшую глубину, чем на первом. Делалось ли это, чтобы не нарушить старые погребения, или в XV в. могилы вообще стали закладывать неглубоко? Ответ на этот вопрос мы находим там, где наблюдается преемственность захоронений. Мужское погребение 17 было совершено в

*Рис. 88. Дунинский могильник. Шурф 1. Кв. 3.
Погребение 26 после расчистки. Вид с юго-запада*

старую могилу с небольшим смещением к западу. Следовательно, могилы осмысленно копались на меньшую глубину, чтобы не потревожить старые захоронения.

Тем не менее полностью избежать разрушения старых могил не удавалось, ведь на поверхности погребения отмечались лишь земляными холмиками и деревянными крестами. Копая новую могилу (погребение 17) в старой, землекопы наткнулись на череп, возвышавшийся над уровнем скелета, и перезахоронили его в новой могиле (рис. 81). Он был зафиксирован на тазовых костях погребения 17. Данная интерпретация опирается на совпадение пола и возраста перезахороненного черепа («35–40 лет») и посткраниального скелета погребения 26 («не менее 40 лет») в антропологическом заключении (см. глава 5). Судя по всему, могила погребения 17 копалась по истечении 10–20 лет после совершения погребения 26 – срока, за который в условиях песчаного грунта колода истлевала, а труп минерализовался. Через некоторое время могила 17 была задета погребением 13, ориентированным по-новому – с запада на восток. С той же ориентировкой было заложено и женское погребение 24 в колоде (рис. 84).

На третьем этапе было совершено парное погребение 20 и 21 (возможно, супругов) (рис. 85). Этот вывод, основанный на перекрытии могилой 21 могилы 24, совпадает с обнаружением в засыпке

Рис. 89. Дунинский могильник. Шурф I. Кв. I.
Погребение 27 после расчистки. Вид с юго-востока

могилы 21 венчика XVI в. К этому времени наземные ориентиры ранних могил восточного ряда (погребения 10, 25, 28), по-видимому, настолько стерлись как на местности, так и из памяти жителей, что новые могильные ямы пробили оглавия ранних могил 10 и 28. Мужское погребение 25 (рис. 87) не пострадало только потому, что было совершено на глубине 1,20 м.

И вновь, как и в случае с погребением 17, потревоженные черепа и кости были перезахоронены. Скорее всего, мы имеем дело со стереотипом поведения, который воспроизводился в случае обнаружения останков. Черепа не возвращали на прежние места и не отбрасывали, но перезахоранивали в новую могилу, возможно, с совершением определенного обряда. Кладбище функционировало около 100–150 лет, и часть перезахоронений происходила до истечения 70-летнего срока от времени погребения, то есть в «зоне памяти». Следовательно, останки воспринимались как погребения предков жителей деревни.

Выводы

Теперь нам предстоит поместить полученные археологические данные в исторический и историко-антропологический контекст. История этого владения, как уже отмечалось, известна с начала XV в., когда князь Юрий Дмитриевич Звенигородский передал с. Козинское с землями Саввино-Сторожевскому монастырю. Судя по тексту грамоты, выданной ранее 10 мая 1404 г., до перехода к монастырю жители этого владения платили князю дань, ям, подводу, тамгу, осьмничее, костки, явку, пересуд и правовой десяток. Их судили «наместницы звенигородские и волостели и их тивуны» (АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 53. С. 79, 80). В 1470–1472 гг. тогдашний князь Звенигорода Андрей Васильевич (сын Василия II) выменял у монастыря наряду с селом Козинским «селище Дундинское, да село Поречкое, да деревню Демехово, да деревню Власьевскую, да три селища Власьевские: Ивашково, да Григореново, да Якушев» (АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 58а. С. 91). Таким образом, деревня Власьевская вернулась в княжеский домен.

Жители Власьевской около 1350–1475 гг. хоронили умерших не у Никольской церкви села Козинское, а за восточной околлицей деревни – возможно, из-за удаленности от церкви. Погребения совершались по православному обряду: оглавия обращены к западу, а руки сложены на груди. Могилы имели рядность, но не были обозначены на земле валунами-голгофами или плиточными надгробиями. Глубина могил колебалась от 0,3 до 1,2 м (гл. образом 0,5–0,7 м). Большинство погребений не содержало нательных крестов и инвентаря. Находка слезницы позволяет заключить, что священник совершал над умирающим таинство соборования.

Удалось выделить ранний (вторая половина XIV в.) и поздний (XV в.) этапы развития кладбища. Лишь в одном из трех случаев позднюю могилу копали, точно зная расположение ранней. Видимо, такая преемственность была обусловлена родственными связями. Чаще поздние могилы затрагивали старые. При этом практиковалось перезахоронение черепов и других частей скелетов – жители деревни относились к останкам как к православным христианам и своим предкам («родителям»).

Полученные данные свидетельствуют о значительной степени христианизации населения этой волостной деревни. Насколько они представительны и что новое мы узнаем из них для понимания процессов воцерковления сельского населения Московского края?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть этапы развития кладбища. В 1404–1472 гг. Власьевское, включавшее не менее трех прцветавших усадеб у Можайской дороги, входило в подгородный приход, который не мог не испытывать влияния Саввино-Сторожевского монастыря – одного из монастырей Сергиевского круга. Поэтому

второй этап развития кладбища вписывается в существующие представления о христианизации сельского населения.

О раннем этапе развития этого селения известно, что оно располагалось на княжеских землях. Археологические материалы говорят о преемственной связи проживавших здесь людей с кругом населения, оставившего курганы XI – первой трети XIII в., содержавшие погребальный убор вятичей. Антропологические данные указывают на значительную роль автохтонного восточно-финского населения в формировании этой группы (подробнее об этом – в главе 5). В этот период деревня относилась к княжескому селу Козинское. Судя по археологическим данным, около середины XIV в. эти люди начали хоронить своих близких таким образом, чтобы они смогли вскоре узреть Христа, грядущего в силе и славе.

Литература

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в.: т. I–III / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Т. III. / Сост. И.А. Голубцов. М.: Наука, 1964. 688 с.
- Алексеев А.В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2008. 280 с.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шеба-нин Г.А., Шеков А.В., Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. 8. М., 2012. С. 366–388.
- Гончарова Н.Н., Чернов С.З. Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М., 2015.
- Кренке Н.А. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III, Ментальный ландшафт. Московские села и слободы / Ред. С.З. Чернов. М.: Наука, 2005. С. 293–325.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548.
- Макаров Н.А. Язычество и христианство // Археология северно-русской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 106–115.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии / Отв. ред. С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М.: ИА РАН. 1991 (Материалы и исследования по археологии Москвы: Т. 5). – 200 с.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пт.: Государственная археографическая комиссия АН СССР, 1922. 133 с.
- Чернов С.З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: НИИ культуры, 1991. С. 73–97.
- Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. / ред. Л.А. Беляев, Т.И. Макарова, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1995. С. 123–182.
- Чернов С.З. Заселение водоразделов Радонежа по данным археологических исследований сельца Никольское Поддубское // Археологические памятники Москвы и Подмоскovie. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 1996. (Тр. Музея истории г. Москвы; Вып. 9). С. 60–96.
- Чернов С.З. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны усадьбы Поречье. Т. 3. М., 1997 // Архив Минкультуры МО. 46 с.
- Чернов С.З. Археологические исследования на селище у пос. Козья горка в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22034.
- Чернов С.З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // Российская археология. 2000, № 1. С. 63–81.
- Чернов С.З. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 256–257.
- Чернов С.З. Археологические исследования объектов археологического наследия «Шестое Дунинское селище у быв. артели «Металлист» и «Грунтовый могильник Дунино» для их постановки на охрану в качестве объектов культурного наследия регионального значения в Одинцовском районе Московской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 36327. № 36328 – Альбом иллюстраций.
- Чернов С.З. Отчет об охранных археологических исследованиях шестого Дунинского селища в зоне возведения часовни кладбища деревни Дунино (Одинцовский район Московской области) в 2012 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. № 46221.
- Чернов С.З., Лебедева Е.Г. Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978–2008 гг. // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. Вып. 8. М. 2012. С. 175–203.

Заклучение

Долина Москвы-реки между столицей и Звенигородом – единственный в своем роде историко-культурный и природный ансамбль. Царственные сосновые леса, запах смолы и хвои, курганы вятичей и бескрайние луга – счастлив тот, кто увидел и ощутил в детстве красоту и гармонию исторических ландшафтов Москворечья! Каждое новое поколение жителей Москвы и Подмосковья черпало здесь запас духовных сил, получало бесценный дар приобщения в родной земле и русской истории.

На рубеже XIV–XV веков, когда возродившаяся из пепла Русь еще могла черпать вдохновение в утонченной культуре православной Эллады, на берегах Москвы-реки появляются жемчужины архитектуры – Звенигородский собор на Городке и Саввино-Сторожевский монастырь. Именно тут создал свои шедевры Андрей Рублев.

В XVII–XIX веках здесь возникли прекрасные храмовые комплексы, усадьбы московской знати,

обрамленные лучшими парками Подмосковья. В XX веке сложились стародачные поселки и санаторно-курортные учреждения с обширными зонами рекреации, которые образовали устойчивую систему расселения. Был накоплен драгоценный опыт органичного и щадящего освоения Москворецких ландшафтов, суть которого заключалась в сохранении целостности уникальной исторической среды.

Начиная с 2017 г. группа энтузиастов – жителей поселков в районе Николиной горы – начала последовательные действия по сохранению верхнего течения Москвы-реки в районе Звенигорода. В 2020 г. в целях сохранения природного и культурного наследия этой территории была разработана концепция туристическо-рекреационного комплекса «Звенигородский вектор». Цель создания «Звенигородского вектора» – сохранить исторический контекст Москворечья, исключить саму

Рис. 90. Шестое Дунино селище и Дуниноское кладбище на космоснимке 11.05.2011 г.

возможность реализации здесь безответственных проектных решений, которые имели место в условиях слома системы градостроительной охраны Московской области в 2000-е годы. Для этого предлагается перенацелить инвестиционные проекты на сохранение уникальной историко-культурной среды и сложившейся структуры расселения Москворечья, на возрождение сельскохозяйственных предприятий, а также на создание таких рекреационных и образовательных объектов, которые были бы сообразны с историческим контекстом Москворечья.

В 2021 г. концепция «Звенигородского вектора», будучи поддержана губернатором Московской области, начала осуществляться. В заказнике Масловская лесная дача была проведена реставрация Митрополичьей дороги, связывавшей села Дмитровское и Аксиньино в XV–XIX вв. Казалось, что эти планы могут быть реализованы.

Для того чтобы приступить к новому этапу работы – созданию Звенигородского музея-заповедника, – необходимо рассмотреть более подробно древности, представленные многочисленными археологическими памятниками, и семантику средневекового исторического ландшафта Москворечья, который является объединяющим элементом культурного и природного наследия этого района. Ландшафты в районе Звенигорода многообразны и наполнены историческими смыслами, которые во многом еще не изучены и требуют проведения широких археологических, историко-архивных и палеоландшафтных изысканий.

Раскопки средневековой деревни Власьевская – малая толика таких изысканий. Тем не менее они продвинули нас вперед в понимании особенностей средневековой жизни на уровне деревни – одного из паттернов раннемосковского общества XIV–XV вв.

Внутренняя колонизация

Возникновение деревни Власьевская (селище Дунино-6) относится к XIII в. – периоду трансформации древнерусских структур расселения. Как показывают исследования, эта трансформация явилась результатом внутренних процессов развития экономики и общества, но была ускорена последствиями монгольского нашествия 1238 г.¹

В середине XIII в. крупные славянские поселения, расположенные на правом берегу Москвы-реки, при которых сохранились могильники с вятичским племенным убором, пришли в упадок. Из трех Поречьевских селищ материалы

первой половины XIV в. найдены лишь на Втором² (рис. 4). На селище при могильнике Дунино-1 найдена лишь керамика курганного облика³.

Палинологическое исследование торфяной колонки из ровика кургана 31 1-го Поречьевского курганного могильника показало, что в XIV–XV вв. на полях, прилегающих к курганной группе, сформировался сосново-березовый лес. В начале XVI в. лес распространился на территорию селищ и курганов и началось восстановление коренных для этого ландшафта широколиственных (липа с примесью дуба) пород⁴.

В XIV в. на смену прежнему типу расселения приходит новый тип. Его характерными чертами является сеть рассредоточенных деревень, тяготеющих к селу Козинское (первое упоминание около 1402–1403 гг.). Ко времени составления Меновной грамоты 1470–1472 гг. на правом берегу Москвы-реки располагались селища Дудинское (на месте нынешней д. Дунино), селище Старые (южнее дома отдыха «Поречье») и деревня Власьевская (рис. 15).

Для понимания процессов, которые привели к появлению этих селений, необходимо привлечь результаты недавно проведенных историко-археологических исследований по соседнему княжескому селу Воинславское (современное Иславское), первое упоминание которого относится к 1358–1359 гг.⁵ (рис. 8). К этому селу, так же как и к Козинскому, относились первоначально земли на двух берегах Москвы-реки. Лишь после 1390-х годов, когда на службу к князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому пришел Василий Дмитриевич Минин, на левом берегу Москвы-реки сформировалась Оксиньинская вотчина, которая около 1434 г. перешла к московским митрополитам.

2 Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье и прилегающих к ней территорий. г. Звенигород. Московская область. М., 1997 г. (Центр новых технологий). Т. 2. С. 18–19.

3 Краснов Ю.А. Отчет об археологических работах в Звенигородском, Рузском и Истринском районах Московской области в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1432.

4 Спиридонова Е.А., Ершова Е.Г., Чернов С.З. Палинологические (пыльцевые) данные из стратифицированных отложений XII–XIX вв. и реконструкция исторически сменявшихся типов растительности на территории Первого Поречьевского курганного могильника // Исследование, проектирование и реставрация исторического ландшафта на территории памятника археологии XI–XIV веков 1-й Поречьевский курганный могильник. 1-й этап. М., 2003. С. 47–61.

5 «Сел(о) Выславское» упоминается в духовных грамотах вел. кн. Ивана Красного (ДДГ. С. 15, 18). Л.В. Черепнин датировал грамоты временем около 1358 г., А.А. Зимин – промежуток от 12.04.1356 по 15.11.1359 г., а В.А. Кучкин – периодом отсутствия в Москве митрополита Алексея – 6 января – 13 ноября 1359 г. (Кучкин В.А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Красного // Средневековая Русь. № 5. М., 2004. С. 241–242).

1 Чернов С.З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 168–227.

Старые связи крестьян, проживавших на обоих берегах, сохранялись. Об этом свидетельствуют тексты жалованных грамот звенигородских князей на земли Митрополии. Так, в 1526 г. волостели Воиславского пытались разверстать на жителей митрополичьего села Оксиньино повинности по рыбным ловлям, а жители Воиславского пытались участвовать в братчинах оксиньинских крестьян⁶.

Таким образом, грамоты по селу Оксиньино позволяют сделать вывод о функционировании в Воиславском так называемой служебной организации. Подобная архаическая форма управления княжескими владениями была описана польскими и чешскими историками в 1930–1950-е годы. Она состояла в том, что лично свободные крестьяне должны были работать на государство как бортники, бобровники, охотники, строители⁷. Те же структуры были описаны применительно к Руси XIII и XIV вв.⁸.

Сложность исследования ранних деревень Московского края обусловлена тем, что формирование этого типа поселений может объясняться двумя причинами. Оно может быть обусловлено потребностями внутренней колонизации и освоения территории⁹, а может быть результатом земельных раздач волостным крестьянам отдельных «пустошей» в рамках служебной организации¹⁰. Так или иначе, рассредоточенная система поселений сформировалась на землях с различными

ландшафтными и почвенными характеристиками: как на моренных возвышенностях¹¹, так и в мещерской низменности¹².

На этом фоне Власьевское демонстрирует своеобразие внутренней колонизации Москворечья. Деревня была поставлена на границе зандровой равнины коренного берега реки (Дунинское поле) и моренной возвышенности (леса к югу от Артельского оврага) (рис. 2). При этом само поселение было основано на гряде («гриве»), которая разделяет эти ландшафты.

В социальном плане Власьевское XIV в. можно рассматривать как волостную (черную) деревню села Козинское, которое на момент составления жалованной грамоты 1400–1402 гг. входило в домен князя Юрия Звенигородского (1389–1434) в городских станах Звенигорода.

Происхождение населения и его этнические корни

Раскопки на месте деревни Власьевская дали ранний тип семилопастного височного кольца типа «сельцо», характерного для вятичского женского убора в XI – середине XII в. (рис. 91) Эта находка позволяет предполагать, что первые насельники Власьевского пришли сюда из одного из запустевших поселений на берегу Москвы-реки – семилопастные височные кольца типичны для Поречьевских, Дунинского и ряда других могильников. К середине XIV в., когда начинают хоронить в Дунинском могильнике, жители деревни в этнокультурном плане, скорее всего, не выделялись на фоне населения звенигородской округи.

Тем более неожиданным оказывается открытие, сделанное в ходе работы Н.Н. Гончаровой с антропологической коллекцией Дунинского могильника. Оказалось, что для этой группы характерен тесный круг брачных связей и яркие особенности (высокий череп при невысоком лице, уплощенное переносье, высокая встречаемость предносовых ямок), которые говорят о возможном влиянии восточно-финских групп в ее сложении.

Подобные антропологические данные получены впервые для группы населения, восходящей к москворецким вятичам. Поэтому предложить сегодня их однозначную интерпретацию трудно. Это связано с тем, что изучение генетического прошлого восточнославянских племен

6 Чернов С.З. Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньины и Иславского Звенигородского удела) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / РАН, Отделение историко-филологических наук, Институт археологии, Институт российской истории. М.: Индрик, 2020. С. 246–291.

7 Buczek K. Ksiązeczka ludność służebna w Polsce wczesno feudalnej. Wrocław-Kraków, 1958; Třeštík D. Proměny české společnosti ve 13 století // Folia bohemia. I. Praha, 1979.

8 Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2, 56–74; Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. [Отв. ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров] М, 2005.

9 Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С. 112–133.

10 Аргументацию последнего объяснения см: Чернов С.З. Мужья Площевичи: владения землей в раннемосковской волости XIV–XV вв. (археологическая экспертиза разьежей грамоты АСЭИ – I – 422) // История. Электронный научно-образовательный журнал. Т. 8. Вып. 8 (62) Собственность в средневековой Западной Европе (земля – власть – право). Редакторы: Уваров П.Ю., Винокурова М.В., Кириллова Е.Н., Майзлиш А.А., Хачатурян Н.А., Цатурова С.К. М., 2017

11 Чернов С.З. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) // Археология Подмосквия. Материалы научного семинара. Вып. II. М., 2015. С. 304–338.

12 Чернов С.З. «Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 гг. // Археология Подмосквия. Материалы научного семинара. Вып. 16. М., 2020. С. 219–262.

Рис. 91. Височное кольцо типа «сельцо» XI – середины XII, найденное в раскопе 2012 г. на селище Дунино-6

в настоящее время лишь начинается¹³. Можно предложить лишь некоторые модели объяснения этого интереснейшего факта.

В настоящее время в рамках проектов, организованных отечественными и иностранными научными центрами, осуществлено генотипирование 115 образцов, так или иначе связанных с территорией Древней Руси и датируемых в пределах X–XVI вв., то есть после эпохи кремаций. Однако опубликовано всего 30 образцов, отражающих погребения восточнославянского населения.

Среди этих публикаций имеются лишь две работы, фиксирующие гаплогруппы, имеющие отношение к финноязычным народам, имевшим контакты с древнерусским населением. В 2020–2021 гг. в могильниках XII–XIV вв. между Финским заливом и Ижорским плато выделены гаплогруппы, связанные с летописной «водью»¹⁴. Вторая работа была связана с изучением генетического прошлого кривичского населения бассейна р. Клязьма. Были секвенированы костные останки из могильника Останкино на среднем течении реки Вори (Пушкинский район Московской области). Установлена принадлежность мужского погребения из кургана 4 к Y-ДНК гаплогруппе N1a, ветвь VL29 и вероятное ее отнесение к субкладу

Л1022, характерному для западных прибалтийско-финских групп (в отличие от балто-славянского субклада L550). Авторы связывают это с контактами смоленско-полоцких кривичей с кривичами псковскими (IX–X вв.), которые могли обладать долей генетического наследия автохтонного населения культуры псковских длинных курганов с ее значительным прибалтийско-финским элементом. Антропологический анализ исследуемой группы кривичей не обнаружил ее связи с восточными кривичами, испытавшими влияние восточно-финского компонента. Это подтверждает гипотезу о западном прибалтийско-финском происхождении выявленного субклада¹⁵.

В случае с группой населения, которую отражает Дунинский могильник, антропологические данные, напротив, не исключают ее близость к восточно-финскому населению более раннего времени. Поэтому предков жителей Власьевского более уместно искать среди автохтонного населения, обитавшего на среднем течении Москвы-реки в период прихода славян-вятичей в IX–X вв. Это население принято относить к балтам, nasledовавшим традиции Мошинской археологической культуры (летописная «голядь»). Однако присутствие среди гидронимов Подмоскovie как балтских, так и финских названий свидетельствует о возможном периоде не только балто-славянского, но и финско-славянского двуязычия.

¹³ Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Семенов А.С. Результаты определения гаплогрупп Y-ДНК и мтДНК для средневекового славянского захоронения XII в. в окрестностях поселка Загорянский на Верхней Клязьме (Московская область). Часть II // Русин. Т. 64. 2021. С. 9–37.

¹⁴ Мустафин Х.Х., Альборова И.Э., Стасюк И.В. Средневековый генофонд Водской земли Великого Новгорода // Stratum plus. 2021. № 5. С. 397–410.

¹⁵ Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Семенов А.С. Определения гаплогрупп Y-ДНК и мтДНК для средневекового славянского захоронения рубежа XII–XIII в. в курганный группе Останкино-2 близ Царевского городища в бассейне р. Вори (Московская область) // Русин. 2022. В печати.

Так или иначе, антропологические данные, полученные Н.Н. Гончаровой, делают Дунинский могильник уникальным объектом для палеодНК исследований, которые могут открыть нам новую страницу славяно-финских контактов в долине Москвы-реки.

Материальная культура

Раскопки, проведенные на селище Дунино-6, открыли множество деталей, отражающих хозяйственный быт и материальную культуру крестьянской усадьбы XV в. Для того чтобы интерпретировать полученные данные, их следует рассмотреть на фоне материалов других волостных деревень Московского княжества, изученных археологически.

Для этого необходимо обратиться к результатам проекта «Первые русские деревни», осуществленного автором в 2000-е гг. Тогда были проведены раскопки селищ, сохранившихся на месте трех деревень 1250–1450 гг. на северо-востоке Московского княжества. Среди них: Горбово-3 – поселение бортников в Мещерской низменности с песчаными почвами, Белухинское (Лешково-4) – поселение хлебопашцев на моренной возвышенности с глинистыми почвами и Кукарки (Протасово-3, 4) – поселение бортников на границе этих ландшафтов¹⁶. Раскопки фиксируют следы однотипных групп сооружений: жилого дома с остатками печи (изба), постройки для хранения запасов (клеть), сооружения для просушки снопов (овин). Материальная культура бедна: бытовые предметы, сельскохозяйственные орудия, нательные кресты, главным образом криноконечные, бытовавшие вплоть до 1430-х гг. Оружия нет. На селище Горбово-3 обнаружены ножи немецкого производства конца XIV–XV вв., у которых лезвие и рукоять выкованы из одного куска железа. В целом полученные материалы рисуют облик крестьянского дворовладения с весьма скромной и однородной материальной культурой, ориентированной на ведение сельского хозяйства и промыслов на небольших участках (на один двор приходилось обыкновенно около 15 десятин земли).

В то же время поселение Белухинское близ Радонежа (селище Лешково-4) выделяется из этого круга признаками большого достатка. Предметы личного благочестия более разнообразны – найдены не только бронзовые криноконечные кресты, но и серебряный крест и фрагмент серебряного оклада иконы. Особенно интересна заготовка свинцовой печати, которой скрепляли грамоты, написанные на пергамене. Подобная находка дает основания предполагать, что

помимо крестьян на поселении присутствовал княжеский «слуга под дворским» (или иное должностное лицо княжеской администрации), который мог запечатать своей печатью частный акт¹⁷.

На фоне обычных волостных деревень «двор с монетными весами» в деревне Власьевская выделяется богатством и разнообразием своего материального мира¹⁸. О пашенном земледелии говорит полица от двузубой сохи и псалий от упряжи лошади. О рыболовстве свидетельствуют грузила. Доминируют предметы из металла, в частности большое количество сапожных гвоздиков, игл и шильев, а также орнаментированные бронзовые поясные накладки, овечьи ножницы, кремневое орудие неолитического времени, которые вероятно использовались для обработки кожи и (или) меха. В связи с этим наиболее вероятным представляется, что наряду с сельским хозяйством жители двора занимались скорняжным ремеслом, обработкой кожи, а возможно, и изготовлением обуви. О зажиточности владельцев постройки свидетельствуют находки поливной посуды и биллонового перстня, о причастности к операциям с монетой – монетные весы.

В слое, перекрывающем центральную постройку усадьбы, были найдены серебряные монеты великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425), нижегородского княжества и кн. Владимира Андреевича Серпуховского (+п.05.1410), которые активно использовались до реформы 1412 г., но могли находиться в обращении и несколько позже, вплоть до конца великого княжения Василия Дмитриевича (1425). Монетные весы, которые, скорее всего, использовались в тот же период, были найдены на дне подвала избы, то есть относятся к начальному периоду функционирования постройки. Все это говорит о том, что ремесленная специализация двора, с которой и связано получение мелкой серебряной монеты, сложилась в 1410-е гг. или первой половине 1420-х гг. В то же время радиоуглеродные даты и датировка керамического материала показывают, что усадьба продолжала существовать примерно до 1450-х гг.

Таким образом, можно заключить, что жители усадьбы пережили «великий мор» 1417 и 1424–1425 гг. и династическую войну (1430–1456). Смерть вел. кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского (5.06.1434) и уход его старшего сына Василия Юрьевича со своим двором на север привели к дезорганизации Звенигородского удела. Звенигородские городские станы, принадлежавшие

16 Chernov S., Erschova E. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements.* / Ed. Jan Klápště. Volume 9. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. P. 387–406.

17 Чернов С.З. Ранняя волостная деревня в Радонеже по данным исследования культурного слоя, сохранившегося in situ: селище Лешково-4 (Белухинское) // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара.* Вып. II. М., 2015. С. 304–338.

18 Собрано 130 индивидуальных находок (Прил. 2)

Василию Юрьевичу, не стали исключением¹⁹. Тем не менее мы видим, что под эгидой монастыря, который не препятствовал ремесленным занятиям населения, в деревне Власьевская продолжается жизнь.

Жизнь эта не представляла собой сельской идиллии. Антропологическое изучение костных останков жителей деревни свидетельствует о больших физических нагрузках, которые им приходилось выполнять. Сопряженное рассмотрение микроэлементных и палеопатологических данных позволяет говорить о довольно устойчивом уровне адаптации этой группы. Основными проблемами насельников Власьевской являлись инфекционные болезни и вызванные бедным питанием дегенерация костной ткани (вплоть до остеопороза), что могло приводить к затруднению движения.

Духовная культура

Открытие Дунинского кладбища показало, что в период 1350–1475 гг. жители Власьевского погребали своих умерших не у приходского храма в селе Козинское, а за околицей деревни. Причиной тому была большая удаленность от приходского храма и необходимость переправляться через Москву-реку. Благодаря этому мы получили возможность детально изучить погребальный обряд, который бытовал в этом конкретном селении. Могила имели рядность, но не были обозначены на земле валунами-гольгофами или плиточными надгробиями. Погребения совершались по православному обряду: оглавия обращены к западу, а руки сложены на груди. Глубина могил колебалась от 0,3 до 1,2 м (гл. образом 0,5–0,7 м).

Большинство погребений не содержало нательных крестов и инвентаря. Однако на территории усадьбы, изученной раскопками, найдено три нательных креста – два квадратноконечных XV в. и криноконечный крест, бытовавший с рубежа XIII–XIV вв. до 1430-х гг. (рис. 92). Находка слезницы (в виде небольшого горшочка) показывает, что священник совершал над умирающим таинство соборования. Затронутые при копке могилы черепа более ранних погребений перезахоранивались в новой могиле – жители деревни видели в останках православных христиан («родителей»). Важно подчеркнуть, что описанный погребальный обряд распространяется не с переходом деревни к Саввино-Сторожевскому монастырю (1400–1402), а на полвека ранее, когда Власьевское было волостной (черной) деревней княжеского села Козинское.

Был проведен детальный разбор наслоений, пробитых могилами, и отложений, которые их

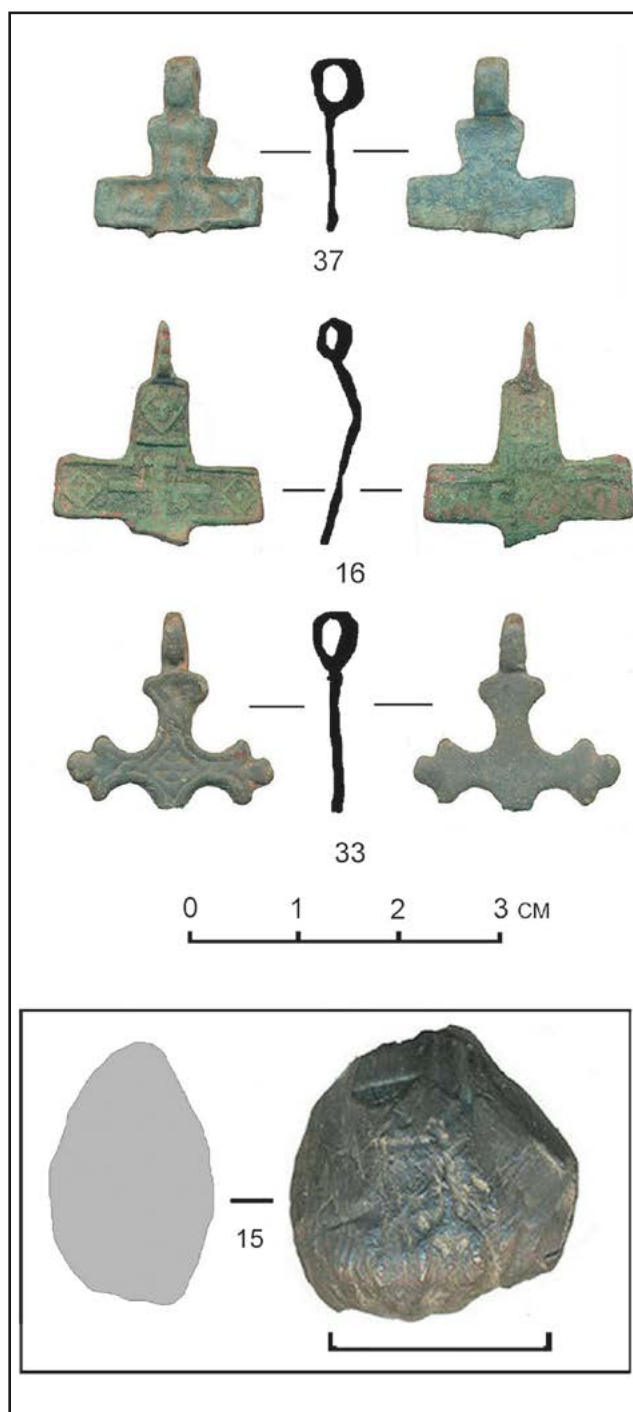

Рис. 92. Предметы личного благочестия, найденные в 2012 г. в ходе изучения усадьбы XV в. на селище Дунино-6

перекрыли. Он показал, что в период, когда действовало кладбище, жилые дворы располагались к западу от него. Это позволяет обратиться к наблюдениям, сделанным мною в 1991 г. на основании анализа взаиморасположения поселений и могильников на северо-востоке Подмосковья. Как было показано на множестве примеров, в XIV–XVI вв. «селения мертвых» выносились на возвышенные места, за пределы поселений. При этом пространства к востоку от некрополей оставались свободными от застройки. Тогда же была предложена интерпретация этой удивительной

¹⁹ Чернов С.З. Десять лет в Иславском: «слуга под дворским» и волостные люди в городских станах Звенигорода XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (Сборник статей, посвященный юбилею А.А. Горского). С. 140–144.

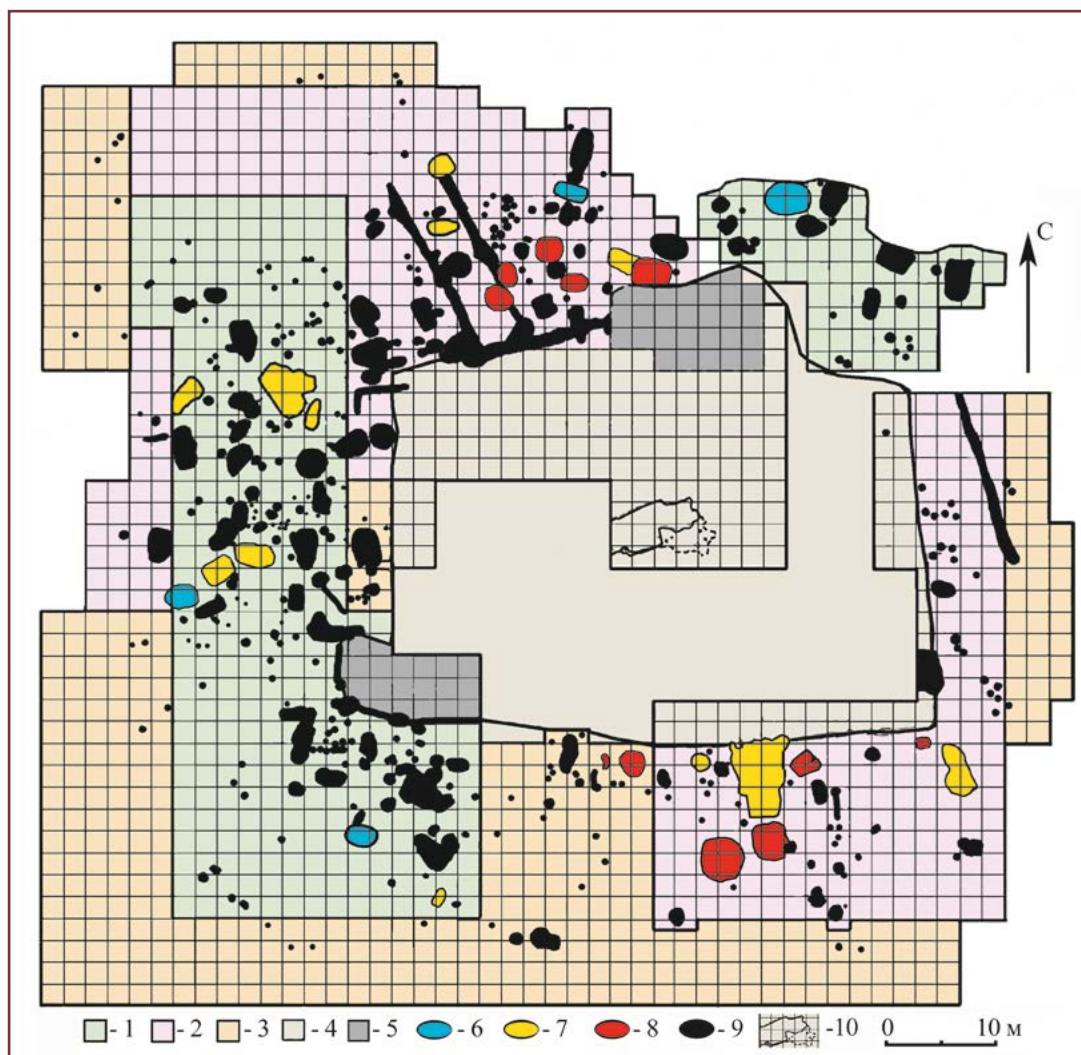

Рис. 93. Сводный план раскопок 2006-2008 гг. погоста у села Рождествено. Опубликовано: Гоняный М.И., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В. К вопросу о топографии позднесредневековых погостов Подмосковья // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С.353-364.* Условные обозначения: 1 – раскоп 2006 г.; 2 – раскоп 2007 г.; 3 – раскоп 2008 г.; 4 – исследованная часть могильника; 5 – законсервированная часть могильника; 6 – ямы, датированные XV в.; 7 – ямы, датированные концом XV – первой третью XVI в.; 8 – ямы, датированные второй третью XVI в.; 9 – ямы, траншеи и канавы, датированные по незначительному материалу в пределах XV-XVI вв.; 10 – контуры пятна храма (часовни), выявленного на уровне зачистки основания пахотного горизонта

традиции. Судя по всему, в ней проявилось стремление, свойственное каноническим установлениям раннемосковской эпохи, строго следовать учению Св. Писания о воскресении мертвых. По воззрениям той эпохи воскресшие из могил должны были узреть Господа не абстрактно, а вполне реально.

За прошедшие с того времени годы археологами в Подмосковье был изучен ряд комплексов поселения/могильник XIV–XVI вв., что позволило проверить наблюдения, сделанные в 1991 г., на материале раскопок широкой площадью. Наиболее интересным памятником в этом отношении оказались расположенные в 20 км к западу от Власьевской селища и могильник у села Рождествено. Этот памятник – близ притока Москвы-реки речки Самынки – практически полностью был раскопан экспедицией ГИМ (М.И. Гоняный) в

2006–2008 гг. (рис. 93). Материалы Генерального межевания фиксируют на этом месте пустошь Спирино – видимо, так называлось это село в XV–XVI вв. Раскопками были выявлены границы могильника. Он имел близкую к прямоугольнику форму, размеры 30–44×48–52 м и площадь 1850 кв. м. В центре его обнаружено место деревянной церкви или часовни (4×9 м). Для сравнения, размеры Дуинского могильника – 35×40 м, а площадь менее 1400 кв. м, то есть он лишь немного меньше Рождественского. Жилые и хозяйственные сооружения селища у села Рождествено были датированы с точностью до половины, а порой и четверти столетия. В результате оказалось, что в XV в. постройки располагались к северу и юго-западу от кладбища, а в конце XV – первой половине XVI в. была застроена территория к югу от могильника (рис. 93). Территория к востоку от

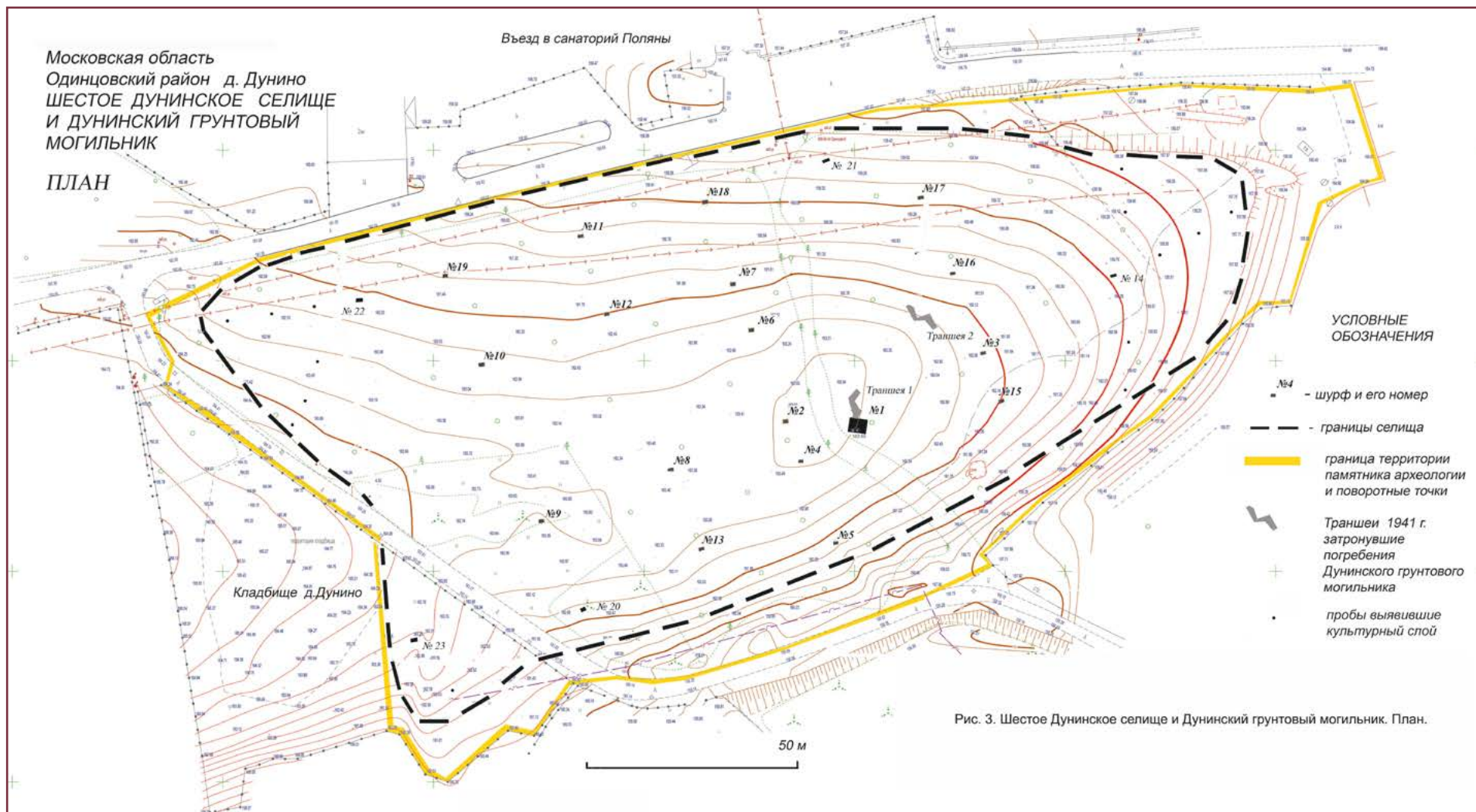
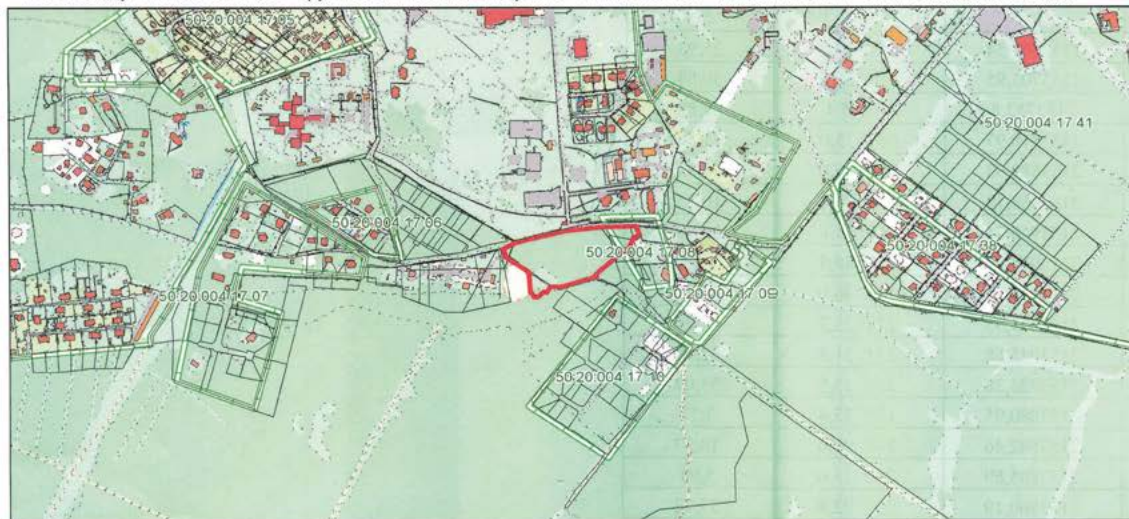

Рис. 94. Топографический план памятника «Шестое Дунинское селище и Дунинский могильник». 2012 г.

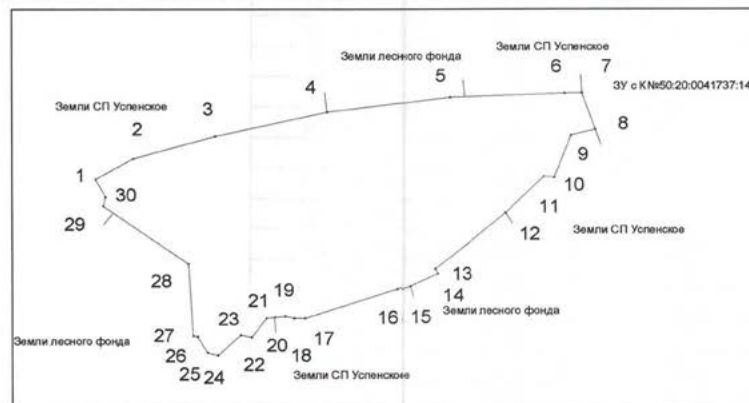
**Схема расположения земельного участка
на кадастровом плане (кадастровой карте) территории**
площадью 26605 кв. м для постановки на государственную охрану памятника археологии
"Шестое Дунинское селище и грунтовый могильник Дунино" I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., XIII - XVI вв. Масштаб 1 : 10000

Описание земельного участка

1. Московская область
2. Одинцовский район
3. сельское поселение Успенское
4. в районе д.Дунино
5. Площадь земельного участка: **26605 кв.м.**
6. Земли лесного фонда
7. для размещения памятника археологии
8. Использовать по целевому назначению
9. Геоданные см. на обороте

- испрашиваемый участок
- границы кадастрового квартала
- земельные участки сведения о которых внесены в ГКН

Масштаб 1 : 2500

Описание границ:

от 29 до 4, от 5 до 6, от 9 до 12, от 15 до 20 - Земли СП Успенское;
от 4 до 5, от 12 до 15, от 20 до 28 - Земли Лесного фонда
от 28 до 29 - Земли Лесного фонда, Земли СП Успенское
от 6 до 9 - Земли ЗУ с КН № 50:20:004/1737:144

9. Геоданные

Название №№ знака	X (м.)	Y(м.)	Дирекционный угол (град. мин)	Мера линий (м.)
1	465411,26	2153681,54	059° 47,2'	25,93
2	465424,31	2153703,95	073° 55,5'	50,84
3	465438,39	2153752,8	077° 5,1'	67,88
4	465453,56	2153818,97	082° 33,0'	71,56
5	465462,84	2153889,93	087° 49,0'	68,31
6	465465,44	2153958,19	088° 43,1'	10,15
7	465465,67	2153968,34	161° 14,8'	24,48
8	465442,49	2153976,21	255° 49,3'	14,7
9	465438,89	2153961,96	200° 36,0'	28,45
10	465412,26	2153951,95	274° 23,7'	6,29
11	465412,74	2153945,68	224° 21,8'	32,04
12	465389,83	2153923,28	230° 15,9'	55,04
13	465354,65	2153880,95	153° 25,4'	3,37
14	465351,63	2153882,46	244° 26,6'	18,37
15	465343,71	2153865,89	253° 35,6'	5,94
16	465342,03	2153860,19	251° 22,8'	57,72
17	465323,6	2153805,49	270° 16,4'	6,27
18	465323,63	2153799,22	283° 27,0'	5,42
19	465324,89	2153793,95	263° 31,0'	6,23
20	465324,19	2153787,77	263° 31,0'	4,94
21	465323,63	2153782,86	215° 57,3'	14,91
22	465311,56	2153774,11	281° 49,0'	6,63
23	465312,91	2153767,61	226° 40,2'	18,47
24	465300,24	2153754,18	285° 0,7'	6,41
25	465301,9	2153747,99	329° 24,5'	11,57
26	465311,86	2153742,1	282° 31,4'	2,78
27	465312,46	2153739,38	356° 44,9'	45,44
28	465357,83	2153736,8	305° 47,0'	62,44
29	465394,34	2153686,15	013° 19,9'	5,89
30	465400,07	2153687,51	331° 56,8'	12,68

Утверждено:

Министр культуры Московской области

А.Н.Губанков

Согласовано:

Начальник АПУ по Одинцовскому району

Ю.А.Савинский

Специалист АПУ по Одинцовскому району

А.С.Астахова

Рис. 95. Кадастровый план земельного участка памятника «Шестое Дунинское селище и Дунинский могильник». 2012 г.

кладбища не была застроена²⁰. Это показывает, что жители Спирино следовали описанной выше традиции в расположении кладбищ.

Интересные наблюдения на этот счет были сделаны в 2021 г. на материалах селищ Суздальского Ополя, где выявлен 21 могильник XIII–XV вв., из которых на пяти проведены раскопки (Шекшово-2, Кибол-3 Михали-3). Исследования показали, что привычная для Московского региона XIV–XV вв. погребальная обрядность складывается здесь довольно рано (погребения Шекшово-2 датируются не позднее начала XIV в.)²¹. На двух из трех могильниках (Кибол-3 Михали-3) восточный вектор в размещении сельского некрополя был прослежен. Для могильника Шекшово-2 он выражен в меньшей степени²².

А.Н. Федорина, А.М. Красникова, проводившие исследования на этих памятниках, справедливо ставят вопрос о необходимости точной фиксации жилых участков, синхронных могильникам XIV–XV вв. Иначе нельзя ответить на вопрос о том, размещались ли дворы восточнее некрополя. Кроме того, они ставят вопрос о том, в какой мере люди того времени знали, что ставят кладбище на месте прежних дворов. В связи с этим А.Н. Федорина, А.М. Красникова определяют хронологическую лауну от запустения поселенческих окраин до устройства погребений. Как помнит читатель, этот вопрос для Дунинского могильника удалось решить. Для трех могильников Суздальского Ополя лауна составляет, соответственно, 40–100, 100, 50–120 лет, то есть равнялась времени жизни двух-трех поколений, так что участок кладбища «смутно осознавался как место в границах

поселения»²³. Добавим, что в целом эта лауна превышает 70 лет, то есть срок, за пределами которого воспоминания людей о прошлом сменяются «устной традицией»: упрощаются, стереотипизируются и сохраняются в виде топонимов, гидронимов, легенд и преданий.

Тема представлений человека периода средневековья о том, где уместно, а где неуместно размещать кладбище, была рассмотрена мной в работе 2005 г. на материалах опросов старожилов Подмосковья²⁴. Эта тема важна для понимания менталитета и особенностей православной антропологии той поры²⁵. В то же время необходимо принять во внимание, что, устраивая кладбище к востоку от поселения на месте некогда бывшей застройки, крестьяне действовали в рамках традиции, о которой мы ведем речь.

Можно заключить, что расположение могильника относительно жилой застройки в каждом конкретном случае оказывается важным источником исторической информации не только о степени воцерковления, но и об особенностях представлений сельского населения Московской Руси.

Завершая рассказ о работе, проделанной коллективом исследователей на Шестом Дунинском селище, нельзя не упомянуть о том, что в 2002 г. этот памятник археологии был поставлен на государственную охрану (приказ Комитета по культуре Администрации Московской области от 06.05.2002 № 146), а в 2012 г. были установлены границы селища и могильника (рис. 90, 94–95).

20 Гоняный М.И., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В. К вопросу о топографии позднесредневековых погостов Подмосковья // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С.353–364

21 Федорина А.Н., Красникова А.М. Пространство жизни и пространство смерти: локализация средневековых сельских кладбищ Северо-Восточной Руси на материалах Суздальского Ополя // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии истории. М.: Индрик, 2021. С. 246.

22 Федорина А.Н., Красникова А.М. Пространство жизни... С. 247.

23 Федорина А.Н., Красникова А.М. Пространство жизни... С. 248.

24 Чернов С.З. Сакральная топография Московской Руси в устной крестьянской традиции: освящение кладбища // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. III. М.: Наука, 2005. С. 13–28.

25 Эта тема изложена в работе: Чернов С.З. Кризис Халкидонской антропологии в XV в. и формирование Русского национального государства. Краткое изложение концепции // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке / отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров. М., Калуга. 2020. С. 60–90.

Приложение 1

Каталог микротопонимов в районе деревни Дунино

(Глазунова О.Н., Чернов С.З.)

Памятники исторического ландшафта, исторической планировки и исторического землепользования XVII – начала XX вв. в районе усадьбы Поречье (Чернов С.З.) // Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье и прилегающих к ней территорий. г. Звенигород. Московская область. М., 1997 г. (Центр новых технологий). Т. 3. Раздел 5.

5.1. Источники по изучению исторического ландшафта
Локализация системы поселений, сложившейся в районе сел Козино и Поречье в XIV–XVI вв. и упоминаемых в актах и писцовых книгах невозможна без предварительного изучения историко-географической ситуации. Без подобной работы не осуществима и фиксация на местности ценных элементов исторической среды. В связи с этим на основе архивных материалов и данных устной традиции было предпринято изучение исторического ландшафта, исторической планировки и исторического землепользования в пределах земельных дач сел Козино и Поречье, а также некоторых сопредельных земель.

Данные письменных источников и картографические материалы XVIII–XX вв. Наиболее раннее картографическое изображение села Козино и территории между ним и Звенигородом находим на плане А. Свиязева 1684 г. (рис. 111, 112¹).

Детальная фиксация земельных границ, поселений и гидрографической сети была проведена в ходе Генерального межевания, которое осуществлялось в исследуемом районе в 1760-е годы. Результаты данных работ нашли отражение на Планах земельной дачи села Козино (рис. 114) и с. Поречье (рис. 115), хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

В 1844 г. территория земельной дачи с. Козино была разделена на 16 участков, которые отражены на планах специального межевания. В частности, был привлечен План 7-й части земельной дачи с. Козино 1844 г. Этот план исследовался по двум экземплярам, а точнее, вариантам, которые хранятся соответственно в РГАДА (рис. 116) и Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ) (рис. 117). Сопоставление этих вариантов между собой и с планом дачи с. Козино Генерального межевания 1760-х гг. показало, что после проведения межевых работ в 1840-е гг. новонамежеванные границы были нанесены на старый план 1760-х гг. В результате оказалось, что ряд элементов ситуации были нанесены на нем в период Генерального межевания неточно. Например, русло реки Москвы было показано значительно ближе к селу Козино, чем его действительное положение, которое теперь было зафиксировано межеванием. Была сделана попытка нанести на старый план уточненное положение русла реки, что фиксируется на архивном плане (рис. 114). С учетом этого обстоятельства, а также данных описания смежных земель плана 1844 г. (рис. 117 – см. копию и расшифровку описания) был составлен **план-реконструкция деления земельной дачи с. Козино на участки в 1844 г.** (рис. 124).

Ценность информации, содержащейся на планах генерального и специального межевания и отраженной на плане-реконструкции, весьма значительна. Во-первых, она позволяет локализовать на современной геоподоснове первый этап земельных разделов исследуемой территории. Во-вторых, план 1844 г. содержит в своем титуле перечень населенных мест (с. Козино, д. Дунино, Нижняя Грязь) и пустошей (Девапина, Клочкова, Сахалонкина, Степанкина, Тагенева, Харупина, Вы...но, луг Курилов, Сопигина, Власова), которые локализируются в пределах

7-го участка земельной дачи с. Козино. Этот список дает в руки исследователя возможность локализовать некоторые из поселений, входивших в земельные владения с. Козино в XV–XVI вв. и упомянутых в Меновной грамоте Угличского князя Андрея Васильевича 1470–1472 гг. (прил. 2).

Следующий период натурных топографических съемок связан с деятельностью Военно-топографического депо, возглавлявшегося Ф.Ф. Шубертом. Работы проводились в 1850-е гг. и нашли отражение в Топографической карте Московской губернии 1860 г. (рис. 113). Карта отражает состояние ландшафтов района в предреформенный период, до начала дачного строительства.

Ко времени крестьянской реформы 1861 г. относится комплекс данных, отраженных в Уставных грамотах, Владельческих записях и соответствующих планах (рис. 118, 119; прил. 3, с. 12–19).

В 1870–1910-е годы в правобережных частях земельной дачи с. Козино развернулось дачное строительство. Ряд архивных материалов этого времени был выявлен в ЦИАМе (рис. 120, 121).

Первая тахометрическая съемка в районе Звенигорода проводилась в 1922–1928 гг. На ее основе была составлена карта «Москва и окрестности» 1930 г. (рис. 125).

Современная ситуация анализировалась по карте ГУГК масштаба 1:25 000, основанной на съемках 1956, 1963 гг. и напечатанной 7.10.1972 г. (рис. 126).

Данные устной традиции. Рассмотренные выше архивные материалы содержат весьма не полные данные о составе угодий селений Козино, Поречье, Сальково и Дунино. В связи с этим было предпринято изучение устной микротопонимической традиции указанных селений. Опросы старожиловского населения были проведены О.Н. Глазуновой по методике, разработанной автором при изучении древнего Радонежа в 1980-е гг.² и дополненной в ходе работ 1990-х гг.³ Ценность устной традиции заключается в том, что в отличие от архивных данных она дает представление обо всей системе угодий этого селения. Кроме того, в ней в кристаллизованном виде присутствует осознание ценности природных и рукотворных угодий и урочищ, которые составляли неотъемлемый элемент традиционной культуры сельского населения. Полный текст опросов приводится в **приложении 3**. Сноски на страницы приложения 3 даются в скобках.

Ниже приводится свод памятников исторического ландшафта, исторической планировки и исторического землепользования XVII – начала XX в. в районе усадьбы Поречье. Расположение их отражено на **карте** (рис. 127).

2 Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989. С. 413–438; Карта-вкладыш.

3 Чернов С.З. Устная микротопонимическая традиция центральной России: прошлое, настоящее, будущее. По материалам исследований 1993–1995 гг. на северо-востоке Московской области // Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья. Доклады и сообщения четвертой региональной научно-практич. конференции «Москва и Подмосковье». Москва, 20–21 декабря 1995 г. М., 1996. С. 191–194.

1 Здесь и далее в публикуемом тексте сохраняем рисунки в круглых скобках, которые мы по техническим параметрам издания не имеем возможность воспроизвести. В косых скобках даны номера рисунков настоящего издания.

5.2. Земельная дача сельца Поречье и д. Сальково

Ценным источником для изучения данной территории является Геометрический план земельной дачи сельца Поречье⁴ (рис. 115), дополняемый Экономическими примечаниями 1789 г. (прил. 3). Среди населенных пунктов, существующих сегодня на этих землях, старожильское население сохранилось лишь в д. Сальково. Опросы, проведенные в этой деревне, позволили значительно дополнить архивные свидетельства

Устная традиция д. Сальково. Медников Семен Сергеевич.

Наиболее полно устная традиция деревни представлена записью, сделанной от Семена Сергеевича Медникова 1919 г. рождения (приложение 3, с. 11 – далее в ссылках указывается лишь номер страницы). Семен Сергеевич является прямым потомком (по мужской линии) одного из семи орловских крестьян, переселенных в период крепостного права на место нынешней деревни и положивших основание этому поселению: «Ну, я здесь родился. Отец мой здесь родился, дед даже родился... Мое фамилие тоже Медников. Вот. А... кого привезли сюда, ... наверное, прадедова отца, что-то так, потому что крепостное право было отменено в тысяча восемьсот шестьдесят втором году» (с. 11). Мать Семена Сергеевича родилась в с. Козино (с. 16). Семен Сергеевич проживает в старой части деревни, напротив пруда («Дом этот отец строил. Был старый дом. В двадцать втором году он начал вот этот дом ставить. Семья была большая» (с. 11).

Хорошее знание угодий объясняется тем, что он всю жизнь проработал в колхозе: «Я здесь после войны, и до войны, куда не уходил, так в колхозе и работал трактористом, комбайнером. А потом мне запретили. У меня руки стали плохие. Запретили врачи, дали инвалидность. Ну, у меня и фронтовая была. А потом запретили мне работать, поставили бригадиром. Вот деревня Сальково, Марьино, примерно тысяча гектар земли было в моем распоряжении» (с. 13). Отец Сергея Михайловича «был конюхом в колхозе». Сергей Семенович участвовал в Советско-Финской и Отечественной войнах («Всю блокаду прожил. Три брата погибли с этого дома и отец») (с. 11).

Как и в других подмосковных селениях, огромный урон мужской части народонаселения, носителям устной традиции, нанесла Великая Отечественная война: «У нас в деревне, – рассказывает С.С. Медников, – погибло тридцать два или тридцать три человека из деревни. Из некоторых домов... по четыре, по пять человек, братья. Вот у Калаутовых, значит: Сергей, Илья... Так, Илья, Петро. Дмитрий остался жив, пришел так же, как и я. Еще кто же? У Ереминых: Борис, еще во время финской был. Борис, Алексей, Дмитрий, Сергей. Пять человек с дома. Ну, тридцать три, чего ж?! Считаю: сорок домов – тридцать три человека погибли. А вот нас осталось сейчас всего в живых, пришло-то больше, а в живых остались: значит, Василий Андреевич, я, Тихон, одна женщина – Свергунова, и Хайлов – пять человек в живых пока осталось. Еще живем. А умерло много уже, здесь, после войны» (с. 13).

1. **УСАДЬБА ПОРЕЧЬЕ**⁵ (рис. 134, 135). В 1766 г., на момент проведения генерального межевания сельцом Поречье «с принадлежащими к нему пустоши и со всеми землями» владел лейб-гвардии прапорщик Иван Алексеев сын Лихарев. В 1789 г. в сельце Поречье Ивана Алексеевича Лихарева имелись «господский дом деревянный», «скотный двор деревянный», 16 крестьянских дворов, в которых было 87 душ мужского и 92 женского пола». Под селением было 20 дес. 34 саж⁶. Судя по плану, оно располагалось параллельно краю коренного берега р. Москвы на месте нынешнего дома отдыха «Поречье». О занятиях крестьян Экономическое примечание 1789 г. сообщает: «Крестьяне состоят на издольи. По р. Москве торгуют лесом; промышляют хлебопашеством и рыбной ловлею, к чему они радетельны. А некоторые имеют кузнечное ремесло».

Около 1799 г. имение перешло во владение действительного тайного советника князя Ивана Васильевича Несвицкого. В этом же году было начато возведение нового ансамбля усадьбы. Планировалось построить «главный дом, построенный на каменном этаже с двумя галереями при нем и с двумя флигелями по концам от каменного пояса до фризу весь кругом обшить гладко и плотно тесом; ... на 2-х вновь построенных каменных корпусах, что против главного дому, рубить вновь деревянное строение» (прил. 3, с. 7). В 1803 г. в сельце было 12 дворов (прил. 3, с. 9).

В 1813 г. кнг. Н.И. Несвицкая обратилась в Московскую духовную консисторию с прошением о строительстве домово́й церкви. Но прошение было отклонено.

В 1808 г. имение было продано Татьяне Ивановне Бахметевой⁷. О судьбе имения во время нашествия французов сведений в источниках не сохранилось. Известно лишь, что 29.10.1814 г. Т.И. Бахметева продала Поречье Ольге Ивановне Евреиновой, вдове капитана Михаила Яковлевича Евреинова (прил. 3, с. 9). В 1816 г. имение приобретает комиссионер Лев Александрович Цербачев, а в 1830 г. им владел коллежский асессор Михаил Васильевич Курманалеев (прил. 3, с. 10).

В 1835 г. имение состояло за женой штабс-капитана и кавалера А.А. Азаревича урожденной Анной Антоновной Русовой. В сельце Поречье тогда было 67 душ. В 1839 г. Александр Аполлонович овдовел, оставшись с тремя детьми: Иаковом, Екатериной и Варварой. Имение с сельцом Поречье и д. Сальково с 86 душами м.п. переходит к нему. По сведениям 1848–1858 гг., А.А. Азаревич женат на Наталье Александровне Измайловой, вдове Майковой. В сельце Поречье в этот период было 10 дворов с 65 душами мужского и 69 женского пола. В д. Сальково – 10 дворов. Душ соответственно – 13 и 10 (прил. 3, с. 10).

В 1869–1870 гг. имение Поречье с д. Сальково и пустошью Пригожиной, лежащей в 6 верстах (610 десятин), было приобретено купцом Николаем Тордионовым Куманиным, который в 1870 г. перепродал его коммерции советнику Александру Ксенофонтовичу Медведникову. С 1890 г. Поречье принадлежало Елизавете Михайловне Медведниковой.

Выходцы из Иркутска золотопромышленники Медведниковы изменили облик Поречья. Во многом он сохранился до наших дней. В 1895 г. Е.М. Медведникова получила разрешение на возведение храма Казанской Богоматери (см. ниже). Перед своей кончиной она завещала 70 тыс. рублей на устройство воспитательного дома для девочек. Сыновья Елизаветы Михайловны – Иван и Логин Логиновичи – исполнили завет матери. Они устроили в Поречье богадельню для заштатных священнослужителей и больницу. 26.06.1899 г. митрополитом Московским Владимиром был утвержден Проект устава приюта. Этот документ фиксирует состояние усадьбы ко времени кончины Е.М. Медведниковой. В ней имелся «большой дом о двух этажах – нижний каменный, а верхний деревянный с мезанином... флигель о двух этажах... каменный храм и отдельная от него также каменная колокольня»⁸.

В 1914 г. в «Приюте и богадельне имени И. и А. Медведниковых, в сельце Поречье ...для престарелых мужчин и женщин всех сословий православного вероисповедания и проживающих в Московской губернии имелось 10 домов» проживало 60 лиц мужского и 70 женского пола (прил. 3, с. 21).

Период, когда Поречье принадлежало Е.М. Медведниковой, отражают воспоминания местных жителей. В частности, от С.С. Медникова был записан рассказ, основанный на воспоминаниях его родителей, относящихся к концу – началу века:

«Тут парк был – Поречье. Парк так и назывался, барыни этой. Ну, он был окоечен. Никакого там забора не было, ничего. Она содержала скот. У ней был... староста, наверное... Поля она обрабатывала – вот собирала людей. Вот ведь приезжают оттуда, от нее, ее руководитель или начальник. Она же сама не работала. Вот.

4 РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Д. П – 5 с.

5 Местоположение топонима под соответствующим номером можно видеть на прилагаемой карте.

6 1789 г. Экономические примечания Звенигородского уезда (РГАДА, ф.1355, оп.1, д.761. Л. 11 об. № 76.)

7 История усадьбы излагается по работе: «Историческое развитие земель района Поречье Звенигородского района», подготовленной в составе предпроектных историко-архивных исследований (В.Н. Выборный. Институт «Гипрогор»).

8 ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 541. Д.19. Л. 126–127 об.

Приезжает в деревню, идет к старосте. В деревне старосты были. И вот говорит, что завтрашний день вы должны мне собрать к четырем часам утра. Это отец, мать мне все рассказывали. Значит, ну, двадцать мужчин с косами. Косить будут. Это с четырех часов утра. И косят они, примерно, часов до десяти. А женщин тоже, допустим, двадцать, приходят, разбивают эту вот траву и, значит, сушат. Или, когда живо начинается. Раньше же руками все делали. Там она сеяла тоже рожь, пшеницу. Вот. И женщины с двух деревень. Марьино и Сальково она собирала» (с. 12).

В 1919 г. приют был взят на учет Аксиньинской волостью и преобразован в экономию «Поречье». В 1923 г. здесь сохранялся сад на площади 2 десятины (32 яблони) 50-летнего возраста. Оранжереи были уничтожены. Имелось 4 парника. Хозяйство было отнесено ко второй категории (прил. 3, с. 26). В 1923 г. в усадьбе были организованы сельхозартель, школа кустарей и Детская воспитательная школа искусств.

В настоящее время здесь размещается дом отдыха «Поречье» и есть подсобное хозяйство.

2. ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКОЙ БОГОМАТЕРИ В УСАДЬБЕ ПОРЕЧЬЕ. Церковь Казанской Богоматери – ныне утраченная – была заложена 16 июня 1896 г. и освящена в 1900 г. в имении золотопромышленников Медведниковых к востоку от центрального корпуса усадьбы (прил. 3, с. 19, 20, 28). В настоящее время на месте храма расположен фонтан (рис. 96, 136). В ЦИАМ сохранились планы и фасады храма (рис. 138–140).

Запись о церкви была сделана в д. Сальково от Михаила Алексеевича Раненкова, 1949г. рождения. Михаил Алексеевич рассказал, что он слышал от своего деда (по отцу) и матери, которая посещала церковь: «Там есть и новые... здания, есть и старое. Старое – это бывшая барская усадьба. И там была церковь. Вот у меня даже фотография сохранилась (рис.). Очень красивая, по слухам. Она стояла... на холме на высоком. («На самом на Москва-реке на холме», – дополняет рассказ сына Александра Михайловна, заставшая церковь). В ней... сделали МТС. В тридцатые годы. И холм весь срыли... Старый этот барский дом, он... очень красивый был в свое время, хотя его... и переделывали много раз... А это была вообще жемчужина, судя по всему» (с. 5).

Церковь располагалась «рядом с... корпусом старым. Вот тут корпус, потом там липовая аллея, она еще сохранилась здесь. И вот шло прям вот к этой церкви, насколько я понимаю. Вот это опять же со слов... Я ее сам ни разу не видел...» (с. 5)

Михаил Алексеевич передал для копирования фотографию интерьера храма, которую сохранил в своем архиве его дед Иван Дмитриевич Раненков (рис. 137). «А дед у меня, – пояснил он, – был очень набожный... Я сдавал даже архивы его в Звенигородский краеведческий музей. Здесь... даже купель там вот из этой церкви... Она сохранилась, купель, стоит вот на дворе. Он здесь даже... прятал священников в свое время, когда были гонения. А его младший брат (Иван Дмитриевич), их было три брата: Петр Дмитриевич и Алексей Дмитриевич. Алексей Дмитриевич, значит, был, наоборот, настроен за красных. И он этих священников, значит, закладывал» (с. 5).

«Он, ну, разговаривал с моим отцом когда-то, вот я случайно, так сказать, при этом разговоре присутствовал... Вот дед был очень набожный, и поэтому он, видимо, ну, что-то, может быть, делал для церкви... Еще где-то была фотография прихода, но она пропала... сам батюшка там в середине. И вот много-много монахов там с ним».

В д. Сальково сохранялись и некоторые иконы из Поречьевской церкви, но они были похищены («У Нинки вот утащили иконы. Они тоже были из Поречья принесены. А иконы были! ... Они в Москву уехали жить. И все вот уперли, все, до одной иконы. И куда-то увезли» – с. 6).

3. СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ В ПОРЕЧЬЕ. Имеются, впрочем, весьма смутные, устные свидетельства о кладбище в Поречье. Сообщение о нем было записано от Александры Михайловны Раненковой: «Рядом, рядом с Поречьем. Вот перед... девятиэтажкой... Вот на Поречьях. Дом отдыха «Поречье». А это дальше сюда в лес, вот там живут (сотрудники дома отдыха. – С.Ч.). И вот там за сотрудниками такой... воротами загородили...» (с. 10, 11). Соседка А.М. Раненковой добавляет: «...Мне говорили: «Как ты, – говорят, – дежуришь?! Там же кладбище было. Мы бы не смогли

(с. 11). Вероятно, речь идет о кладбище, создание которого предполагал Устав Приюта им. Медведниковых 1899 г. (см. выше).

4. ПАРК УСАДЬБЫ ПОРЕЧЬЕ. Парк расположен к югу от усадьбы на высоком берегу р. Москвы, между нею и Прешпектом (рис. 96). Парк показан на Планах земельной дачи имения Поречье 1766 г. (рис. 115). Естественный сосновый лес был дополнен липовыми аллеями, что создало английский парк редкой красоты.

С.С. Медников: «Это был барский лес. Парк. Так и назывался – Барский парк. Он был неогороженный. Был просто кювет. Но там... ну, крестьянин или кто-то зайти туда нельзя было, чтобы срезать этот лес, ни в коем случае, потому что был у ней... вроде (управляющий. – С.Ч.)» (с. 12).

5. ПРЕШПЕКТ – часть дороги, ведущей от д. Сальково к усадьбе Поречье. Начиналась дорога от южной окраины деревни (она не претерпела изменений вплоть до нашего времени) и пролегла через лес Задняя роща (см.). К северу от Задней рощи дорога эта именовалась Прешпектом («Рошу пройти – и Прешпект», с. 14). Она вела по восточному краю поля вплоть до парка усадьбы. В парке дорога переходила в прямую аллею, которая также именовалась Прешпектом (рис. 134).

С.С. Медников сообщает об этой дороге следующее: «... Здесь, к Поречью – Прешпект назывался. Прешпект. Это к Поречью, вот к имению, к этой барыне Прешпект» (с. 13). «Прешпект... От Медведихи к Салькову. Были посажены, ну, наверное, березы, березы. Дорога шла проселочная. ...Друг против друга, может быть, метров на десять стояли березы. Сейчас пропали все... Ничего там не осталось. Дорогой еще мы так, ходим. Но тут дачи сейчас строят очень большие» (с. 14).

6. КОЛОДЕЦ. С Прешпектом топографически связано воспоминание о колодце. «Эта гора... Там был колодец на самой горе – барыня тоже копала, чтоб наполнялся пруд. Вот. Прокопали канаву, поставили там колодец, и вода в пруд поступала все время. Ну, уже при колхозе эту канаву... Расширяли поля. И закопали этот колодец, и сейчас в пруду нет воды. Нарушили. Был председатель колхоза – Король Иван Васильевич. Украинец. Ну, расширяли поля для посева, чтобы... Уже стала техника, а канавка эта мешала для обработки полей, потому что она разделяла. Там кусок поля был – семдесят шесть...» (с. 13).

7. РУЧЕЙ ВДОЛЬ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРАЯ ПАРКА. Ручей начинается из источника и протекает по глубокому оврагу-каньону, окруженному по правой стороне бором, а по левой – живописными лужайками с отдельными соснами и липами.

8. СТАРАЯ МОЖАЙСКАЯ (СТАРОЗВЕНИГОРОДСКАЯ) ДОРОГА. «Старая Можайская дорога» показана на планах генерального межевания с. Поречье 1766 г. и с. Козино 1760-х гг. (рис. 114, 115). Ко времени составления Плана 1844 г. тракт обратился в проселочную дорогу и показан под названием «из селца Поречье в село Иславское» (рис. 116).

Судя по указанным планам, пролегла по улицам нынешних селений Марьино и старую часть д. Сальково (в 1760-е гг. не существовала). Далее дорога вела через поле (в настоящее время улица коттеджного поселка) к юго-западному углу ограды санатория «Поречье». От этой точки трассы старой дороги пролегает шоссе из Звенигорода в санаторий «Поречье». Далее дорога сохранилась в лесном массиве (рис. 108, 109). Участок дороги, пролегающий вдоль южного контура полей д. Дунино (вдоль северной ограды артели «Металлист»), обращен в шоссе, которое ведет вплоть до с. Иславское (фото на рис. 105 – см. описание под № 65).

9. ПОЛЯ В РАЙОНЕ УСАДЬБЫ ПОРЕЧЬЕ. В 1789 г., как свидетельствуют Экономические примечания к Генеральному межеванию, в имении Поречье под пашнями находилось 201 дес. 740 саж.: «Земля качество имеет песчанное и без довольно удобрения всякий год к плодородию не способна. Из посеянного на ней хлеба лучше родится рожь и овес, а пшеница, ячмень и другие семена посредственно. Сennie покосы против других жителств преимущественные» (прил. 3, с. 6).

Примерно половина полевой земли, судя по Плану 1766 г., лежала к востоку от усадьбы вплоть до Задней рощи (см. ниже) и Большой Можайской дороги (рис. 115). Сопоставление Плана 1766 г. с современной ситуацией (см. рис. 126) показывает, что в

настоящее время на этих территориях располагаются:

- на западной стороне лощины, проходящей к востоку от усадьбы, – подсобное хозяйство Поречье;
- на восточной стороне лощины, соответственно с севера на юг: пионерлагерь (в сосновом лесу), детский сад (в сосновом лесу), жилой поселок Поречье;
- далее к востоку в сосновом лесу пионерские лагеря РАН;
- к югу от шоссе Звенигород – санаторий Поречье – комплекс пионерлагерей до Задней рощи.

Обращение к Топографической карте 1860 г. свидетельствует о том, что к середине XIX в. эти поля сохранялись (рис. 113). Восстановление коренной растительности началось во второй половине XIX в. и в основном завершилось к 1920-м годам (рис. 125).

ю. ДЕРЕВНЯ САЛЬКОВО. План земельной дачи сельца Поречье 1766 г. фиксирует на месте нынешней деревни (южная, старая ее часть) трассу Старой Можайской дороги. К северу от дороги располагался лесной массив (Задняя роща, которая в настоящее время находится в 250 м от красной линии деревни), а к югу – пашни (рис. 115). На Топографической же карте Московской губернии 1860 г. на этом месте показано небольшое селение в виде улицы, стоящей параллельно дороге к северу от нее и пруда – к югу от нее (рис. 113).

Деревня была создана между 1808 и 1814 гг. в период, когда имением Поречье владела генерал-майорша Татьяна Ивановна Бахметева. В купчей на имение сообщается, что «29 октября 1814 г. генерал-майорша Татьяна Иванова дочь Бахметева продала капитанше О.И. Евреиновой крепостное свое недвижимое имущество, доставшееся по купчей... 1808 г. от действительной тайной советницы княгини Настасьи Ивановны Несвицкой, состоящее Звенигородской округи в сельце Поречье и деревне Салькове с перевезенными во оно селцо из других моих вотчин дворовыми людьми» (прил. 3, с. 9).

В 1848–1858 гг. «в деревне Сальковой все крестьянские избы и их хозяйственные строения выстроены вольнонаемными плотниками и каменщиками на счет помещика из хорошего покупного леса, крыты тесом, некоторые избы поставлены на каменном фундаменте. Усадьба земля находится в середине самой господской дачи» (прил. 3, с. 11) С 1861 по 1866 г. происходил выкуп крестьянами земли, передававшейся им в постоянное пользование (см. род № 11). В 1861 г. в деревне числилось 13 дворовых и 38 крестьян мужского пола (прил. 3, с. 12).

Старожилы деревни помнят, что Сальково возникло в прошлом столетии в результате переселения трех семей крестьян из Орловской губернии.

Вот как рассказывает об этом С.С. Медников: «Так, значит, когда еще было крепостное право, здесь, – вот сейчас там дом отдыха, – здесь была барыня, ... Медведиха, по-моему... Она имела имение свое... В это время она выиграла эту деревню в Орловской области на карты – семь домов. Семь домов. Медниковы, Клаутовы, Еремины, Еремины. По-моему, еще Колесниковы. В общем суть семь домов она выиграла на карты. Привезла их сюда. Там около имения она заселять не стала, а вот поселила вот здесь вот. Это начиная от края, вот от того (Семен Сергеевич указал на западный край деревни. – С.Ч.), семь домов... (До этого на месте деревни. – С.Ч.) ...был просто кустарник, лес, болото... Она... заставила выкопать, первым делом она на горе построила собашиник. Собак держала... Ну, у ней были рабочие, содержали собак. Ну, она скот имела: лошадей, коров, значит. Наверху, на горе вот там, она построила собашиник. А для деревни, для того, чтоб, значит, деревня существовала, она крепостных заставила копать пруд. Вот этот пруд, примерно метров семьдесят пять длиной, ну и шириной пятьдесят» (с. 11).

Название деревни местное предание связывает с именем одного из жителей деревни: «Был такой житель – Салкин, фамилия Салкин. Откуда он взялся – этого я не знаю. И вот он начал организовывать против крепостного права население. Сам ушел в леса, в лес. Этот лес почти что до Москвы. И в честь его было названа деревня Сальково. Был(а) у нас в деревне... книжонка даже вот всей этой истории... Вот это все вот старые жители...» (с. 11).

Другая упрощенная версия этого исторического воспоминания была записана от Михаила Алексеевича Раненкова, который передает рассказ со слов старожилов старшего поколения:

«В Петербурге это все было. Проиграл в карты вот тот орловский барин... три семьи... из Орловской губернии. ...Эти три семьи сюда перевезли, вырыли им пруд. Они сами тут поставили три дома и начали жить. ... Этот пруд, напротив который, он был вырыт именно тогда... для этих самых поселенцев. А так лес был кругом. ... Надо вот к Борису Романовичу (Серпионову. – С.Ч.) сходить... Его отец занимался... какая-то летопись, видимо, сохранилась даже... Его предки были в числе первой волны вот. Одна из трех (семей. – С.Ч.). А наша уже, так сказать, вторая волна была переселенцев. В общем, здесь вот деревня, она очень сильно отличается от местных аборигенов, то есть вот даже по количеству людей с высшим образованием... Потому что это в общем инородная деревня, ... не подмосковная... Она формировалась из орловских выходцев. ... Где-то... в середине... прошлого века... В восемьдесят восьмом году у нас здесь был праздник деревни... столетие деревни было» (с. 9, 10).

К 1930 г. возникли еще две слободки, которые соответствуют центральной части нынешней деревни. Восточная же улица сложилась в послевоенный период.

ю. А. ПРУД ДЕРЕВНИ САЛЬКОВО. Показан при д. Сальково на карте Московской губернии 1860 г. (рис. 113). По воспоминаниям старожилов, пруд был выкопан при основании деревни (см. выше под № 9).

п. ПОЛЯ Д. САЛЬКОВО (рис. 166). Судя по плану 1766 г. земельной дачи слц. Поречье, дальнейшее поле располагалось широкой полосой вдоль Старой Можайской дороги (рис. 115). На юге поле смыкалось с межей земель с. Введенское-Першино. На север поле достигало межи земель с. Козино на участке, который соответствует нынешней южной границе санатория «Поречье» и хозяйственной зоны санатория. Размеры этого поля равнялись примерно 100 десятинам.

Ко времени проведения крестьянской реформы вдоль северо-западного края этого массива полей возникла д. Сальково. Одновременно общие размеры полей, если верить Топографической карте Московской губернии (рис. 113), несколько сократились. Из Уставной грамоты 21.02.1861 г. следует, что крестьянам принадлежало в районе деревни 100 десятин (124 дес. 1283 кв. саж. общего надела – 21 дес. 853 кв. саж. отхожей пустоши Пригожиной, лежащей в 6 верстах от Поречья, и 2 дес. 1400 кв. саж. лугов в помещичьем лесу) (прил. 3, с. 13; см. также с. 18, 19).

В 1921 г. «всей пахотной земли в селении Сальково имеется 65 десят. разбитых на 5 полей по 13 десят. в каждом поле». «Весной 1921 г. Звенигородский Уездотдел отвел деревне еще 22 десятины «из имения Поречье» (прил. 3, с. 25). Таким образом, по сравнению с 1861 г. размеры полей несколько сократились.

Без серьезных изменений данная ситуация сохранилась и в 1920-е – 1930-е годы, которые отражены в воспоминаниях жителей деревни. С.С. Медников рассказывает: «А тут поля, много их, полей. Вот поле. Тут, наверное, около ста гектар. Вот, где сейчас стройка. Там... по правую сторону, если к нам в деревню, восемнадцать гектар, по левую сторону – двадцать четыре гектара» (с. 12). В 1930-е гг. «был свой председатель в каждой деревне. В Марьино был один колхоз... В Сальково – другой. В Дүнино – третий. Введенское там... В каждой свой был колхоз» (с. 4). «Бывало, это поле пока его засеют, вот... от этих домов и до (Академий) вот до этих (то есть до санатория «Поречье». – С.Ч.). Лагерь – так у нас тут был лагерь. Тут и дети отдыхали. И все приезжали. В лесочке, хорошо. А поле было, как, бывало, овса засеют, как пойдет жнейка жать, нас – вязать. Вообще как-то жилось даже веселее. А сейчас совсем нехорошо стало» (А.М. Раненкова. с. 5).

12. КОРЧЁВКА – поле к востоку от д. Сальково, возникшее в послевоенный период (рис. 164). На карте «Москва и окрестности» 1930 г. на этом месте показан лесной массив. «Корчёвка. Сейчас там Попов дачу выстроил. Это деревня корчевала для себя поле. Ну, там сеяли вику, овес... Это вот за деревней... к краю, где сейчас санаторские дома пятиэтажные, там сейчас дача Попова, она. А раньше вот деревенские там... раскорчевывали пни и после пасли там лошадей, коров. Сеяли там овес, помню, горох, ячмень. Ну, сейчас там все застроили» (с. 12). Весьма вероятно, что раскорчеваны были поля, заросшие между 1861 и 1821 гг., когда в Московской губернии наблюдалось некоторое сокращение пахотных земель (см. № 11).

13. ПОЛЕ ОСИННИК – поле к юго-востоку от старой части

деревни, возникшее в послевоенный период (рис. 165). С.С. Медников, на памяти которого это произошло, вспоминает: «Вот здесь был ... лес. Вот сейчас, после войны, его срезали. Это примерно пятнадцать гектар. Так и называлось – Осинник. Вот как назывался. Осинник назывался. Но там были дубы, елки. После во..., во время войны его спилили на дрова. Куда-то увозили отсюда по железной дороге. Это во время войны. А после остались одни пни. Были уже МТСы, организовались. И вот колхоз раскорчевал около пятнадцати гектар леса, и сейчас уже сеют. Он так и остался, поле. Вот от пруда он начинался, и туда, метров двести пятьдесят до горы туда, а потом в эту сторону». Весьма вероятно, что раскорчеваны были поля, заросшие между 1861 и 1821 гг., когда в Московской губернии наблюдалось некоторое сокращение пахотных земель (см. № 11).

14. НА ПОРЁЧЬЯХ (ПОРЁЦКИЙ) ЛУГ. По Экономическим примечаниям 1789 г. имения Поречье, под сенокосами находилось 68 десятин. Все они располагались на пойменном лугу, который лежал к северу от усадьбы, напротив Можинского леса (рис. 130, 131 – передний план).

В начале нашего века крестьяне деревни Сальково владели частью луга на правом берегу Москвы-реки, напротив села Козино. Наиболее последовательно историю земельных владений на Поречьевском лугу изложил С.С. Медников: «Луга. Там, значит, половина было барское, луга, под Козинём. Так и назывался луг. Часть земли принадлежала барыне, часть – Попов был, вот здесь, в санатории. Вот. Часть... Попову, а... Беер был, немец. Немец. Беер он. Ну, он сам врач ухо-горло-носа был. Я немножко его помню. Беер. А звать, не могу сказать. Вот этот луг большой. Можинка выше. Здесь проходит Москва-река, и вот этот луг. Он, значит, у нас. Уже он перешел в совхоз, в колхоз, в совхоз – пятьдесят семь гектар было совхозного этого луга, и пятьдесят или с... сорок с чем-то, это принадлежало подсобному хозяйству Поречья... после барыни оно там организовалось, подсобное хозяйство. ... Пятьдесят семь гектар перешло... колхозу сперва... Колхоз «Красный клевер» назывался. А потом объединили, стал совхоз «Звенигородский» (с. 12).

Надо полагать, что около 57 гектар бывшего луга Поречьянского «барыни» (Елизаветы Михайловны Медведниковой) – это и есть луг, входивший в имение Поречье (в 1789 г. 68 десятин). Около 50 гектар, перешедших в колхоз «Красный клевер» (д. Сальково) – не что иное, как Заречный луг, входивший в земельную дачу с. Козино и располагавшийся восточнее (см. о нем ниже под № 1).

Воспоминание А.М. Раненковой, переехавшей в Сальково в конце 1930-х годов, несколько сбивчиво. «... На Порёчьях есть луг... Это Порёцкий луг был, – вспоминает она – Порёчье... Там Порёцкий луг был, большой. Он и сейчас остался, этот луг. Большой луг, большой. А там отходила, часть была, и колхозу нашему (Сальковскому. – С.Ч.). И мы там сено косили, убирали... А через Москва-реку – это уже было Козинё... Там тоже мы косили сено, и убирали, и капусту там выращивали. Все было. Там луг большой. (Угол) был по Москва-реке, и все на Порёчье» (с. 5). Из этого текста извлекаем название луга, данное с вариантами.

После войны, по словам А.М. Раненковой, на этом лугу еще сохранялись земли Сальковского колхоза: «До угла почти Москвы-реки было. Мы же (жители Салькова) там ведь и косили, и стоговали там. И капуста там была... И мы работали там, и стоговали, и стога там. Все вручную. И капусту там выращивали какую хорошую. Но порядочно было отрезано от Порёчьа». «А после войны, – дополняет М.А. Раненков, – уже укрупнение было. Уже все это было, общий колхоз-то был с правлением в Введенском» (с. 9).

15. ДОРОГА ИЗ ПОРЕЧЬЯ НА ГОЛИЦЫНО. Эта дорога представляла собой часть системы дорог, которые соединяли селения, располагавшиеся близ Звенигорода, со станцией Голицыно Белорусской железной дороги. На Топографической карте Московского уезда 1860 г., отражающей ситуацию до прокладки железной дороги Смоленского направления, отсутствуют как шоссе Звенигород – Голицыно (через Введенское и Скоротово), так и другие дороги, выводившие к этому шоссе. Дорога из Поречья в д. Чигасово показана как обычная лесная дорога (рис. 113). Карта «Москва и окрестности» 1930 г., основанная на съемках 1920-х гг., дает уже иную ситуацию. Показано

шоссе из Звенигорода к ст. Одинцово, а дорога из Поречья в д. Чигасово имеет выход на это шоссе (рис. 125).

«Как же лес? – вспоминает С.С. Медников. – Он идет вот шесть километров. Там деревня Чигасово есть. Лесом. Вот дорога была здесь, значит, ездая. Раньше железной дороги сюда не было. На Голицыно ездили через Чигасово, Хлюпино, вот, лесом... Никого там покрытия, ничего не было. На лошадях ездили» (с. 13).

С прокладкой узкоколейки от Голицына до ст. Хлюпино (1920 г.), а затем и открытием железнодорожного сообщения до ст. Звенигород (декабрь 1922 г.)⁹ дорога, соединявшая Поречье со ст. Одинцово, потеряла свое значение.

16. СРЕДНЯЯ ДОРОГА К ЧИГАСОВУ. «К Чигасову, если вот этой дорогой, Средней, – называется Средняя дорога, – к Чигасову, там болото большое» (С.С. Медников, с. 14).

17. ДОРОГА ВО ВВЕДЕНСКОЕ ЧЕРЕЗ 45-Ю БОЛЬНИЦУ. Дорога эта, представляющая ныне часть шоссе Звенигород – санаторий «Поречье», возникла в начале века. «Она тоже старая... – вспоминает М.А. Раненков 1949 г. рождения, – этот вот серпантин такой был, как на Кавказе... Там мостик был, машины иногда падали с этого (серпантина. – С.Ч.). Сейчас там напрямую сделано... насыпь насыпали. Это было... году в семидесят первом» (с. 6). Дорога с серпантином показана на карте ГУГК 7.10.1972 г., основанной на съемке 1956, 1963 гг. (рис. 126).

18. ЗАДНЯЯ РОЩА. Сосновая роща, расположенная среди полей д. Сальково, к северо-западу от старой части деревни. Роща ограничена на севере пионерлагерем и шоссе, ведущим из Звенигорода к санаторию «Поречье» (№ 17). «Это у нас Задняя роща, а тут черники было! И белые росли. Это уже не так давно. Ходили с ребятами. А сейчас все застроили. Вот сколько домов уже!» (А.М. Раненкова, с. 8). «Называлось Роща, Задняя Роща» (С.С. Медников, с. 12).

«Раньше Роща была, Роща. Потом... открыли строительство: Литфонд... А после Литфонда... пионерлагерь Академии наук, детские сады. А так была только проселочная дорога по этой Роще, и все, посередине, между подсобным хозяйством, между Благодать, вот между дачей Беера. Здесь была роща, Березовая роща называлась» (С.С. Медников, с. 16).

Речь в последнем отрывке идет о проселочной дороге, которая начиналась от центральной части д. Сальково и пролегла по восточному краю рощи и далее по восточной части нынешних пионерлагерей. Дорога эта шла лесом между усадьбой Поречье и поселком Благодать. Дорога показана на карте «Москва и окрестности» 1930 г. В самом конце своего описания С.С. Медников переходит к другой местности – Березовой роще в районе дачи Беера.

19. ЛЕСА ИМЕНИЯ ПОРЕЧЬЕ. По Экономическим примечаниям 1789 г. в пределах земельной дачи слд. Поречье имелось «лесу строевого – 150 дес., дровяного – 331 дес. 644 саж., неудобный – 6 дес. 992 саж... Лесу довольно соснового, елового к строению годного, толщиною в срубе от 4 до 7 вершков, вышиною от 5 до 7 сажень. Дровяного множество соснового, елового, березового и осинового. В лесах находятся звери: медведи, лисицы, зайцы; птица: тетерева, рябчики, белые куропатки, ястреба, коршуны, дикие голуби, горлицы, скворцы, дрозды, перепелки, кукушки и прочие мелкие; в полях: журавли, а при водах разных родов дикие утки и кулики, цапли»¹⁰. За исключением небольшой Задней рощи (см.) лесные массивы располагались к юго-востоку от полей нынешней д. Сальково (рис. 115).

20. КУРГАН У Д. САЛЬКОВО. «Вот как идти на Чигасово. Ну, вон он, его видать в лесу. Из дома выйдем... От деревни, ну, двести пятьдесят метров. От пруда двести пятьдесят метров». (С.С. Медников, с. 15)

21. ХАЛЯВА – речка правый приток р. Москвы. «(Под) Мяррино речка протекает, называется Халёва. Да, она впадает в Москва-реку. Москва-река у нас недалеко же. Речка Халёва. И овраги, Мяринские овраги. Там они из лесу вот из этого идут, из этого лесу, как из Чига... на Чигасово идти, и вот лесом-лесом и

⁹ Аверьянов К.А., Митронов Н.Н. Введенское // Одинцовская земля. М., 1994. С. 119.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д.761. Л. 11 об.

подходит к Мърьино... Халыва – это голенище по-украински, голенище, то есть вот сапог, а от сапога голенище. Ну, наверное, из-за этого Халыва» (С.С. Медников, с. 14). Под названием Халыва речка показана на карте ГУГК (рис. 126).

22. ДЕРЕВНЯ МАРЬИНО. Располагалась в XIX в. по обе стороны Старой Можайской дороги, на правом берегу реч. Халывы (рис. 113). К 1930 г. застройка деревни расширилась вплоть до бровки берега реки (рис. 125).

23. СОСНОВАЯ РОЩА ВДОЛЬ СТАРОЗВЕНИГОРОДСКОЙ ДОРОГИ. Часть лесного массива, расположенного на левом берегу речки Халыва (см. ниже) к юго-западу от д. Марьино, вдоль Старой Можайской дороги. Устная традиция д. Сальниково сохранила воспоминание об интересном примере посадок леса, производившихся по воле владельцев имения в с. Введенское: «Сосновая роща... Старозвенигородское... шоссе, к Звенигороду как. Да? Вот сосны такие корабельные. Да? Вот сажала в том числе и моя ба(бушка)... ее мать. Она сама из Введенска. И мы, бывало, с ней – когда... уже она была в Дунино замужем – мы вот как идем... она говорит: «Дочка, а ведь это я лес-то сажала... Нас же гоняли на поденную». Тогда на поденную. И вот там лес весь аллеями. Сейчас лес-то тот стали (выпиливать). Сосны рядками сидели. Красота!» (Александра Михайловна Раненкова, с. 4).

24. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ Д. МАРЬИНО. Реконструировано по данным Карты Московской губернии 1860 г. и карты «Окрестности Москвы» 1930 г. (рис. 113, 125). Вся северная часть полей д. Марьино, а также территория, которую ранее занимала западная часть Задней рощи, в 1993–1997 гг. застроена коттеджным поселком.

25. ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ЗАДНЕЙ РОЩИ. Утрачена. Располагалась к северо-западу от д. Марьино. Реконструировано по данным Карты Московской губернии 1860 г. и карты «Окрестности Москвы» 1930 г. (рис. 113, 125).

26. ЛЕСНИКОВА (ЮНОВОСА) ПОЛЯНА. Поляна в 1,3 км к востоку от деревни Сальково. Место сторожки лесника, показанной на карте «Москва и окрестности» 1930 г. (рис. 125). Иван Егорович Руленков из Дунино помнит, что до войны «Юносов там лесник жил. А потом там про... проложили трассу газовую. И вот туда все с... санатория «Поречье», был культмассовый работник, там. Помнишь, которого убили? Он туда водил все – это дубы Левитана, дубы... Никаких дубов и Левитана (там) не было. Дубы Левитана за Звенигородом. Некуда отдыхающих водить – вот приведут туда... Вот как раз на этой поляне, где Юносова сторожка стояла, ... туда водил... смотреть дубы Левитана. Туда дальше в лес где-то была Федяева сторожка» (с. 21).

«Лесникова поляна. Вот отсюда, километра два, вот в этот лес, там была сторожка лесникова. Вот. Ее сейчас называют «Поляна Левитана». Ну, это просто отдыхающим экскурсоводы придумали сами. А так там лесник, лесничий жил. В лесу одна семья. Это я помню даже. Здесь есть просек. Если идти по этому просеку. Сейчас там газовую линию провели по этому просеку. Ну, два километра от деревни... Вот между два прудика маленьких в лесу... вроде как воронка после снарядов, такие... Они существуют и сейчас... Там жил лесник. Юсупов его фамилия, я помню еще, после войны помню. Он до войны был» (с. 13, 14).

27. ЧИГАСОВСКОЕ БОЛОТО. Болото в районе дороги из Сальково на д. Чигасово (с. 14).

28. ВЕДЕНЬЕ – ПОЛЯНА В ЛЕСУ. Уникальная запись об этом древнем урочище была сделана от С.С. Медникова 1919 г. рождения: «Вот идти если на Чигасово, по Чигасовской дороге, Веденье называется там место. В лесу... Там стояла часовня... От Салькова по Чигасовской дороге... Ну, это будет километра три, так, два с половиной... Между Дуниным и Сальковым вот так идти... И здесь в лесу овраги... И вот около оврага, там на поляне. Там маленькая полянка. Стояла часовня. Я не знаю как, туда люди ходили, нет ли, но она, по всей вероятности... Деревянный домик, да... В этой часовне стояла кружка ... медная с отверстием. Туда опускали, кто идет мимо, заходит, опускали монеты. Ну, а народ так же, ходил. Ну, и за грибами ходили, и дрова ходили собирать. Это сейчас мы не ходим в лес, потому что газ есть и электричество есть. А тогда топились дровами. Дров у нас было полно» (с. 14, 15).

Речь идет о поляне, на которой располагался погост Введения Пресвятой Богородицы. Поляна была описана Г.И. Фивейским в работе, опубликованной в 1879 г. Эта работа представляет собой одно из первых селищ XIV–XVI вв., сохранившихся на полянах-осёлках как особого типа археологических памятников раннемосковского времени¹¹ (краткое изложение работы см. прил. 2. с. 2).

5.3. Правобережная часть земельной дачи с. Козино (поселок Благодать, дача В.Р. Бейера, усадьба Попова, козинский лес, дача Э.П. Ульмера)

Возвышенный коренной правый берег р. Москвы между землями быв. усадьбы Поречье на западе и землепользованием д. Дунино на востоке является основным объектом исследования настоящей работы. Поэтому он требует самого внимательного историко-ландшафтного исследования. Однако как в письменных источниках XVIII–XX вв., так и в устной традиции данная территория отражена недостаточно полно. Причин тому было несколько. Этот обширный лесной массив, который на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. был лишен какой-либо застройки, относился к земельной даче с. Козино. Ни крестьяне с. Козино, ни владельцы самого козинского имения практически не вели здесь хозяйственной деятельности, что и обусловило уникальную сохранность леса. Поэтому на планах генерального и специального межевания лесной массив показан весьма обобщенно. Лишь границы земельных владений указаны с точностью, которая позволяет локализовать их на современной геоподоснове (рис. 168). Остальные элементы ситуации до их идентификации с современными ориентирами требуют проведения историко-топографического анализа.

В настоящем разделе автором использованы материалы по истории дач второй половины XIX – начала XX в. исторической записки об усадьбе Поречье и местечке Благодать, подготовленной в связи с принятием 24.10.1986 г. решения Звенигородского городского Совета просить исполком Мособлсовета об изменении границ г. Звенигорода, а также материалы, подготовленные и любезно предоставленные В.Н. Выборновым.

В 1844 г. правобережная часть земельной дачи с. Козино была поделена между внуками адмирала Григория Андреевича Спиридова (рис. 117, 124). Соответственно, участки были закреплены:

Участок 5 – за камер-юнкером Алексеем Алексеевичем Спиридовым (позднее поселок Благодать),

Участок 7 (западнее позднейшей усадьбы Попова) – за действительным статским советником Александром Матвеевичем Спиридовым (позднее дача В.Р. Бейера),

Участок 4 – поручицей Натальей Ивановной Толстой (позднее дача В.Р. Бейера),

Участок 3 – за коллежским ассесором Андреем Матвеевичем Спиридовым, владельцем основного массива земель левобережной части земельной дачи с. Козино (будущая усадьба А. Попова)

Участок 7 (восточнее позднейшей усадьбы Попова) – за действительным статским советником Александром Матвеевичем Спиридовым,

Заречный луг был поделен так, что его основная часть вошла во владение Андрея Матвеевича, которому досталось село Козино, а южная окраина луга вдоль леса в виде ломаной фигуры оказалась в составе 7-го участка.

Внешние (южные) границы земельной дачи, а также границы 3-го участка реконструируются на местности в виде рвов, которые зафиксированы на геоподоснове 1989 г. (1:500) (рис. 168).

Во второй половине XIX в. указанные части земельной дачи были поделены на небольшие усадебные и дачные владения и проданы под устройство дач. Земельные границы и

¹¹ Фивейский Г.И. Летопись Спасо-Преображенской церкви Звенигородского уезда, что в селе Введенском Першино тож, с древних времен до Литвы // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1879. № 8. С. 56–66, № 9. С. 68–108.

владельцы дач устанавливаются на основании целого ряда источников. Среди них следует назвать:

- «Сведения о населенных местах» 1914 г. (ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2, Д. 893. Л. 22–78 об.) (прил. 3, с. 20, 21). Содержит перечень дач с их названиями и именами владельцев,
- недатированный план участков (ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 16, Д. 668. Л. 1) (рис. 120),
- журнал измерения и абрис, веденные в 1918 г. землемером А.Т. Лызукиным при исполнении землеустроительного дела об отводе земли коммуне при быв. имении Бейер (ГАМО – титульный лист рис. 122). Поскольку плана при журнале не сохранилось, он был вычерчен заново геодезистом МАЭ В.В. Петровым и наложен на современную геоподоснову (рис. 168),
- дела 1918–1921 гг. о коммунах в быв. имении В.Р. Бейера, даче И.М. Глаголевых («Любимец хутора»), даче Э.П. Ульмера («Курган») и земельной артели «Объединение», в которую эти коммуны вошли в 1921 г. (прил. 23–28).

Устные свидетельства применительно к данной территории лишь дополняют данные.

Собранные данные были локализованы на современной геоподоснове (рис. 168).

29. БЛАГОДАТЬ, поселок (5-й участок Козинской земельной дачи).

Дачный поселок, сохранившийся до наших дней, расположен в лесном массиве на коренном берегу р. Москвы. На западе граница соответствует меже Козинской земельной дачи с землями Поречья, на севере – контуру Заречного луга, на востоке – восточной границе дачи А.И. Россалимо, локализуемой по теодолитному ходу 1918 г. Южная граница между 1844 и 1918 гг. была несколько смещена на юг (рис. 168, №№ 4, 5, 7).

Название поселок получил по имени дачи **Ивана Матвеевича Глаголева** (прил. 3, с. 20), которая расположена в западной его части (рис. 168, № 7). После революции 1917 г. владелец дачи уехал из России, и в 1918 г. на территории усадьбы разместилась коммуна «Любимец хутора» им. Бельмер (прил. 3, с. 24). Последними владельцами дачи были Никифоровы, которые продали ее санаторию «Поречье». Дом с мезонином сохранился до нашего времени и был в 1993 г. отреставрирован новыми владельцами (Фонд милосердия при Шараповской церкви).

Восточнее дачи И.М. Глаголева, за оврагом, расположена дача, которая в 1914 г. принадлежала **Надежде Ивановне Смирновой** (прил. 3, с. 20). Границы первоначальной усадьбы фиксируются теодолитным ходом 1918 г. (рис. 168, № 5). После революции дача была приобретена инженерами А.В. Хлудовым и Д.Л. Поляковым.

Восточнее дачи Н.И. Смирновой в 1914 г., в местечке «Соснычки», располагалась дача химика и гидрогеолога **Александра Ивановича Россалимо** (1868–1939 гг.), младшего брата психиатра Г.И. Россалимо (приобретенная у Кондратьевых). Границы первоначальной усадьбы фиксируются теодолитным ходом 1918 г. (рис. 168, № 5).

В настоящее время топонимы Поповка и Благодать воспринимаются как эквиваленты. Вот, например, что сообщил о них Михаил Алексеевич Раненков 1949 г. рождения: «*Поповка... Потому что поп там жил. Поповка, Благодать еще одно название... Благодать, это вот прямо тут березовая роща... Где... эти курганы-то...*» (с. 10). Наш информатор, принадлежащий к поколению людей, родившихся после войны, подчеркивал, что топоним «Поповка» чаще употреблялся людьми прежнего поколения: «*Их поколение все время «Поповка», «Поповка».*» (М.А. Раненков, с. 10). Следует, впрочем, заметить, что мать Михаила Алексеевича Раненкова различала эти топонимы: «*И Благодать и Поповка тут рядом были*» (А.М. Раненкова, с. 10).

«*Местечко Благодать. Красивое место было! Рядом там Москва-река проходит. Ну, сейчас там все застраивается... Я вот сколько живу, так и называлось оно – Благодать. А почему называлось Благодать... Ну, там то же самое, раньше жили богатые люди. Вот Беер жил там. Име., ну, не имение, а дача. Хорошая дача у него. Поля у него там были вот на лугу на этом. Теперь там Хлудовы... инженера какие-то были. Хлудовы. Дача. Потом еще, чьи ж дачи... А сейчас, не знаю, сейчас все застраивают*» (С.С. Медников, с. 15).

30. УСАДЬБА (ДАЧА) БЕЙЕРА (4-й и части 7-го и 3-го участков Козинской земельной дачи). Дача В.Р. Бейера входит в настоящее время в поселок Благодать, хотя и отделена от его основной части лесным массивом. Тем не менее эту усадьбу следует рассматривать отдельно, как в силу ее более значительных (чем рядовые дачи) размеров, так и в силу того, что она возникла на основе объединения трех различных участков Козинской земельной дачи.

Размеры земельных владений, которые до 1918 г. принадлежали врачу **Владимиру Романовичу** и его супруге **Ольге Александровне Бейер** (в 1914 г. юридическим владельцем дачи была **Ольга Александровна**, прил. 3, с. 20), были весьма значительными (рис. 168, № 1). На юге они достигали южной границы Козинской земельной дачи (по границе Сальковского поля, а далее по дороге – нынешнее шоссе Звенигород – санаторий «Поречье»), на востоке – пролегали по трассе сохранившегося рва, идущего параллельно и несколько восточнее западной ограды санатория «Поречье», на западе – по границам дач Смирновой и Россалимо. Сопоставление границ 1918 и 1844 гг. показывает, что усадьба Бейеров сформировалась на основе 4-го (полностью), 7-го (нагорная и луговая части) и прямоугольного выступа 3-го участка, на котором, собственно, и была поставлена дача.

Дача была приобретена в 1910 г. у генеральши Новиковой врачом Московского госпиталя в Лефортово **Владимиром Романовичем Бейером**. Дача была приобретена для супруги **Владимира Романовича Ольги Александровны**, которая лишилась (в ходе операции) зрения и не могла жить в городе. К этому времени на территории усадьбы уже существовал двухэтажный корпус, сохранившийся до наших дней (рис. 156). К нему с востока был пристроен одноэтажный деревянный корпус, включивший гостиную со световым окном и видом на реку и Козинскую церковь, комнату **Ольги Александровны** и другие помещения (рис. 157). Здание построено в стиле модерн. Внешний его облик и интерьер превосходно сохранились. В 1991 г. дача была поставлена на охрану как памятник архитектуры.

Дача была размещена в лесу, на живописном высоком берегу Москвы-реки (низкий долинный ландшафт), с которого открывался вид (по аллее, прорубленной в конце XIX в.) на церковь в с. Козино. С юга к даче примыкала Березовая роща, в которой располагалась курганная группа из более чем 60 насыпей (см. о ней в томе 2). Этот лес, имевший в силу своих ландшафтных особенностей вид природного парка, был с большим тактом дополнен рядом элементов паркового благоустройства. По воспоминаниям **Анны Сергеевны Кондратьевой** – внучки врача В.Р. Бейера, – перед дачей имелись три поперечные и одна центральная аллеи (см. рис. 44 и 168), которые сохранились до нашего времени. Владельцы усадьбы с большой заботой относились к естественным насаждениям Березовой рощи. **Анна Сергеевна** вспоминает, что еще ребенком, каждую весну приезжая на дачу, они «здоровались» со старинной елью, которая до сего времени растет у северной окраины курганной группы.

Новый этап в развитии усадьбы наступил в мае 1917 г., когда в силу обстоятельств того времени владельцы дачи организовали объединение, утвержденное 18 сентября 1918 г. в качестве коммуны. В фонде 4997 Центрального государственного архива Московской области сохранилось объемное дело «О коммуне в бывшем имении Бейер «Благодать», содержащее богатый материал за 1918–1921 гг. (выписки см. прил. 3, с. 23–24). В состав коммуны вошли два сына **Владимира Романовича Александр** и **Юрий** и его дочь **Маргарита Владимировна** с супругом **Сергеем Петровичем Кондратьевым** (фото на рис. 147) а также бывшие слуги Бейеров **Аграфена** и **Акулина Цыгановы** и гувернантка **Софья Львовна Эйнес**. Общее число членов коммуны составило 21 человек.

Коммуна развернула обширную хозяйственную деятельность. На Заречьевском лугу распахивалось 9 десятин земли, и 4 десятины использовалось под сенокос. Имелся огород (1 десятина) и сад (рис. 168, №№ 2, 3). На «усадьбе», примыкавшей к даче (см. на рис. 44 в томе 2), возник ансамбль хозяйственных построек – сторожка, каретный сарай, сеной сарай с навесом, два погреба-ледника, колодец и сарай для сельскохозяйственных машин, сохранившийся до наших дней (общий вид на фото – рис. 145, сторожка на рис. 158).

В 1921 г. на основе коммуны Бейеров «Благодать» была образована земельная трудовая артель «Объединение», в которую вошли коллективы «Бельмера» (быв. «Любимец хутора» – дача Глаголева см. выше № 29) и «Курган» (дача Ульмеров). 7.02.1921 г. «Объединение» было зарегистрировано Мосземотделом со своим уставом (прил. 3, с. 24). В результате объем обрабатываемых земель на территории Заречного луга увеличился, что отражено на плане 1921 г. (рис. 123).

Кроме того, Владимир Романович (фото на рис. 146) продолжал в 1920-е годы свою профессиональную деятельность, безвозмездно оказывая медицинскую помощь жителям окрестных сел и деревень. Самоотверженная деятельность врача Бейера запомнилась нескольким поколениям местных жителей.

«К этому врачу, – вспоминает Александр Михайловна Раненкова, 1921 г. рождения, – меня мама водила, девочку. Он лечил. Он очень хороший был врач. Он лечил. И очень мы его любили, очень. У него большая дача-то. Большая. Сейчас она так и стоит, эта дачка. Но там кто-то остался из его родных... К нему мать меня водила. Он всех принимал. Он был такой, Беер, старичок такой был. Да, прям похож был на этого Пришвина. Такой старенький, с бородкой – приведет, он всех знал теток. Тут жил, наверное, долго. Наверное, долго, и до двадцатого года еще здесь жил... Дача давнишняя» (с. 7).

Семен Сергеевич Медников 1919 года рождения вспоминает: *«Беер... Он давно жил здесь. Я не знаю, с какого он года попал сюда. Но он был врач ухо-горло-носа. Все... – Козино, Сальково, Марино, вот вся округа к нему ходила лечиться... Сам... рецепты составлял, сам лекарства. И никогда ни с кого ни копейки не брал, никогда. Люди-то хотят заплатить – ни в коем случае. Вот я ходил сам к нему уши лечить. Мать водила. Раньше в лесу у нас здесь земляники было сколько, малины! Мать скажет: «Ну-ка сходи, стаканчик набери доктору. Неси». Наберешь, принесешь этот стакан, в тарелочку мать высыпет, понесешь ягодки – возьмет. Ну, мать там пятачок яичек даст. Только так. А большие ничего. Чуть я его помню. Ну, тоже старикашка уже. Но помогал всем. Что помогал, то помогал. У него там, наверное, и аптека своя. И всякие порошки. Он тут же, сейчас, посмотрит, все проверит тебя, и тут же лекарство составляет. И сразу. Два раза ходишь – все, все болезни кончились. Это был... Что правда, то правда. Без всякого преувеличения» (с. 16).*

Бескорыстная помощь, которую Владимир Романович оказывал местным жителям, явилась причиной того, что в 1925 г., когда «Объединение» было лишено земель, встал вопрос о выселении семьи Бейеров из их дома. В семейном архиве Бейеров сохранились выписки из протоколов собраний граждан д. Марино, с. Козино, д. Сальково и с. Введенское за февраль-март 1925 г., в которых содержится просьба не распространять на врача В.Р. Бейера требования о выселении (ксерокопии на рис. 152–155). Эти документы, содержащие десятки подписей крестьян, представляя собой свидетельство признания вклада, сделанного Бейерами, в обустройство жизни местного края.

В историко-ландшафтном и культурологическом плане усадьба Бейеров весьма органична. Этот миниатюрный парковый ансамбль с традиционной для русской усадебной культуры планировкой и дачей в стиле модерна сохраняет также уникальный набор деревянных хозяйственных построек, сложившийся в 1910–1925 гг. Учитывая, что центральная часть усадьбы совпадает с территорией Поречевского археологического комплекса (см. т. 2), она заслуживает постановки на охрану в качестве территории памятника (границы см. на рис. 94). Что касается остальной части усадьбы в границах земельной дачи Бейеров, она может войти в охранную зону.

31. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА (рис. 128). Лес на берегу Москвы-реки в районе дачи Бейера местные жители называют «Березовая роща» (с. 16).

32. КУРГАНЫ. Под таким названием местные жители знают Первую Поречевскую курганную группу, расположенную к югу от дачи В.Р. Бейера. Старожилы Сальково имеют весьма смутные представления о том, кто погребен в курганах. *«...курганы... Это не война, до войны еще. Они так курганами и остались эти...»* (Раненкова А.М., с. 7). *«Ну, родители все знали, конечно, наши. Наши-то все знали, что там...»* (Раненкова А.М., с. 8).

В то же время следует заметить, что состояние курганов в нашем столетии не выходило из поля зрения местных жителей: *«Раскопки делали где-то... в пятидесятых годах, – рассказывает М.А. Раненков. – А сейчас... У меня там дача одного знакомого. Вот он все возмущается, говорит, сейчас все эти курганы будут ровнять с землей. То есть там уже колышки стоят. Там будет все полностью застроено. Да, там много очень бугров, очень много было. Бывало, прямо пойдешь в тот лес, там прямо бугры какие-то, уж заросшие, уж (в деревьях) все» (с. 7).*

Старожилы старшего поколения именуют курганы «французскими могилами», что весьма характерно как для окрестностей Звенигорода, так и для Подмоскovie в целом. *«Где Беер живет – курганы. Это во время французской войны... И курганы вот здесь в лесу. Там много было. Ну, тоже приходили люди, делают раскопки... И до войны, и после войны... Пряма почти что под Беера курганы подходят. Рядом. У него дача там, и рядом с дачей. Вот так идти от нас, ну, в пятнадцати метрах там курганы начинаются. И там много... больше десятка-двух курганов. Как говорили, курганы эти после французской войны» (С.С. Медников, с. 15).*

33. УСАДЬБА ЧАЕПРОМЫШЛЕННИКА АНДРЕЯ ПОПОВА (3-й участок Козинской земельной дачи). Около 1903 г. в лесном массиве, между поселком Благодать и Козинским лесом, возникла усадьба Андрея Попова. Ее границы практически совпадают с 3-м участком Козинской земельной дачи, выделенной в 1844 г., и мало отличаются от границ санатория «Поречье» (рис. 168).

Андрей Попов, владевший плантациями чая в районе Батуми, редко посещал имение, останавливался в охотничьем домике (рис. 143). Главный корпус усадьбы располагался на кромке возвышенного берега р. Москвы. В 1950-е годы он был достроен и обращен в Центральный корпус санатория (рис. 141). От главного корпуса к Москве-реке были проложены три липовые аллеи, сохранившиеся до нашего времени, создан парк. В Сальково сохранилось воспоминание о бывшем владельце дачи («Попов был...» – с. 11).

15.08.1918 г. усадьба в качестве экономии перешла в ведение Аксиньинского волостного совета. Здесь был размещен приют, в котором 19.07.1919 г. проживало 88 человек (прил. 3, с. 22). С 1919 по 1924 г. в усадьбе размещалась детская колония «Поповка», а с 1924 по 1928 г. – Детский дом им. К. Либкнехта.

Описание 21.03.1924 г. фиксирует парк, состоящий из лиственных пород (липа, береза, дуб) в возрасте около 30 лет, а также ограждение, произведенное в 1912 г. (межевые ямы и канавы) с трех сторон (с 4-й стороны – р. Москва). В описи значатся 17 построек, в том числе двухэтажный деревянный дом 1903 г., двухэтажный деревянный дом 19012 г. и флигели 1907 и 1908 гг. (прил. 3, с. 26–27).

В 1930–1941 гг. в усадьбе размещался дом отдыха Комиссии содействия ученым. В годы войны находилась военная часть. С 1945 г. – санаторий «Поречье» Академии наук СССР.

34. ЗАРЕЦКИЙ ЛУГ. Луг, располагавшийся за р. Москвой, на противоположной стороне от Козино. Входил в земельную дачу с. Козино. В 1844 г. был разделен между 7-м и 10-м участками (рис. 124). В начале XX в. частично использовался владельцами дач, входившими в пос. Благодать. После 1918 г. частично использовался артелью «Объединение» (см. № 30), частично – сальковскими крестьянами. После 1925 г. передан д. Сальково, а позднее организованному в ней колхозу (см. № 14).

Частично в 1920-е годы луг использовался и дунинскими крестьянами. От жителя д. Дунино Ивана Егоровича Руненкова была сделана запись, характеризующая расположение и названия лугов, которые косили дунинские крестьяне в 1920-е гг.: *«Наши, косили мы вот там. Он назывался Зарёцкий луг. Повыше Москвы-реки он... напротив «Благодати», ...с нашей (стороны реки)... И наши покосы были там вот, где сейчас пансионат «Лесные дали», назывался Курёлово... Это было, когда было единоличное хозяйство. А потом вот это, Зарёцкий луг отошел в Сальково. Те луга отошли в Ислáвское... Когда вот организовались колхозы, уж я не знаю, кто землю делил. Вот этот... Зарёцкий луг отошел в Сальково» (с. 18).*

35. ДОРОГА ИЗ ПОРЕЧЬЯ В КОЗИНО. Дорога под таким названием показана на плане 1760 -х гг. земельной дачи с. Козино

(рис. 114) и на Топографической карте Московской губернии 1860 г. (рис. 113). Вела от северной оконечности усадьбы Поречье вдоль по краю Поречьевского луга. У западной оконечности участка 5 Козинской земельной дачи поворачивала на северо-восток и пересекала Зарецкий луг по направлению к броду «Под Козином».

36. ДОРОГА ИЗ САЛЬКОВА В ПОС. БЛАГОДАТЬ. Показана на карте 1930 г. (рис. 125) и зафиксирована съемкой 1989 г. (рис. 168).

37. ДОРОГА ИЗ КОЗИНО НА СТАРУЮ МОЖАЙКУ. Дорога под таким названием показана на плане 1760-х гг. земельной дачи с. Козино (рис. 114). Она пролегалa вдоль правого берега р. Москвы (фото на рис. 128), а затем вела лесом через территорию, вошедшую в начале века в усадьбу Попова. Локализовать дорогу удается на основании фиксации на плане 1760-х гг. места ее смыкания со Старой Можайкой. Место это расположено в 70 м к СВ от главного входа на территорию санатория «Поречье» (рис. 168).

38. «ПОД ВЫДРОЙ», БРОД. Переправа через Москву-реку на дороге из Сальково и Поречья в с. Козино. Располагалась в районе острова в излучине Москвы-реки (см. № 39). В названии перевоза сохранилось старинное именование этой местности. Тот же топоним лежит в основе наименования Выдринского луга, который зафиксирован на плане 1861 г. («Земля Выдринского луга с. Козино» – рис. 119, экспликация, под литерами Р-А).

39. ОСТРОВ В РАЙОНЕ БРОДА «ПОД ВЫДРОЙ» (рис. 129).

40. «ПОД КОЗИНОМ», БРОД (рис. 98). Переправа через Москву-реку на дороге из Поречья в с. Козино. Показана на Топографической карте Московской губернии 1860 г. (рис. 113). Переправа располагалась напротив церкви села Козино (рис. 98 а). См. выше под № 35.

41. ДОРОГА ИЗ КОЗИНО В САЛЬКОВО. Дорога вела к северу от центральной части д. Сальково полем, а затем лесом (Березовой рощей) по оврагу, разделявшему владения В.Р. Бейера и А. Попова. С.С. Медников вспоминает эту дорогу в 1920-е годы: «Раньше, значит, мы прихода были козѣинского... Отец, мать на лошади ездили в церковь. Отсюда уже, были женаты... Через Москва-реку. Вброд. Зимой на санях, лед, по льду. Все время зимой морозы были еще. (Брод) называется «Под вы́дрой»... Это зверь, выдра. Там вон они роди..., и сейчас живут, выдры. Это вот, где Беер-то живет, прям Москва-река проходит ... был брод. И под Козинó, под церковью. Где церковь была, там тоже брод. Два брода было... Да, под церковью, так он, «Под Козинóм» (с. 16).

42. КОЗИНСКИЙ ЛЕС (7-й участок Козинской земельной дачи). Еловый лес на берегу р. Москвы между усадьбой Попова (санаторий «Поречье») и д. Дунино. По характеру растительности этот лесной массив резко отличается от смешанного леса, произрастающего на территории санатория (усадьба Попова) (том 1, рис. 1а, 1б).

Под названием Козинского лес фигурирует в рассказе И.Е. Руненкова. По словам информатора, лес получил название по его прежней принадлежности к землям с. Козино («это назывался Козинский лес» – с. 17): «Он считался вот этот от Анто́новки или отсю... сюда вот ... до санатория Поречѣнского. Вот этот весь лес» (с. 17).

Границей леса можно считать границы 7-го участка земельной дачи с. Козино. Она пролегалa параллельно и несколько южнее Старой Можайской дороги вплоть до северо-западного угла территории артели «Металлист».

43. ДАЧА УЛЬМЕРОВ (ВЕДЬМИНА ГОРА). Первый этап выделения участка, на котором впоследствии сформировалась дача Э.П. Ульмера, фиксируется на Геометрическом специальном плане 7-го участка села Козино, снятого 22.10.1861 г. «для составления надела крестьянам из земли, состоящей в общем владении надворной советницы Романовской и коллежской ассесорши Ирины Александровны Михайловой». Под литерами К-Л на этом плане показан участок «вырезанного соснового леса из села Козина пять и 3/4 десятин» (рис. 119). От края 6-го участка (дача Освальд – музей-усадьба М.М. Пришвина) этот участок граничил с Москвой-рекой на пространстве в 95 сажен (202 м). Затем граница вела под острым углом 70 градусов на ЮЮВ на протяжении 100 саж. (213 м), далее поворачивала на ЮЮВ под углом 158 градусов. Пройдя еще 104 сажен (221 м), она

делала поворот на восток под углом 155 градусов и через 56 сажен (119 м) смыкалась с 6-м участком.

На современной геоподоснове межа локализуется по следующим направлениям: от р. Москвы к ЮЗ углу ограды дачи Ульмеров, далее на ЮВ по лесной дороге с поворотом направо вдоль межевого рва, сохранившегося к северу от 2-й Дунинской курганной группы (рис. 168, пунктир красного цвета).

В соответствии с Уставной грамотой 1862 г., составленной помещицей Анной Александровной Романовской (урожденной Спиридовой), владевшей 7-м участком Козино, описанный выше участок вошел в состав крестьянского надела (прил. 3, с. 16, п. 2).

В 1875–1890-х гг. на возвышенном берегу р. Москвы в пределах очерченного участка была возведена небольшая дача, которая первоначально принадлежала художнику Кувакину. В 1898 г. она была куплена почетным гражданином Риги Эмилем Леопольдовичем Ульмером, за которым оставалась в 1914 г. (прил. 3, с. 21). В 1918 г. бывшее владение Э.Л. Ульмера перешло в Трудовую артель «Курган» в составе семьи Ульмеров из 9 человек (прил. 3, с. 22, 24). В 1921 г. артель вошла в «Объединение». В 1926 г. земли «Объединения» были розданы крестьянам деревень Дунино и Сальково. Дача Ульмеров сохранилась до нашего времени и принадлежит его потомкам (рис. 161).

44. ВЕСЕЛЫЙ КУРГАН (т-е Дунинское городище). Локализовать это урочище позволил опрос жителей д. Дунино (см. ниже об устной традиции этой деревни). Подробное описание Веселого кургана и поляны близ него дал Иван Егорович Руненков: «Здесь вот построились... как от Ду́нино первый дом пройти, и там... его сразу видно. Вот как сейчас идешь по дороге в Поречье, и видно возвышенность. Еще были пацаны, бегали туда, на этот Веселый курган. Там очень здоровая елка стояла, на этом кургане. Одна только елка стояла. А почему он назывался Веселый – не знаю. Здесь вон там есть несколько курганов. Тоже они уже теперь за загородкой» (с. 17). «Здесь вот с Москвы-реки поднимаешься – такая гора» (З.Т. Руненкова, с. 17).

«Около Веселого кургана здесь поляна, она вся заросла. Еще были поляны небольшие, которые... косили. Они вроде сейчас все заросли. Раньше ведь как вот: если вы или, допустим, имел какой-то крестьянин свой покос, он за ним ухаживал... Кустарники все вырубал, палки все убирал. Ухаживал за своим покосом. А потом все это заросло со временем». (Поляна располагалась. – С.Ч.) «не доходя кургана. Вот здесь, как сейчас Ульмеровскую дачу пройдеши – и она и есть, направо, небольшая. И прям с этой полянкой и... была тут тропинка на Веселый курган... И мы, ребятишки, все время ходили туда рубить молодую липу, кнуты плели. Сейчас весной пойдешь, срубишь. Она только набирается эта липа соком. Хорошо сдирается лыко. И вот кнуты плели. В то время в каждом доме скотина была. Большое стадо... И овцы были, и телята были, и корова, и лошади. Так что выгоняли утром полное стадо скотины. Ну, и пацаны плели кнуты себе, скотину свою загонять. С хлопаньем» (с. 18).

Из этого описания видно, что «Курганом» назывался возвышенный участок на краю высокого коренного берега Москвы-реки, западнее дачи Ульмеров. Единственная местность, которая отвечает этому описанию, – это Дунинское городище (рис. 168).

5.4. Правобережная часть земельной дачи села Козино (окрестности д. Дунино)

Рассматриваемый район, который также входил в XVIII–XIX вв. в пределы земельной дачи с. Козино, выгодно отличается от предыдущего тем, что здесь располагается д. Дунино, устная традиция которой дает возможность реконструировать систему угодий, восходящих к средневековому времени.

Устная традиция д. Дунино.

1. Раненкова Александра Михайловна, 1921 г. рождения. Родилась в д. Дунино. Проживает в Сальково, куда переехала после замужества.

В семье Александры Михайловны было трое дочерей и двое сыновей. «Отец, – вспоминает она, – старался, как же, два сына, нужно. А сыновья-то вот и были, работали. Сейчас вот посмотришь, двадцать-тридцать лет, они ни фига не работают. А то, Митьке было сколько – ну, годов одиннадцать, он бороновал. А Алешка, старший, четырнадцать – он уже пахал. Уже отец приучал. Пахал. Как же не две лошади? Надо было две лошади покупать.

А потом отняли все сразу. Ну, тогда стали наши мужики пить, а больше ничего не делать. Вот как. Тогда делали ой, ой как работали! Страшное дело» (с. 4).

Мать Александры Михайловны была родом из села Введенское. Она была одной из двенадцати детей турчанки, интернированной ребенком в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и воспитанной в семье крестьян села Введенского. Вот как рассказывает об этом сын Александры Михайловны Михаил: «Она сама турчанка... девяносто четыре-девяносто шесть она умерла... Я ее видел уже незадолго, так сказать, до смерти, она еще свободно садилась на мотоцикл с коляской (Михаил Алексеевич родился в 1949 г.). Она турчанка, и она была интернирована в период вот русско-турецкой войны там в тысяча восемьсот семьдесят...».

Перед нами пример широко применявшейся в XIX в. практики передачи воспитанников Московского воспитательного дома в крестьянские семьи¹².

Александра Михайловна дополнила рассказ сына: «Их брали из десятков и... растили там в Введенске. («Муж ее рано помер», – дополняет Михаил). И она одна и жала, и косила, и молотила. Все сама, со своими ребятами. Вот какие были раньше люди-то. Вот мама-то в семьдесят лет умерла моя, в Дунино. Она еще к ней (перед ее кончиной) ходила сама, без палочки и пешком. Из Введенска одна туда идет. Ее дочери три, четыре даже уже остались которые, с палками идут. «Ой, – я говорю, – а где ж бабушка-то? Хоть бы она отдохнула». «Бабушка! Бабушка уже в Дунино, уж у матери». ... Их тогда взяли четверых во Введенское. Все называются родными сестрами. Вот так. И моя мама, бывало, скажет: «Пойдем к Ольге, дойдем к (Синичке)». (Синичка), что ли, там была. Я говорю: «Ну, а зачем?» «Ну, тетка она». «Какая тетка, мама?» «Она мне тетка... и еще там две: тетя Наташа, тетка Анна, вот их всех вместе взяли, в один дом Введенска. А тогда же получали они большие деньги за этих детей-то. Ну, все выросли, и все мы родные сестры.

И все крепкие, и все жили долго. Вот какие были раньше люди. И пахала, и сажала, и косила, и все делала. Даже вот одна тетка у меня умерла недавно, она не последняя, последняя-то, она болела – умерла, а эта, которая не болела, она умерла, знаете, она с мужем. А муж-то он так небольшого роста, а сама она была высокого роста, такая в мать была, такая тоже. И вот она, бывало, придет косить, только кричит мужу: «Мишка, убирай пятки, а-то скошу! Или иди за мной». (неразб.) косили. И как махнет-махнет, махнет-махнет, (неразб.) ой. А трудолюбивые какие были, ой! Хорошие» (с. 3, 4).

Руненков Иван Егорович, 1924 г. рождения. Несмотря на то что Иван Егорович в период «единоличного хозяйства» был ребенком, он воспринял устную традицию деревни и является одним из лучших ее носителей. В памяти Ивана Егоровича сохранились названия крестьянских полей и лугов, которые раньше всего утрачиваются.

Руненкова Зинаида Тимофеевна, 1926 г. рождения, супруга И.Е. Руненкова. В Дунино с 1934 г. После окончания школы в 1941 г. пошла на работу в артель «Металлист» и проработала там 46 лет (с. 21).

45. ДЕРЕВНЯ ДУНИНО (рис. 101, 163). Старожилы, помнящие деревню в довоенное время, отмечают ее небольшие размеры: «Небольшая деревенька была... очень хорошая была деревня» (с. 1). Об этом же говорят и изображения деревни 1844 и 1860 гг. (рис. 113, 116).

Дунино входило в приход церкви села Козино вместе с Поречьем, Сальково, Грязью и Ивановским (с. 6). Престольные праздники в деревне отмечаются 19 декабря – являлись *Никола Зимний* (19 декабря по новому стилю) и *Киевская* (15 июня по новому стилю празднуется память Киево-Братской иконы Божией матери 1654 г.) (А.М. Раненкова, с. 2, 3).

«Тридцать домов, как было, так и есть... Чуть-чуть прибавилось (2 или 3 дома)... Деревня не называлась по концам, а вот

ребятишек называли... по именам родителей. Вот Ивана Егоровича звали мать... Мокрида. Вот «Мокридины» уже ребятами были. Не Руненковы, не называли. Потому что Руненковых здесь было чуть ли не полдеревни. В основном были Панфиловы, Руненковы, Захаровы. Вот эти фамилии преобладали... А называли там Ванька Мокридин. Это уже знали, в семье-то Ванька, Ленька, там Васька и Шурка... Или, например, кто еще – Мокридины, Акулины, Аленыны, Фросины. Фрося мать звали – Фросины ребятами... По именам родителей в основном. По имени, в основном матери. «Марья Конна была. Ее по... по дедушке. Вот Марья Конна. Уже называли людей, это... детей, внуков по дедушкиному прозвищу. Конюхин. Я забыла, да. Конюхины. А вот у кого не было... А у некоторых по фамилии. Вот Сечковы, у них одна фамилия. Нет, два дома-то было. Их звали просто Борька Сечков там, Лешка Сечков, Маша Сечкова (З.Т. Руненкова, с. 22).

«Ну, Алена я говорила. Это Фросины, Аленыны. Андроникины это... тоже. Вот еще до сих пор Андроникины, потому что... бабушка Марья Андроновна. Это уже по прабабушкам, или прадедушка там получается, или прапрадедушка. Андроникины до сих пор. ... Улитина, да. Мать Улитой звали, ее по матери. Вот не только по мате..., по матерям-то. Вы говорите, по матерям. Вот Андрон, Кон. Это ... по отцам звали, по дедам» (З.Т. Руненкова, с. 24).

В дореволюционный период в Дунино был развит **промысел по выделке изделий из жести**. «Кустари, – рассказывает Зинаида Тимофеевна Руненкова со слов людей, заставших этот период, – эти были жестиныки. Они... (напомним, что сама Зинаида Тимофеевна приехала в Дунино к мужу в 1934 г. – С.Ч.) изготавливали бидончики, ведра и в Москву возили... на лошадях... и продавали. Оттуда везли товар, сырье, здесь перерабатывали, ... мужское население, и вот этим жили». Ассортимент изделий уточнил Иван Егорович Руненков: «Бадейки, корыта, умывальники, самоварные трубы, духовки» (с. 22).

46. РУНЕНКОВА, АВТЮХИНА И БАРОВИЧЕВА ГОРЫ.

Деревня расположена на низком долинном заздраве в нескольких десятках метров от бровки высокого берега. Сама же бровка занята **небольшими сосновыми рощами**, которые напоминают мещерские боровицы на песчаных гривах (рис. 100). Благодаря этому со стороны реки деревня почти не видна (рис. 99). Она лежит как бы в котловине и укрыта от ветров. Эта особенность расположения в сочетании с нетронутостью окружающей природы, так поразившей М.М. Пришвина, создает редкую по красоте и живописности систему пространств и ландшафтов.

Местные жители не только издавна подметили эту замечательную топографическую особенность своей деревни, но и дали имена трем «горам», представляющим собой край высокого коренного берега Москвы-реки. Горы носили название по именам дворохозяев деревни. Вот как рассказывает о них И.Е. Руненков: «Здесь, вот где сейчас колодец, называлась Руненкова гора. Туда дальше называлась Сечкова гора... За Сечковым... Авдьюхина гора называлась... Это когда мы на лыжах катались. Так и называли. «Куда?» «На Сечкову гору». «На Руненкову гору». «Здесь вот гора, с этой стороны оврага, называлась Баровичева гора. Где какой дом стоит – такая она и называлась, эта гора» (с. 19).

47. МОСКВА-РЕКА. Москва-река играла значительную роль в хозяйственной жизни населения приречных сел и деревень. Экономические примечания 1789 г. по селу Поречье указывают: «Река против селца в самых мелких местах глубиной бывает меньше 1/4 аршина, шириною 15 саж. Судового ходу не бывает, да и впредь за мелкостью быть не может. Весной и осенью строевой и дровяной лес плотами гоняют в Москву. В реке ловится рыба: щуки, окунь, налимы, пескари, ерши и плотва»¹³.

Для Дунино, отделенного от остального Звенигородья глыми лесами, река имела особое значение. Не случайно она играет такую большую роль в устной традиции деревни и в восприятии Дунино М.М. Пришвиным.

Вот одно из типичных высказываний: «Москва-река стала, конечно, другая, не то что раньше была. Она была как-то чище намного. А сейчас прям посмотришь на Москва-реку-то, какая-то

12 См. монографическое исследование по этому вопросу: Ransel D.L. Mothers of misery. Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. – 330 p.

13 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1, Д. 761. Л. 11 об. № 76

вода-то мутная. Уже не то, что было... И глубже было. А сейчас, по-моему, все заросли края. То пляжи были на боках-то, а сейчас везде какой-то кустарник растет по бокам Москва-реки, как лес все равно. Вообще не та стала, не та. То Москва-река разливалась, сейчас не разливается. А то вот, когда... разлив Москва-реки весной, до Козинá вода была. Вот. К нам в Дунино она не входила, потому что у нас горы. Мы на горе вот. Мой дом, прям первый на горе был... А туда – до Козинá. И вот дедушка мой... он, бывало, посодит и повезет. От Козинá на лодке ездили... И перевозил все время дедушка. У каждого своей не было лодки... Перевозчик был». (А.М. Раненкова, с. 9)

48. ПЕРЕВОЗ И МОСТ ЧЕРЕЗ МОСКВУ-РЕКУ У Д. ДУНИНО. Связь Дунино с селом Козино, к которому оно принадлежало на протяжении столетий во владельческом и церковном отношении, осуществлялась посредством перевоза.

«Это уж после войны начали лавы строить. А до войны... Эта артель организовалась прям сразу после революции. И все время был перевоз. И в основном перевозили мы. Все братья мои перевозили. И отец все время был на перевозе. Перевоз был от завода... Завод он не так давно организовался. Когда артели позакрывали. А-то ведь здесь были артели. Артельский перевоз был...» (И.Е. Руненков, с. 19).

Наряду с перевозом существовал и брод: «Здесь по колено было. Москва-река была чистая, светлая, как зеркало. И скотину пригоняли на полдни другой раз сюда, на Москва-реку. Она стоит в Москва-реке. И вода чистая была. Сейчас скотины не стало, и Москва-река стала мутная... Здесь вот прям у нас, все время она называлась Езжáлая дорога, где на лошадях переезжали туда и сюда. Ну... весной иногда ее размывало. Дружный народ был. Собирали собрание. Ага, вот надо ремонтировать дорогу. «Ты давай иди кусты руби, поезжай на своей лошади. Я с лопатами». Кто с лопатами, кто с топорами, кто с чем. И здесь ремонтировали дорогу» (И.Е. Руненков, с. 19).

Состояние этой переправы в послевоенный период передает рассказ А.М. Раненковой: «Там специально были лавы. Ну, так их называли, лавы, мостик был, лавы – четыре или пять дощечек и держаться. Вот проходили. А когда раздополье, на лодке ездили, на лодках. А сейчас... ни лав уж нету, и лодочка... сама ходит, кому куда нужно. А то все бродили... не пойми что. А то был очень так порядок хороший. По этим лавам ходили и в церковь всегда» (с. 3).

49. ЗАХАРОВ ОВРАГ. Этот короткий и сухой, удобный для спуска к перевозу овраг располагался в центральной части деревни (место его смыкания с улицей – см. на фото рис. 101): «...На деревне овраг... Захаров овраг... По этому оврагу на лошадях ездили» (И.Е. Руненков, с. 19).

50. РАХМАНОВСКИЙ ОВРАГ. Овраг этот располагался на восточной оконечности деревни, непосредственно за Рахмановской дачей (см. № 52). Овраг в отличие от предыдущего имеет вид глубокого каньона с крутыми берегами. По дну его протекает ручей. Иногда его также использовали для прогона скота: «Напротив Руненковых гоняли, когда у дедушки Руненкова лошадь стояли. А когда стали там, в конюшне, то по тому оврагу гоняли, по Рахмановскому. Там замечательная дорога была» (И.Е. Руненков, с. 25). «И по Рахмановскому оврагу гоняли и вот по этому оврагу гоняли. Вот сейчас, через два дома, вот этот овраг, а вот следующий овраг. Здесь, не овраг, спуск, а вот там овраг был. Вот по тому оврагу лошадей гоняли, и ездили по тому оврагу на лошадях, на санях зимой, и на телегах через речку, на колесах ездили. И туда скотину гоняли, и по тому оврагу гоняли на полдни. Там был такой пляж, ну, крупная галька. Он не песочек, а крупная галька. Вот на этой гальке тоже на полдни гоняли скотину. Помню, и мать туда ходила корову доить» (З.Т. Руненкова, с. 25).

51. КАПУСТНИКИ. Угодье на первой надпойменной террасе, у реки, к северу от деревни. «И капустаники здесь были вот внизу... около речки капустаники. И с этой стороны оврага, и с этой стороны оврага... в общем внизу деревни, на берегу речки, чтобы ближе воду таскать поливать, вот здесь капусту сажали». (З.Т. Руненкова, с. 25).

52. РАХМАНОВСКАЯ ДАЧА (БАРСКИЙ ДОМ) (9-й участок Козинской земельной дачи) (фотография дачи на рис. 162). Земельная дача, в пределах которой возникла рахмановская дача, появилась в 1844 г., когда участок правого берега Москвы-реки восточнее Дунино получил в виде 9-го участка

Козинской земельной дачи Алексей Алексеевич Спиридонов (рис. 116 Q; рис. 124, № 9).

К 1914 г. на этих землях располагалась «летняя колония для учеников», «состоящая из двух дач ... Потомственного Почетного гражданина Сергея Карловича Рахманова» – «при дороге в село Иславское 2 постройки» (прил. 3, с. 20).

Рассказ о Барском доме записан от Зинаиды Тимофеевны Руненковой и восходит к ее воспоминаниям 1934–1940-х гг.: «Здесь жила барыня... у нее был дом. Вот Рахмановы – это барские... Здесь у нее два домика. Один дом сейчас (там живут) дальние родственники. У них даже есть документ. Они как наследники. Второй дом большой построила она. Она содержала девиц-сирот... Второй дом большой барский, он был передан вот в «Металлист»... и там было общежитие – жили рабочие, сотрудники этого завода... председатель жил, ...главный инженер, он технорук раньше считался, Зеер... немец. Он очень был грамотный, и вот когда... делали продукцию военного назначения... у руководства стоял Зеер Вячеслав Богданович... Как только война началась, его выселили куда-то. Вот этот дом остался. Так он и сейчас стоит, как общежитие... Он на самом краю около оврага стоит... Он чем выделяется: во-первых, большой, огромный такой. Ну, правда, он сейчас невзрачный, некрашенный. Но он обшитый тесом.... Он сделан, говорят, ... из... толстых бревен. В два наката... потолки. Добротный. Большие окна. Потолки – четыре метра. Дом очень добротный. Барский... Там большой коридор такой в одном отделении. В этом коридоре несколько комнат, и вот по комнате давали рабочим, сотрудникам... Крышу покрыли оцинковкой уже при бытности «Металлиста» – то... может, лет десять тому назад... И так на ремонт помогали, все-таки делали там. А здесь жили одни они, им трудно было его содержать. А потом в войну... Здесь же во время войны в этом доме, где вот родственники, там тоже беженцы жили. Рахманова... В Москве Рахманов переулок, ... ее переулок был. Она этот переулок... весь сдавала и держала... приют какой-то... детей держала она. И во время революции ничего не сделали с ней, потому что она добрым делом занималась. И так и оставили ее... Ленин, говорят, им дал бумагу такую, чтобы их ... не ссылали.... Как по разводам-то, она детей выращивала... у ней и девушки, и ребята. Отдавала замуж. Вроде бы давала хорошее приданое» (с. 23).

53. ДУНИНСКОЕ ПОЛЕ. К моменту проведения реформы 1861 г. крестьянские дворы д. Дунино были распределены между владельцами разделенного в 1844 г. козинского имения. Ирины Александровны Михайловой (урожденной Спиридовой) и Анне Александровне Романовской (урожденной Спиридовой), которые владели 7-м участком имения, перешедшим в 1844 г. их отцу Александру Матвеевичу Спиридову, в Дунино принадлежало соответственно 5 (17 душ м. п.) и 1 двор (1 душа м. п.). Надел этих крестьян располагался в 7-м участке – поле, расширявшемся к юго-востоку от крестьянских усадеб вплоть до Старой Можайки, отделявшей поле от леса и одновременно служившей границей 7-го участка (прил. 3, с. 15–16).

Алексею Алексеевичу Спиридову, владельцу 9-го и 1-го участков (см. рис. 124), принадлежало 6 дворов. Крестьянский надел этих дворов располагался в пределах 9-го участка (22 десятины), который лежал на берегу р. Москвы к востоку от деревни и в 1-ом участке (пустошь Романовская, 19 десятин), который располагался за Артельским оврагом (см. № 69). Кроме того, крестьянам принадлежало 18 десятин во 2-м участке, носившем название пустоши Стрельниковой (см. № 52), а также 2 десятины в 12-м и 19 десятины – в пустоши Логи, которые располагались чересполосно от основного крестьянского надела (прил. 3, с. 17).

Ниже приводим данные устной традиции об основном владении крестьян – Дунинском поле, располагавшемся в пределах 7-го и 9-го участков Козинской земельной дачи.

Поля д. Дунино до коллективизации были поделены на доли. Вот как рассказывает об этом Иван Егорович Руненков: «А до колхозов что же – здесь он тоже был раздельный. Я-то и сейчас помню, где наши полосы были... (Где сейчас детский санаторий и пансионат ЦК. Это тоже поле деревенское, добавила З.Т. Руненкова)... Сейчас все здесь застроили. Здесь вот дунинское поле было. Здесь у каждого... Когда имели лошадей, каждый имел свою землю, и пахал, обрабатывал. В каждом доме все было» (с. 19).

Поскольку среди опрошенных преобладали люди

1919–1926 гг. рождения, воспоминания о «единоличном периоде» связаны с их детскими годами. Тем не менее этот период отнюдь не изгладился из памяти. А.М. Раненкова 1921 г. рождения вспоминает: «А так у всех были полоски, полоски. Я вот, я с двадцать первого года, и чего уж, я совсем маленькая, меня брат, а ему восемь лет было, который на войне погиб. Он меня, бывало, завернет, принесет к матери. Меня там мама покормит, в копейку положит, а он ей помогал снопы складывать, все. Потом она говорит: «Ну, забирай, неси, в люльку положи, чтоб не упала». «Ладно, ладно, ладно». И принесет меня домой» (с. 3).

Перечень крестьян – владельцев долей – вспоминает Иван Егорович Руленков:

«У нас «за Фросей» была полоса. Теперь туда, была посередине дорога... Было когда поле, здесь посередине была дорога прям на эту, мимо... Сре́дняя дорожка. Через сторожку. Среди поля. Направо были полосы и налево. ... Егорушка Сечков – у него были полосы... И Степан Руленков... Теперь у Пашиных, у Силаевых были полосы... Ну, у Руленковых и у дяди Миши были полосы и у... Алексей Иванович его... У Федора Ивановича Панфилова. У всех, у всех. (У Авдотьи Панфиловой, у Новиковых полосы были, добавила Зинаида Тимофеевна). У Петр Ивановича Захарова. Это уж он после революции уехал в Москву. У всех были. (Сергей Иванович Захаров. А тетя Катя Панфилова, Агафьи́на. ... Иван. Сергей Иванович, Иван Иванович... Вот у Андронихиных были полосы. Эвдихины, добавила Зинаида Тимофеевна). Рожь и гречиху сеяли. И овес.

54. АНТОНОВКА, луг (полдни) деревни Дунино, позднее обращенный в поле. Небольшое поле среди леса, в пойме выположенного верховья оврага, который берет начало от д. Сальково. «Анто́новка, – отмечает И.Е. Руленков (с. 19), – будет сюда, поплавее завода «Металлист»... На Анто́новке-то не было поля. У нас вон Анто́новка, это специально, я уж не знаю, как. Там все время останавливалось стадо... Гоняли стадо по лесу. И на полдни пригоняли сюда. И так все время. Там такие елочки. Под елочками коровы лежали. И женщины на полдни ходили коров доить в обед. Это уже когда самая жара была, скотину пригоняли домой. Очень слепней много было. Уже там нельзя оставлять тогда. А так вот, маленько начинает прохладнее или с весны, когда еще слепней мало, все время там оставляли скот в обед. Вот пригоняют часов в одиннадцать. И вот там лежат они, наверное, часов до трех, до четырех. Потом подымали и опять гнали в лес». «А в войну, – добавила Зинаида Тимофеевна Руленкова, – там было поле. Там сеяли. Вот артель «Металлист» сеяла овес. Была лошадь в артели». «Ну, это во время войны, – продолжил Иван Егорович. – Здесь уж много заняли, потому что голод был. Много земли заняли. Жили-то воей картошкой» (с. 19). В настоящее время застроено дачным поселком Министерства финансов. «Министерство финансов начало стройку с Анто́новки. Там было поле. Там были наделы» (с. 17).

55. АРТЕЛЬ «МЕТАЛИСТ» ПРИ Д. ДУНИНО. Развитие промыслов, существовавших в Дунино еще в XIX в., породили в послереволюционное время интересное явление – крупную артель, которая сложилась в настоящее промышленное предприятие. Артель «Металлист» близ д. Дунино была организована в 1919 г. и объединила 14 кустарей. В 1921 г. в ней было уже 70, а к 1925 г. – 120 человек. Артель выпускала кружки, кастрюли, чайники, ведра¹⁴.

Записи об артели были сделаны от дочери одного из организаторов артели – Александры Михайловны Раненковой и ее сына Михаила Александровича. «Здесь, – вспоминает М.А. Раненков, – были кустарные промыслы развиты». Мастера, державшие эти промыслы в 1920-е гг. «собрали в эту артель». Среди организаторов ее называют Шубина, Широкова, Еремина и Раненкова. «Там даже была легенда, что Сталин и Бухарин, когда на Горках-Ю, значит, катались в санях, они эту артель посещали. Там благословили их, так сказать» (с. 1).

«В тридцатые годы они делали даже для авиационных заводов ... (продукцию. – С.Ч.) здесь довольно точную. А в войну – все для войны. А после это была промкооперация. У меня и отец там был, главным инженером... работал в этой артели. Начал от слесаря

и до главного инженера дошел... Они делали легкую промышленность, в общем, фонари там...» (с. 2). После войны артель «постепенно ... заглохла» (с. 2).

«Там не только... одни жестяники. Там же и пайка, и краска была. И красили это все... И штамповка... И сварки. Моя вот специальность, я сварщица. У меня вот в трудовой книжке. Сварщица. Точная сварка. И пожалуйста, мы варили фонари. Все там варили. Все работали. Все, из всех деревень ходили, через Москва-реку и работали... Там рядом кладбище... за Ду́ниным... там пансионат ЦК КПСС... небоскреб стоит там кирпичный такой... Артель как раз там, в этом месте. Почти напротив. Они даже просили, эти богатые, да – отдайте нам артель. Артель... сейчас почти отсюда перевели. Ну, мало тут осталось. В Голицыне она там, в Одинцове... Эти богатые просили: «Отдайте нам ее... И мы тут сделаем себе большой санаторий». «Но не отдали ее, не отдали под конец. Так артель там и числится. И так там кто-то работает» (А.М. Раненкова, с. 9).

Наиболее полно историю артели и представления жителей Дунино о ней передает рассказ Зинаиды Тимофеевны Руленковой, которая работала в артели с 1941 по 1987 г.: «История этого завода сложилась с восемнадцатого года. Кустары-жестяники, которые жили в Ду́нино, в Козинó, Грязь, Сальково, Ма́рыно, Аксýнино, Исла́вское, все из окружающих деревень скоопировались и построили... артель «Металлист»... Численность работающих в этой артели достигала более четырехсот человек. До войны здесь производили продукцию даже и оборонной промышленности: бортовые обогреватели к самолетам делали. Затем делали... (это уже в войну, и до войны и в войну) баночки ...для противогазов под химические сыпучие предметы. Делали и во время войны термоса для пищи, которые поставляли для фронта, для землянок фонари такие фитильные маленькие, очень много. (Баночки, в которые запаивались капсулы для гранат. Ручки для гранат, ракетницы... делали, которые с самолета сбрасывали на парашютах, вот эти ракеты. Одно время, это до войны, бортовые обогреватели делали для самолетов, ремонтировали кухни походные для солдат, уточняла после Зинаида Тимофеевна). Работали очень много и, не жалея, как говорят, ни сил ни времени, ничего, ковали победу.

После войны завод работал очень хорошо, потому что, судя по тому, как жители заинтересованы были, во-первых, в том, что это на ихней земле этот заводик, рядом с домом. Дорожили и работой и... выполняли и планы... Завод считался не на плохих... занимал передовые места и в районе...

А потом однажды – это было в шестьдесят четвертом, кажется, году, когда при слиянии совнархозов здесь начали передавать, объединять – передали наш завод в Одинцовский завод бытовой химии, и (двое) руководителей этого Одинцовского завода хотели... артель нашу закрыть. Но рабочие, как говорят, грудью отстояли это. Уже начали станки... перевозить... Рабочие не дали. И... начали ездить в Москву, и в газету «Правда» писали и ездил, ну, в общем эту артель бывшую передали... в Голицынскую птицефабрику. Некоторое время мы работали ... при... Голицынской птицефабрике, а потом организовалось там производство, производственное объединение «Звенигород». И подчинялись мы вот производственному объединению «Звенигород» и вырабатывали для сельского хозяйства, для птицепрома клеточные батареи для кур, механизированные батареи для кур-несушек.

Работали тоже очень хорошо, но вот в связи с перестройкой снова все пошло на убыль, и сейчас развалилось почти полностью. Была артель, потом у нас был завод, ...затем был цех. И сейчас в этом цехе осталось очень-очень мало народу, наверное, человек двадцать всего. Жаль, конечно. Но, я говорю, может, это в связи еще и с тем, что молодежь при колхозах уходила в Москву, в город, и здесь никого не оставалось. Дорабатывали люди, которые в возрасте... Четыреста человек это работали до войны, а уж после войны их все меньше и меньше. Вернулись, конечно, и после войны люди. В то время много: и триста работали человек. А потом все стало меньше и меньше рабочих, и вот свелось у нулю. И это Ду́нино осталось...» (с. 21, 22).

56. КЛАДБИЩЕ Д. ДУНИНО (см. фото на рис. 102). Запись о кладбище сделана от А.М. Раненковой: «За Ду́ниным, вот где вот сейчас строятся. Прям за лесом (относительно д. Сальково, где производилась запись. – С.Ч.). Тут артель, и тут же

14 Бояр О.П. Звенигород // Города Подмоскoвья. Кн. 3. М., 1981. С. 599.

кладбище наше. Рядом прям. Сейчас там много уже... Потом там, когда война была, туда хоронить их... хоронили этих бойцов, которых убили, там прямо» (с. 2).

57. ПОЛЯНА У КЛАДБИЩА (рис. 102, 103). К востоку от артели, непосредственно рядом с кладбищем, на левом берегу Артельского оврага располагается небольшая поляна, на которой обнаружено 6-е Дунинское селище (см. о нем в разделе 4).

58. АРТЕЛЬСКИЙ ОВРАГ. Выположенное верховье этого оврага начинается от с. Сальково. Далее овраг протекает через лес (вдоль него проходила в XVIII–XIX вв. южная межа Козинской земельной дачи, см. № 62) к луку Антоновка (№ 54). Затем следует живописный участок, на котором овраг протекает по лесу. Отсюда начинается ручей. Ниже по его течению, на левом берегу, расположена артель «Металлист». В месте пересечения Артельского оврага со Старой Можайской дорогой к нему вновь выходила межа Козинской земельной дачи. Отсюда она вела по течению ручья вплоть до его впадения в р. Москву.

59. ЛЕС К СЕВЕРУ ОТ АРТЕЛЬСКОГО ОВРАГА (рис. 105, 106). Этот небольшой по площади сосново-еловый лес-брусничник занимает узкую длинную гряду, возвышающуюся над Дунинским полем и лежащую между ним и Артельским оврагом. На западе он ограничен территорией артели «Металлист», а на востоке распространяется до пересечения ручья трассой Старой Можайской дороги (Иславской). В районе пересечения берега ручья искажены дисгармонирующей коттеджной застройкой, выполненной в стилистике «альпийских» деревень.

60. ДОРОГА ИЗ КОЗИНО В ДУНИНО. Дорога показана на плане специального межевания 7-й части земель с. Козино (рис. 16). Известна она и старожилам д. Дунино («в Козино была через Москва-реку пешая дорога», с. 23).

61. ИСЛАВСКАЯ СЕЧА. Обширный лесной массив между Дунино, Сальково, Чигасово и Иславское известен крестьянам д. Дунино под архаическим названием «Иславская сеча». «То была Исла́вская сеча там, недалеко от нас. Там ягод было видимо-невидимо, земляники и всего. А потом как вот война пришла, и вот нас из артели на трудфронт гоняли, там его пилили поголовно, все на фронт отправляли». (А.М. Раненкова, с.3). Судя по дальнейшему изложению А.М. Раненковой (эвакуация мужа), лес начали вырубать летом-осенью 1941 г.

О расположении Иславской сечи А.М. Раненкова сообщила следующее: «И с Салькова и туда к Исла́вскому шел, к Чига́сову. Лес большой там, большой. Он и сейчас тоже лес. Правда, изуродовали там все, потому что газ когда вели (везде), по лесу там набросали. Вот я уже прошла, когда стало...» (с. 3). Таким образом, речь идет обо всем лесном массиве, лежащем между полями Сальково – на западе, Дунино – на севере, Иславского – на востоке и Чигасова – на юге.

62. СТРЕЛЬНИКОВА ПУСТОШЬ (2-й участок Козинской земельной дачи). По Уставной грамоте Алексея Алексеевича Спиридова 1862 г. 18 десятин этой пустоши передавалось в надел крестьянам д. Дунино, а 60 – крестьянам с. Козино (прил. 3, с.17). Пустошь локализуется к югу от Старой Можайской дороги, между нею и лощиной, образующей верховье Артельского оврага. В настоящее время западная часть пустоши занята поселком и хоззоной санатория «Поречье», а восточная – лесом и лугом Антоновка, застроенным коттеджным поселком Минфина РФ. Судя по всему, луг Антоновка (см. № 54) – не что иное, как крестьянский надел в пустоши Стрельниковой.

63. ДУНИНИСКАЯ ДОРОГА (ВЕРХНЯЯ) – дорога из Салькова в Дунино, пролежавшая лесом через территорию дачи Попова (санатория «Поречье»). Старожилы хорошо знают эту лесную дорогу и согласно отмечают ее живописность: «Прямо вот, где по Ду́нино, по дороге. И дорога была здесь очень хорошая. Прям так в лесу дорога такая была хорошая! Такая хорошая!» (А.М. Раненкова, с. 8). Помнят ее, разумеется, и в самом Дунино («В Порёче была пешая дорога», с. 23).

64. НИЖНЯЯ ДУНИНСКАЯ ДОРОГА. Дорога (тропа), ведущая от Дунино в сторону Заречьевского луга и усадьбы Поречье вдоль берега реки Москвы.

65. ИСЛАВСКАЯ ДОРОГА «Была, – вспоминает З.Т. Руленкова, – дорога на Исла́вское. Пешая дорога. Ну, и на лошадях в основном ездили. Первую дорогу на машине проложил Михаил

Михайлович Пришвин. У него был «москвич» маленький, и вот он на этом «москвиче» с трудом, но ездил. Затем проложили... уже шоссе... до дома отдыха «Лесные дали», когда Совмин построил здесь пансионат» (с. 23).

Как свидетельствует план Генерального межевания 1760-х гг., эта дорога вела от деревни в юго-восточном направлении по правому берегу Рахмановского оврага и выводила на Старую Можайскую дорогу у юго-восточного угла Дунинского поля, там, где Можайская дорога смыкалась с внешней границей земельной дачи с. Козино (рис. 114). На плане 1844 г. эта дорога уже носит название дороги к с. Иславское (рис.116).

66. ЧИГАСОВСКАЯ ДОРОГА. Лесная дорога из д. Чигасово в д. Дунино. «Чига́совская дорога, – вспоминает З.Т. Руленкова. – По Чига́совской дороге... У нас из Чига́сова тоже работали в «Металлисте» люди, и ходили каждый день на работу и с работы. Вот здесь километра, наверное, четыре или около пяти до Чига́сова» (с. 23).

67. ГОРЕНОШНЫЙ ОВРАГ. Овраг, впадающий в пойму р. Москвы у восточной окраины д. Дунино. «С этого с поля выходили два оврага. Один Гореношный овраг. Это где сейчас вот двенадцатизатный стоит дом, спуск. Это назывался Гореношный овраг. А туда дальше еще есть овраг. Ну, может быть, сколько там, метров сто-сто пятьдесят. Этот почему-то назывался Вла́сеевой, Вла́совской овраг. А уж почему... Там их два» (И.Е. Руленков).

68. ВЛАСОВСКИЙ ОВРАГ (ВЛАСЬЕВКА). Овраг, впадающий в пойму р. Москвы в 150 м восточнее окраины д. Дунино (см. № 67).

69. РАХМАНОВКА (ПУСТОШЬ РОМАНОВСКАЯ) – 1-й участок Козинской земельной дачи. Рахмановкой жители Дунино называют крестьянское поле, которое располагалось за Артельским оврагом, в 0,8 км к ЮВ от деревни. «Сзади завода (артель «Металлист». – С.Ч.) два поля было. Одно поле называлось Рахма́новка, другая – Вла́сеевка называлась. Два поля... Там, я помню, где были наши полосы, когда еще... у каждого дома своя земля была. А потом, когда стали колхозы, те два поля просто засадили соснами, лесничество. Делали посадку и... Еще когда мы были молодые... на этой посадке косили для овец... До войны посадку сделали... Артёльский овраг, или как он назывался... Там пруд. Там ну очень много родников... За оврагом. Прям ...с оврага они и начинались... А Анто́новка правее» (И.Е. Руленков, с. 17).

Из Уставной грамоты 1862 г. Алексея Алексеевича Спиридова, владевшего с 1844 г. 1-м участком с. Козино, явствует, что этот последний участок носил название «пустоши Романовской» (прил. 3, с. 17). Возможно, топоним контаминировался с более знакомым крестьянам названием «Рахмановка» и превратился в поле «Рахмановку».

70. ВЛАСЬЕВКА, поле крестьян д. Дунино, располагалось за Артельским оврагом, в 0,8 км к ЮВ от деревни.

Уточнить местоположение Рахмановки и Власевки позволяет магнитофонная запись разговора Ивана Егоровича и его супруги Зинаиды Тимофеевны, поселившейся в Дунино в 1934 г.: Зинаида Тимофеевна (далее: ЗТ): А Рахма́новка где эта была? Это какое поле, Рахма́новка?

Иван Егорович (далее: ИТ): С левой стороны. Помнишь, мы где косили посадку-то?

ЗТ: За артелью?

ИЕ: Да.

ЗТ: По ту сторону оврага, да?

ИЕ: Да.

ЗТ: Это Рахма́новка?

ИЕ: Да.

ЗТ: А Вла́сеевка где?

ИЕ: С этой стороны. Или наоборот, с этой стороны... Нет, это... Ну, здесь, за колодезцем-то ведь тоже посадка, где горело-то, когда один пожарник разорил пожарника. Поле было тоже. Где прожектора стояли.

ЗТ: А она вроде одна и есть. Или нет? Или две?

ИЕ: Нет. Две. Потом здесь крупный лес заполнил.

ЗТ: Или уже заросло.

ИЕ: И там вторая посадка. Ты сажала ее, или мать твою сажала.

ЗТ: И я сажала, обрабатывала... Это еще перед войной.

ИЕ: Я не знаю, в каком году, году в тридцать девятом, тридцать восьмом, или... раньше?

ЗТ: Не, не раньше... Уже в тридцать девятом, сороковом. В сороковом году.

ИЕ: Я еще помню, когда маленький был, отец лен сеял там в углу. У нас в углу там земля была с левой стороны. И вот лен взяли. Он хотел сделать свою пряжу. И у него ничего не получилось. А он сгнул. Расстелил он там, на горе. Тут как раз снег пошел, потом растаял. Слякоть. И он... Ну, в общем, он его просевал. Вовремя не обработал» (с.19).

71. БОРОК. Лесной массив на берегу р. Москвы к востоку от полей д. Дунино. «Где сейчас пансионат «Лесные дали»... ЦКовский... он назывался просто Борók, дунинский лес» (с. 17).

Если «Козинский» лес не принадлежал дунинским крестьянам, то лес Борок в начале века входил в крестьянский надел: «Тут это вот дунинский лес... Борók называли... Давали, отводили... на стройку лес» (З.Т. Руненкова, с. 21).

Судя по всему, речь идет о западной части леса, которая вошла в 7-й участок Козинский земельной дачи и из которой в 1861 г. выделялся крестьянский надел (рис.17).

О застройке леса пансионатом рассказывает Т. Руненкова: «Все началось, наверное, с тридцать пятого года... Курíлово. Здесь на берегу начали строить дом отдыха Госбанка СССР. В тридцать пятом году построили дом отдыха. И здесь вообще хотели, наверное, говорили все, зону отдыха по всему берегу сделать. И планировалось... наверное, нашу деревню снести. Когда... поселили, вот здесь это поле. Его купили в колхозе.... Только колхозу ничего, ни грамма даже не (дали)... Несчастный колодец и то не сделали... Колонку сделали, и все... ЦК. Пансионат сделали... Потом построили пионерлагерь ЦК рядом с домом отдыха – была там дача Калмановича, а потом пионерлагерь» (с. 20, 21).

В настоящее время на территории леса, в частности в районе 1-й Дунинской курганной группы, ведется интенсивное коттеджное строительство (том 2, рис. 92).

72. КУРИЛОВО, луг. Упоминается в составе земель 7-го участка в титуле Плана специального межевания 1844 г. на эту земельную дачу (рис. 116). Жителями д. Дунино Курилово известно, как луг, выкашивавшийся крестьянами в 1920-е гг., в 1,3 км к востоку от деревни, ниже леса Борок, в котором располагается в настоящее время пансионат «Лесные дали».

Приведем уже цитировавшуюся запись, сделанную от Ивана Егоровича Руненкова, и характеризующую расположение и названия лугов, которые косили дунинские крестьяне в 1920-е гг.: «Наш, косили мы вот там. Он назывался Зарéцкий луг. Повыше Москва-реки он... Напротив Благодати, ...с нашей (стороны реки)... И наши покосы были там вот, где сейчас пансионат «Лесные дали» назывался Курíлово... Это было, когда было единоличное хозяйство. А потом вот это, Зарéцкий луг отошел в Сальково. Те луга отошли в Ислáвское... Когда вот организовались колхозы, уж я не знаю, кто землю делил. Вот этот... Зарéцкий луг отошел в Сальково» (с. 18).

Локализуется по указанию И.Е. Руненкова: «Вот идет Москва-река (вниз от д. Дунино), и, как она заворачивает влево, когда по течению идти, и с... правой стороны, это вот и называлось Курíлово» (с. 21).

73. УСАДЬБА МИЛОВИДОВО (6-й участок Козинской земельной дачи). Усадьба возникла в северной, прилегающей к р. Москве части 6-го участка Козинской земельной дачи. В 1890 г. здесь располагалась усадьба господина Салтыкова. В 1890-е годы усадьба была приобретена «женой финского уроженца» Марией Юльевны Освальд. В этот период возникла застройка усадьбы. Ее план и описание были составлены в 1901 г. при продаже имения Миловидово «женой статского советника» Конкордии Васильевны Критской (рис. 121 и описание; рис. 168 – привязка к современной геоподоснове)¹⁵.

Двухэтажный деревянный дом, сохранившийся до наших дней (фото на рис. 160), возведен на бровке коренного берега, от которой начинается плавный склон к Москве-реке. На

переднем плане – луг, обрамленный еловыми насаждениями (см. фото на рис. 163 А). Кроме того, на участке имелись дача со светелками, каретный сарай и кухня.

Дочь Критской вышла замуж за преподавателя Московского университета географа Лебедева. Ближайшим другом семьи Лебедевых-Критских был издатель народной популярной библиотеки «Посредник» И.И. Горбунов-Посадов, близкий друг Л.Н. Толстого. У Лебедевых-Критских в молодые годы жил скульптор С.Т. Коненков. Бывал здесь живописец П.П. Кончаловский, личный врач Л.Н. Толстого Д.В. Никитин.

В Дунинском доме много лет после освобождения из Шлиссельбургской крепости (1915 г.) провела Вера Николаевна Фигнер. Она проводила лето в гостях у Лебедевых-Критских. Жил в Дунино и академик член «Народной воли» А.Н. Бах¹⁶.

5.5. М.М. Пришвин в Дунино и осмысление исторических ландшафтов

Применительно к изучению природного и исторического ландшафта Дунино тема эта заслуживает самостоятельного изучения. К сожалению, в силу ряда обстоятельств постановка такого исследования теперь – имею в виду сжатые сроки разработки настоящего проекта – не представляется возможным. Поэтому ниже будут высказаны лишь некоторые соображения принципиального характера.

Роль М.М. Пришвина в художественном и духовном осмыслении природных и исторических ландшафтов центральной России еще не вполне оценена. Сегодня, все сделанное им и отраженное в его подготовленных к печати произведениях, а также в дневниках, представляется во многом в новом свете. По сути, им на новом уровне воссоздано традиционное видение природной среды, в которой произошло формирование русской культуры.

Пришвину принадлежит художественное открытие природы Севера, Мещеры, Переяславского края. Сделанное им сродни открытию древнерусской иконописи и архитектуры, которое изменило наши представления о русской средневековой культуре.

В Дунино М.М. Пришвин провел последние годы своей жизни (1946–1954 гг.), в которые ему было суждено обрести душевный покой и сосредоточиться на творчестве. Этот период его жизни освещен в замечательной книге Валерии Дмитриевны Пришвиной («Пришвин в Дунине». М., 1978). Благодаря этой работе, а также любезной помощи директора музея-усадьбы М.М. Пришвина Л.А. Рязановой и сотруднице музея Я.З. Гришиной, взявших на себя труд подготовить выписки из дневников писателя за 1946 и 1951 гг. (прил. 5) и комплект фотографий, выполненных в 1948–1950 гг. писателем и его близкими (рис. 169–184), мы имеем возможность указать на некоторые сюжеты, которые могли быть разработаны в дальнейшем в плане интересующей нас темы.

Первое впечатление от Дунино связано с коротким посещением, состоявшимся осенью 1940 г. Оно отражено в дневниковой записи от 2 октября 1940 г.: «Ездили в Звенигород на Николину Гору, в Дарьино и в Дунино. Дача делового человека – *Николина Гора и дача вольная – Дунино*». В этом тексте заложено видение природы д. Дунино, которая тогда еще сохраняла первозданность и внутреннюю свободу.

Ощущение внутренней свободы и покоя, навеянное природой Дунино, присутствует и во многих дневниковых записях писателя за 1946 г. Среди них выделяется знаменитый текст о падающем снеге (23 марта). В записи от 11 мая М.М. Пришвин сравнивает стояние на тяге со всеобщей, а 13 мая как бы продолжает эту мысль: «Под словом «природа» мы понимаем это самовозрождение по склонности нашей боготворить, приписываемое природе» (прил. 5. с. 3).

13 мая 1946 г. Пришвин приобрел дачу «Миловидово». В.Д. Пришвина вспоминает это время: «Летом 1946 г. Дунино предстало перед нами совсем иным. За деревенскими домами

15 Благодаря В.Н. Выборного, любезно предоставившего мне возможность ознакомиться с этими документами.

16 Изложено по работе: Пришвина В.Д. «Пришвин в Дунине». М., 1978.

расстилось обширное поле. Оно было круглое, как чаша, то золотое под рожью, то малиновое – под клевером, то розовое – под гречихой. Леса окаймляли деревню и поле со всех сторон. Они шли вглубь на многие километры и состояли из смешанных пород – это было их красой и богатством. Поляны, красные от земляники, тьма грибов, и совсем рядом – Москва-река. Кому, как не Пришвину, было оценить дунинскую природу! И Михаил Михайлович всем сердцем полюбил Дунино. Здесь он прожил почти восемь лет своей жизни»¹⁷.

Первое лето Пришвин прожил в санатории «Поречье» (дача Попова) и ежедневно проходил по дунинской дороге в Миловидово. Веселая и Ведьмина горы, лежащие вдоль этой дороги (рис. 182), удивительный по живописности склон к реке, обрывающийся из окон дома Пришвина, – все это образует некий микромир, питавший вдохновение писателя. Лес «К Поречью» фигурирует на многих фотографиях писателя. На одной из них – «Просека в лесу возле Поречья» (рис. 179), на другой – молодая еловая поросль, названная «Пореченский лесок» (рис. 178).

Но этим не исчерпывается Пришвинское Дунино. Москве-реке, протекающей рядом с Дунино, писатель посвятил рассказы «Москва-река» и «Москворецкий мост»¹⁸. На снимках отражен ледоход (1947 и 1948 гг. – рис. 175, 176) и «дунинский мостик» – лавы, которые заново строились каждую весну в послевоенные годы (рис. 180, 181 – см. воспоминания жителей, № 48). На многих снимках мы видим «Дунинский берег» зимой и летом (рис. 173, 174). Как уже отмечалось, Дунино расположено на высоком берегу реки, но несколько отступая от его кромки (это хорошо видно на фотографии, сделанной из-за Москвы-реки, рис. 169). Деревня как бы спрятана и укрыта от ветров и практически не видна от реки. Благодаря этому сохраняется почти непрерывная линия сосновых боровиц по кромке берега (Руненкова, Автюхина и Баровичева горы).

Окружающие леса, которые вплоть до Чигасово (рис. 171) были пройдены Пришвиным-охотником десятки раз, также являются неотъемлемой частью Пришвинского Дунино. Ядром Пришвинского Дунино – если пытаться осмыслить его как пространственную систему – является знаменитое **Дунинское поле** (рис. 170). Это поле искони примечалось местными жителями. Михаила Михайловича и Надежду Дмитриевну оно поразило своей красотой. Пришвин жил в Дунино не полные пять лет. Но его видение Дунинского поля передалось жителям деревни.

По согласному мнению старожилов деревни Дунино, при жизни М.М. Пришвина никто не посягал на застройку Дунинского поля. Приведем рассказ Александры Михайловны Раненковой. Он представляет большой интерес. В нем ярко проявляется крестьянское отношение к полям, возделанным трудами многих поколений, и, одновременно, ощущается импульс, данный «пришвинским» видением Дунинского поля:

«И вы знаете, когда он (М.М. Пришвин. – С.Ч.) был, у нас сзали Дунина, у нас такое поле там огорожено с трех сторон лесами, и Дунино и Москва-река прямо. Дунинское поле было. Сейчас там русские богатые живут. Вот так их и зовут. И вы знаете, и такое поле! Там овес какой рос! Греча созревала. Потому что кругом лес. Там тепло было. А потом навозу-то... Ведь это же мы там все жили по отдельности. Навозу везли. Скотину держали. Все. Потом и соединились даже, все там работали вместе. Очень хорошее. И... Пришвин сказал: «Пока я жив, ни одна нога сюда не ступит, и не будет тут это... строиться». Вот какой был. И вы знаете, как все спокойно жили люди, надеялись на него. И правда, никто при нем туда не лез. Как только помер – все. Стали это поле, все там стали рыть, строить. И вот сейчас вот я туда... – там кладбище недалеко, мои родители там похоронены – и вот, знаешь, вот туда прихожу, и всегда думаю, думаю: «Ой, такое поле! Такое жирное, такое хорошее. Что ж эти... Все огородили. А забор трехметровый. Но зачем же это сажать там лес?» На этой своей территории сажают лес. Неужели фруктовые нельзя сажать-то там было посадить? Ведь никто бы туда даже не зашел. А то березы, елки, чего там нет. Что ж такое?! Ведь это на хорошее

поле все посадили. Конечно, это все уж пошло, не поймешь что. Да. Но было-то...» (с. 2).

По своему внутреннему строю (мотив сбывшегося пророчества) этот рассказ принадлежит к весьма раннему архетипу и может быть сопоставлен по ряду признаков с легендами о деяниях святых.

Отношение местных жителей к Пришвину – особая сторона рассматриваемой темы. Во время опросов, которые были проведены в декабре 1996 г. О.Н. Глазуновой, по ходу рассказа о старых крестьянских угодьях жители Дунино не раз вспоминали о писателе. Приведем некоторые из этих рассказов.

Александра Михайловна Раненкова (Рассыпнова) вспоминает, как был приобретен Пришвиным дунинский дом: «А ведь тогда Пришвин-то ведь. Когда он приехал-то к нам туда, до войны еще... Да, до войны. Но я уже была здесь (в д. Сальково) замужем. И вот как-то иду к маме. Тогда я же часто очень ходила. У меня же дети... У меня двое их было. Вот. Прихожу как-то раз, старичок сидит. Такой ласковый, хороший. Она ему говорит, мама: «Вот видите, вот это вот тоже моя дочка пришла. Ну, как же я могу вам продать дом?! У меня еще две в Москве... У меня дети. Я не могу продать вам дом». Он: «Да я с вами вместе куплю и вас буду покоить до смерти». Она говорит: «Нет. Этого не пойдет». Ну а мама была знакома с этой Критской, где вот сейчас музей. С домом с этим, с самой хозяйкой была. Она ему говорит: «Конечно, она уже умерла, я слышала. Но у ней дети в Москве живут. Адрес у меня есть. Вот я вам дам, поезжайте и договаривайтесь». И вот он поехал. Он договорился, приехал. К маме заходил все время, гостинцы приносил. «Ой, – говорит, – как у меня здесь знакомый человек». Вообще он очень хороший был дед. И это... и вот он и купил этот дом и там жил все время. Ходил (неразб.) еще пень, ну такая площадка. Он даже заснятый на этой. Ой, даже в книжке я выдала про Дунино про наше, что вот он там сидит и сочиняет и пишет, все. Он так хороший дед-то, очень хороший. И он... вот там он жил. А вот умер, там у него после музей открыли. А так дед очень был хороший. Очень хороший».

Еще один рассказ записан от Зинаиды Тимофеевны Руненковой, свекровь которой – Мокрида Егоровна Руненкова – знала М.М. Пришвина:

«Пришвин – в связи с тем, что очень было голодное время, они имели козочку. А когда уезжали зимой в Москву, козочку оставляли вот у нашей свекрови, вот у мамы Ивана Егоровича. И она ее доила, ну, ухаживала за этой козочкой. А мы, когда с Иваном Егоровичем дружили, даже был случай, когда мы с Иваном Егоровичем... Она накопит творожку, и мы возили... на Лаврушинский переулочек к Михал Михалычу возили этот творожок, помню, в ведерочке. Поэтому он и знал Мокриду Егоровну.

Они очень... дружно они так были с Михал Михалычем. Михал Михалыч и к нам заходил. У нас был домик еще очень маленький. Вот здесь были сени, а впереди вот домик, в этом доме была большая русская печь, ...теперь маленькая печка. Вот. И помню, как сейчас, Михал Михалыч зашел, а я... мы дочку мыли. А я только родила, ей было, наверное..., ну маленькая еще, новорожденная. Он посмотрел: «О, вот будет еще, еще и дунинский человек». Так заметил. Ну, он так, бывало, придет на берег. Вот Иван Егорович был перевозчиком на Москва-реке. На берег приходил, с ребятами там занимался. Фотокарточка где-то у него. Ну, у Лили, наверное, есть фотокарточка. У Ивана Егоровича тоже была фотокарточка... запечатлел он ребяташек. И смолит Иван Егорович лодку, засмаливал. Раньше... Это сейчас вот «Металлист» сварил железную, металлическую. А раньше деревянные. И эту лодку засмаливал гудроном. Он гудронил ее, чтобы течь не давала. Рабочих много. И вот всех рабочих перевозили вручную на веслах через Москва-реку в половодье на лодке. Очень было трудно. А сейчас... Потом уже сделали трос, и по тросу перевозят лодку со штырем, с палкой. Только дергают. А так – на веслах. Очень трудно было. Ну, потом усовершенствовали» (с. 23, 24).

Пожалуй, наиболее полно понимание крестьянами труда и жизни Пришвина отразилось в рассказе о Дунинском поле.

Строительство пансионата «Поляны», осуществленное в 1970-е годы вопреки воле местных жителей и твердо высказанной позиции В.Д. Пришвиной (письмо 9.05.1973 г. на имя члена политбюро ЦК КПСС М.А. Суслова, прил. 6), нанесло непоправимый ущерб историческому ландшафту Дунино.

17 Пришвина В.Д. «Пришвин в Дунино». М., 1978. С. 23.

18 Пришвин М.М. Собрание сочинений. Т.5. М., 1983. С.323–353.

5.6. Левобережная часть земельной дачи с. Козино Устная традиция села Козино и д. Ивановка.

Кулагина Евдокия Степановна, 1900 г. рождения. Родилась в д. Ивановка и вышла замуж в село Козино до 1928 г. Евдокия Степановна пела в церковном хоре («пела на крылосях», с. 27). Названия угодий и урочищ вспоминала с большим трудом.

Кулагин Борис Александрович, 1937 г. рождения, сын Евдокии Степановны. В Козино с 1945 г. С его слов записано многое из того, что его мать уже по старости не могла вспомнить.

Сечкова Ольга Ивановна, 1911 г. рождения. От нее сделано несколько записей (о церкви, кладбище), которые отражают реалии церковного быта в предреволюционные годы и в 1920-е гг.

Тимошкова Мария Дмитриевна, 1926 г. рождения.

Престольные праздники села и всего прихода – Никола Зимний (19 декабря по новому стилю) и Киевская Богоматерь (15 июня по новому стилю празднуется память Киево-Братской иконы Божией матери 1654 г.) (с. 27). В приход церкви с. Козино входили деревни Сальково, Поречье, Дунино, Ивановка и Грязь (с. 33).

О праздновании престольных праздников рассказала Ольга Ивановна Сечкова 1911 г. рождения: «Киевская Божия мать. Это у нас. Нигде такой нету праздника... у нас пять деревень... И вот, значит, крестным ходом два батюшки ходили по домам. А вот это престольная Никола. Девятнадцатого (декабря)» (с. 31). На праздник Киевской иконы Божьей Матери «соберемся, все деньги соберем, и батюшка к нам приезжает, вот здесь вот молебном. ...Вот эти пять деревень, все приходят. Ну, кто приходит – из одной двое-трое. Ну, много народу собирается, много. ... Киевская Божия мать, это молебен. Мы собираем деньги и вот плотим батюшке. Из Аксѣньино. Водосвятие. Тут битонов, кто... чего принесет. И вот он святит. Брызгает всех этим, у него такая штука, держит. И вот он ходит, всех, на всех поливает. Очень хороший праздник. ...А на Николу ходим в церковь» (с. 33). «Киевская божья мать, – вспоминает Е.С. Кулагина, – справляли праздники.... Пироги пекла. Я по пирогам мастер-то. Бывало, ворочаю, ворочаю сажу. Не как теперь поставят: киллограмчик. А я на три кило. Меньше не ставила» (с. 30).

74. ЦЕРКОВЬ ВВЕДЕНИЯ (НИКОЛЬСКАЯ) С. КОЗИНО. Наиболее полное описание храма, колокольни и часовни записано от Ольги Ивановны Сальковой 1911 г. рождения: «Богатая была церковь, и... летняя была, зимняя была. Венчали, крестили. Три этих отделения больших. Церковь была богатая. Все в иконах были стены. (И колокольня была) ...И много колокольных... И маленькие и большие... Из кирпичей все. ... Маленькая была часовня (из кирпича тоже). Вот около церкви. И даже собирали эти кости и туда клали. От головы это кости, от ног. Они как-то... Тут под гору. Не знаю тут..., как это сюда попали. Хоронили ли тут около церкви. И вот они под гору. Размывало гору эту, овраг-то» (с. 33). Эта запись особо ценна указанием на обнаружение старинных погребений и тем, что часовню использовали как костницу. О расположении разрушенной церкви О.И. Сечкова сказала так: «Там дом-то большой хороший. Вот напротив» (с. 31).

Церковь располагалась на западной окраине села, на высоком берегу р. Москвы (рис. 113, 124). Она была разрушена в 1932 г. (вид места церкви см. на фото рис. 98, 98а).

О разрушении церкви сделано несколько записей. А.М. Раненкова вспоминает об этом так: «(Козинская) церковь была, такая церковь, что такой сейчас нигде нет. В Козино, через Москва-реку. В Козино церковь была. Ее тогда партийцы сломали и сделали. Сорок пятая больница этот... корпус, – сейчас-то новый там еще уж – а это, который уж старый... Из этой церкви корпус сделали. Но церковь была большая! Такая служба была – какой там! Все Дунино слышало, потому что там на горке она была, церковь. А Дунино-то рядом же тут, через Москва-реку было» (с. 3).

С.С. Медников: «Стояла прям на берегу Москва-реки, вот напротив нашего луга. Вот здесь такая высота... Красиво очень выглядела... Обнесена забором металлическим она была. В церкви... Я был в ней... Ее сломали перед войной, взорвали. Хотели строить... Сорок пятую больницу... Взорвали, она вся разлетелась, упала – там берег, наверное, метров сорок высотой – сюда вниз, в Москва-реку. Она разлетелась, и весь кирпич пропал. И ничего там не взяли из нее» (с. 14). «Церковь красивая была. Я помню. Потом председатель колхоза была Пученкова. Она абсолютно безграмотная

женщина. Расписываться – она галочку здесь становила. Была вот... И еще Буданова, председатель сельсовета, тоже была безграмотная женщина. И вот они решили эту церковь продать. Ну, им кто-то, горком или кто там, подсказал, что надо ее сломать. Райисполком или горком, не знаю. И ее взорвали» (с. 16).

Непосредственным свидетелем уничтожения церкви был И.Е. Руленков, которому тогда было 8 лет: «На высоком-высоком берегу... стояла церковь. И в тридцать втором году ее рвали... Кирпичная. И еще помню, когда... Там рядом школа. Помню, всех загоняли, и никого не выпускали. «Сейчас будут взрывать». Ну, пацаны все равно выскакивают... Только оттуда пыль. Взрыв – и пыль. Рвали церковь». О местоположении церкви Иван Егорович сообщил следующее: «Метров семьдесят (к северу от здания школы, расположенного на западной окраине села. – С.Ч.). Рядом (с церковью. – С.Ч.) домик стоял. Вроде к церкви (относился. – С.Ч.). Там два домика... Вот где Марья Михайловна жила, это церковный домик был». «И еще, – добавила Зинаида Тимофеевна, – там... дом стоит». «А потом эта школа» (с. 20).

Борис Александрович Кулагин помнит вид местности после разрушения церкви: «А там ... подмывало берег, и, видать, там или подвалы были... – на обрыве же была церковь-то. И вот мы кресты находили такие большие... Там, видать, в подвалах было. Клуб-то поставили туда, к Сахалину ближе. Вот там сосны. Клуб там был. А здесь почему-то пекарню. Церковь я не помню... Ее сломали в тридцать втором» (с. 27).

75. КЛАДБИЩЕ СЕЛА КОЗИНО. Данные о расположении старинного кладбища в Козино записаны от С.С. Медникова: «Кладбище прям недалеко от церкви в Козино. Приход наш козинский. Туда всех возили. Ну, от церкви там метров... У меня там теща жила, тещь. Сзади ихнего дома. Ну, это метров двести от церкви было кладбище. Сейчас его перенесли. Недалеко от Мозжинки, на поле. Там овраг проходит. И вот около этого оврага. Ну, от Мозжинки метров... да, наверное, пятьсот метров» (с. 16). Дополняет это описание С.И. Сечкова: «А кладбище вот прямо. Вы не видели братскую могилу? Вот рядом. Вот сейчас пройдете вот двухэтажный дом на краю, и вот наша братская. ...А после войны, все там..., на Глинище».

76. СЕЛО КОЗИНО. Наиболее раннее изображение села находим на плане 1760-х гг. (рис. 114). На нем показаны две улицы. Планировка села не претерпела серьезных изменений до нашего времени (рис. 113, 126, 127).

Наряду с главной улицей села, которая начиналась к югу от церкви и вела в восточном направлении, были «слободки» («У нас слободки: Первая Слободка, Вторая и Третья» – М.Д. Тимошкова, с. 36).

77. ГЛѢНИЩЕ – место, недавно отведенное под кладбище на берегу р. Москвы к западу от села Козино, между ним и лесом Мозжинка. По словам Евдокии Александровны Кулагинной, «Кладбище прозвали как Глинище...» (с. 31). «А Глинище... – перед Мозжинкой, вот если туда-то Мозжинка, а с правой стороны от Москва-реки, тут дорога идет, а тут недалеко от леса так» (Б.А. Кулагин с. 31).

78. КЎНЬИНСКИЙ ОВРАГ. Овраг к северу от д. Ивановка. «И между двумя оврагами там вот и поляны были. Там и кусты, там и ставили (скотину на полдни. – С.Ч.) в Кўньинском овраге» (Б.А. Кулагин, с. 26). Овраг локализуется по указанию Е.С. Кулагинной «за Саманом» («Саман» он называется, когда колхоз... был... а кирпичей-то не было тогда. А саман – это из глины. Лепили сами колхозники все и делали кирпичи, с. 27), который расположен в 350 м к северо-востоку от деревни.

Видимо, о том же овраге, но только в нижней (ближе к р. Москве) его части сообщают старожилы с. Козино: «Кўньинский... от дороги идет так вот к Москва-реке. ... А вот дальше будет Попов овраг...» (О.И. Сечкова, с. 33).

79. РѢЩИНСКИЙ ОВРАГ. По воспоминаниям Ольги Ивановны Сечковой, стадо коров села Козино ставили на полдни в Рощинском овраге. «Как едешь на автобусе и подъезжаешь вот до поворота-то на Ивановку, на Аксѣньино, и маленько не доезжа, и вот здесь... в РѢщинском овраге» (с. 31).

80. КАМЕНКА, речка. Речка эта впадает в Москву-реку слева, в 1 км к востоку от д. Ивановка. «Каменка..., – отмечает одну из местных достопримечательностей И.Е. Руленков, – с Грязи

(течет. – С.Ч.). Там такой родник – прям... вот такая шапка из-под земли бьет. ... Она... течет... через Ива́новку, и в Москва-реку» (с. 24).

Поля села Козино располагались большим массивом к северу и востоку от села.

81. ДЁШИНО. Название поля записано от М.Д. Тимошковой: «Как идешь к Аксёныну. Дёшино называлось. за Ива́новкой» (с. 34). «Наше Козинó где кончается, это поле. Так мы там все время... Там и огурцы сажали и капусту сажали там. ... Это сейчас Козинский луг стали называть. А тогда еще было Дёшино. Там все родилось, и капуста и огурцы. И хлеба там сеяли» (с. 36).

82. ЧЁРТОВКА. «Чёртовка пляж был такой. ... И вот с него ныряли, с этого пляжа. Там же было глубоко. Там тонULO очень много людей. Так и звали – Чёртовка».

83. ЧИСТКА, роща. Лес к северу от д. Ивановка. «В Чистку на полдни-то все ходили, тоже в лесу, в Чистке ... ставили. ... За Кунинским (оврагом)... А дальше лес-то начинался. Чистка – это край леса там... до бетонной дороги вот как, не до бетонной, а сейчас, как к Синьково если ехать там... осины» (Б.А. и Е.С. Кулагин, с. 29, 30). «У нас в Чистке паслись коровы Это... в лесу. Так вот едешь ... в Звенигород... Туды овраг, вот где ферма, и прям здесь вот поле такое к (верху). Это Чистка называлось у нас. Лес там» (М.Д. Тимошкова, с. 34)

84. БАРСКИЙ САД. «На Грязях барин жил. И вот этот Барский сад назывался. И вот около Барского сада полдни были. А Повзя (Михаил Повзя – председатель колхоза. – С.Ч.) когда построил ... этот пруд, около пруда делали полдни, чтоб коров поить. Председатель» (Борис Кулагин, с. 28).

85. САХАЛИН (ПУСТОШЬ САХАЛОНКИНА). Мыс при впадении Попова оврага в долину р. Москвы (рис. 133). «А это у нас там такое место красивое. Там одни сосны. И поляна такая хорошая. Вот у нас ездили... Ну, лагерь. Там лагерь был» (Тимошкова М.Д., с. 35)

«Сахали́н, там сосны. Он как заводина... на берегу Москва-реки ... такая возвышенность, и сосны там росли... Здесь в деревне сосны. А Сахали́н, он как-то, с этой стороны Москва-река, с этой промывало, ручей тек... Он как бы... полуостров такой... Там, где контора совхозная сейчас, правление, там еще сосны остались. Запрещали. И в войну запрещали его спиливать» (Борис Кулагин, с. 28).

Название происходит видимо от пустоши Сахалонки, которая фигурирует в перечне пустошей 7-го участка Козинской дачи (рис. 117 – текст экспликации). Возможно, связана со старинным названием Мозжинского леса – пустошь Соколита (№ 90 – планы 1844 и 1861 гг., рис. 118).

86. КАПУСТНИКИ. Луг, вошедший в 1861 г. в крестьянский надел и располагавшийся у подножья высокого левого берега р. Москвы западнее мыса Сахалин (прил.3, с. 16). К 1930 г. луг разрабатывался под огороды, которые показаны на карте 1930 г. условным обозначением (рис. 125). «Капустники у нас под Сахали́ном. ... Потому что мы там все время капусту сажали. Вот, каждый год. ... Сахали́н на горе. А внизу это вот поле» (М.Д. Тимошкова, с. 36).

87. ПОПОВ ОВРАГ. По мнению Б.А. Кулагина, так называли овраг, впадающий в долину Москвы-реки на западной окраине с. Козино. Верховье этого оврага расположено в 0,7 км к востоку от пос. Мозжинка. «А не этот овраг, как к Мозжинке вот от Сахали́на, и есть овраг туда, к Мозжинке, туда. Это не вот этот Попов овраг... назывался... Как от круга спускались ...была дорога. С этой стороны дорога на город была, а с этой стороны вот этот Попов овраг, наверное... Он же был почти до Мозжинки, шел-то» (с. 30). Более уверенно локализует в этом месте Попов овраг О.И. Сечкова: «Как сейчас спустишься в город-то идти, и вот Попов овраг. ...Первый Попов» (с. 32).

88. ВЫДРИНСК, ЛУГ. Показан на плане 1861 г. (рис. 123) к югу от села Козино, в районе излучины р. Москвы вблизи переезда «под Выдрой», известного в устной традиции (№ 38).

89. МОЗЖИНКА. Возвышенный коренной берег р. Москвы и лесной массив на нем в 1,3 км к западу от села Козино, частично застроенный дачным поселком Академии наук СССР. Название этого лесного массива было в ходу у жителей Козино и Ивановки задолго до начала строительства поселка (после 1945 г.) Б.А. Кулагин 1937 г. рождения помнит этот лес еще до начала строительства: «Тут сосновый лес был густой. Чащерна

была там или орешник... А мы только по краешку ребята... малину собирали» (Б.А. Кулагин, с. 31).

М.Д. Тимошкова: «Немцы пленные строили эту Мозжинку. Там еще бараки строили. И вот называли ее Мозжинка. Потому что там Мозжинка.... Мы когда ходили пешком из Звенигорода, у нас гора (там стоит). И называлась она Мозжинка. И вот с этой горы называли и эту, городок Мозжинка» (с. 36). Народная этимология производит название от лова «мозжить»: «Говорят, – отмечает Мария Дмитриевна, – ...убивали там». «Убивали, – добавляет ее сын, – ...назвали Мозжинка, мозги мозговали все» (с. 36).

На самом деле название происходит от слова «мозжеви́на» – топкое место, и объясняется тем, что старая Звенигородская дорога проходила здесь по местности, изобиловавшей ключами.

90. СОКОЛИТА. Название пустоши, которая соответствовала территории Мозжинского леса. Показана на планах 1844 г. (рис. 117 – под литерами X–Y) и 1861 г. (рис. 118 – под литерами D–E, F–G; рис. 124 – Ж).

91. СТАРАЯ ЗВЕНИГОРОДСКАЯ ДОРОГА. Пролегала по левому берегу р. Москвы у подножья Мозжинского холма, далее вела по полю в обход Поповского оврага через территорию д. Ивановка и выводила к излучине р. Москвы у с. Аксёныно.

5.7. Памятные места, связанные с событиями Великой Отечественной войны

Война наложила отпечаток на восприятие исторических ландшафтов. Приметы военного времени по свежим следам отмечал М.М. Пришвин. Фиксируются они и в записях, сделанных в 1996 г.

«Ведь у нас война-то была... Вот на той стороне... А тут-то и фини и немцы (неразб.) ездили, и все. А бомбить нас бомбили, вот он в Москве не сбросит этой бомбы-то, эти бомбы-то и... сбрасывали. И кидает где попало. А у меня вот старшему сейчас сколько – пятьдесят с лишним. А чего ж? Он в сороковом году родился, а в сорок первом – война. Я как кошка с мышом с ним. Как бомбят – хватаешь его и бежишь. Куда бежим – сразу не знаем, куда». (А.М. Раненкова, с. 2).

«Бывало, бежишь к маме на проверку (из Сальково в Даниловское. – С.Ч.). У меня же там они тоже старые, и тута старые. То вот побегу туда, проведать, живы они или нет. Немцы едут верхом на лошадях мимо. Меня не трогали. Вот так. Пробежишь бегом туда... Немцы тоже заезжали сюда, разведка-то. Также была в наших лесах. Вообще тогда неразбериха, ...была. И те и эти» (А.М. Раненкова, с. 7).

«Во время войны у нас семь бомб на деревню (Сальково. – С.Ч.) упало. Когда налет делали немцы на Москву... Вот по ту сторону пруда бомба упала. По эту сторону. Ну, стекла все вылетели, конечно. Жители все здесь жили. Теперь где-то вот там. Ну, семь бомб на деревню» (с. 14).

«Немцев погнали вот с Грязей. Дальше они не были. В Козинó они тоже, разведка только приходила. Ну, это мне рассказывали. В Аксёныне не были» (С.С. Медников, с. 14).

Борису Александровичу Кулагину из д. Козино в 1941 г. было всего четыре года, тем не менее его рассказ живо передает обстановку тех дней:

«Когда немец был на Грязях... в Ива́новку сюда подходил. Ивановские эвакуировались... в Покровск, и к немцам попали. А мы в Козинó жили. Кто-то слышал, что немец откуда-то идет. Идет, бывало от Мозжинки, или от Супо́нева, с той стороны от Звенигорода... Отец был на фронте. А мать была, мы в Козинó жили. ... А лошадей – колхоз раздал. Чувствует – война, и дал, чтобы кормили, по... одной, по две лошади. Кто мог держать, в хозяйствах, дали.

И вот мы... Коля с двадцать восьмого... и Валька был... Вальку не брали же, в сорок первом-то. ... Мы через речку... бежали. Еще Галька была, приехала из Москвы, двоюродная сестра. А это все летом. Тепло. Говорят: «Немец, немец». Стреляют везде. С Мозжинки... Москва-река мелкая была. И немец уже вот на Грязях был. Думали, что мы в плен попадем, захватит он нас... И мы вот: я, Галька, Толька, сколько – я с тридцать седьмого, значит, мне было тридцать восьмой, тридцать девятый, сороковой, сорок первый – четыре года. Ну, что ж. Мы бежали. Пятый год, наверное, был. И вот чесали за лошадь. Теленка привязали, еще кого-то, овец.

Овец не всех, овец оставили. ...Оборона-то держалась в войну по Москва-реке. В Козинó-то он, немец, так и побоялся прийти, а в Иванóвке немцы были. Вон на Грязях они были, в Польцах... Дороги тут не было. Дорогу-то недавно построили... Тут глухомань была... А помню, мы побыли там, пожил в Салькове сколько-то дней, недели две, что ль мы побыли. Он, немец-то, тут недолго стоял-то, его быстро отсюда помели-то... Как с Дюнина начали «катюши» молотить! Уже «катюшами» его выбивали оттуда. И он их здорово... Мы быстро приехали опять домой» (с. 28, 29).

92. МЕСТО ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ЛЕСУ МЕЖДУ САНАТОРИЕМ «ПОРЕЧЬЕ» И Д. ДУНИНО. «...Вот здесь вот, значит, когда идешь в Дюнино вот тут, мимо этого санатория, ...здесь вот нарыты ямы такие. ...Здесь был... передний край обороны. Здесь «катюши» стояли (неразб.) в сорок первом году... А немцы были, самые передовые части, на Грязи... причем это были финские части... И вот наши «катюши» обстреливали вот из этого леса их передовые позиции. И вот ты ходила когда, да, ты говоришь...» (М.А. Раненков со слов матери, с. 7).

93. ПЕЩЕРА КАДОЧНИКОВА (МЕРЕСЬЕВА). Вскоре после войны в лесу между санаторием «Поречье» и д. Дунино проводились съемки фильма «Повесть о настоящем человеке». В ходе съемок были использованы окопы военного времени. Это обстоятельство способствовало закреплению в памяти местного населения воспоминаний об этом урочище. «Кадочникова гримировали как раз в ее доме (в доме А.М. Раненковой. – С.Ч.). И вот эти вот, кстати, окопы использованы. Там есть кадр... когда он в самом начале вылезает оттуда... Вот она (Александра Михайловна, мать Михаила Алексеевича. – С.Ч.) мне ее даже показывала эту яму. ...Это старой дорогой как идти в Дюнино» (с. 7). «Мы и шли с ним в Дюнино, – дополняет Александра Михайловна. – Я говорю: «Вот отсюда он шел... Кадочников-то. И вот он отсюда вылезал, вот его пещера...» (с. 7). «Все тут участвовали. Медведя привозили сюда... Тут вот... на вырубке-то. Сейчас тут все застроили. Кадочников здесь... жил... с актерами. Хороший тоже очень дядька, хороший. Он даже маминого внука Вову тогда снял-то» (с. 7).

5.8. Восприятие ландшафтов и оценка происходящих перемен старожильческим населением

Устная традиция не только позволяет исследовать прошлое исторических ландшафтов, но и содержит осмысление окружающей среды населением, искони ведущим здесь традиционное землепользование. В связи с этим некоторые из них заслуживают того, чтобы быть приведены. В них содержатся устойчивые подходы местных жителей к пониманию ценности земель, на которых жили их отцы, деды и прадеды.

«Вот мы, вот в мае ко мне сестра приезжала, уж, наверное, года два тому назад. «Пойдем на кладбище». Я говорю: «Ну, пойдем». Мы с ней пешком пошли вот прямо на кладбище. И заблудились в лесу. Она идет и говорит: «Вот мы с тобой хоть здесь родились и выросли, дороги не найдем. Во настроили», – говорит. И вот сейчас в Дюнино... с Академии не пройдешь. Такие заборы стоят трехметровые. Все загородили. И строят везде и деревянные и каменные дома, и чего там только не делают. Я вот ходила, там у меня подруга есть. И оттеда под забором. Правда... высоко так забор поднят. Под забором лезла, чтобы пройти сюда мне домой. Вот так. Вот как застроили. Тут дороги были.

Сейчас даже вот отдыхающих у нас тут совсем не стало. А то вот как, даже работала в санатории. Я уже была на пенсии (неразб.), умер муж, я пошла, говорю: «Пойду поработаю хоть немножко. Ну чего дома-то сидеть?» Еще вроде была в силе. И там это... столько было отдыхающих, по четыреста, по пятьсот, и удобства у нас там были хорошие, и все. И лес хороший. Они, бывало, к Пришвину без конца ходят, на Москва-реку, везде лесом всем ходят отдыхающие. А сейчас им выйти даже некуда. Правда, не стало их, отдыхающих много. Но выйти все равно некуда гулять даже. Только что с Академии и вот вниз пройдут на Москва-реку. Да вот в Сальково, посмотришь, хорошая погода, вот пройдут по шоссе. А так неоткуда, им даже некуда идти гулять. Все загородили, и все стройки. В лесу одни стройки. Почему это такое? Вон сколько наплепали домов. Зачем? Сами не знают. Кто будет тут жить?» (Александра Михайловна Раненкова, с. 7, 8)

«Беер где живет, говорили Беерский лес. А там – Академский лес. Так шли туда. Лес. Хорошо было. Такая дорога была. Я говорю, тут у нас прям, отдыхающие когда жили тогда. Тут академики отдыхали до того, а потом уже все стали. Так тут было хорошо им гулять в лесу. Какая прелесть! Но сейчас...» (Александра Михайловна Раненкова, с. 8).

Иван Егорович Руненков три года работал перевозчиком на Дунинском перевозе. Он был знаком с М.М. Пришвиным. Интересны его наблюдения над переменами, произошедшими за его век.

О Москве-реке: Два или три года я перевозил до Козинá, до той деревни... Все, все поле заливало. Все поля промывало, речка промывала. Чистая была, и вроде, больше влаги было на полях. Потом, когда все стали собирать в море, и в Москва-реке воды не стало, и все говорят, и в море не хватает воды. Какая-то речка Вазу́за, не знаю, ее где-то там наверху повернули и в Москва-реку, чтоб больше воды было. ... Два или три раза она идет через насосоперекачку, потому что она намного ниже, та речка... проходит.... Из Калининской области... и сюда ее направили, в Москва-реку» (с. 24).

«Никому он не нужен, этот курган (Веселый курган к западу от д. Дунино), как видно, раз землю продали вместе даже со и всеми курганами и со всеми с дорогами. Я уж не знаю, как это дорогу можно купить?! ...Даже вот сейчас вот в Звенигород... Теперь там почта, ходят за пенсией... Испокон веков ходили. И пожалуйста, вот. В сельсовет пошли жаловаться. «А что?! Они, – говорят, – купили!» Я говорю: «Да, что ж, они завтра и меня купят?» «Завтра и тебя купят. «Вот тебе и сельсовет. И ты уже завтра будешь как крепостной. Ну? Жаловаться уже некому» (Иван Егорович Руненков, с. 17).

«Просто лес был, а теперь заборы. Кругом заборы стали. То говорили, эти... коммунисты заборы ставят, а сейчас заборов больше (чем) при коммунистах... Раньше ставили заборы, такие простенькие заборы, чтобы скотина не заходила на огороды. Так? Вот сейчас от кого? Сейчас нет скотины у нас. Ни одной коровы. Одна... в деревне корова. Ни овец, ничего, ни поросят нет вот. Сейчас-то от кого заборы такие делают?» (И.Е. Руненков, с. 21).

М.Д. Тимошкова из с. Козино о Москве-реке: «Раньше разливалась. У нас раньше такая вода была. ...А сейчас у нас прям речушка стала вся. ... Москва-река вся мелкая стала. Всю ее занесло. Одна трава. У нас сейчас лед. Раньше у нас... Можайку спускали. А сейчас Можайку не пускают, вода-то не течет. ... Не чистят Москва-реку, не чистят. И мы два года не видим, как и лед идет. Какой два?! Три, наверное, уже. То, бывало, дня три идет лед, а сейчас... Раньше Можайку спускали, с Можая-то вода большая, – ...он уходил. А сейчас Можайку к нам не пускают. ... Ил один. ... В Москва-реку все сейчас спускают, все санатории. Одна грязь. Противно даже в Москва-реку идти. ... Какая Москва-река стала. Болото, а не Москва-река (с. 35).

Завершая данный параграф, следует отметить, что за кажущейся случайностью тех или иных суждений старожильческого населения просматриваются устойчивые представления о ценности земель, угодий и природных объектов, в которых синтезирован опыт поколений живших здесь людей. Этот опыт, накопившийся в ходе столетий традиционного землепользования (XVII–XX вв.), не является одним только реликтом прошлого. Он, несомненно, должен быть применен при выработке подходов к решению тех задач по использованию территорий, которые встают перед нами сегодня. Этот опыт, являющийся частью богатого культурного наследия Звенигородя, нельзя не учитывать при проектировании зон охраны как на уровне определения границ ценных территорий историко-культурного назначения, так и при определении режимов использования земель.

5.9. Памятники исторического ландшафта и выделение особо ценных исторических территорий

Проведенное исследование позволяет выделить зоны, в которых сохранились исторические ландшафты, восходящие к раннемосковскому времени и позднему средневековью. Эти зоны как бы окаймляют с запада и востока возвышенную часть Поречьевского берега р. Москвы, на которой расположены

Дунинский и Поречьевские археологические комплексы, образующие заповедное ядро зон охраны.

На западе – это усадьба Поречье, сложившаяся на основе древнего землепользования села Поречье и в XVII в. ставшая владением Дмитрия Михайловича Пожарского.

На востоке – это Дунинский участок Москворецкого берега, который в историко-ландшафтном отношении сложился в XIV–XVI вв. и не подвергся сколько-нибудь серьезным искажениям. Ядром его является Дунинское поле, расположенное в котловине, ограниченной с запада и юга отрогами Поречьевской моренной возвышенности, а с севера закрытое от долины р. Москвы полосой соснового леса. В районе Артельского оврага до наших дней сохранились мелкоконтурные уголья, входящие ко времени, когда местность осваивалась небольшими поселениями – «селищами» (6-е Дунинское селище – Власевка).

К югу от Дунинского поля начинается лес «Иславская сеча», распространяющийся вплоть до д. Чигасово. Часть его входила в пределы Козинской вотчины, и здесь возможно выявление памятников археологии XIV–XVI вв., сохранившихся в их историко-природной среде.

Применительно к району Дунино необходимость целостного сохранения ландшафтов диктуется целым рядом причин. Природные ценности, исторические ландшафты и археологические памятники раннемосковского времени – такова первооснова пришивинского Дунино. Благодаря творчеству писателя образы, навеянные природой Дунино, стали неотъемлемой частью русской культуры.

Сохранение восточной части Поречьевского леса, которая примыкает к музею-усадьбе М.М. Пришвина, оказывается вдвойне необходимой. Этот старовозрастный елово-сосновый лес образует природное окружение Дунинского комплекса археологических памятников. Пролегающая через территорию памятника Верхняя Дунинская дорога обеспечивает связи Дунинского и Поречьевского археологических комплексов, по сути, всей системы охранной зоны Поречья. В южной пониженной своей части лесной массив связывает музей-усадьбу М.М. Пришвина с «Иславской сечей». Сохранение данных связей может быть достигнуто расширением охранной зоны, в которую входит Поречьевский лес (Зоны охраны музея-усадьбы

М.М. Пришвина. Эскиз. 1967 г.) за счет долины Артельского оврага вплоть до Шестого Дунинского селища.

На востоке естественным завершением приречной части охранной зоны может явиться 1-й Дунинский археологический комплекс в лесу Борок.

На западе Мозжинский комплекс археологических памятников раннего железного века и древнерусского времени вместе с окружающим его лесным массивом, памятниками природы (выходы белого камня, ключ-водопад) и трассой старой Звенигородской дороги образует самостоятельный участок охранной зоны. Учитывая компактность лесного массива, внешние границы охранной зоны могут быть намечены уже сегодня. Однако в перспективе этот район требует дополнительного археологического и палеоландшафтного исследования.

На севере в качестве весьма значимого планировочного образования можно рассматривать территорию селища и некрополя XIV–XVII вв. в с. Козино. Исторические связи Козино и Поречьевского правобережья сложились в XIV–XV вв. Козино отстоит всего на 500 м от Поречьевского комплекса памятников древнерусского времени. Следует принять во внимание также то, что обнаруженное у подножья Поречьевского берега поселение второй половины X–XI вв. (3-е Поречьевское селище) было ориентировано на освоение приречных природных комплексов в районе выдринских лугов, острова и брода. Все эти соображения позволяют ставить вопрос о включении прируслового участка поймы р. Москвы между Поречьевским и Козинским комплексами в охранную зону.

Есть основания применить подобное решение и на участке течения Москвы-реки между усадьбой Поречье и Мозжинским лесом.

Исторические ландшафты, связывавшие районы древних поселений и некрополей (археологические комплексы), складывались на протяжении столетий в ходе традиционной хозяйственной деятельности. Их сохранение в рамках зон охраны создаст условия для функционирования измененных человеком природно-территориальных комплексов Москворецких ландшафтов как стабильных антропогеосистем.

12. 05.1997 г.

Приложение 2

Список индивидуальных находок из раскопок 2012 г. на Шестом Дунинском селище, переданных в Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, и статистика керамики (Отчет об охранных археологических исследованиях Шестого Дунинского селища в зоне возведения часовни кладбища деревни Дунино (Одинцовский район Московской области) в 2012 г. Список находок и статистические таблицы керамики // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 46221).

СПИСОК ИНДИВИДУАЛЬНЫХ НАХОДОК ИЗ ВЕРХНЕГО СЛОЯ (№ 1-61)

Участки «А», «Б»

№	Название находки	Материал	Пласт и слой	Кв.	Гл. (см)
1	Замка цилиндрического пружина	железо	Слой 1	30	выброс
2	Кремень ружейный(?)	камень	– « –	30	+29
3	Накладки обломок	железо	– « –	29	+30
4	Накладка	железо	– « –	26	+21
5	Деньга кн. Василия Дмитриевича Кирдяпы Суздаль-Нижегородского 1390-е – нач. 1400-х гг.	серебро	– « –	2	+32
6	Замка цилиндрического пружина	железо	– « –	25	+22
7	Монета	биллон	– « –	28	+34

Участок «Б»

№	Название находки	Материал	Пласт и слой	Кв.	Гл. (см)
8	Игла	железо	Слой 1	36	+37
9	Крючок рыболовный	железо	– « –	36	+34
10	Пластина	медный сплав	– « –	36	+41
11	Пряжка	железо	– « –	37	+36
12	Ножа обломок	железо	– « –	35	+45
13	Накладка(?)	медный сплав	– « –	38	+38
14	Накладки(?) обломок	железо	– « –	39	+43
15	Пуля(?)	свинец	– « –	34	выброс
16	Креста-тельника обломок	медный сплав	– « –	39	+28
17	Копейка царя Михаила Федоровича 1617-1627 гг.	серебро	– « –	38	+40

Участок «В»

№	Название находки	Материал	Пласт и слой	Кв.	Гл. (см)
18	Деньга вел.кн. Василия I с изображением петуха 1389 – нач. 1390-х гг.	серебро	Слой 1	9	+24
19	Деньга вел. кн. Василия I с изображением всадника 1389 -1425 гг.	серебро	– « –	9	+22
20	Полуденьга кн. Владимира Андреевича Серпуховского с изображением кентавра. 1390-е – 1410-й гг.	серебро	– « –	9	+23
21	Гвоздь сапожный	железо	– « –	8	+13
22	Ножа обломок	железо	– « –	9	+7
23	Накладка	железо	– « –	14	+2
24	Иглы обломок	железо	– « –	15	0
25	Котла медного венчик	медный сплав	– « –	20	+8
26	Нож	железо	– « –	20	+5
27	Грузило рыболовное	керамика	– « –	21	-18
28	Пуговица	медный сплав	– « –	23	-3
29	Монета	никель	– « –	22	+4
30	Монета	никель	– « –	23	+10
31	Предмет	медный сплав	– « –	15	+19
32	Кольцо	железо	– « –	14	+21
33	Креста-тельника обломок	медный сплав	– « –	10	+3
34	Копейка царя Михаила Федоровича 1619-1620	серебро	– « –	12	+17
35	Перстень щитковый	медный сплав	– « –	11	+15
36	Ножа обломок	железо	– « –	16	-1
37	Креста-тельника обломок	медный сплав	– « –	8	+1
38	Кольца височного обломок	биллон	– « –	4	+14
39	Накладки обломок	медный сплав	– « –	9	+3
40	Ключ	железо	– « –	4	+18
41	Предмета обломок	медный сплав	– « –	10	+12
42	Обоймица ножа	железо	– « –	12	+16
43	Гвоздь сапожный	железо	– « –	6	+22
44	Пряжка	железо	– « –	6	+18

Участки «А», «Б», «В», «Г»

№	Название находки	Материал	Пласт и слой	Кв.	Гл. (см)
45	Ножа обломок	железо	Слой 1	5	+18
46	Пряслице	керамика	– « –	11	+15
47	Поливного сосуда фрагмент	керамика	– « –	15	+10
48	Поливного сосуда фрагмент	керамика	– « –	23	+5
49	Заготовки из кости	кость крупного рогатого скота	– « –	24	+2
50	Поддон сосуда	керамика	– « –	3 (уч. А)	+30
51	Долото	железо	– « –	7 (уч. Б)	+40
52	Заготовки для грузила	камень	– « –	29 (уч. А)	+30
53	Венчик лепного сосуда раннего железного века	железо	– « –	34 (уч. Б)	+40
54	Румпа изразца	керамика	– « –	44 (уч. Г)	+40
55	Кольцо от упряжи	железо	Слой 1 1 пласт	10 (уч. В) Бровка	+8
56	Гвоздь	железо	Слой 1 1 пласт	10 (уч. В) Бровка	
57	Гвоздь	железо	Слой 1 1 пласт	10 (уч. В) бровка	+10
58	Гвоздь	железо	2 пласт	45 (уч. Г)	+40
59	Псалий	железо	Слой 1 пласт 1	46 (уч. Г)	
60	Полоса	железо	Слой 1 пласт 1	47 (уч. Г)	+35
61	Обрезок листа бронзы толщиной 1 мм, длиной 16 см, заостренный на конце	бронза	Слой 1 пласт 1	46 (уч. Г)	+41

Находки из ям в материке №№ 102 – 175
(69 находок. Отсутствуют номера 108, 127, 137, 139, 159)

№	Название находки	Материал	Пласт, слой	Кв.	Глубина (см)	№ рисунка
102	Игла	железо	Яма 1 Зачистка материка	4	0	40
103	Пряжка поясная	железо	Яма 1 Зачистка материка	8	-2	42
104	Гвоздь	железо	Слой 1 пласт 1	10	+11	39
105	Полоса железная	железо	Яма 2	24	-25	40
106	Гвоздь	железо	Яма 2	24	-27	39
107	Гвоздь строительный массивный	железо	Яма 2	21	-24	41
109	Шило	железо	Яма 1 пласт 2 черная супесь	3	-10	40
110	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пласт 2 черная супесь	3	-6	39
111	Поковка на полосе	железо	Яма 1 пласт 2 бурый песок	3	-13	40
112	Шило	железо	Яма 1 пласт 2 бурый песок	3	-13	40
113	Спица для фиксации петель	железо	Яма 1 пласт 2 черная супесь	9	-19	42
114	Спица для фиксации петель	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	9	-9	42
115	Полоса	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	9	-16	40
116	Игла	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	9	-25	40
117	Шило или обломок гвоздя	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	9	-8	40
118	Чекан	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	15	-24	42
119	Полицы от двурогой сохи обломок	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	15	-16	42
120	Гвоздя обломок	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	15	-17	39
121	Пряжка поясная	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	14	-15	42
122	Стержень длиной 1 см (для крепления накладки)	железо	Яма 1 пл. 2 темно-серая супесь	14	-14	40
123	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	15	-18	39
124	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	15	-18	39
125	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	10	-13	39
126	Орудие на пластине неолитического времени	кремень	Яма 1. пл. 3 черная супесь	9	?	36
128	Игла	железо	Яма 1 пл. 3 бурый песок	8	-39	40
129	Игла	железо	Яма 1 пл. 3 бурый песок	3	-33	40
130	Игла	железо	Яма 1 пл. 3 черная супесь	9	-29	40
131	Игла	железо	Яма 1 пл. 3 черная супесь	9	-36	40
132	Поковка на пластине	железо	Яма 1 пл. 3 черная супесь	9	-35	40
133	Инструмент с г-образным концом длиной 18,5 см	железо	Яма 1 пл. 3 черная супесь на границе с серой супесью	9	-35	41
134	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 3 черная супесь на грани с серой супесью	9	-36	39
135	Ножницы овечьи	железо	Яма 1 пл. 3 серая супесь	9	-37	41
136	Накладка орнаментированная	бронза	Яма 1 пл. 3 серая супесь	?	?	38
138	Гвоздик сапожный	железо	Яма 3 пласт 2	6	?	39
140	Пробой	железо	Яма 1 пл. 2	3 вост. половина		39

141	Два звена цепи, закрепленные на кольце, с пробоем для крепления в деревянную стену	железо	Яма 1 пл. 4 серо-бурая супесь	9	-60	42
142	Гвоздик сапожный	железо	Яма 3	5	-34	39
143	Игла	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	3	-13	40
144	Гвоздик сапожный	железо	Яма1 пл. 2 черная супесь	10	-13	39
145	Полоса	железо	Яма1 пл. 2 черная супесь	10	-14	40
146	Ножа обломок	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	15	-25	42
147	Полоса	железо	Яма1 пл. 2 черная супесь	9	-6	40
148	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	10	-14	39
149	Гвоздик сапожный	железо	Яма1 пл. 2 черная супесь	3	-10	39
150	Гвоздик сапожный <i>Утрачен при реставрации</i>	железо	Яма 1 пл. 2 черная супесь	?	-10	
151	Гвоздь	железо	Яма 1 пласт 5 серо-бурая супесь	9	-77	39
152	Игла	железо	Яма 1 пласт 2 черная супесь	3	-12	40
153	Полоса 10х4 мм, согнутая – обломок	железо	Яма 1 пласт 2 черная супесь	3	-14	40
154	Накладка фигурная в форме цветка	бронза	Яма. 1 пласт 7 серо-бурая супесь	15	-110	38
155	Полоса 6х3 мм	железо	Яма 1 пласт 7 серо-бурая супесь	9	-107	40
156	Фрагмент плечика красноглиняного горшка с рисунком	керамика	Яма 1 пласт 7 серо-бурая супесь	9		43
157	Накладки декорированной фрагмент	бронза	Яма 1 пласт 7 серо-бурая супесь	9	?	38
158	Донца сосуда с желто-зеленой поливой фрагмент	керамика	Яма 1 пласт 7 серо-бурая супесь	9	-119	43
160	Пружина цилиндрического замка	железо	Яма 1 пласт 7 серо-бурая супесь	15	-130	42
161	Сосуда с желтой поливой фрагмент	керамика	Яма 1 пласт 2 черная супесь. Из зачистки	9	-24	43
162	Рукоять	кость	Яма 1 пл. 10 бурый песок	15	-191	43
163	Пробой	железо	Яма 1 пл. 3 черная супесь	9	-40	39
164	Накладка с креплением	железо	Яма 1 пласт 4 серо-бурая супесь	9	-60	42
165	Гвоздик сапожный <i>Утрачен при реставрации</i>	железо	Яма 1 пл. 7 серо-бурая супесь	9	-114	
166	Перстень пластинчатый с изображением креста	серебро или билон	Яма 1 пл. 8 бурый песок	9	-135	38
167	Спица для фиксации петель	железо	Яма 1 пл. 8 бурый песок	3	-127	42
168	Полосы обломок 23х16х3 мм	железо	Яма 1 пл. 8 бурый песок	3	-132	42
169	Оселок	камень	Яма 1 пл. 11 гумусированная супесь на дне ямы	9	-195	43
170	Поковка плоская	железо	Яма 1 пл. 11 гумусированная супесь на дне ямы	9	-195	40
171	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 11 гумусированная супесь на дне ямы	9	-193	38
172	Монетные весы	бронза	Яма 1 пл. 11 гумусированная супесь на дне ямы	10	-189	37
173	Накладка	бронза	Яма 1 пл.11 гумусированная супесь на дне ямы	10	-180	38
174	Привеска-ложечка	бронза	Яма 1 пл. 11 гумусированная супесь на дне ямы	10	-189	38
175	Гвоздик сапожный	железо	Яма 1 пл. 11 гумусированная супесь на дне ямы	10	-179	38

Всего 130 находок (61 из верхнего слоя и 69 – из ям, из которых №№ 150 и 165 разрушились при реставрации)

СТАТИСТИКА КЕРАМИКИ ИЗ ВЕРХНЕГО СЛОЯ Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 1. Верхний слой

Квадраты	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Курганная керамика всего	2		4	2				1	3
Венчики	2(2)			1(1)				1(1)	
орнамент штамп									
орнамент волна									
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см	1		4 (2)	1(1)					3(2)
Серая керамика всего			1	1			1	2	6
Венчики			1(1)	1(1)				1(1)	5(5)
орнамент штамп									
орнамент волна									1(1)
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см							1(1)	1	
Красноглиняная грубая керамика всего	7	14	16	5	13	2	7	13	13
Венчики	4(4)	3(2)	3(3)	4(4)	3(3)	1(1)		2(2)	6(6)
венчики с орнаментом «косая волна»									
плечико с ребром									
орнамент «косая волна»									
орнамент штамп									

орнамент линейный	1		1						3
Донца		1	1				1(1)	1	
Стенки более 1х1 см	2	10	11	1	10(1)	1	6	10	4
Красноглинная гладкая ранняя всего	5	15	12	2	12	6	2	14	14
Венчики	1(1)	4(4)		1(1)		1(1)		2(2)	9(7)
орнамент волна									
Орнамент линейный		2	1	1(1)				1(1)	3
Донца					1				2
Стенки более 1х1 см	4	9	11		11	5	2	11	
Стенки неопределимые (красноглинная грубая или гладкая) менее 1х1 см			7					6	
Краснолощенная (бл. – без лощения)		1			4(3) (1 кувшин)				2(1)
Белоглинная грубая	1	3	5	4	9		3	5	8
Венчики	1(1)	2(2)		3(3)	2(2)				4(4)
орнамент					2(2)				2(1)
Донца								1	
Стенки более 1х1 см		1	5		5		3	4	2
Белоглинная гладкая				1(1)					
Красноглинная гладкая								1	
Чернолощенная и мореная ранняя	1	1(1)			1				
Ангобированная			1	1(1)			2	1(1)	4(2)
Поливная									
Гладкостенная XVIII в.		1, фаянс			1	3			
Печина (к-кирпич)			1						
Шлак									
Всего керамики	17	35	46	16	40	11	15	43	50
Коллекционные №№ керамики	1-8	9-17	18-22	23-37	38-49	50-51	52-53	54-61	62-90

Прим. Цифры в скобках – взято в коллекцию.

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 2. Верхний слой

Квадраты	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Курганная керамика всего		2	2				2	1	
Венчики			1(1)				2(2)		
орнамент штамп									
орнамент волна									
орнамент линейный		1(1)	1(1)						
Донца									
Стенки более 1х1 см		1(1)						1(1)	
Серая керамика всего	1	2		2	1	1	1	2	
Венчики		2(2)		2(2)			1(1)	1(1)	
орнамент штамп						1(1)			
орнамент волна									
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см	1(1)				1			1(1)	
Красноглинная грубая керамика всего	3	6	11	1	18	17	3	6	1
Венчики		2(2)	2(2)		1(1)	2(2)	2(2)	1(1)	
венчики с орнаментом «косая волна»									
плечико с ребром									
орнамент «косая волна»		1(1) волна							1(1) волна
орнамент штамп									
орнамент линейный		1			1(1)				
Донца		1(1)				2			
Стенки более 1х1 см	3	1	9(1)	1	16	13	1	5	
Красноглинная гладкая ранняя всего	8	4	14	19	19	29	16	11	12
Венчики	1(1)		4(2)		4(4), ручка	5(5)	2(2)	1(1)	
Орнамент волна									
Орнамент линейный		3(1)				1(1)			
Донца								1	
Стенки более 1х1 см	7	1	10	19	15	23	14	9	12
Стенки неопределимые (красноглинная грубая или гладкая) менее 1х1 см									
Краснолощенная (бл. – без лощения)		2(2)				1(1) бл. кувшин	1(1)	1	
Белоглинная грубая			2	2	3	7	5	3	4
Венчики			1(1)	1(1)		1(1)			

Орнамент				1(1)					
Донца									
Стенки более 1х1 см			1		3	6	5	3	4
Белоглиняная гладкая		1			1(1)		1(1)	1	
Красноглиняная гладкая									
Чернолощенная и мореная ранняя	1	1				1	2(1)		
Ангобированная					1	1		1	1
Поливная с зелен. поливой									
Гладкостенная XVIII в.	1			1	7(1)	1		6	
Печина (к-кирпич)					1	1			
Шлак									
Всего керамики	14	18	29	25	48	58	31	32	18
Коллекционные №№ керамики	91-92	93-102	103-110	111-114	115-121	122-133	134-143	144-149	150

Прим. Цифры в скобках – взято в коллекцию.

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 3. Верхний слой

квадраты	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Курганная керамика всего		1							1
Венчики		1(1)							
орнамент штамп									
орнамент волна									1(1)
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см									
Серая керамика всего		1	2		3	7	1		
Венчики		1(1)	2(2)		2(2)	1(1)	1(1)		
орнамент штамп									
орнамент волна					1(1)				
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см						6			
Красноглиняная грубая керамика всего	1	18	4	4	3	6	5	5	1
Венчики	1(1)	2(2) (1 крышка)	1(1)						
венчики с орнаментом «косая волна»									
плечико с ребром									
орнамент «косая волна»									
орнамент штамп									
орнамент линейный									
Донца				1		1			
Стенки более 1х1 см		16	3	3	3	5	5	5	1(1)
Красноглиняная гладкая ранняя всего	6	16	34	14	9	10	5	6	13
Венчики	2(2)		2(2)		ручка (1)				
Орнамент волна									
Орнамент линейный			2(2)						
Донца									
Стенки более 1х1 см	4	16	30	14	8	10	5	6	13
Стенки неопределимые (красноглиняная грубая или гладкая) менее 1х1 см									
Краснолощенная (бл. – без лощения)						2(1)	1(1)		
Белоглиняная грубая	2	5	2	6	1	3		1	1
Венчики						1(1)			1(1)
орнамент волна		1 (1– вдавл)							
Донца									
Стенки более 1х1 см	2	4	2	6	1	2		1	
Белоглиняная гладкая		1(1)							
Красноглиняная гладкая					8(1)				
Чернолощенная и мореная ранняя						1(1)			
Ангобированная			1		1	1(1)			
Поливная									
Гладкостенная XVIII в.		4(1)		1(1)	1(1)				
Печина (к-кирпич)		1							
Шлак									
Всего керамики	9	46	43	25	26	30	12	13	16
Коллекционные №№ керамики	151-153	154-160	161-167	168	169-175	176-181	181-182		183-185

Прим. Цифры в скобках – взято в коллекцию.

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 4. Верхний слой

квадраты	28	29	30	31	32	33	34	35	36
Курганная керамика всего	2	1	1		1			3	
Венчики	2(2)	1(1)	1(1)		1(1)			2(2)	
орнамент штамп								1(1)	
орнамент волна									
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см		1							
Серая керамика всего	1					4		1	
Венчики	1(1)					2(2)		1(1)	
орнамент штамп									
орнамент волна						1 (1)			
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см						1(1)			
Красноглинная грубая керамика всего	15	39	7	5		9	5	21	1
Венчики	3(2)	4(4)		1(1)		2(2)		3(3)	
венчики с орнаментом «косая волна»									
плечико с ребром									
орнамент «косая волна»		2 (2)							1(1) волна
орнамент штамп									
орнамент линейный							2		
Донца		2(1)	1			2		1	
Стенки более 1х1 см	12	31	6	4		4	3	17	
Красноглинная гладкая ранняя всего	14	22	10	11	20	6	3	25	3
Венчики		2(2)	3(3)		1(1)	1(1)		3(3)	
орнамент волна									
орнамент линейный			1				1	3(1)	
Донца									
Стенки более 1х1 см	14	20	6	11	19	5	2	19	3
Стенки неопределимые (красноглинная грубая или гладкая) менее 1х1 см	9	5	3						
Краснолощенная (бл. – без лощения)		1(1)бл	1					1(1) кувшин	
Белоглиняная грубая	3	12	1	4		7	2	6	1
Венчики						2(2)	1(1)	1(1)	1(1)
Орнамент волна									
Донца									
Стенки более 1х1 см	3	12	1	4		5	1	5	
Белоглиняная гладкая						1(1)		2(2)	
Красноглиняная гладкая									
Чернолощенная и мореная ранняя		4(2)				1(1)			
Ангобированная		4(1)			2	2(1)	1(1)	3	
Поливная с зел.поливой			1		2				
Печина (к-кирпич)									
Гладкостенная XVIII в.			1			Фарф	1	4	
Шлак									
Всего керамики	43	88	25	20	25	30	12	66	6
Коллекционные №№ керамики	186-190	191-202	203-206	207	208-209	210-220	221-222	223-237	238-239

Фарф. – донце сосуда из фарфора для хранения лекарств.

Прим. Цифры в скобках – взято в коллекцию.

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 5. Верхний слой

квадраты	37	38	39	40	41	42	43	44	45
Курганная керамика всего		2				2			
Венчики		2(2)							
орнамент штамп									
орнамент волна									
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см						2(2)			
Серая керамика всего	1	1		1		2	2		
Венчики		1		1(1)			2(2)		
орнамент штамп									
орнамент волна									
орнамент линейный									
Донца									
Стенки более 1х1 см	1(1)					2 (2)			
Красноглинная грубая керамика всего	3	7	9	2		2	3	2	11

Венчики		3(3)		1(1)		1(1)	2(2)		6(6)
венчики с орнаментом «косая волна»									
плечико с ребром									
орнамент «косая волна»	1(1)								
орнамент штамп									
орнамент линейный									
Донца	1(1)								
Стенки более 1х1 см	1	4	9	1		1	1	2	5
Красноглиняная гладкая ранняя всего	30	30	8	14	7	26	50	40	45
Венчики	2(2)	2 (2)		1(1)		1(1)	1(1)		6(6)
орнамент волна									
орнамент линейный									
Донца		2	1						
Стенки более 1х1 см	28	26	7	13	7	25	49	40	39
Стенки неопределимые (красноглиняная грубая или гладкая) менее 1х1 см									
Краснолощенная (бл. – без лощения)				1			3(1)	1(1)	
Белоглиняная грубая	9	9	2	1		6	6	4	3
Венчики	1(1)						1(10)		3(3)
Орнамент волна									
Донца									
Стенки более 1х1 см	8	9	2	1		6	5	4	
Белоглиняная гладкая	1(1)								
Красноглиняная гладкая									
Чернолощенная и мореная ранняя						1	1		
Ангобированная			1(1)	3(1)		2(1)		1(1)	1
Поливная									
Гладкостенная XVIII в.			1 крынка						
Печина (к-кирпич)									4
Шлак									
Всего керамики	44	49	21	22	7	41	65	48	60
Коллекционные №№ керамики	240-244	245-251	252	253-257		258-264	265-271	272-278	274-288

Прим. Цифры в скобках – взято в коллекцию.

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 6. Верхний слой

квадраты	46	47	Всего	%	Всего венчиков	% по венчикам
Курганная керамика всего	3		36	2,3	21	10
Венчики	2(2)					
орнамент штамп						
орнамент волна						
орнамент линейный						
Донца						
Стенки более 1х1 см	1(1)					
Серая керамика всего			46	3	36	17
Венчики						
орнамент штамп						
орнамент волна						
орнамент линейный						
Донца						
Стенки более 1х1 см						
Красноглиняная грубая керамика всего	14	6	354	22	56	26,5
Венчики	4(4)					
венчики с орнаментом «косая волна»						
плечико с ребром						
орнамент «косая волна»	1(1) волна					
орнамент штамп						
орнамент линейный	1(1)					
Донца						
Стенки более 1х1 см	8 (1)	6				
Красноглиняная гладкая ранняя всего	70	40	798	50	42	19,9
Венчики	3(3)					
орнамент волна						
орнамент линейный 1	1					
Донца	1					
Стенки более 1х1 см	65	40				
Стенки неопределимые (красноглиняная грубая или гладкая) менее 1х1 см			30	2		
Краснолощенная (бл. – без лощения)	6(1)		29	2	6	2,8
Белоглиняная грубая	16	7	184	11,6	30	14,2

Венчики	3					
орнамент волна						
Донца						
Стенки более 1х1 см	13	7				
Белоглиняная гладкая			10	0,6	2	1
Красноглиняная гладкая			8	0,5	4	1,9
Чернолощенная и мореная ранняя			16	1	3	1,5
Ангобированная	3(1)	2	41	2,6	10	4,7
Поливная			3	0,2		
Гладкостенная XVIII в.	1(1)		35	2,2	1	0,5
Печина (к-кирпич)						
Шлак						
Всего керамики	113	55	1608	100 %	211	
Коллекционные №№ керамики	289-303					

Прим. Цифры в скобках – взято в коллекцию.

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 7. Яма 1. 2-й и 3-й пласты

	Зачистка материка и 2-й пласт		3-й пласт		Всего	%	Всего венчиков	% с учетом венчиков красной керамики
	Восточн. половина	Западн. половина	Восточн. половина	Западн. половина				
Курганная керамика всего								
Венчики								
орнамент штамп								
орнамент волна								
орнамент линейный								
Донца								
Стенки более 1х1 см								
Серая керамика всего	6	4		1	11	1,2	4	4
Венчики	2	1 – с косой волной 1		1 – с косой волной				
орнамент штамп	2	1						
орнамент волна								
орнамент линейный								
Донца	1							
Стенки более 1х 1 см	1	1						
Красноглиняная грубая керамика всего	139	111	90	86	426	46,5	56	63
Венчики	26	4	15	11				
венчики с орнаментом «косая волна»	3	1	1					
плечико с ребром								
орнамент «косая волна»		1		2				
орнамент штамп			1					
орнамент линейный		9	7	10				
орнамент волнистый		5	1	1				
Донца	4	5, 1 крышка	10 1 крышка	10				
Стенки более 1х 1 см	136		58	52				
Красноглиняная гладкая ранняя всего	102	79	31	16	129	14,1	17	18
Венчики	8	3	4	2				
плечико с ребром				1				
орнамент волна								
орнамент линейный 1			2	3				
Донца				1				
Стенки более 1х1 см	94		25	9				
Стенки неопределимые (красноглиняная грубая или гладкая) менее 1х1 см	142 выброс	40 выброс	Обожженная 2	Обожженная 6	190 выброс	20,8		
Краснолощенная (бл. – без лощения)	19 (5 бп)	30 (6 – бп)	14 (1 бл)	3(2 бл)	61	6,7		6,7
Венчики		2						
Белоглиняная грубая	16	37	7	8	68	7,5		7,5
Венчики		2						
орнамент волна								
Донца								
Стенки более 1х1 см								
Белоглиняная гладкая								
Красноглиняная гладкая								
Чернолощенная и мореная ранняя	3	1			4	0,5		0,5
Ангобированная	8	15	2		25	2,7		2,7
Печина (к-кирпич)	24	18						
Шлак								
Всего керамики	431	317	146	120	914	100%		100%
Всего в коллекции	289	277	146	120	724			
Коллекционные №№ керамики	304 – 385 386-592	593 - 910	911-1056	1057 - 1176				

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 8. Яма I. Пласты 4, 5, 6

Пласт	4		5		6		Всего	%
	Восточная половина	Западная половина	Восточная половина	Западная половина	Восточная половина	Западная половина		
Курганная керамика всего								
Венчики								
орнамент штамп								
орнамент волна								
орнамент линейный								
Донца								
Стенки более 1х1 см								
Серая керамика всего								
Венчики								
орнамент штамп								
орнамент волна								
орнамент линейный								
Донца								
Стенки более 1х1 см								
Красноглинная грубая керамика всего	22	25	18	20	13	11	109	76
Венчики	2	3	1					
венчики с орнаментом «косая волна»								
плечико с ребром								
орнамент «косая волна»					1			
орнамент штамп								
орнамент линейный	3	3	2	2	1			
Орнамент волнистый		1						
Донца	2	3	2	2				
Стенки более 1х1 см	15	15	13	16	11	11		
Красноглинная гладкая ранняя всего	2	2		6		2	12	8,4
Венчики								
плечико с ребром								
орнамент волна								
орнамент линейный 1				3				
Донца	1							
Стенки более 1х1 см	1	2		3		2		
Стенки неопределимые (красноглинная грубая или гладкая) менее 1х1 см – выброс								
Краснолощенная (бл. – без лощения)	1		4	1	1	4 (венчик кувшина)	11	7,9
венчики								
Белоглиняная грубая			1	9			10	7
Венчики				1				
орнамент волна								
Донца								
Стенки более 1х1 см				8				
Белоглиняная гладкая								
Красноглиняная гладкая								
Чернолощенная и мореная ранняя								
Ангобированная						1	1	0,7
Печина (к-кирпич)						1		
Шлак								
Всего керамики	25	29	23	36	14	17	144	100%
Всего в коллекции	25	29	23	36	14	17	144	
Коллекционные №№ керамики	1177 - 1201	1202 - 1230	1231-12153	1254-1289	1290-1303	1304-1320		

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица 9. Яма I. Пласты 7, 8, II (дно)

Пласт	7			8	11	Всего	%
	Восточ. половина	Запад. половина	Запад. половина Песок		Дно ямы (нижние 30 см)		
Курганная керамика всего							
Венчики							
орнамент штамп							
орнамент волна							
орнамент линейный							
Донца							
Стенки более 1х1 см							
Серая керамика всего							
Венчики							

орнамент штамп							
орнамент волна							
орнамент линейный							
Донца							
Стенки более 1х1 см							
Красноглинная грубая керамика всего	6	28	16	12	13	75	71,4
Венчики		2	1	2	3		
венчики с орнаментом «косая волна»							
плечико с ребром							
орнамент «косая волна»							
орнамент штамп							
орнамент линейный	1	1			1		
орнамент волнистый							
Донца	1	2		1			
Стенки более 1х1 см	4	23	15	9	9		
Красноглинная гладкая ранняя всего	4	6	4			14	13,3
Венчики							
плечико с ребром							
орнамент волна							
орнамент линейный 1							
Донца							
Стенки более 1х1 см	4	6	4				
Стенки неопределимые (красноглинная грубая или гладкая) менее 1х1 см – выброс							
Краснолощенная (бл. – без лощения)	1-венчик кувшина (бл)	4(1 бл) Венчик кувшина	2			7	6,6
венчики							
Белоглиняная грубая		3	2			5	4,7
Венчики							
орнамент волна							
Донца							
Стенки более 1х1 см							
Белоглиняная гладкая							
Красноглиняная гладкая							
Чернолощенная и мореная ранняя		1 (донце)				1	1
Ангобированная			3			3	3
3.3 Печина (к-кирпич)							
Шлак							
Всего керамики	11	42	27	12	13	105	100%
Всего в коллекции	11	42	27	12	13	105	
Коллекционные №№ керамики	1321-1331	1332-1373	1374-1400	1401-1412	1413-1425	-	

Дунино-6. Раскоп 2012 г. Таблица ю. Ямы 2, 3, 4

	Яма							
	Яма 2				Яма 3		Яма 4	
	Южная часть	Северная часть	Всего	%		%		%
Курганная керамика всего								
Венчики								
орнамент штамп								
орнамент волна								
орнамент линейный								
Донца								
Стенки более 1х1 см								
Серая керамика всего		9	9	3,4				
Венчики		5						
орнамент штамп								
орнамент волна								
орнамент линейный								
Донца								
Стенки более 1х1 см		4						
Красноглинная грубая керамика всего	79	100	179	68	57	69,5	11	
Венчики	8	10			6			
венчики с орнаментом «косая волна»								
Плечико с ребром								
орнамент «косая волна»		1			1			
орнамент штамп	Защип 2							
орнамент линейный	10	9			3			
орнамент волнистый	5	3					1	
Донца	3	5			3		1	

Стенки более 1х1 см	71	72			45		9	
Красноглиняная гладкая ранняя всего	23	21	44	16,5	7	8,5	5	
Венчики	3	3			2			
Плечико с ребром								
Орнамент волна								
Орнамент линейный 1							1	
Донца							1	
Стенки более 1х1 см	20	18			5		3	
Стенки неопределимые (красноглиняная грубая или гладкая) менее 1х1 см – выброс	2	21	22	8,4				
Краснолощенная (бл. – без лощения)	2		2	0,7	11 – развалы 2 кувшинов	13,5		
Венчики								
Белоглиняная грубая	1	3	4	1,5	7	8,5	5	
Венчики					2 горшка			
орнамент волна								
Донца								
стенки более 1х1 см					5 (3 – кувшина)			
Белоглиняная гладкая								
Красноглиняная гладкая								
Чернолощенная и мореная ранняя								
Ангобированная	2	2	4	1,5				
Печина (к-кирпич)								
Шлак								
Всего керамики	107	155	262	100%	82	100%		
Всего в коллекции	107	134			82			
Коллекционные №№ керамики	1426-1530	1531-1664	1665-					

Сокращения

АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.
АФЗиХ	– Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – начала XVI в. Ч. 1–3. М., 1951–1961.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ГУГК	– Главное управление геодезии и картографии СССР.
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Сост. Л.В.Черепнин. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
ЗВ	– запад-восток.
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСМ	– Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1–3. М.: Наука, 2004, 2005.
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
МК	– Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
ПКМГ	– Писцовые книги Московского государства / Ред. Н.В.Калачев. Ч.1. Отд. 1 - 2. Спб., 1872–1877.
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей.
РА	– Российская археология.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов.
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив.
СА	– Советская археология.
СВ	– северо-восток.
СЗ	– северо-запад.
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы (ранее: ЦГИАМ).
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских.
ЮВ	– юго-восток.
ЮЗ	– юго-запад.

Оглавление

Введение. Звенигородское Монтайю	3
--	---

Часть 1.

Материальный мир Средневековья

Глава 1.

Деревня Власьевская и село Козино в структуре земельных владений городских станов Звенигорода. История изучения памятников археологии	13
---	----

Глава 2.

Топография поселения и могильника. Вопросы хронологии	29
---	----

Глава 3.

Двор с монетными весами в д.Власьевской: материалы археологических раскопок Шестого Дунинского селища.....	38
--	----

Глава 4.

Экономика крестьянского двора. Русские серебряные монеты рубежа XIV–XV веков из раскопок Шестого Дунинского селища и их археологический контекст (И.В. Волков, С.З. Чернов).....	78
--	----

Глава 5.

Демография, здоровье, этнические корни населения деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д.Власьевской (Н.Н. Гончарова, С.З. Чернов)	84
--	----

Часть 2.

Ментальный мир Средневековья

Глава 6.

Открытие удивительной традиции. Сельские некрополи XIV–XVI веков на северо-востоке Московского княжества: взаиморасположение поселения и могильника	100
---	-----

Глава 7.

Кладбище деревни Власьевской в XIV–XV вв. по данным раскопок и воцерковление сельского населения Московского края.....	115
--	-----

Заключение	133
------------------	-----

Приложение 1.

Каталог микротопонимов в районе деревни Дунино (О.Н. Глазунова, С.З. Чернов)	143
--	-----

Приложение 2.

Список индивидуальных находок из раскопок 2012 г. на Шестом Дунинском селище, переданных в Звенигородский государственный музей-заповедник и статистика керамики.....	163
---	-----

Отпечатано в типографии ООО «ТФПРИНТ»

Тираж 1000 экз.

Подписано в печать 24.06.2022

Заказ № 1041

Современный вид окрестностей средневековой деревни Монтайю (*Montailou*) (Франция)
на космоснике от июня 2016 г.

С.З. Чернов

Власьевская

звенигородская деревня XIII–XVI веков

Книга посвящена исследованию небольшого средневекового селения Власьевское, следы которого сохранились к югу от музея М.М. Пришвина в д. Дунино и известны в археологической литературе как селище Дунино-6. Селище принадлежит к типу ранних русских деревень, которые во второй половине XIII в. стали строить вдали от рек на водоразделах. В XIV в. деревня относилась к княжескому селу Козино, а в XV в. перешла к Саввино-Сторожевскому монастырю. Раскопками изучены следы крестьянского двора, построенного в период княжения Юрия Дмитриевича Звенигородского (1389–1434). На восточной окраине поселения найден могильник. Его раскопки свидетельствуют о воцерковлении сельского населения и особенностях менталитета той поры. Антропологическое исследование показало, что предки некоторых погребенных имели финские корни и принадлежали к дославянскому населению края.

На первой стороне обложки – район Дунино на Военной съемке Московской губернии 1852 г., созданной на основе съемки 1838 г. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1, ч. 3, Ег. хр. 3657, Ч. 1–2)

ISBN 978-5-6048428-0-5

9 785604 842805

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Московское областное отделение

Сохраняем историко-культурное наследие Московской области

<https://movoopik.com>

Звенигородский вектор

Сохраняя прошлое, создаем будущее

